

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

**4
2018**

Содержание

Теоретико–методологические проблемы

- Барков С.А., Зубков В.И.* Метанарратив \ о демократии: мифология или наука? 3
- Иванов Р.В.* Толерантность, патриотизм и социальное неравенство 20
- Кравченко А.И.* Квантификация и квантофрения: углубление познания или эскалация ошибок? 23
- Полушкевич О.А.* Место топонимики в социокультурном воспроизводстве Иркутска 39

Социология труда

- Гаврилюк А.В.* Сущность и специфика формирования инновационной культуры .. 46
- Гомцян О.А.* Методологические аспекты социологических исследований в социальной работе 54
- Ли Жуньнань* Конкурентоспособность персонала на предприятии: сущность и классификации факторов формирования .. 58
- Мозолевский В.Б.* Социальные тенденции государственно-частного партнёрства в московской агломерации 63
- Зубец А.Н., Новиков А.В.* Социологическая оценка качества медицинского обслуживания российского населения в контексте повышения качества жизни 68
- Поплёвкин Н.П.* Ценностный аспект институционального управления профессиональной социализацией военнослужащих Вооруженных Сил РФ 75
- Решетникова Е.В.* Особенности социального капитала социозащитных организаций: региональная специфика 82
- Храмова Н.А.* Особенности развития малого и среднего предпринимательства в регионе (на примере Волгоградской области) 86

Социология молодежи

- Миронова Ю.Г., Тырнова Н.А.* Детерминанты брачного выбора современной российской молодежи: сравнительный анализ социологических исследований 97
- Мухаметзянова Л.К., Хизбуллина Р.Р.* Миграция сельской молодежи в современных условиях 102
- Снежкова И.А., Калачева И.И., Шалыгина Н.В.* Образ и имидж России, Украины и Белоруссии в представлениях российской молодежи 106

Прикладные исследования

- Дзуцев Х.В.* Бюрократическая система как фактор ограничения инициативы граждан 114
- Дзуцев Х.В., Дибирова А.П.* Шариат в структуре ценностей населения республик Северо-Кавказского федерального округа 117
- Малых С.В.* Воздействие имиджа Иркутского государственного университета на территориальное развитие 129
- Мартыненко Е.В., Мартыненко С.Е.* Актуальные проблемы и перспективы современной спортивной дипломатии ... 136
- Панова А.В., Фарахутдинов Ш.Ф.* Методы распознавания кодирования эмоциональных состояний в прикладных исследованиях 140
- Пензина А.И., Пархитько Н.П.* Перспективы развития современной индустрии развлечений и СМИ 146
- Пружинин А.Н.* Человеческий капитал нефтяных компаний 151
- Сунь Миньцин.* Имидж России в современном китайском медиадискурсе и его языковая репрезентация (на основе заголовков «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» за 2000–2017 гг.) 155
- Тихонова Т.Е.* Зарубежный опыт социальной политики в области долголетия населения 167
- Ширяева В.А.* Управленческие технологии формирования доверия населения к органам исполнительной власти: социологический анализ 172
- Юртикова Н.В.* Пути преодоления бедности в России 178
- Юцкова Е.В., Кравченко А.И.* Неврологический пациент в социальных сетях 186
- Борисов В.В.* Анализ социальной мобильности ИТ-специалистов как феномен социологии мечты (на примере феномена посёлка программистов в Кировской области) 192
- Писарева Л.Ю.* Образ жизни коренных этносов арктической зоны Якутии: социально-экономический аспект 195
- Смак Т.С.* Семья и замещающая семья как категории социологического знания 205

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Метанарратив о демократии: мифология или наука?

Барков С.А., Zubkov В.И.

Данная статья является продолжением опубликованных ранее статей «Метанарративы: судьба научных идей в эпоху постмодерна» и «Метанарратив о свободе: мифология или наука?»

В метанарративе о демократии авторы, полемизируя друг с другом, выделяют элементы научного знания и политической мифологии. Демократия не может быть эффективной вне определенного институционального контекста, включающего в себя как культурные традиции народов, так и оптимальные формы государственной власти. Авторы сравнивают демократические, авторитарные и тоталитарные режимы, принимая во внимание усиление авторитарных тенденций в социально-политическом пространстве XXI века.

В статье анализируются проблемные аспекты выборов и демократических методов принятия решений. Активная пропаганда демократии в современном мире связывается не только с позитивными элементами данной формы правления, но и с активной поддержкой влиятельных сил, видящих в демократии инструмент воздействия на политику формально независимых стран. Также рассмотрены положительные и отрицательные аспекты воздействия компьютерных и телекоммуникационных технологий на развитие демократических процедур в информационном обществе.

Ключевые слова: демократия, уровни демократии, условия существования демократии, партиципаторная демократия, выборы, референдум, пропаганда, либерализм, технологии манипуляции сознанием, информационно-коммуникационные технологии

Barkov S.A., Zubkov V.I.

Metanarrative of democracy: mythology or science?

This article is a continuation of the previously published articles «Metanarratives: scientific ideas in the postmodernity» and «Metanarrative of freedom: mythology or science?»

In the metanarrative of democracy, the authors, while arguing with each other, highlight the elements of scientific knowledge and political mythology. Democracy can not be effective outside a particular institutional context, which includes both the cultural traditions of peoples and the optimal forms of state power. The authors compare democratic, authoritarian and totalitarian regimes, taking into account the strengthening of authoritarian tendencies in the socio-political space of the 21st century.

The article describes the problematic aspects of elections and democratic methods of decision-making. Active propaganda of democracy in the modern world is associated not only with the positive elements of this form of government, but also with the active support of influential forces that see democracy as an instrument for influencing the policies of formally independent countries. Also they are considered, the positive and negative impacts of computer and telecommunications technologies on democratic procedures in the information society.

Keywords: democracy, democracy levels, democracy conditions, participatory democracy, elections, referendum, propaganda, liberalism, consciousness manipulation technologies, information and communication technologies

Метанарратив о демократии в значительной степени является продолжением метанарратива о свободе, о котором речь шла в нашей предыдущей статье. Демократия – это, можно сказать, «политическое лицо» свободы, ее политическая операционализация. Разница между этими метанарративами заключается в первую очередь в том, что свобода выступает, прежде всего, в качестве некой абстрактной ценности, тогда как демократия – явление более конкретное и практическое, непосредственно связанное с определенными законами, процедурами и организациями. Именно поэтому часто кажется, что, в отличие от метафизических размышлений о благе человечества, метанарратив о демократии представляет собой конкретные рецепты построения «правильного» с научной точки зрения общества. Но как будет показано ниже, метанарратив, чему бы он ни был посвящен, остается метанарративом, соединяющим в себе научные истины, недоказуемые аксиомы, элементы мифологии и верований.

Устойчивость и наукообразие этому метанарративу придали тесно связанные с ним тенденции общественного развития, которые в эпоху модерна проявляли себя повсеместно. Первой из этих тенденций был переход от монархии к республике, что часто и выдавали за переход от авторитаризма к демократии. Позднее выяснилось, что республиканская форма правления вполне подходит и для авторитарного режима, если легитимизирует власть лидера и элиты демократическими процедурами. Вторая тенденция была связана с признанием рыноч-

ной экономики в качестве единственно эффективной формы ведения хозяйства в современных условиях. Демократия в рамках соответствующего метанарратива всегда пыталась предстать атрибутом рынка, а именно рынком политических идей. Вследствие этих тенденций торжество демократии начинало восприниматься как научно доказанная истина, а ее противники записывались в мракобесы.

К сегодняшнему дню накопились многочисленные факты, которые приходят в явное противоречие с этой стройной, но монотонной картиной политического мира. Разобраться в этих проблемах мы и попытаемся в этой статье. Под рубрикой *Pro* помещены аргументы в пользу демократии, под рубрикой *Contra* – аргументы против нее.

Contra

Демократию можно рассматривать как одновременное воплощение двух верований модерна: во-первых, в свободу – личности, выбора, принятия решений, и, во-вторых, в разум человека и познаваемость мира. В целом это означает, что коллективные демократические процедуры могут определять наилучший путь общественного развития.

Важно отметить, что прецеденты демократического правления встречались на протяжении тысячелетий в самых разных странах и социальных условиях. Но чаще всего они не выдерживали военно-политической конкуренции с авторитарными режимами подобно тому, как Великий Новгород с его вече оказался слабее централизованного авторитарного государства, созданного Иваном III. Но только в эпоху модерна демократия стала мыслиться как единственно правильная форма власти и тем самым превратилась в символ веры, который стоит того, чтобы за него сражаться. При этом основные демократические идеи остаются практически неизменными уже на протяжении двух с половиной веков. Сторонники демократии не только постоянно повторяют, слегка перефразируя, мысли Локка, Монтескье, Руссо и др., они и на практике не хотят ни на шаг отойти от моделей выборного правления, сформированных в то время, когда не было ни электронных СМИ, ни многонациональных компаний, ни глобального противостояния государств, которое готово в любой момент вылиться в мировую войну. По-

этому этот метанарратив можно считать очень устойчивым даже в сравнении со своим духовным «собратом» – метанарративом о свободе.

Pro

Неслучайно, что демократия является, вероятно, наиболее популярной политической темой афоризмов, сентенций, остроумных высказываний. Напомним читателю три таких высказывания. Первое принадлежит Николаю Бердяеву: «Демократия – худшая из всех политических систем, но лучшей не дано». Второе – Карлу Попперу: «Демократию мы выбираем не потому, что она изобилует добродетелями, а только чтоб избежать тирании. Выбираем – с сознанием ее недостатков и поиском, как их преодолеть». Цитируем также Жозефа де Местра: «Каждый народ имеет то правительство, которого он заслуживает»¹. Собственно, на этом можно было бы и закончить. Однако попробуем рассмотреть основные условия жизнеспособности демократии и направления преодоления ее недостатков, которые предоставляет нам современность.

В последнее время многие эксперты говорят о наступившей эпохе упадка демократий во всем мире. По данным организации Freedom House, с 2000 по 2015 г. в 27 странах демократические режимы сменились авторитарными (разной степени жесткости). А ситуация со свободой слова – одним из важнейших атрибутов демократии – в 2015 г. была наихудшей за последние 12 лет². Экспертам вторят ученые, которые пишут о разочаровании в либеральной демократии, падении доверия к ней, в результате чего многие люди вообще не принимают участие в демократических процедурах, и большинство из них – наиболее компетентные люди. Отмечается, что реальная власть принадлежит альянсу высшего менеджмента транснациональных корпораций и государственных бюрократий, СМИ ими ангажированы, законодательство, основанное на либеральных принципах, неэффективно.

Приведем несколько цифр и по России. «Что такое, по Вашему мнению, демократия?» (не более двух ответов): свобода слова, печати, вероисповедания – 47%; экономическое процветание страны – 24%; порядок и стабильность – 23%; строгая законность – 19%; выборность всех высших государственных руководителей –

14%³. «Удовлетворены ли вы тем, как развивается демократия в нашей стране?»: вполне удовлетворен – 5%; скорее удовлетворен – 23%; не совсем удовлетворен – 41%; совсем не удовлетворен – 21%; затрудняюсь ответить – 10%⁴. Как видим, удовлетворен развитием демократии в стране только каждый третий-четвертый россиянин.

При всем этом наибольшая критика направлена на либеральный вариант демократии, которая по всему миру продвигалась и продвигается Западом. Однако уже во второй половине прошлого столетия политологи, опираясь на сложившиеся реалии или с разной степенью обоснованности предвосхищая будущее, предложили множество разнообразных теоретических моделей демократии. Среди них можно указать модели консоциальной (со-общественной) демократии, демократического плюрализма (плюралистической демократии, разновидностями которой можно считать полиархию и неокорпоративизм), легальной демократии, партиципаторной демократии, рефлексивной демократии, демократической элиты, интегральной демократии, информационной демократии. Существуют и оригинальные авторские модели, которые являются развитием более общих социально-философских воззрений конкретных авторов.

Состояние демократии в современной России хорошо описывает модель делегативной (полномочной) демократии Г. О'Доннелла⁵. В России формально созданы демократические институты, но они не являются гарантом открытости политического процесса и центрами принятия решений в интересах различных политических интересов и субъектов, и поэтому функционально замещаются клановостью и коррупцией. В таких условиях политический плюрализм невозможен, ибо оппозиция подавляется, а зависимые претенденты на власть не могут представлять самих себя. Однако в силу исторически сложившихся отношений между властью и обществом победа на президентских выборах дает право победителю управлять страной по своему усмотрению в рамках существующих конституционных ограничений и установленных властных отношений. А народ, вверяя свою судьбу политическому лидеру, ожидает от него объединения нации и отеческой заботы о ней, исцеления ее от всех социальных болез-

ней. И лидер решительными мерами пытается оправдать эти ожидания, для чего создает команду министров, помощников, советников, администраторов и в случае необходимости обращается прямо к народу. В результате снижается политический вес и престиж парламента, партий и других демократических институтов. Если начинания лидера удаются (а доказательство этого неизбежно связано с ростом популизма под девизом «для блага народа»), то окончание его полномочий воспринимается как вопиющая несправедливость. Если же народ оказывается неудовлетворенным правлением, а лидер не хочет отдавать власть, то страна легко скатывается к авторитаризму.

Таким образом, моделей демократии много. Какие-то из них реализуются, какие-то нет, могут существовать и их смешанные или промежуточные варианты. Так, черты неокорпоративизма в наибольшей степени присущи демократиям скандинавских стран. А Россия с ее делегативной демократией, характеризующейся слабо институционализированными демократическими институтами и «ручным управлением», в соответствии с теорией может совершить переход к институционализированному демократическому режиму. Но, во всяком случае, у народов есть выбор. Конечно, они могут выбрать (им могут навязать) и авторитарное правление, но оно предоставляет личности гораздо меньше прав и свобод.

Contra

Утверждение о «скатывании к авторитаризму» кажется нам несправедливо негативным. Нельзя недооценивать, а тем более отвергать опыт людей, тысячелетиями живших при царях, императорах, королях и шейхах. Нельзя не учитывать и современный опыт. Вполне понятно, что Арабским эмиратам демократия не нужна, а Сингапур, Тайвань, Южная Корея и континентальный Китай никогда не сделали бы экономический рывок без авторитарного правления. Российская элита все еще боится признать это. Но возврат к исконному механизму управления страной нельзя считать признаком отсутствия политической культуры.

Сторонники демократического мифа часто уравнивают авторитарные и тоталитарные режимы. По сути же эти режимы характерны для двух принципиально разных состояний обще-

ственной системы. И наши соотечественники сегодня могут непосредственно ощутить эти различия, сравнив советский и современный российский опыт. Эти различия заключаются, прежде всего, в силе и «качестве» государственной власти. В авторитарном государстве могут быть и тайная полиция, и несправедливые приговоры суда, и репрессии, но это государство не стремится подавить естественную социальную жизнь с ее естественными институтами. В отличие от этого тоталитарный режим постоянно и полностью подчиняет частную жизнь индивида во всех ее проявлениях государственной власти.

Власть авторитарных режимов является в основе своей личной, исходящей от фигуры правителя. Но частная жизнь граждан авторитарного государства практически полностью предоставлена им самим. Тоталитарная же власть основана на идеологии и политизации всех сторон жизни. «Тоталитарное правление устанавливает такие правила, согласно которым все общество – экономика, культура, личность – представляет собой подходящий объект для государственного регулирования. Что человек читает, пишет, изучает, издает, над чем работает, где живет, сколько ему платят и кто ему платит – все это считается делом государства»⁶.

Если у авторитарного государства преобладают чисто организационные функции, и их выполнение связывается с использованием насилия, то тоталитаризм несет в себе претензию на некое духовное содержание. Это содержание сводится к единству, единению граждан с государством, в котором они видят гарантию духовной, социальной и политической защищенности. «Что придает историческое своеобразие тоталитарному государству, – писал Нисбет, – так это не абсолютная власть одного человека, клики или даже класса, а беспредельное вторжение государственных структур в социальные и психологические сферы, где ранее господствовали частные объединения. Тоталитаризм подразумевает разрушение автономных связей человека с человеком и одновременно и отнюдь не в меньшей степени – замену другими связями, каждая из которых приобретает свое значение и санкцию на существование от центральной власти»⁷.

При авторитарном режиме власть и народ имеют свои четкие юрисдикции. Власть управ-

ляет, а народ живет и развивается без активного вмешательства в механизм управления. Понятно, что и авторитарная власть прислушивается к народу, но она не считает необходимым постоянно разъяснять свою позицию, чтобы получить его поддержку. Часто народ просто не может, да и не хочет вмешиваться в дела государства. В особенности, когда это касается сложных вопросов, для детального анализа которых у простых людей нет ни времени, ни желания, ни способностей.

Опыт Сингапура⁸ и множества других государств, включая современную Россию, свидетельствует о том, что авторитарный стиль ничем не лучше и не хуже демократического. Но до сих пор руководители государств, устройство которых не согласуется с демократическим метанарративом, вынуждены всячески оправдываться перед теми, кто поклоняется фетишу демократии.

Pro

Конечно, ни авторитарные, ни демократические режимы не могут удовлетворить всех потребностей людей. Но если демократическое государство взаимными обязательствами тесно связано с гражданским обществом, то авторитарная власть рассматривает гражданские инициативы как покушение на свой статус единственного субъекта управления. Тем самым авторитарное правление разрушает атмосферу доверия в обществе. А ведь именно доверие между властью и народом и между людьми служит залогом поступательного социального развития.

О важности атмосферы доверия для нормального функционирования общества пишут многие авторы, например, Э. Гидденс, Г. Селигмен, Ф. Фукуяма, П. Штомпка. (Кроме того, в социологии Дж. Коулменом и Р. Пантэмом разрабатывается категория социального капитала, понимаемого как потенциал взаимного доверия и взаимопомощи.) Так, Э. Гидденс фундаментальной характеристикой человеческого поведения считает рефлексию или «рефлексивный контроль действия». Современная рефлексия требует активного участия всех социальных акторов в конструировании, как социального поведения, так и общественных отношений, а также развития различных систем экспертизы и абстрактных систем⁹, основанных на доверии к

ним. Во-первых, потому что доверие является постоянной потребностью человека и составляет основу его психического здоровья и онтологической безопасности. Во-вторых, в повседневной жизни мы невольно вовлечены в функционирование многих абстрактных и экспертных систем, не являясь при этом специалистами в этих областях. Поэтому важны, как наше доверие к этим системам (несмотря на понимание относительности любого знания и целесообразности любого действия), так и предоставление ими гарантий своей компетентности (профессиональные кодексы, юридические обязательства, позитивный имидж и т.п.). Отсутствие доверия, по Гидденсу, разрушает социальную организацию и личность и порождает экзистенциальную тоску и страх¹⁰.

Contra

Если рассматривать доверие как социальный институт — а социальные институты формируются длительное время, — то одними усилиями демократической или иной власти атмосферу доверия создать невозможно. В качестве примера можно привести Китай. Высокий уровень доверия в организационных сетях юго-восточных провинций этой страны был стимулирован слабостью государственной власти в начале XX века. В условиях, когда суды, прокуратура и полиция практически не функционировали, предприниматели в отстаивании своих прав не могли рассчитывать на них. Поэтому письменный контракт заменила устная договоренность, и возникло абсолютное доверие к слову партнера. В данном случае доверие не дополнило, а фактически заменило государственную власть. Оно и по сей день служит основой плодотворного сотрудничества предприятий малого бизнеса в этом регионе.

Но у авторитаризма помимо отсутствия взаимного доверия есть и еще больший «недостаток» — он явно ограничивает внешние влияния. Здесь весьма показателен российский опыт. Ограничение властями деятельности некоммерческих организаций, которые являются нерезидентами или получают мощное зарубежное финансирование, вскрывает всю сложность процесса свободного волеизъявления народа. Одновременно американцы не на шутку обеспокоились тем, что их «абсолютная» демократия дала возможность России влиять на выборы в их стране.

В данных случаях явно виден недостаток классической теории демократии или метанарратива о демократии. В отличие от экономической теории, которая всегда рассматривает рыночную конъюнктуру как результат внутрирыночных процессов, а также процессов импорта и экспорта, политология столетиями старалась не замечать, что политическая система также является открытой. В демократическом волеизъявлении принимает участие не только народ страны, но и многочисленные внешние силы. И если это серьезные силы, они могут радикально повлиять как на исход любого голосования, так и на процесс выработки «демократических» решений.

Отстаивание Западом демократических идеалов сегодня можно рассматривать как его стремление подчинить себе другие народы. Но так было не всегда. Основатели неоконсерватизма И. Кристол, Дж. Киркпатрик и их коллега Н. Подгорец вполне лояльно относились к проамериканским авторитарным режимам. США и другие страны Запада активно помогали самым кровавым диктатурам Латинской Америки и одновременно старались не допустить там демократического волеизъявления народа, если оно угрожало их экономическим и политическим интересам. Они без доли сомнения поддерживали выгодные им военные перевороты, даже если при этом свергались демократически выбранные лидеры.

Но в эпоху постмодерна манипулятивные технологии стали настолько изощренными, что внешнее вмешательство в демократические процедуры в формально независимых странах стало почти незаметным. Поэтому содействие демократии оказалось гораздо выгоднее поддержки «своих» диктаторов. Так, открытость демократических режимов для внешних воздействий позволила не только пропагандировать, но и оказывать военную поддержку этой форме правления буквально везде, невзирая ни на какие культурные традиции и ценности народов.

Для иллюстрации возможностей и последствий внешних воздействий на демократические страны очень показательны 1990-е годы. Это было время господства неолиберальной идеологии. Неолиберальные рецепты возрождения экономики были испробованы буквально во всех странах. Вместе с реализацией рыночных преобразований в экономике, в большин-

стве стран происходили демократические реформы. Американцы публиковали тысячи восторженных статей о торжестве рыночной экономики и демократии. Но радовались они в этих статьях не столько улучшению жизни народов (которое, собственно, так и не наступило), сколько своему возросшему влиянию. Очень характерны в этом плане две «смежные» статьи о латиноамериканских реформаторах, опубликованные в 1993 г. в журнале «Бизнес уик». Приведем из них наиболее яркие фрагменты.

«Знаменательно, что в авангарде перемен мы видим сегодня новое поколение лидеров, многие из которых получили образование в США. Рассеянные по всей Южной Америке выпускники Гарвардского, Чикагского и Стэнфордского университетов возглавили крупнейшие компании и министерства, применяя повсюду на практике новый рыночный подход к решению проблем. Используя старые студенческие связи, заключая соглашения о свободной торговле и создании совместных предприятий со своими давними знакомыми по университету, эти магистры и доктора философии не только не боятся подписывать контракты с коллегами из США, но, напротив, стремятся к этому»¹¹.

«В годы холодной войны США действительно оказывали поддержку антикоммунистическим режимам, господствовавшим в регионе, вызывая тем самым всеобщее возмущение широких слоев населения. Но в настоящее время, когда на Юге континента к власти пришли демократические силы, его части начинают жить в едином ритме. Вместо лозунга «Янки, убирайтесь домой!» ныне звучит призыв: «Милости просим к нам с вашими инвестициями и современными технологиями!»¹².

«Для нового поколения лидеров, овладевших основами экономического планирования в вузах США, Латинская Америка стала своего рода полигоном, на котором проверяются на практике приобретенные ими теоретические знания... Эти новые высокообразованные латиноамериканцы, прекрасно владеющие английским, уверенно теснят националистически настроенных лидеров, десятилетиями стоявших у кормила власти»¹³.

«Они вернулись на родину, чтобы взамен устаревших концепций экономического развития реализовать у себя дома идеи свободного, открытого рынка. Этим людей объединяет не

только непоколебимая вера в них, но и не ограниченное узкими национальными рамками мировоззрение»¹⁴.

Такое масштабное цитирование кажется вполне оправданным для сопоставления ситуации в Латинской Америке с тем, что происходило в те времена в России. Наши соотечественники хорошо помнят активную позицию Запада в ходе выборов 1996 года и их неприкрытое вмешательство в экономические и политические процессы в стране. Собственно, это вмешательство наблюдается и поныне. И лучшим тому подтверждением может быть опубликование конгрессом США непосредственно перед выборами Президента РФ в 2018 г. «Кремлевского списка», содержащего имена бизнесменов и политиков, придерживающихся «узко национальных» интересов, и не содержащего имен тех, кто готов идти на сотрудничество с Западом.

Таким образом, демократия очень удобна Западу для реализации своих интересов. Может быть, именно из-за этой заинтересованности «сильных мира сего» метанарратив о демократии стал настолько устойчивым, универсальным и безапелляционным.

Pro

Как уже отмечалось, анализ демократии как социального института особое место занимает в неоконсервативной социологии. В этом вопросе Ирвинг Кристал выделяет два подхода – веру в демократию и политическую философию демократии. Первая сводится к силлогизму: демократия – это власть народа; народ всегда прав; демократия – это всегда хорошо. Именно такая вера и служит основой непродуманного внедрения демократии в общество, что может стать причиной развития тоталитарных тенденций. Политическая философия демократии занимается проблемами развития данного института с позиций выявления сложности, неоднозначности и противоречивости взаимодействия демократически организованной власти и ее социального окружения.

Либеральная традиция подвергается критике Кристалом за то, что она рассматривает демократию как наиболее «естественную» из всех возможных политических режимов, и это не позволяет извлечь из демократической практики сколько-нибудь ценные критические положения. «Отцы-основатели (США. – Авт.), – пи-

сал Кристола, – понимали демократию как проблематичный строй, даже наиболее проблематичный по сравнению со всеми другими»¹⁵. Согласно Кристолу, основатели американской политической традиции уделяли особое внимание процессу влияния политических институтов на простых людей. «Они считали само собой разумеющимся, что демократия может нести зло людям, и они хотели осуществить такую систему правления, которая сделала бы это по возможности менее вероятным и которая опять-таки в пределах возможного стремилась бы к самоисправлению»¹⁶.

Практическая ценность демократии зависит от тех условий, в которых она осуществляется. Быстрая и непродуманная реализация демократических прав и свобод, таких как право голоса, свобода слова и др., способна не приблизить, а, напротив, отдалить торжество подлинно демократического и свободного общественного строя и даже повлечь самые пагубные последствия для общества. С точки зрения Милтона Фридмана, если бы Гонконг получил в свое время всю полноту демократических свобод, включая и политические (избирательное право), он пошел бы по пути Индии, Ганы и других британских колоний, где политические свободы были использованы для принятия законов, препятствующих реализации гражданских и экономических свобод, прежде всего свободы частной собственности¹⁷.

Для нормального функционирования и развития демократии необходимо, чтобы простой средний человек имел перед собой некие идеалы свободы и независимости, добра и справедливости, и чтобы он стремился к ним. Как считал Н.Бердяев: «Свобода делает демократию, а не наоборот. Народ, не осознающий себя свободным, не может реализовать демократические свободы»¹⁸. Поэтому «известно, что в демократиях может совсем не быть настоящей свободы»¹⁹. Для демократии нужна и справедливость, воплощением которой можно считать равенство всех перед законом (адекватные законы и независимые суды), возможность меньшинств отстаивать свои взгляды (вертикальное разделение властей) и «допустимый» общественным мнением разрыв в доходах между самыми богатыми и самыми бедными (антимонопольная политика). Стремление к идеалам должна побуждать идеология. Благодаря ей, сгла-

живаются противоречия между личным и общественным интересом, а также интересами разных политических групп, преследующих различные цели. Наиболее сложные и спорные вопросы и непопулярные меры требуют открытых и равноправных общественных дискуссий с привлечением представителей власти, экспертов и всех заинтересованных сторон для достижения консенсуса, по крайней мере, в определении приоритетов²⁰. Такие дискуссии, с одной стороны, укрепляют демократию, с другой, – обеспечиваются ее институтами.

Contra

Действительно, эффективное функционирование демократии зависит от институционального контекста. Но если его нет, то значит в обществе (стране) существует институциональный контекст для эффективного функционирования авторитарной власти. Апологеты демократии или не хотят этого признавать, или считают, что необходимо насильственно изменить этот контекст, ломая культурные традиции и ценности целых народов.

И, кстати, обратим внимание на то, что перечисленные выше «условия» эффективности демократии во многом носят декларативный характер. Народ-де должен обязательно верить в свободу и некие высшие идеалы. А если он не верит? Как раз консерваторы всегда отличались скептическим отношением к природе человека. Это ранние либералы думали, что человек по своей природе добр, но его просто испортили внешние обстоятельства. И именно эти либералы, верящие в раскрытие добрых начал в человеке и снявшие для этого все ограничения традиционной власти, установили первый на Земле тоталитарный режим – якобинскую диктатуру.

Однако перейдем к более частным проблемам, а именно к анализу основных форм прямого волеизъявления граждан (форм прямой демократии), которыми являются выборы и референдумы.

Когда ученые установили, что способности не передаются по наследству, участь традиционной монархии была предрешена. Сентенция, приписываемая российскому историку В.О. Ключевскому, гласит: «Абсолютная монархия есть самая совершенная форма правления, если бы не случайности рождения». Значит, правителей нужно выбирать рационально, и народ спосо-

бен выбрать наиболее способных и честных. Однако опыт выборов даже первых государственных лиц с очевидностью опровергает это. Демократические процедуры действительно отсекают от власти людей мало к чему способных и психически неполноценных, да и то не всегда. Говорить же о том, что благодаря демократии на вершине власти оказываются лучшие члены общества, конечно, не приходится. Поэтому сегодня большинство людей воспринимают демократические процедуры скорее как особый вид политической игры, а не как инструмент рационального выбора.

Известно, что достижение абсолютной свободы, как и любых других общественных целей-ценностей, в реальности невозможно. Так, развитие демократии непосредственно связано с использованием пропагандистских и манипулятивных методов и технологий управления свободой, часто попросту зомбирующих людей. И чем более эффективны эти технологии, тем устойчивей демократический режим. По сути же демократические режимы мало чем отличаются от традиционных авторитарных режимов, которые господствовали на планете на протяжении тысячелетий.

«Демократические» выборные методы и технологии в самом общем приближении можно разделить на жесткие и мягкие. К жестким относится, прежде всего, ограничение количества и, главное, «качества» выбирающих. Такие ограничения имели место со времен Древней Греции. Как известно, «демос» по-древнегречески означает не просто народ, а граждан полиса – свободных граждан, родившихся в этом полисе, правоспособных иметь рабов и не запятнавших свою репутацию (потерявших ее изгоняли не только из состава демоса, но и из полиса). Демос традиционно противопоставлялся «охлосу» – всем остальным людям или народу в широком смысле слова. Фактически, здесь налицо имущественный и репутационный ценз, не говоря уже о том, что право голоса имели только мужчины. И в дальнейшем многочисленные демократические режимы вплоть до XX века предоставляли право выбора только «надежным» членам общества²¹. По той же причине в истории демократии возникли и продолжают существовать многоступенчатые выборы.

Различные ухищрения с определением того, на кого распространяется пресловутая свобода,

имели три важных социальных следствия. Во-первых, «цензы» способствовали рационализации выбора как такового. Они значительно сужали круг участия в выборах тех, кто мог руководствоваться эмоциями, проголосовать за деньги, не способен разобраться в программах кандидатов и т.п. Однако при этом нарушались основы либерализма, поскольку выбор народа подменялся выбором, осуществляемым подходящими людьми. Во-вторых, сама процедура выборов потеряла свой сакрально-рациональный смысл; она стала выглядеть как сговор представителей элиты, как наделение властью человека или людей, в наибольшей мере устраивающих элиту. Выборы могли рассматриваться и просто как легитимация руководителя, за что «истинные» демократы так рьяно критикуют авторитарные режимы, прибегающие к электоральным процедурам. Наконец, в-третьих, процессы ограничения, а затем и постепенного расширения избирательной базы привели к появлению очень популярного, но опасного и мифа о «дозревании до демократии», который не соответствовал первоначальной рациональной идее демократии как воплощения идеала свободы. Согласно этому мифу, например, немцы проголосовали за Гитлера в 1933 г. из-за своей демократической незрелости. Будто сегодня, через 70-80 лет, голосуя за А. Меркель, они демонстрируют исключительную зрелость и развитость. У русских же с демократией все время возникают какие-то проблемы якобы из-за их природной неразвитости в сравнении с европейцами.

На самом деле, развиваются не люди, а манипулятивные технологии – мягкие способы влияния на людей. В начале развития демократии в любом обществе существует краткий период, когда их нет. Это «золотой век» демократии. (На него постоянно ссылаются сторонники демократического метанарратива, утверждая, что свободный выбор в принципе возможен и даже существовал в реальности, и стоит приложить лишь немного усилий, и этот «золотой век» вернется.) Когда технологии появляются, они еще малоэффективны, и поэтому приходится ограничивать количество манипулируемых. Но буквально за одно столетие – с конца XVIII по конец XIX века эти технологии становятся исключительно действенными. Их сущность заключается в том, чтобы предоставить челове-

ку такую информацию и создать и у него такое ощущение, что он совершает абсолютно свободный выбор, на самом деле следуя указаниям свыше. Обращаясь к каждому человеку в отдельности, манипулятивные технологии достигают результата только при воздействии на массы людей; ведь всегда найдутся индивиды, не поддающиеся ему. Поэтому функционирование манипулятивных технологий укладывается не в «механическую», а скорее в «квантовую» логику, при которой неизвестно, какой именно фотон пройдет через стекло, а какой отразится от него, но соотношение между теми и другими оказывается четко определенным.

Многие социалисты конца XIX века, сообразуясь с рациональной моделью демократии, свято верили в то, что отмена имущественного ценза на выборах станет основой превращения капитализма в социализм²². И такое развитие событий вроде бы подтверждалось самими логичными аргументами. В тогдашнем обществе пролетарии, составлявшие подавляющее большинство, как никто страдали от капиталистической системы и хотели любыми способами ее изменить. Зачем же совершать социалистическую революцию, если соответствующий строй можно учредить посредством парламентского большинства? Но к этому времени реальная сущность демократии окончательно вступила в явное противоречие с рациональной логикой. Натренировавшись на «себе подобных», элита преспокойно пошла на отмену имущественного ценза и допуск пролетариев к выборам. Представители элиты уже точно знали, что это не страшно, так как они владеют эффективными пропагандистскими возможностями и манипулятивными технологиями управления «сводным выбором». Так или иначе, но установить социализм в Европе при помощи выборов не удалось, что стало убедительным доказательством того, что демократия не отражает, а искажает реальное мнение народа.

Чуть позже в 1896 г. в Соединенных штатах Дж. Рокфеллер, Дж.П. Морган и их соратники-олигархи сумели провести в президенты своего кандидата У. Мак-Кинли. Олигархи выделили полмиллиона долларов на рекламу в поддержку Мак-Кинли, и, благодаря ей, ставленник крупного капитала стал первым кандидатом в президенты. Еще раз напомним, что это был период «дикого капитализма», характеризовавшийся

ся нещадной эксплуатацией рабочих. Все они ненавидели Рокфеллера и других хозяев бизнеса, все они мечтали о перераспределении доходов, социальной защите, гарантиях занятости – в общем, о социализме. И все они проголосовали за своего врага, сделав, как им казалось, свободный рациональный выбор. А ведь это происходило еще до появления электронных СМИ и иных изощренных методов подавления воли и сознания!

Теперь рассмотрим референдумы как демократические процедуры принятия решений. Быть может они окажутся более эффективными, чем процедуры выборов.

Существует следующее мнение: для того чтобы избежать искажений в отражении реального мнения народа, нужно как можно чаще применять процедуру референдума. Это, так сказать, прямая и понятная демократия. Но сегодня всем очевидно, что именно референдумы стали настоящими символами манипуляции и непродуманных решений. Ведь какая может быть свободная дискуссия между миллионами людей? К тому же большинство из них вообще не хочет вникать в поставленную проблему и просто «бросают монетку». Поэтому к референдумам прибегают редко и то только для легитимации решений, уже разработанных элитой. То есть власти просто нужно подтверждение того, что с ее правлением согласны.

На референдумы выносятся простые вопросы с ответами «да» и «нет». Результат может быть важен, но он не говорит о том, что одно решение лучше другого. И очень часто в таких случаях вообще невозможно рационально определить, какой вариант решения лучше. Поэтому роль жребия выполняет народ. Так или иначе, но думать, что на референдуме будет принято более рациональное, продуманное и компетентное решение, чем в парламенте, никак нельзя. Более того, нельзя утверждать, что это решение будет лучше индивидуального решения, принятого правителем. Ведь у каждого типа решения – индивидуального и коллективного – есть свои преимущества и недостатки.

Референдумы проводятся по такому же принципу, по какому король из «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери принимал «управленческие решения», приказывая солнцу взойти или зайти. Кроме того, организаторы референдумов являются заинтересованными

лицами — они занимают определенную позицию, и от их умения организовать референдум зависит то, насколько их будут считать успешными. Поэтому даже если референдум и дает неожиданный результат, это воспринимается скорее не как подлинное выражение воли народа, а как свидетельство недоработки организаторов. Именно это и произошло на референдуме о выходе Великобритании из Евросоюза. Премьер-министр Д. Кэмерон просто оказался плохим менеджером, неправильно использовавшим инструмент референдума для достижения своих целей. Самое же скептическое отношение к референдумам сложилось в России, где в 1991 г. народ проголосовал за сохранение Советского Союза, а через несколько месяцев, несмотря на открыто выраженную волю народа, Союз перестал существовать.

Pro

Мы не будем рассматривать по отдельности процедуры голосования на выборах и референдумах, поскольку если люди вообще могут рационально выбирать, то по большому счету неважно что — своих представителей или варианты решений. По поводу этой способности существуют различные точки зрения, которые лежат в основе соответствующих моделей демократии: собственно демократии как власти всех, полиархии как власти многих и элитизма как власти немногих. Первая — либеральная точка зрения состоит в том, что человек — существо рациональное, понимающее, что такое общественное благо, а потому способное принимать разумные решения. В соответствии со второй противоположной точкой зрения, разделяемой авторами моделей элитарной демократии, самоуправляемый демос — это попросту миф²³. Остальные точки зрения промежуточные. Так, сторонники партиципаторной демократии считают, что иррациональность и пассивность людей в политической сфере является результатом недостаточности их общего образования и политической культуры, а также отсутствия равных возможностей для политического участия. В процедурных моделях качество демократии зависит скорее не от рациональности людей, а от качества самих демократических процедур, обеспечивающих политическую конкуренцию, волеизъявление народа и функционирование народных представителей и бюрократии. При

этом и апологеты демократии, и скептики просто не могут не учитывать эффектов массовой коммуникации, которые исследуются уже примерно сто лет²⁴. В качестве примера этого приведем весьма уравновешенную модель эгалитарного элитизма Й. Шумпетера.

Механизм завоевания и сохранения власти в интерпретации Й. Шумпетера, с одной стороны, выглядит как циничная психотехника политических манипуляций и торговли голосами. С другой стороны, она не осуждается ученым, поскольку цинизм является лишь элементом политического процесса, к которому не сводится сущность демократии.

По мнению Шумпетера, избиратель не обладает необходимым чувством ответственности за свой политический выбор. Это объясняется тем, что обычный гражданин, не будучи профессионалом в политике, в политических вопросах опускается на более низкий уровень умственной деятельности по сравнению со сферой его собственных интересов. Его мышление становится ассоциативным и аффективным, что влечет за собой два серьезных последствия. Во-первых, рядовой гражданин в политических вопросах легко поддается иррациональным предрассудкам и импульсам. Во-вторых, при слабости логического и конструктивно-критического элемента в политическом процессе возрастают возможности групп, которые преследуют свои корыстные цели. Такие группы могут состоять из профессиональных политиков, представителей экономических интересов или даже разного рода идеалистов, которые попросту заинтересованы в постановке политического шоу²⁵.

Поэтому не будет преувеличением сказать, что методы, с помощью которых формируется воля общества по тем или иным вопросам, в точности совпадают с методами воздействия коммерческой рекламы. В обоих случаях речь идет о попытках воздействия на подсознание. И здесь, и там одни и те же приемы создания приятных и неприятных ассоциаций, которые тем более эффективны, чем менее рациональны. И здесь, и там те же оговорки и умолчания, тот же способ формирования общественного мнения с помощью постоянно повторяемых утверждений, которые лучше всего достигают цели, когда обходят рациональные аргументы и подавляют критическое мышление людей²⁶.

Однако ни это, ни то, что гражданское общество предоставляет право решать насущные социальные проблемы своим представителям, не отрицают целесообразности демократических институтов. По мнению Шумпетера, сущность демократии заключается в ее способности обеспечить функционирование демократического метода. Последний есть такое институциональное устройство общества, в котором индивиды приобретают право принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей. Это и есть достаточно эффективный критерий, при помощи которого демократические правительства можно отличить от прочих²⁷.

Именно демократический метод, по Шумпетеру, обеспечивает оптимальное соотношение между демократией и индивидуальной свободой граждан, даже если значительное число из них не может рационально сформулировать мотивы своего политического выбора. Демократический метод не обязательно гарантирует больший объем свободы, чем любой другой позволил бы в аналогичных обстоятельствах, тем не менее, эти два явления соотносятся друг с другом. Если, по крайней мере, в принципе каждый волен бороться за политическое лидерство, выставляя свою кандидатуру перед избирателями, это в большинстве случаев, хотя и не всегда, обуславливает значительную долю общественных дискуссий²⁸.

Эффективная реализация демократического метода, по Шумпетеру, возможна при следующих условиях: формирования социального слоя компетентных претендентов на политические роли в результате процессов «селекции», естественного отбора; принятия решений политическими лидерами только в рамках их непосредственной компетенции с опорой на рекомендации специалистов; правительственного контроля бюрократии, которая в свою очередь должна быть хорошо подготовлена, иметь высокий статус и традиции, обладать развитым чувством долга и чувством чести мундира²⁹; наличия «демократического самоконтроля», реализация которого связана с политической культурой всех слоев общества³⁰.

В свою очередь политическая культура гражданского общества предполагает: его достаточно высокий нравственный и интеллектуальный уровень, терпимость и компромиссность; со-

хранение политического плюрализма и системы мнений, которые противостоят официальной точке зрения; соблюдение правил политической игры, чтобы не мешать действовать власти и способствовать свободному выражению оппозиционных точек зрения; уважение избирателями разделения труда между ними и политиками, которых они избирают, доверие между ними; наличие процедур приостановки (в экстремальных ситуациях) и восстановления действия демократических институтов³¹.

Таким образом, Й. Шумпетер постулирует эволюционное формирование истинной (в его понимании) демократии, если ее вообще хотят иметь. Политическая социализация и естественный отбор наиболее достойных людей как для руководства, так и для выполнения бюрократических функций, приобретение традиций служения социальными слоями, из которых они (люди) рекрутируются, и развитие демократического самоконтроля гражданским обществом – это сложные и длительные процессы, интенсивность которых зависит от общей политической воли относительно выработки системных прозрачных и уравновешенных демократических процедур, которые приводят людей к власти, определяют возможности и пределы ее использования и отрешают от нее.

Contra

Этот вывод подталкивает нас перейти от обсуждения компетентности избирающих и компетентности избираемых.

Метанарратив о демократии особо уязвим при столкновении с другим, гораздо более реалистичным метанарративом о связи модернизации со специализацией и эффективностью. (Вспомним знаменитый пример А.Смита по мануфактуру по производству иголок.) Общеизвестно, что в современных условиях истинные профессионалы являются узкими специалистами. Демократия же все время пытается заставить их заниматься не своим делом. Ситуация была бы более или менее терпимой, если бы дело касалось только дел национального масштаба – выборов парламента, президента, референдумов и т.п. Профессиональный врач, учитель, инженер или программист в принципе могут на некоторое время отвлечься от основной деятельности, чтобы собирать, анализировать и резюмировать общенациональную поли-

тическую информацию. Но на уровне местного самоуправления нужно профессионально вникать во множество совершенно конкретных общественных, юридических и хозяйственных вопросов. Выбирают же в эти органы не соответствующих профессионалов, а представителей наиболее симпатичных политических партий (притом, что на местном уровне идеологические предпочтения фактически не играют никакой роли), представителей симпатичных профессий или просто симпатичных людей.

В результате низовой уровень демократии полностью теряет свою рациональность. Именно на этом уровне действуют не профессионалы, а те, у кого много свободного времени, и кому больше нечем заняться. Кроме того, этот уровень привлекает акцентированных личностей, любящих участвовать в прениях, спорах и конфликтах. Ведь даже такая мелочь, как, например, установка шлагбаума во дворе, будет одобряться одними жителями и вызывать недовольство у других. Русская пословица гласит: «Кто умеет — делает, кто не умеет — руководит». Именно этот принцип повсеместно проводится в процессе реализации демократического идеала. Лица, отвергнутые корпорациями и не сумевшие организовать свое успешное дело, оказываются главными двигателями демократии, по крайней мере, на низшем ее уровне. Понятно, что управленческий успех такой системы будет минимальным.

Но и на высшем уровне демократии, где успешность человека реально влияет на его продвижение, профессионализм управления самым существенным образом искажается межличностными отношениями.

На начальном этапе своей деятельности каждый демократический лидер выдвигает наверх надежных людей. Он просто должен кому-то доверять, а затем люди закрепляются на своих местах. Это неизбежно и наблюдается в любое время и в любой стране. Поэтому, даже выбирая замечательного лидера, народ не может быть уверен в том, что выбирает замечательную власть. Он одновременно выбирает людей, которые не являются профессионалами, но которым лидер доверяет. Так просвещенность двигает вверх невежество. В свое время И.В. Сталин вполне справедливо охарактеризовал Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева как предателей, которые раскрыли державшиеся в тайне планы и

дату революции. Почему же В.И. Ленин оставил их на ведущих постах в стране? Ответ прост — он мог выбирать только из довольно узкой замкнутой эмигрантской социал-демократической «тусовки», в которой люди долгое время притирались друг к другу. В более демократической обстановке ситуация оказывается примерно такой же, хотя и с некоторыми исключениями.

В условиях глобализации управление государствами все более сближается с управлением корпорациями. И часто за руководителями компаний стоят значительно большие деньги, чем за президентами государств. Поэтому весьма показательна судьба производственной демократии как принципа управления сообществами людей. Считалось, что демократическое управление компаниями, как и демократическое управление государствами, должно было давать наилучшие результаты. Но буквально с первых же попыток реализации этой идеи на практике стало ясно, что она часто неверна.

Основатель современной социальной психологии К.Левин, вынужденный покинуть Германию в 1930-е годы из-за прихода к власти Гитлера, т.е. из-за установления тоталитарного режима, всю силу доказывать преимущество демократического стиля управления в своих экспериментах 1940-х гг. в летних лагерях с американскими школьниками. Но, как честный исследователь, он был вынужден признать, что авторитарное управление спортивными командами часто дает лучшие результаты. Затем предпринималось множество других попыток выяснить, где и когда демократический стиль управления лучше авторитарного, но кроме сугубо частных результатов эти попытки ни к чему не привели³².

Pro

В уже упоминавшейся теории партиципаторной демократии (партиципация означает участие или соучастие), во-первых, доказывалась необходимость проведения не только выборов и референдумов, но и широкого участия населения в подготовке, принятии решений и контроле над их исполнением. Широкое участие означает сочетание прямой демократии самоуправления с делегированием полномочий на более высокие уровни управления, а также участие на постоянной основе политически социа-

лизированных, заинтересованных, образованных и хорошо информированных граждан, имеющих равные политико-правовые возможности. Во-вторых, партиципаторная демократия означает универсальность демократических процедур (выборов, собраний, общественных обсуждений и т.п.), т.е. их применимость не только в политике, но и во всех других областях общественной жизни, особенно в тех, которые непосредственно касаются любого человека – трудовой, хозяйственно-бытовой, досуговой.

Интересно, что здесь сочетаются две взаимосвязанные идеи: одна имеющая длительную историю, другая – относительно новая. Первая идея – о гармоничном сочетании частных интересов и общественного блага в Новое время наиболее последовательно проводилась английскими философами-моралистами. Затем представители английской классической политэкономии добавили к этому, что любой (не только экономический) человек лучше других понимает собственный интерес и компетентен в собственных делах. Вторая идея, в том числе разделяемая и постмодернистами, состоит в общей ответственности граждан и профессиональных политиков за принимаемые управленческие решения.

Не будем оценивать теорию партиципаторной демократии и опыт ее применения в целом³³. Попытаемся прояснить лишь положение об универсальности демократических процедур. Как показывает практика, упомянутые выше и другие исследования, эти процедуры не универсальны. Возможность их эффективного применения зависит от многих факторов: состояния социальной среды – степени ее стабильности; вида деятельности – степени ее алгоритмизированности, рискованности, исполнительской скоординированности и пр.; вида локальной социальной структуры – степени ее иерархичности; масштаба решаемых задач и наличия времени на их решение. В общем, как остроумно заметил Г.Л. Менкен: «Сказать, что лучшее лекарство от болезней демократии – больше демократии, все равно, что сказать: лучшее лекарство от преступности – больше преступлений»³⁴.

Contra

Недавний значимый прорыв в развитии манипулятивных технологий связан с современ-

ными информационно-коммуникативными технологиями. Появление интернета поначалу воспринималось как возможность некоего возврата к золотому веку демократии. Телевидение, радио, организация демонстрацией, шествий и партийных праздников, а также встреч с избирателями – все это виделось в качестве уж слишком очевидных и грубых средств воздействия на избирателя. Теперь этому якобы приходит конец. Каждый человек, сидя перед экраном своего компьютера, может составить рациональное представление о проблеме или кандидате и осуществить-таки, наконец, этот пресловутый свободный выбор. Некоторые возлагали на интернет те же надежды, что и социалисты на отмену имущественного ценза. Но и этим надеждам не случилось оправдаться. Как показала практика, интернет хорошо убеждает, но никогда не переубеждает. В нем находятся миллионы аргументов «за» и «против». На какие из них будет обращать внимание человек? Видимо, на те, которые изначально соответствуют его ходу мысли. Тем самым стоит лишь дать толчок этой мысли, а остальное будет делать сам избиратель, свято уверенный, что обладает свободной волей и всей полнотой информации. Однако он скорее уподобляется человеку, который купив машину, не перестает обращать внимание на рекламу автомобилей. Но прежде всего он следит за рекламой своего собственного автомобиля.

Тем не менее, почитатели интернета считают себя абсолютно свободными в определении своего мнения. Они уверены, что сами перелистывают страницы и переходят по соответствующим ссылкам. Но их посты в форумах по своей односторонности и ортодоксальности ничем не отличаются от безапелляционных высказываний сторонников какой-либо политической линии десятки лет назад. Просто они фильтруют большее количество информации и от этого уверены, что обладают широтой взглядов и полнотой доказательств. А это как раз то, что нужно демократическому мифу.

Pro

Конечно, коммуникациями в интернете, как и любыми другими, можно манипулировать. Но все же обилие информации создает основу для развития именно демократических процедур. Тут нужно вспомнить и про краудсорсинг, и про

удачные прецеденты электронного правительства как в мире, так и в России. По крайней мере, телекоммуникации, обеспечивая более полный доступ населения к информации, существенно корректируют власть бюрократии как при авторитарных, так и при демократических режимах.

Вообще для того, чтобы придать демократии более современное лицо и одновременно повысить эффективность демократических процедур принципиально важным становится применение современных информационно-коммуникативных технологий. Поскольку недостатки либеральной демократии связываются главным образом с функционированием представительских институтов, в которые не верил еще Ж.-Ж. Руссо, то предполагается, что эти технологии дадут возможность максимально воспользоваться преимуществами прямой (интерактивной) демократии. Так, социальные сети нивелируют статусные неравенства их участников, а также пространственно-временные препятствия к политическому участию, обладают небывалыми ранее диалоговыми и мобилизационными возможностями. При наличии соответствующих законов и механизмов их реализации это позволит корректировать как неудачный общественный выбор (вплоть до отзыва выбранных и выбора новых представителей), так и недостатки принимаемых коллективных, коллегиальных и индивидуальных решений (вплоть до их отмены), перейти от иерархии социального управления к горизонтальным сетям взаимодействия граждан с органами власти, наиболее полно осуществить управленческий принцип субсидиарности³⁵.

Существует и более широкое понимание роли информационных и телекоммуникационных технологий в демократизации современных обществ. Например, Р.Ф. Абдеев предлагает разделение не только законодательной, исполнительной и судебной властей, но и власти информации и власти интеллекта, причем две последние власти должны пронизывать все остальные (принцип «пяти колец»)³⁶. Власть информации реализуется через свободу СМИ (в частности обеспечивающих всемирный круглосуточный поток новостей), гласность, обилие общедоступных банков данных; власть интеллекта — жестким отбором на руководящие должности всех уровней и во всех сферах (законодатель-

ной, исполнительной, судебной и информационной) наиболее подготовленных, компетентных специалистов³⁷. Следует отметить, что эти взгляды, в общем, не новы. О том, что СМИ являются «четвертой властью», и о том, что владение информацией означает владение миром, говорят уже давно и много. Хотя это и небесспорно, но возможности, которые дает информатизация социальному управлению, о которых мы говорили выше, отрицать нельзя. Что же касается власти интеллекта, то уже в одном из первых, дошедших до нас, политико-экономических трактатов — Артхашастре, составленном в Древней Индии и датированном III-IV в. до н.э., содержались положения об испытании и назначении государственных должностных лиц и советников. И это не исключение для Древнего мира. В современных организациях также проводятся процедуры оценивания персонала. Так почему бы не применить их и в современном государственном управлении.

Приведем еще один футуристический взгляд на будущее демократии, содержащийся в теории нового индустриального общества второго поколения С. Бодрунова. Это общество, переход к которому наблюдается сегодня, будет основано на планово-рыночной системе на базе нового, построенного на основе знаний, материального производства. В таком обществе будет возрастать роль разного рода добровольных объединений и союзов, решающих научно-исследовательские, опытно-конструкторские, экономико-предпринимательские, управленческие, образовательно-воспитательные, экологические и др. задачи. То есть фактически речь идет о тенденции «прорастания» структур гражданского общества сквозь основные сферы деятельности людей³⁸. «В сфере политического строя такие перемены рано или поздно повлекут за собой переход от нынешней демократии формального равенства, ограниченной к тому же в основном периодическим участием в голосовании за депутатов представительных органов, к демократии, основанной на компетентном участии в решении повседневных вопросов управления обществом. Это будет своего рода меритократия, основанная на вовлечении тех структур гражданского общества, которые объединяют людей с соответствующими компетенциями в выработку и экспертную оценку решений (и их последствий), принимаемых различ-

ными ветвями власти (включая и “четвертую власть”) в самых разных сферах общественной жизни»³⁹. Не будем комментировать эти идеи. Скажем только, что они кажутся нам чересчур идеалистично-оптимистичными.

* * *

Представляется, что породившая современную демократию индустриальная стадия развития общества, которая продлилась всего два с небольшим века, была скорее исключением из правил, неким отклонением от нормального цивилизационного развития. И сегодня очень многое из того, что сопровождало человечество на протяжении его многотысячелетней истории, возвращается. Авторитарные режимы современности – в России, Китае, Иране, Объединенных арабских эмиратах и других странах – только западному обывателю кажутся архаичными и неконкурентными. Но современная выставка культурных ценностей – экономических, политических, духовных – предоставляет возможность существования самым разным экспонатам. В практическом плане можно утверждать, что в современных условиях только авторитарные государства, проводящие независимую политику, могут по мере своих возможностей противостоять американской гегемонии, или шире, гегемонии Запада. И это не худшая позиция, которую может занимать страна в современном мире. А в теоретическом плане это не что иное, как разрушение метанарративов эпохи модерна.

Демократию можно рассматривать как мифологему – «веру в демократию» и как научную категорию, реализуемую на практике, или практику, осмысляемую наукой. Во втором случае можно изучать и оценивать преимущества и недостатки различных демократических систем и режимов, особенности демократических институтов, национальные модели демократий, опирающиеся на определенные культурные и политические традиции. Эти же культурные и политические традиции, формирующие определенный институциональный контекст развития общества, могут препятствовать становлению демократии.

Так или иначе, демократия – это не универсальная технология, всегда и везде приводящая к процветанию. За пропагандой демократии как единственно возможной формы правления, всегда следует видеть определенные силы, кото-

рым выгодно такое развитие событий. Но существуют и силы, имеющие совсем другую направленность. И у этих сил есть «своя правда». В эпоху постмодерна нельзя говорить о единственно возможном пути развития ни с мифологической, ни, тем более, с научной точки зрения. На современной выставке социально-политических моделей развития стран демократия представляет собой один, пусть даже и самый заметный, экспонат. Ее существование и даже доминирование не отменяет существование других экспонатов как специфических сценариев жизни людей, имеющих свои особые ценности и представления об оптимальном устройстве общества.

Литература

1. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М.: Владос, 1994.
2. Бейкер Ст., Уинер Э., Смит Дж., Чартерс Э., Дермот К. Кто разбудил латиноамериканцев? // Бизнес Уик (издание на русском языке), 1994. №1.
3. Бейкер Ст., Уинер Э., Смит Дж., Чартерс Э., Джэкобсон К. Латинская Америка в огненном ритме свободного рынка // Бизнес Уик (издание на русском языке), 1994. №1.
4. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря // Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990.
5. Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество второго поколения: переосмысливая Гэлбрейта // Гэлбрейт: возвращение / Монография / Под ред. С.Д. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2017.
6. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.
7. Джохадзе И.Д. Демократия после Модерна. М.: Праксис, 2006.
8. О’Доннелл Г. Делегативная демократия. URL: http://polit.msk.su/library/dem/odonnell.html#_ftn1.
9. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Высшая школа экономики (ВШЭ), 2015.
10. Ксенофонтова Е.Г. Современные концепции эффективного лидерства в организациях: общее и особенное // Вестник Московского университета, Серия 18: социология и политология. 2017. №2. С. 49-72.
11. Парето В. Трансформация демократии. М.: РИОР, Инфра-М, 2017.

12. Пацкина Е. Беседы с мудрецами. Генри Луис Менкен // Проза.ру. URL: <http://www.proza.ru/2012/12/02/1505>.
13. Пеннар К. Милтон Фридман: знакомый мотивчик «Пусть все остается как есть» // Бизнес Уик (издание на русском языке), 1994. №1.
14. Поляков Л.В. PRO суверенную демократию. М.: Европа, 2007.
15. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002.
16. Фукуяма Ф. Доверие. М.: АСТ, Ермак, Мидгард, 2006.
17. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Academia, 1995.
18. Шимов Я. Путин пользуется каждой слабостью // Радио Свобода, 2016. 30 июля. URL: <https://www.svoboda.org/a/27888431.html>.
19. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2015.
20. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия: Пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995.
21. Giddens A. Consequences of modernity. Stanford, California, 1990.
22. Kirkpatrick J.J. Dictatorships and Double Standards: Rationalism and Reason in Politics. N.Y., 1982.
23. Kristol I. Reflections of a Neoconservative: Looking Back, Looking Ahead. N.Y., 1983.
24. Nisbet R.A. Quest for Community. N.Y., 1953.
25. Sartori G The Theory of Democracy Revised. Chatham House Publishers, Inc., Chatham House, N.J., 1987.
- 5 См.: О'Доннелл Г. Делегативная демократия. URL: http://polit.msk.su/library/dem/odonnell.html#_ftn1.
- 6 Kirkpatrick J.J. Dictatorships and Double Standards: Rationalism and Reason in Politics. N.Y., 1982. P.101.
- 7 Nisbet R.A. Quest for Community. N.Y., 1953. P.205.
- 8 Первый премьер-министр Ли Куан Ю всегда с особым скепсисом относился к демократии. И это не только не помешало, но во многом способствовало успеху его правления. Из территории, от которой отказалась Малайзия из-за царящих здесь бедности и криминала, Сингапур превратился в настоящий символ экономического успеха.
- 9 По Гидденсу, абстрактные системы позволяют рутинизировать и тем самым стабилизировать жизненные условия, благодаря чему поле безопасности обыденной жизни постоянно расширяется. К таким системам можно отнести деньги, разделение труда, коммунальные услуги, средства метеорологического мониторинга и многие другие, в том числе и демократические процедуры.
- 10 См.: Giddens A. Consequences of modernity. Stanford, California, 1990. P. 83-99.
- 11 Бейкер Ст., Уинер Э., Смит Дж., Чартерс Э., Джэкобсон К. Латинская Америка в огненном ритме свободного рынка // Бизнес Уик (издание на русском языке), 1994. №1. С.38.
- 12 Там же.
- 13 Бейкер Ст., Уинер Э., Смит Дж., Чартерс Э., Дермот К. Кто разбудил латиноамериканцев? // Бизнес Уик (издание на русском языке), 1994. №1. С.41.
- 14 Там же. С.40.
- 15 Kristol I. Reflections of a Neoconservative: Looking Back, Looking Ahead. N.Y., 1983. P.141.
- 16 Op. cit. P.99.
- 17 См.: Пеннар К. Милтон Фридман: знакомый мотивчик «Пусть все остается как есть» // Бизнес Уик (издание на русском языке), 1994. №1. С.16.
- 18 Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря // Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. С.287.
- 19 Там же. 285.
- 20 Эта проблема, поднятая Дж.С. Миллем, во второй половине XX в. наиболее подробно разрабатывалась К.Поппером и Ю.Хабермасом.

Ссылки:

1 Бернад Шои высказывался в том же духе: «Демократия – это такое устройство, которое гарантирует, что нами будут управлять не лучше, чем мы того заслуживаем»; «Демократия не может стать выше уровня того человеческого материала, из которого составлены ее избиратели».

2 См.: Шимов Я. Путин пользуется каждой слабостью // Радио Свобода, 2016. 30 июля. URL: <https://www.svoboda.org/a/27888431.html>.

3 См.: База данных ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=952&q_id=65334&date=09.03.2014.

4 См. там же. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=727&q_id=52620&date=12.06.2011.

21 В цитадели современной демократии – США чернокожие граждане, формально получившие право голоса в 1870 году, смогли реализовать его только после принятия законов о равных правах в 1950-60 годы. В большинстве штатов женщины получили избирательное право только в XX веке.

22 Наиболее ярко эту веру выразил Ф.Ласкаль. А в Англии возникло целое движение – чартизм, требования которого сводились именно к тому, чтобы допустить большинство населения до голосования и дать возможность всем людям избираться на управленческие должности (избирательное право для всех мужчин старше 21 года, равные избирательные округа, тайное голосование, отмена имущественного ценза для депутатов, их вознаграждение, годичный срок их парламентских полномочий).

23 На этот счет существуют и более радикальные взгляды. Так, Дж.Сартори в первой части своей работы «Пересматривая теорию демократии» доказывает, что массовое политическое участие ведет не к демократии, а к тоталитаризму. См.: Sartori G The Theory of Democracy Revised. Chatham House Publishers, Inc., Chatham House, N.J., 1987.

24 Интересно, что если первые теории (1920-30 гг.), посвященные эффектам массовой коммуникации, можно объединить под общим названием «теорий максимальных эффектов», то в дальнейшем всеильность СМИ в формировании общественного мнения стала подвергаться сомнению.

25 См.: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия: Пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995. С. 347-348.

26 См. там же. С.348.

27 См. там же. С.355.

28 См. там же. С.357-358.

29 Й.Шумпетер отмечает, что бюрократия является продуктом длительного исторического развития. Поэтому ее нельзя создать в спешке или нанять за деньги, но она существует везде, какой бы политической строй не избрала нация. См.: Шумпетер Й. Указ. соч. С.383.

30 См. там же. С.379-383.

31 См. там же. С.384-386.

32 См. Ксенофонтова Е.Г. Современные концепции эффективного лидерства в организациях: общее и особенное // Вестник Московского университета, Серия 18: социология и политология. 2017. №2. С. 49-72.

33 Во второй половине прошлого века идеи партиципаторной демократии активно реализовывались на Западе в местных общинах и социальных движениях.

34 Цит. по: Пацкина Е. Беседы с мудрецами. Генри Луис Менкен // Проза.ру. URL: <http://www.proza.ru/2012/12/02/1505>.

35 Субсидиарность – один из принципов реализации идеи децентрализации, согласно которому социальные проблемы не должны решаться на более высоких уровнях управления, если они эффективно решаются на низшем (муниципальном) уровне.

36 Принцип разделения властей считается одним из основополагающих демократических принципов. Между тем это мнение разделяется не всеми. Достаточно вспомнить оригинальную теорию народного правления Н.А. Радищева, в которой разделение властей в явном виде не предусматривалось.

37 См.: Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М.: Владос, 1994.

38 См.: Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество второго поколения: переосмысливая Гэлбрейта // Гэлбрейт: возвращение / Монография / Под ред. С.Д. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2017. С.57.

39 Там же. С.58.

Толерантность, патриотизм и социальное неравенство

Иванов Р.В.

В статье рассматриваются современные условия формирования толерантности и патриотизма и влияние на этот процесс образов социального неравенства. Патриотизм и социальное неравенство приводятся в связи с процессами успешности и стагнации, постоянно происходящими в российском обществе. Автор доказывает, что в обществе, где различные формы подачи информации становятся на одну ступень с достоверностью, происходят бессистемные и непредсказуемые сдвиги в системах образов и картине мира, которые разрушают систему патриотизма.

Ключевые слова: образы социального неравенства, толерантность, информационное сообщество, современный социум, образ власти, патриотизм

Ivanov R.V.

Tolerance, patriotism and social inequality

The article discusses the current conditions for the formation of tolerance and patriotism and the impact on this process of images of social inequality. Patriotism and social inequality are brought about in connection with the processes of success and stagnation that are constantly taking place in Russian society. The author argues that in a society where various forms of presenting information are at the same level with certainty, unsystematic and unpredictable changes occur in the image and world systems, which destroy the system of patriotism.

Key words: images of social inequality, tolerance, information community, modern society, image of power, patriotism

Слово толерантность (от латинского *tolerantia* – терпение, терпеливость, принятие) стало чрезвычайно популярным в последнее время. Нас все время призывают быть толерантными и терпимыми. Быть терпимым – значит не осудить другого человека, оставить ему возможность верить и жить так, как он сам изберет.

Но сегодня толерантность стала означать размытие ценностей, утрату своей идентичности. Толерантность прикрывает собой, во-первых, личную безыдейность и пустоту, а во-вторых, часто служит оправданием всевозможных извращений и нетрадиционности.

В образах современного общества прослеживается связь с образами восприятия основных сфер деятельности, что показательно через материалы проведенного анкетирования автором статьи в апреле-мае 2016 года среди около 1000 опрошенных студентов 1-4 курсов ИГУ (Иркутский государственный университет) и ИРНТУ (Иркутский национальный исследовательский университет) возрастной группы от 18 до 30 лет на тему основных составляющих ценностных образов в современном обществе, соотношение составило: 43% - материальный достаток и жажда денег, 37% - известность, слава и популярность, 17% - инициативность, 3% - составили различные характеристики, такие как профессионализм, терпимость, любовь к людям, готовность жертвовать собой.

Толерантность как социальная категория и как личная стратегия значима для 55% молодежи, а нетерпимость актуальна только для 15%, остальные респонденты затруднились с ответом. Это приводит к размыванию границ и критериев патриотизма и патриотического воспитания.

В информационном обществе, где уровни и форма подачи информации становится на одну

степень с достоверностью, происходят бессистемные и непредсказуемые сдвиги в образах и картине мира. Примерами служат следующие процессы:

- внедрение комплексной системы акций во все сферы жизни общества;
- запрограммированное состояние кризиса при восприятии реальности в различных сферах;
- формирование в сознании граждан позитивного отношения к постоянному росту затрат на самообеспечение как к норме современного существования.

В финансовой сфере стремление к известности и материальному достатку в России, не подверженное идеологическому и социальному осуждению, формирует миф о бизнесе, как обязательном составляющем любой социально успешной деятельности [7].

В системе высшего университетского образования создаются стартапы, отдельные сферы медицины приобрели частный характер (стоматология, пластика, гинекология, диагностика), частные детские сады успешно конкурируют с муниципальными. Соответствующие процессы происходят в банковской сфере и в сфере пенсионного страхования.

По состоянию на 2017 год в Российской Федерации не существует ни одного государственного банка и следующим шагом является переход Государственного Пенсионного Фонда в руки частных Пенсионных Фондов.

Между социальными и национальными аспектами современного общества существует ряд образов социальной успешности и стагнации, возникших после распада Советского общества, их вполне правомерно дуалистично противопоставлять друг другу:

- известный образ новых русских с 90-х годов XX века — образу новых русских бедных, «...Результаты использования различных методологических подходов к оценке уровня бедности на различных уровнях организации социума показывают, что в настоящее время бедных и малообеспеченных в стране в совокупности насчитывается от 45 % до 84 %... При этом малоимущее российское население в основном представлено работающими гражданами (63,1 %) и детьми в возрасте до 16 лет (26,3 %). Отмечается появление в России категории «новых бедных» — таких групп экономически активного

населения, которые по своему уровню образования и квалификации, демографическим характеристикам и социальному статусу никогда ранее (в советский период) не были малоимущими» [1].

- образ бизнесменов — образу бюджетников, «В 1990-х годах ввиду известной размытости статуса новых социальных групп бюджетники, бывшие очевидными аутсайдерами реформ, тем не менее, сохраняли немалый культурный и социальный капитал. За бюджетников (как электорат) боролись, их бедность педантировалась, а сами они объявлялись носителями высоких моральных качеств... Понятно, что в изменившихся условиях эти группы испытывают серьезную депривацию» [2];

- образ сотрудников полиции и силовых ведомств — образу социальных работников, в отличие от которых сотрудники полиции явно не соответствуют функциям защитников общества в сознании современной молодежи [8], по данным сотрудника Академии управления МВД России кандидата социологических наук, доцента Д.Г. Передня: «в апреле-мае 2014 г. нами проводился социологический опрос... из 100 % высказываний в отношении российской полиции 4,5 % оказались положительными, 35,5 % — нейтральными и 60 % — негативными. Для сравнения сообщим, что показатели в отношении полицейских США таковы: положительные высказывания — 42 %, нейтральные — 40,3 %, отрицательные — 7,7 %» [6].

В современном социуме активизируется и постоянно нарастает миф об усилении русской нации, способствующий сдерживанию и стабилизации социальных противоречий, он находит своё применение в:

- отношении к образу власти (миф о непогрешимости главы современного многонационального государства).
- проведении государственных праздников Дня Народного единства, 9 Мая, Дня России за период с 2013 по 2016 год происходит нарастание и усиление внешних декоративных и бутафорских составляющих. В соответствии с данными социологического опроса Исследовательского центра портала Superjob.ru, проводившегося в течение 2015 года среди 1600 человек экономически активного населения, праздник 9 Мая получил 95% положительных отзывов, как основной праздник в течение года.

- расширению и укреплению территории Российского государства на основе примера Южной Осетии, Чечни и Крыма.

- успешных силовых и военных операций на Ближнем востоке.

- толерантности и патриотизме.

Чувство своего места у субъектов вырабатывается в обществе, где сформирована социальная структура, согласно которой социальные общности иерархически упорядочены и каждый член общности во взаимодействиях исходит из своего положения, занимаемого в структуре общества [9]. Социализация происходит в семье, школе, на работе, а традиции закрепляют «чувство своего места» на ментальном уровне (при формировании мировоззрения). Контроль осуществляют социальные институты. Роль социализации и социального контроля будут выполнять также неформальные сообщества. Они аккумулируют общественную активность и направляют ее на благо общества [10, 11]. На смену традиционным социальным лифтам приходят новые, более актуальные и отвечающие социальным и экономическим требованиям общества.

Функции таких «неформальных сообществ» активно стремятся взять на себя НКО – приобщение российского общества к демократическим ценностям способствовало появлению различного рода некоммерческих неправительственных организаций (НКО), ставящих перед собой общественно значимые цели... большинство лидеров некоммерческих организаций являются лидерами общественного мнения [4]. Структурно образы социального неравенства в современном обществе не оформились в единую стройную систему, существуют отдельные дифференцированные направления по видам деятельности и направлениям (экономическим, социальным, национальным) наиболее популярным и признанным в социуме. Это приводит к противоречивому восприятию толерантности и патриотизма в молодежной среде и в целом в обществе.

Литература

1. Акчурина Б.Г., Сазанов И.С. Бедность в современной России: причины, особенности, пути сокращения // Вестник ВЭГУ. Уфа, Изд-во: Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, 2013. № 6. С. 5-8.

2. Бляхер Л.Е. Чего боятся и как выживают бюджетники (по материалам эмпирического исследования) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). М.: Изд-во: Общественно-политический журнал. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз» 2016. – № 3 (82). С. 52-70.

3. Горячев И.Н. Динамическое равновесие и его формирование в современном Российском обществе // Современные проблемы науки и образования. Пенза, Изд-во: Издательский Дом «Академия Естествознания», 2015. № 1-2. С. 207.

4. Заббаров А.Г. Формирование повестки дня российских некоммерческих организаций как механизм управления сетями НКО // Вестник Поволжского института управления. М., Изд-во: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2008. № 4. С. 63-69.

5. Иванов Р.В. Изменение смыслов патриотизма в молодежной среде (2010 и 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 108-112.

6. Иванов Р.В. Толерантность молодежи – миф или реальность // Вестник Московского института государственного управления и права. 2017. № 4 (20). С. 32-36.

7. Иванов Р.В., Полюшкевич О.А. Патриотизм и идентичность в современных российских фильмах // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 44-55.

8. Исследовательский центр портала Superjob.ru. – по материалам сайта <http://www.superjob.ru/research/articles/111786/den-pobedy-glavnyj-prazdnik-strany/>

9. Передня Д.Г. Образ российской полиции в сознании молодежи // Труды Академии управления МВД России. - М., Изд-во: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. – № 2 (34). С. 87-89.

10. Полюшкевич О.А. Введение в социологию управления: учебное пособие. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2013. 284 с.

11. Полюшкевич О.А., Попова М.В. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Урбанистика. 2017. № 3. С. 117-134.

Квантификация и квантофрения: углубление познания или эскалация ошибок?

Кравченко А.И.

Научная квантификация подразумевает строго взвешенную процедуру приписывания количественной меры понятиям, описывающим качественные явления, по правилам научного метода. Напротив, квантофрения предполагает неумеренное увлечение цифрами везде, где это только можно. Подобно болезни сознания, она поражает научные и обыденные умы, вынуждая, подобно раковой опухоли, работать здоровые органы тела на ложные цели, функции и задачи. Цифромания пронизывает как научный, так и повседневный мир, доказывая, что оба они не разделены непроходимой пропастью, но суть порождение одной и той же психологической страстью – магией цифр. Неоценимый вклад в разоблачение социологической квантофрении внес замечательный соотечественник П. Сорокин, поставивший в свое время нелюбимый диагноз американской науке. Но она поразила не только науку, но и ту базу, которая ее питает – школу, выпускники которой в будущем могут пополнить ее ряды. К чему это ведет и как проявляется квантофрения, выросшая из безобидной квантификации? Один из вариантов – накопление ошибок по мере разворачивания социологического исследования и углубления социального познания.

Ключевые слова: социология, эмпирическое исследование, квантификация, математика, нумерология, методология.

Kravchenko A.I.

Quantification and Quantophobia: from the real world into the scientific world and vice versa

Scientific quantification implies a strictly weighted procedure for assigning a quantitative measure to concepts describing qualitative phenomena according to the rules of the scientific method. On the contrary, quantophobia involves an immoderate fascination with numbers wherever it is possible. Like a disease of consciousness, it affects scientific and everyday minds, forcing, like a cancerous tumor, to work out healthy body organs for false goals, functions and tasks. Cyphilomania pervades both the scientific and the everyday world, proving that they are not separated by an impassable abyss, but the essence is generated by one and the same psychological passion - the magic of numbers. An invaluable contribution to the exposure of sociological quantumphobia was made by a remarkable compatriot P. Sorokin, who at one time delivered an unpleasant diagnosis to American science. But it has amazed not only science, but also the base that nurtures it - a school whose graduates in the future can replenish its ranks. What does this lead to and how does it manifest itself in quantum harmony, which grew out of harmless quantification? One of the options is the accumulation of errors as the development of sociological research and the deepening of social knowledge.

Key words: sociology, empirical research, quantification, mathematics, numerology, methodology.

П.Сорокин ввел термин «квантофрения», критикуя неправильное применение количественных методов в социологии¹. Известный американский экономист Мюррей Ротбард позаимствовал его у П.Сорокину для того, чтобы описать многовековые традиции увлечения математическим моделированием экономических явлений. В своей работе «Экономическая мысль перед Адамом Смитом»² он указывает на Пифагора, который первым показал влияние мистики чисел на экономическое учение Аристотеля. Такая же тенденция прослеживается в трудах Ф.Бэкона и У.Петти, которые повлияли на формирование «политической арифметики» в XVII веке. Середина XX в., когда писал об этом явлении в американской социологии П. Сорокин, стала, по его выражению, «веком квантофрении и нумерологии». «Эта болезнь проявляется во многих формах и встречается в каждой области социологии, психологии, психиатрии и антропологии: а) В специальных журналах публикуется все растущее число кванто- и метрофренических исследований. Согласно метрофрении, только работы, содержащие измерения и числа, считаются научными... г) Подобная неверная оценка распространилась и среди государственных организаций, промышленных корпораций, крупных и мелких учреждений, университетов и прочих институтов, обеспечивающих проведение исследований в сфере «бихевиористских» или психосоциальных наук. Чиновники, распоряжающиеся средствами для проведения исследований в этих областях, все чаще набираются из статистиков и нумерологов, то есть «лучших» специалистов в психосоциальных науках... е) Соответственно, престиж человека, занимающегося статистикой, массовыми опросами, строящего «математические модели» или

«математические роботы», престиж нумеролога и метрофреника, манипулирующего числами, ныне гораздо выше, чем престиж качественного ученого»³.

«Квантофреники», по П.Сорокину, — это стремление все социологические данные и выводы сводить к статистическим выкладкам. Вышедшая в 1956 г. книга П.Сорокина «Причуды и заблуждения современной социологии» призвана была развенчать наивный сциентизм, скрывающийся под маской квантофреники, метрофреники, пантометрии, нумерологии, социометрии, этикометрии и прочих методологических выкрутас. Нумерологи стремятся все свести к математике, наделять собственными числами и знаками все процессы, явления, феномены и даже отдельных людей. П. Сорокин не возражал против использования математической статистики там, где она была уместна. Но безоглядное увлечение цифрами в ущерб содержанию он считал своего рода заболеванием социологии. П. Сорокин писал о том, что в будущем, возможно, историки напишут книгу об «одержимости квантификацией» и расскажут, как «вера стала модой, как социологи пытались все «измерять»; как тысячи отчетов и бюллетеней заполнялись таблицами, цифрами, коэффициентами; как тысячи людей, никогда не думавших заниматься наукой, подменили измерениями обычную мысль»⁴.

Именно в это время, в середине XX в., наступил кризис количественной методологии в США, а затем и разочарование в ней. К середине 1950-х гг. на смену буму эмпирической социологии, вызванному распространением в Европе американских методов опроса и статистического анализа, на которые поначалу возлагались большие надежды, пришло известное разочарование. Господство позитивистских, а позже и неопозитивистских принципов научного исследования породило в социологии культ «статистического ритуала», абсолютизации количественных методов, некритическое принятие принципов операционализма и верификации. Американские социологи спешили измерить все, что только двигалось, дышало и говорило. Казалось, что они торопились изменить общественный имидж своей науки как области приблизительных и расплывчатых знаний, не нужных ни бизнесменам, ни правительству. Продать можно было только то, что имело расчетную базу, точ-

ную математическую формулировку и практическое применение. Через цифру западные социологии собирались, во-первых, избавиться от внутреннего комплекса представителя невостребованной науки, во-вторых, превратить свои изделия в коммерческий продукт, в-третьих, повысить рейтинг социологии среди академических наук, приблизив ее к психосоциальным и экономическим измерениям.

Название социологической науки происходит из слияния двух лингвистических ареалов и двух культурных традиций: 1) философски-рефлексивной культуры античных греков, давших вторую часть термина «логия», 2) рассудительно-практичной цивилизации римлян, определивших объект приложения термина «учение». Получается, что большие социальные массы людей, а римская империя в период расцвета оперировала десятками миллионов жителей, составляющих цивилизованный «социум», изучают при помощи философской рефлексии, а уже затем статистики и математики. Собственно так и получилось в современной социологии — она имеет двойственную природу, принадлежит к гуманитарно-философскому знанию и одновременно статистико-социальной науке, оперирующей выборками и расчетами.

Как утверждает Джеймс Мюрдей, от правильного названия зависит порой судьба целой науки. К примеру, использование слова «нанотехнологии», а не «нанонауки» в названии NNI (National Nanotechnology Initiative) явилось стратегическим шагом, который отражал признание того, что Конгресс США выделяет средства на технологии — с целью создания новых рабочих мест и повышения доходов населения, — но не для науки, которая, как считается, относится к производству фундаментальных знаний⁵. Признание того факта, что термины несут политическую нагрузку, лишь усиливает тезис о том, что в поле власти наука имеет четко выраженный социальный характер, а статус науки и техники является предметом не только социологии, но и этики ответственности.

Массовое увлечение часто приводит к массовому недоумению: переизбыток статистической опросной информации не вносил ясности в понимание общественных явлений, а, как любой переизбыток, создавал путаницу и неразбериху. Статистические данные оказывались противоречивыми, а опросная социология ни-

как не успевала схватить ускользающую социальную реальность, получающую весьма неоднозначную теоретическую интерпретацию. В 1956 г. Ж. Гурвич забил тревогу по поводу «кризиса объяснения» в социологии. Он критиковал молодых французов, шаг за шагом повторяющих ошибки «тестомании» и «квантофрении», которые были свойственны американской социологии на ранних этапах⁶.

Профессиональные социологи отгородились языковыми и теоретическими барьерами от широкой общественности, среди которой очень мало подписчиков социологических изданий. В своей работе «Куда держат путь социальные науки» Р. Дарендорф указывал на то, что «социальная наука утратила естественно присущую ей публичность. Все науки в своем прицеле публичны, однако, что касается социальных наук, то их данные должны в первую очередь становиться достоянием гласности и широкого обсуждения. Между тем, научные сообщества отличает внутренне свойственное им стремление к автаркии, осуществляемое, как правило, средневековым способом, с помощью почти что цеховых уз и протекционизма. Когда профессиональные организации контролируют доступ к науке уже при приеме сотрудника на работу, а специализированные журналы стоят на страже парадигмы (или парадигм), в результате не члены цеха остаются отверженными, а члены обретают скверную привычку писать друг для друга, а не для широкой аудитории. Парадигма становится жаргоном, по которому отличают своих от чужих. Может быть, в условиях разрастания научного сообщества как такового это и служит серьезной защитой от аномии, но на деле разрушается одна из основополагающих ценностей (социальной) науки – ее открытость и доступность, ее публичное предназначение»⁷.

Фактически социологи творили для социологов, подменяя объективную реальность виртуальной: «Исследовательский опыт убеждает, что социологическая «калькуляция» может так же далеко отстоять от жизни, как и схоластические интеллектуальные упражнения, но овеществляя (реифицируя) артефакты, она создает иллюзию их реального существования...»⁸. Оказалось, что математический язык, на котором, согласно Г. Галилею, говорит, природа⁹, был чужеродным для той реальности, в которой живут и говорят люди. Как позже выяснили пред-

ставители конструктивистской социологии, эту реальность творит не природа, а общество.

В США после Первой мировой войны, пишет П. Маникас¹⁰, немецкую историческую социальную науку заменили квантитативными бихевиористскими программами. Показательно в связи с этим решение президента Гувера (1929) создать группу видных социологов «для изучения возможности выявления общенациональных социальных трендов». На деньги Фонда Форда за четыре года ученые опросили несколько сотен интервьюеров и подготовили 1600-страничный труд «Доклада Огдена», переполненный цифровой, но не содержательной информацией. «Индексы, статистика, анкеты, опросы – еще не вся социология. Их роль служебна. Это инструменты, средства, а ни в коем случае не цель. Повторяю, нельзя судить о социальной действительности только по заверениям и самооценкам, мнениям случайно опрошенных людей, хотя и вовлеченных в ход события, но так или иначе заинтересованных, и потому пристрастных свидетелей. Эти данные – материал для дальнейших исследований...»¹¹.

Уход от реальных проблем в мир абстрактных цифр присущ был советской плановой экономике, руководители которой гнали за количественными показателями роста, но не за качеством продукции. Культ количественных показателей характеризовал деятельность советской милиции на протяжении многих десятилетий, которая в погоне за процентом раскрываемости преступлений пренебрегала решением реальных проблем. Процентомания – погоня за высокими (в процентах) количественными показателями в ущерб качеству работы – результат того, что проигрывавшая экономическую гонку с США советская страна пыталась не потерять лица, создать видимость благополучия хотя бы формально.

Процентомания и квантофрения, как патология общественного сознания, сформировались в первые годы советской власти. Коллективизация и индустриализация 1930-х годов проходила под лозунгами «Догнать и перегнать!», «Больше стали, больше хлеба и молока!». Политическая кампания «чистки» 1930-х годов проводилась по тому же принципу. На совещании руководители отчитывались: «НКВД Ворошиловградской области обезвредило за квартал 50 тыс. врагов народа, а в Сталинской

– только 46 тыс. Не в полную силу работаете, товарищи...»

Процентоманией болела раньше и во многом болеет сегодня средняя школа: процент сдавших ЕГЭ, процент переведенных в следующий класс, процент второгодников и т.д. Ради достижения высоких показателей по школе учителя нередко завышали реальную успеваемость, принудительно выталкивали «трудных» старшеклассников в спецучилища и профтехучилища, в школы для умственно отсталых детей, скрывали число нарушителей дисциплины и прогульщиков, сокращали объем «отсева»¹². Ученики понимали, что учить уроки не обязательно – всё равно поставят положительную оценку. Такого рода практика существует и сегодня. Она даже гипертрофирована и доведена до карикатуры, хотя давно ушла в прошлое та политическая и общественно-экономическая формация, которая породила ее. «Запретили ставить не только двойки, но и стали требовать, чтобы количество «хорошистов» было не хуже, чем в среднем по району и по области, т.е. более 50 процентов. Отделы образования проверяют оценки за четверть, за любую двойку в четверти школа получает показательную выволочку, а уж о двойках за год и второгодниках вообще давно забыли... Обстановка на уроках нерабочая – всегда в классе найдётся несколько человек, которые не работают и развлекаются как хотят, мешая учителю вести урок и учиться остальным ученикам. Пожаловаться на такого ученика учитель не может, так как его же и обвинят в том, что он не умеет воспитывать, что у него конфликты с учениками и т.п. Зато ученики и их родители с удовольствием жалуются на малейшие и часто придуманные учениками (в оправдание своих же безобразий) нарушения со стороны учителей. Если родитель пригрозит, что обратится с жалобой в отдел образования, школа немедленно становится на колени, ибо все прекрасно понимают, что в отделе образования разбираться по существу не станут, а просто накажут школу – им так удобнее. Поэтому сор из избы не выносятся до последнего, а хулиганы от безнаказанности нагледят ещё больше... Такое положение является следствием одного явления – процентомании. Именно процентомания является основной бедой нашей школы. Такого нет нигде в мире, кроме России и постсоветского пространства. Когда

говоришь иностранному преподавателю, что в наших школах запрещено ставить неудовлетворительные оценки и приходится мириться с безобразиями на уроках, он просто не верит, что такое возможно. Да и как может поверить в это здравомыслящий человек? Но нашим чиновникам всё нипочём, им подай «справную» цифру...»¹³

С процентоманией пыталась бороться школьная реформа застойных лет. Ее критиковали в годы перестройки. Однако началась она еще в 1950-е годы, а к 1960-м достигла пика. Как отмечал учитель-новатор В.Ф. Шаталов: «тогда уже обнаруживалось сползание к процентомании, разгул которой начался после 1960 г.». С начала 1970-х годов успеваемость в стране стала стопроцентной. Закон об образовании 1974 г., предусматривавший переход к всеобщему среднему образованию и к всеобщему профессиональному образованию молодежи, узаконил процентоманию в качестве главного управленческого инструмента в образовательном процессе. «Процентомания стала главной педагогической технологией, обеспечивающей 100% успеваемость по всей стране... Процентомания означает, что все ученики ежегодно переходят из класса в класс или выпускаются из школы и имеют только положительные оценки, то есть тройки, четвёрки и пятёрки. У всех удовлетворительное, хорошее или примерное поведение. Реализуется процентомания путём постоянного давления и запугивания учителей администрацией школ и органами управления образованием. За 80 лет они выработали многочисленные виды этого давления вплоть до увольнения и привлечения к судебной ответственности непокорных учителей. От учителей постоянно требуют завышения оценок. Двоек не должно быть. Иначе вы плохой педагог и не соответствуете занимаемой должности. Вы должны выставить пятёрки и четвёрки тем учащимся, на которых укажет администрация школы... Процентомания развивается как цепная реакция»¹⁴.

В начале 1980-х началось широкое общественное обсуждение этой проблемы, в результате чего было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 апреля 1984 г. № 313. В нём говорилось: «Решительно искоренять из школьной практики факты формализма и процентомании, либерализма в оценке зна-

ний и поведения учащихся. Отменить отчетность школ об успеваемости». В эпоху горбачёвской гласности (1986–1988 гг.) о процентомании в школах писали многие газеты, особенно «Учительская газета». Приводились многочисленные факты, свидетельствующие о деградации нашей школы, и главной причиной называлась именно процентомания. В 1992 году был принят Закон об образовании, в котором появились положения, защищавшие учителя и дающие ему свободу в выборе методик обучения и методов оценки знаний учеников. Под давлением общественности и этого Закона об образовании чиновники были вынуждены умерить свой пыл. Но в конце 1990-х в школы вернулась процентомания, и даже в её худшем варианте¹⁵.

Творческую инициативу учителей в жесткие тиски инструкций, рекомендаций, методичек, отчетов зажали министерские чиновники. Им легче руководить учебным процессом при помощи всеобщей стандартизации, отчетности и количественных показателей. Формализм в образовании или в науке убивает творческое начало и новаторство. За благополучным отчетом скрывается ложь, к которой с детских лет приучают человека, добиваясь улучшения воспитания молодежи, чиновники добивались противоположной цели. Функция института образования явно превращалась в дисфункцию. Результат дисфункционального сдвига, подмены целей средствами – обман и подлог, получение благ и привилегий, незаработанных честным добросовестным трудом, разрушение нравственных и моральных норм, лень, жизнь за чужой счёт.

Даже проведение школьных олимпиад по разным предметам, которое задумывалось как творческое начинание по выявлению молодых талантов, превратилось благодаря усилиям бюрократов в формализованный ритуал и показуху. Занятое подведомственной школой место заботит чиновников в первую очередь, ведь от этого зависят и премии, и повышение по службе.

В статье «Процентомания по-американски» «Учительская газета» описывает школьную аферу невиданных масштабов, которая в 2011 г. вскрылась в США. В течение десяти лет учителя и директора 44 школ Атланты подделывали результаты учебных тестов. «178 учителей и директоров помогали ученикам сдавать выпуск-

ные тесты для перехода в следующий класс. Если школьник ошибался, например, в тестовой задаче по математике, то учитель стирал ластиком неправильный ответ и обводил карандашом правильный. Главного фигуранта этого дела - Беверли Холл, инспектора школьного округа Атланты, - в 2009 году признали лучшей в стране... Это не первая школьная афера в США. Причина заключается в американском законодательстве, по которому чем выше успеваемость в школе, тем больше зарплата учителя. Поддельные тесты и другие материалы расследования агенты ФБР уже направили в прокуратуру»¹⁶.

Российский интернет сегодня насыщен тысячами о процветающей в наших школах процентомании. Вот материалы только одного из многочисленных форумов: «В российских школах процветает жуткая процентомания, из учителей выжимают положительные оценки для всех поголовно учеников, из-за чего дети перестали учиться. Школа не учит ничему, кроме безответственности, а реальные знания дают только репетиторы. Единственное, что заставляет учеников хоть что-то учить - это ЕГЭ»; «Процентомания, по моему мнению, это действительно бич нашей школы. Чиновники в погоне за процентами совсем забыли о школе, о качестве образования. Действительно, зачем давать качественное образование, если можно показать хорошие проценты? Если можно негласно запретить ставить 2 и оставлять на второй год. Нужно же прикрыть свое мягкое место на мягком стуле в управлении образованием или в департаменте образования. Процентомания - это страшная вещь, которая почти убила наше образование. Я думаю, что процентомания заполнила все регионы России без исключения». «Процентомания губит все образование, а главное, губит человека. Ведь осознав, что можно ничего не делать и за это ничего не будет, наши ученики «успешно» (на 4-5) заканчивают школу и без знаний! «поступают» в вузы, и никакое ЕГЭ от этого не спасает (пример - медвузы Москвы). Если ставишь 2, ты сам виноват, учить не умеешь, а то, что у всех мотивированность разная, что одни природой назначены работать руками, а не мозгами - об этом как-то забыли»; «В нашей школе все буквально «ослеплены» этими условиями, да так, что искренне верят, что тот виртуальный мир, который они(заместите-

ли директора) создали на бумаге в виде программ, планов и отчетов, -и есть реальная жизнь!»; «...мы зашли в тупик. С одной стороны - оставлять на второй год бессмысленно, ведь в этой группе встречаются только дети из неблагополучных семей, и сколько не бейся с ними, сколько не занимайся дополнительно и бесплатно - ничего не получится. Смысла ставить «2» нет никакого. Но, с другой стороны - это уже беспредел: дети приходят из начальной школы в полной уверенности в том, что можно пропускать уроки, не делать домашних заданий, не отвечать у доски - все равно тебе выставят в конце четверти твою заветную тройку»; «Об этом знаем мы - рядовые учителя рядовых школ, но чиновники на самых разных уровнях (вплоть до президента) действительно далеки от этого, они не хотят ничего знать об этом, им так спокойнее и уютнее жить в иллюзиях! И уже невозможно всё это терпеть! И страшно становится за будущее наших детей, нашу страну, но кто открывает глаза нашим верховным руководителям?»; «Вы правы. Я написал в блог президента о процентомании в школах 28 декабря, а 9 января уже был уволен из школы в течение 1 часа, разумеется, по собственному желанию»; «Согласна, что процентомания-это бич школы! Завышая оценки учащимся, мы воспитываем моральных уродов, которым наплевать на нас и наши оценки: они прекрасно знают, что мы им «нарисуем» тройки. Пока это не прекратится, учителя будут униженными и бесправными. Думаю, что выход из этого положения один, отменить пятибалльную систему оценивания и переводить из класса в класс по имеющимся результатам, а там, пусть попробуют поступят со своими баллами в престижный ВУЗ» (<http://www.uchportal.ru/forum/8-677-1>).

В борьбе с процентоманией в школах и взятками на экзаменах в вузах в 2001 г. ввели ЕГЭ. Решило оно проблему? Как показывает практика, нет. Процентомания на ЕГЭ в ряде регионов сохранилась, а коррупция из вузовской школы перекочевала в школьную. Выпускной класс целиком ориентирован на тренировку по сдаче ЕГЭ, времени для углубленных знаний нет. Демографический кризис привел к нехватке не только конкурса в вузы, но и просто количества абитуриентов. Если усложнять задания на ЕГЭ, то больше половины выпускников его не сдадут, вузы не получат студентов, а народное хо-

зяйство – специалистов. Выход – упрощать задания¹⁷ и постепенно сводить на нет саму идею конкурсности.

Негативно к ЕГЭ относятся часть выпускников и их родителей, преподаватели некоторых вузов, а также значительная часть учителей школ. Основная причина – учащиеся на ЕГЭ получают оценки ниже тех, которые им выставили за время обучения в школе, и ниже, чем при традиционной форме сдачи экзаменов. Необъективность ЕГЭ открыто признается на самом высоком уровне. Специалисты признали, что переход от традиционного экзамена к новомодным тестам ухудшает развитие способностей к доказательству и логическим рассуждениям, тормозит мыслительные навыки, развитие творческого начала. А в ЕГЭ по обществознанию содержатся некорректно поставленные задания и спорные варианты ответов. Натаскивание на шаблонные методы решения задач конкретного типа и темы, муштра и схоластика заменили рассуждение и импровизацию. Ученики просто не хотят ничего знать кроме задач типа В14 или С3. Изучение предмета просто теряет смысл. ЕГЭ заменяет образование дрессировкой и разрушает систему образования, сужая право на получение высшего образования. «Система тестирования, по которой сдают ЕГЭ наши школьники, заимствована российским образованием за рубежом, где она используется уже довольно давно и успела зарекомендовать себя не с лучшей стороны. Во многих странах мира идет движение против этой системы контроля знаний, в Испании от нее уже отказались. В России же на введение системы единого госэкзамена в школах было потрачено 3,5 млрд. рублей. Средства в основном пошли на создание и оборудование информационно-ресурсных центров, а также переподготовку преподавателей под ЕГЭ. Возможно, чтобы оправдать эти гигантские траты, Минобрнауки, вопреки очевидным фактам, продолжает настаивать на том, что переход ЕГЭ в штатный режим проходит безболезненно и эксперимент по введению ЕГЭ успешно завершен»¹⁸. Другими словами, Россия упорно внедряет систему, которую уже забраковали западные страны.

Вернемся к опросной социологии. Что такое анкета, как не совокупность вопросов, которые респондент порой воспринимает как тесты, не понимая мудреных формулировок? Если ЕГЭ не учит детей самим знаниям, но лишь пра-

вильным ответам, то чему нас учит опрос? Социолог формулирует анкетные вопросы по строгим правилам, а не так как ему вздумается. Самостоятельность, творчество и импровизация исключены. Каноническая формулировка необходима, во-первых, для четкой обработки результатов на ЭВМ, во-вторых, для понимания инструмента коллегами, в-третьих, ради сопоставимости полученных данных с результатами других исследований. Только так обеспечивается прирост академических знаний и их количественная обработка. По существу опросы - всего лишь постановка конкретных вопросов перед отобранными группами людей, если формулировка вопросов и отбор респондентов основаны на научной базе. Получается какая-то бухгалтерия, а не наука.

Если сегодня, во втором десятилетии XXI века, просмотреть публикации по социологии аспирантов, кандидатов, а иногда и докторов наук в расплодившихся в стране научных и полунануальных журналах и сборниках, то окажется, что около 90% построены на своем или чужом эмпирическом материале. Такая же ситуация по другим странам и другим наукам - от биохимии до нанотехнологий. Нумерология покоряет умы, континенты и страны подобно тому, как это было сто лет назад, о чем писал П. Сорокин.

В космологии важным следствием квантования является так называемый *эффект Гудхарта* (Goodhart effect) - феномен сродни принципу Гейзенберга, который позволяет предположить, что любые количественные изменения в мире происходят ради его измерения. К. Хоскин¹⁹ предложил формулировку эффекта Гудхарта следующим образом: любая величина, выступающая целью измерения, становится плохой величиной. Это случается потому, что расчетные цифры управленцев изменяют ту среду, куда они внедрены. Отдельные индивиды и целые организации начинают думать о себе как проверяющих (аудиторов), и искажают количественные пропорции того окружения, по отношению к которому они применялись²⁰. «Если мы что-то не можем измерить, мы это не можем контролировать», - говорил лорд Кельвин. Последствия необратимы, так как индивиды сосредотачивают свое внимание, силы и время на метрической стороне дела, а не на творчестве и инициативе, которые требует любая прак-

тика в первую очередь.

Здесь, как в процентомании и в бюрократизме, получение результатов может быть явной и благой целью, которые люди преследуют. Однако нумерология трансформирует само понятие цели, которую должна достигать организация. Все переворачивается с ног на голову: средство превращается в цель. Чрезмерное увлечение отображением качественной стороны явления в количественной форме проявляется в разных сферах общественной и научной жизни - в попытках измерить интенсивность религиозных верований и идеологических убеждений, эмоций, умственных способностей и общественного мнения.

Первую научную революцию в социологии совершил вовсе не О. Конт, как думает большинство, а те, кто первым предложил применять статистические методы не к вещам, а к людям, не к орудиям труда, домам и овцам, а к мнениям и взглядам людей. Видимо, это произошло до Конта в период ранних социальных исследований в Англии и Франции. Идея перехода от вещей к мнениям сама по себе революционная, поскольку до того ее никто не использовал и так не поступали. Переписи населения проходили по «головам», а не по «мозгам». Учитывать мысли как объективные факты, высчитывать среднее квадратичное или медиану среди самого субъективного на свете - человеческих чувств и мыслей, методологически и методически пионерам эмпирической социологии было не просто. Для этого надо было самый сыпучий материал упаковать в твердую коробку формализованных анкетных вопросов, на которые нужно и можно было отвечать только так, как предписывала инструкция. Стандартизировать субъективные предпочтения - это кардинальный сдвиг в познании. Это была революция. Ну а Конт совершил вторую научную революцию, приравняв методологию социологии к методологии естествознания.

Разведем два понятия - концепция и теория. Чем они различаются? Ответ: нумерологией. Первая фиксирует взгляды и идеи, не оформленные в математическую матрицу, а вторая - общепризнанный продукт творчества научного сообщества, построенный на строгом количественном фундаменте. *Концепция* - это субъективный теоретический взгляд одного ученого, его угол зрения. Или теоретически оформлен-

ная субъективная точка зрения, неважно, проверена она на опыте или не проверена. *Научная теория* - это концепция ученого, подтвержденная другими исследователями. Причем подтвержденная в независимых исследованиях. Подтверждаемость - первое условие, переводящее концепцию в ранг научной теории. Второе условие - признание концепции в качестве научно значимого события. После чего она включена в научные анналы, входит во все учебники, становится неотъемлемой частью большой науки. Ее изучают, ее преподают, на нее ссылаются, от нее отталкиваются, двигаясь вперед. Отталкиваются как от истины.

Где находится склад подлинных теорий? Откройте любую научную статью в профессиональном социологическом журнале, изданном в США, и в начале обнаружите множество ссылок на предшественников. Так вот те, на кого чаще всего ссылаются, и есть те, от кого отталкиваются в науке. В конце статьи - список литературы. И не на 10-12 названий, на 50-60. Для чего подобное "щегольство"? Зачем понадобилось упоминать всех, кто до меня внес вклад в изучение моей проблемы? Дать уважения авторитетам? Нет, вы показываете прочность теоретического фундамента, на который опираетесь. А он зависит от плотности научных результатов на квадратную версту научного пространства. Вы как бы говорите: я - пигмей, вставший на плечи гигантов; к их гигантским знаниям я прирастил тоненький слой новых знаний. В своем исследовании я проверил 2-3 гипотезы, хотя мог бы проверить 23. Но 20 из них уже проверили другие. И сделали это не хуже меня. Вот какие конкуренты окружают меня. Вот какого высокого качества надо выпускать товар, чтобы его признали твои коллеги.

Всем своим видом вы демонстрируете: никакого нового инструментария я не изобретал. На 70% он уже изобретен другими. Мои заслуги ровно на 30%. Почему мой инструментарий позаимствован у других и почему я не стесняюсь об этом говорить? Так ведь и до меня поступали также. Списано может быть только то, что надежно. Вернее, стоит списывать лишь то, что проверено другими. Я добавил новый блок вопросов, который и покрывает 2-3 новые гипотезы.

Тем самым я доказываю свою преимущество с предшествующим знанием, интегриро-

ванность в научное сообщество, состоящее из умерших и здравствующих специалистов. Преимущество не только теоретическую, но еще и инструментальную. Хотя, если вдуматься, это одно и то же. Ведь мы уже говорили о том, что инструмент это материализованная теория. Если вы заимствуете у других понятия и идеи, без чего невозможно построить собственную ТМПИ, почему бы не позаимствовать инструментарий - и всего-то на 70%?

Если сравнивать два научных менталитета, два типа научной культуры - российский (точнее сказать, советский) и американский, то обнаружится, что первые склонны каждым исследованием открывать велосипед, а вторые - лишь придумывать к нему новые спицы. Достаточно ознакомиться с кандидатскими диссертациями, опубликованными за последние 20-30 лет в СССР, чтобы убедиться: в 80% случаев автор претендует на совершенную новизну подхода. Вначале приводит длинный список предшественников, долго и успешно трудившихся в данной области, а потом заявляет, что они ничего так и не открыли. Только я по-настоящему способен проанализировать эту проблему. Подобная ритуальная процедура называется "обоснованием научной новизны". После нее убеждаешься, что длинный список имен вначале - тоже ритуальный жест, без которого нельзя выходить на защиту. Увлечение ритуальными играми, видимо, не очень здорово совмещается с истинными целями науки. В плотно упакованной науке ученый силен успехами своих предшественников. В такой науке не просто выдвинуться, завоевать место под солнцем. Если взять сильно упакованную физику и менее упакованную социологию, то в первом случае для написания хорошей статьи молодому специалисту надо прочитать более 600 научных трудов, а во втором - около 60. Таково сравнение физики и социологии, естественного и гуманитарного знания, математизированного и почти нематематизированного. Теперь сопоставим советскую и американскую социологию. По степени математизации и сложности применяемых методик между ними разница примерно такая же. Кое-кто из отечественных социологов умудрялся публиковать, прочитав не более 6 социологических монографий. И это при том, что все американские социологи имели за плечами базовое образование, а подавляющее большинство наших его не име-

ло. Канал вертикальной мобильности становилось партийное происхождение и хорошие знакомства. Переопубликувая наши статьи, американцы оговариваются, что верить эмпирическими данным трудно, так как русские не описывают ни выборку, ни методику, ни гипотезы, ни теоретическую модель. В результате более 90% эмпирической информации, собранной в России, не получают международного признания. А жаль, ведь собрана она в уникальной по своему культурному и историческому своеобразию стране, куда американские исследователи заглядывают не так часто. С середины 1980-х до середины 1990-х годов Россия переживала уникальные события. Иностранцам социологам такой полигон и не снился. На жизни нашего поколения ни одна страна мира не бывала в таких экстремальных социокультурных условиях. Это просто научный рай для социолога. Однако благодаря своей методолого-методической неготовности (не говоря уже о нехватке денег) отечественные социологи упустили шанс собрать уникальный материал. Выходит, мы проспали свою страну. Американцы предлагают свои инструменты. Мы им возражаем: в наших культурных условиях они работать не будут. Они: тогда переведите наши понятия на свой социокультурный язык. А мы не умеем. В результате применяем чего попроще. У западников берем лишь те инструменты, которые работают в любых условиях, т.е. которые нейтральны по отношению к культурному контексту, например, инструменты, измеряющие политический рейтинг или маркетинговые переменные.

Научная теория опирается на **научные факты**. Следующий вопрос в том, как отличить научные факты, эмпирические факты и просто факты? Просто факт - это любая конкретная информация. Эмпирический факт представляет ту квинтэссенцию, рациональное зерно, которое удалось выжать из этой информации и придать ему статус знания. Эмпирический факт фиксирует не любое окружающее нас событие. Окружающие нас события это просто факты. Из них делает выборка и обозначается именем "эмпирические факты". Таким образом, последние - незначительная часть первых. А кто и как делает выборку. Ее осуществляет ученый при помощи своего инструмента. Итак, эмпирические факты - это конкретные события, высеченные при помощи научного инструментария. Они -

результат его применения. Получается, что просто факты стоят в начале научного исследования, а эмпирические - в конце. Если событие не зафиксировано научным инструментом, вы не имеете права говорить о том, что это эмпирический факт. Социолог по специальной методике наблюдает однотипные события и фиксирует: в 70% случаев эти события имеют такую-то форму или вид, а в 30? правило нарушается. Статистические повторяющаяся регулярность, зафиксированная инструментом, дает эмпирический факт. Таким образом, эмпирический факт - это не единичное событие, а целый класс однотипных событий, получивших одно наименование.

Мир эмпирической социологии, равно как и теоретический мир, в значительной части пересекаются, подпитывая друг друга, и в еще большей мере не пересекаются, проживая обособленную жизнь. Представители двух сообществ нередко варятся в собственном соку и играют по своим правилам, не принимая чужих норм. Причем мир эмпирических исследований в такой же мере избыточен, как и социологическая теория. Достаточно сказать, что только по проблемам удовлетворенности трудом в США к середине 1970-х годов было проведено более 3 тыс. полевых исследований и экспериментов. Необходимо ли такое количество? Рационально ли тратились силы, время и деньги ученых? В то же время вне поля зрения эмпириков оставалось огромное и все расширяющееся поле проблем, которые можно было решить без дорогостоящих исследований, а лишь силой теоретического анализа, который у квалифицированных социологов всегда при себе.

Суть научного познания состоит в том, чтобы найти строгую количественную меру, характеризующую (измеряющую) тот или иной социальный процесс. Количественные параметры необходимы не только теоретикам для проверки теории эмпирическими исследованиями для расчета корреляции, но и практикам-управленцам, которым надо знать - например, для организации предвыборной борьбы или для построения социальной политики в своем округе, - каков, в частности, процент пенсионеров, согласных заняться дополнительным приработком. Измерение - приписывание, согласно определенным правилам, числовых значений объектам, их признакам в виде эмпирических

индикаторов и математических символов. С его помощью дается количественная и качественная оценка свойств, признаков объекта. Оно может быть рассмотрено как построение математической модели определенной эмпирической системы. Процедура измерения включает три основных этапа: выделение измеряемых величин из всего набора возможных величин, характеризующих объект; нахождение эталона; соотнесение эталона с измеряемой величиной и получение соответствующей числовой характеристики.

Целью познания служит приобретение не любых, а именно истинных знаний об объективном мире. Ложные знания тоже появляются в процессе познания, но как его необходимые издержки. Наука старается избавиться от них, проводя регулярную чистку своих рядов. Научной объективности и достоверности результатов исследования, беспристрастности научных выводов для качественной методологии, равно как и для количественной, никто не отменял. Наука остается наукой, в какой бы форме она себя ни проявляла. Но здесь требования научного метода достигаются иначе – не через всеобъемлющую статистику и репрезентативность, но через такую глубину проникновения в самую суть явления, например, в глубинном интервью, участвующем наблюдении, которая свойственна истинной науке и ничему другому. Общаться с респондентами на их языке и жить их заботами во время исследования – это операциональная или функциональная необходимость. Так или только так можно проникнуть в суть явления. Э. Гидденс, назвал социологию «самой опасной, дерзкой и провокационной из общественных наук», добавив, что она «спорна по природе своей»²¹.

Классической рациональности соответствует популярное представление о социологическом опросе как зеркале, в которое общество должно заглядывать, чтобы знать себя лучше.

Социологию принято считать точной наукой, основанной на статистическом расчете корреляций и сборе достоверных данных путем опроса респондентов по репрезентативной выборке. В принципе так оно и есть, но в идеале. В идеале социологи получают объективную информацию о поведении больших социальных групп людей в обществе. Однако на практике социолога ждет множество парадоксов и про-

тиворечий, ловушек познания, технических ошибок или априорных ограничений того инструмента, который он создает, того метода, которым он опрашивает или наблюдает, наконец, той теории, которую он сочиняет. Рассмотрим их подробнее.

Углубляясь в сущность явлений, ученый все больше приближается к истине. Таков философский миф, который радовал человечество на протяжении многих веков и внушал ему оптимизм.

Однако еще Платон засомневался в нем. Он представлял познающего субъекта в роли сидящего в пещере человека, который перед собой мог видеть только тени реально перемещающихся за его спиной людей, предметов, событий. Можно узнать истину, видя только тени явлений? Конечно, нет.

В современной методологии парадокс Платона приобрел еще больше драматизма. Радикальные эпистемологии утверждают, что наука вообще не способна и в принципе не может отражать объективную истину. Ведь для этого надо иметь объективную реальность, т.е. существующую независимо от сознания и воли субъекта. Но такой реальности не существует. Наше сознание интерпретирует электромагнитные волны, поступающие из внешнего мира, делит их на запахи, свет, звук. Далеко не весь диапазон таких волн доступен человеческому восприятию в силу естественной, обусловленной специализацией человека на определенных видах деятельности, но лишь очень узкий их сегмент. Собака различает гораздо больше оттенков запаха, пингвины ориентируются по акустическим волнам, которые вообще недоступны человеку в силу его анатомического устройства. Муха видит движущиеся предметы с гораздо большим разрешением оптики, чем человеческий глаз, а потому мы никак не можем ее прихлопнуть.

Окружающая нас реальность – это наша интерпретация того, что есть. Для инопланетянина, слона или кузнечика она предстанет совсем другой. Наше сознание, обусловленное нашим воспитанием, культурой и временем, это самый первый и самый мощный искажающий инструмент.

Первый уровень искажения – наше сознание, которое, в силу психофизиологических особенностей мозга, интерпретирует внешний

мир и все предметы в нем специфическим, отличным от других живых существ, способом. Все, что мы видим, мы видим исключительно благодаря тому, что предметы освещены солнцем и отражают свет – электромагнитные волны. Лишь узкий сегмент электромагнитного спектра способен воспринимать наш мозг. Поступающие в него волны раздражают наши рецепторы, а получившаяся хаотическая картина всевозможных сигналов преобразуется нашим сознанием в прибрежный пейзаж или плывущий корабль. Корабль и пейзаж – элементы нашей социокультурной картины мира. Мы их узнаем, т.е. идентифицируем как корабль или пейзаж, только и только потому, что в процессе социализации, воспитания и образования взрослые нас научили их так воспринимать и так называть. Корабль и пейзаж – элементы культуры, а не внешнего мира.

Помимо того, что как человеческий род мы обладаем весьма специфической картиной мира, она еще дробится, преломляется и многократно варьируется у представителей разных культур, разных классов, разных эпох и разных религий. А еще картина мира зависит от уровня образования.

Второй фильтр – субкультурный и локально-культурный. Каждая социальная группа в большом обществе – потенциально – обладает своей частью культуры, своей версией ее, т.е. субкультурой. Каждый народ или племя обладает своей локальной культурой – частью общечеловеческой культуры. Общечеловеческая культура фильтровала и искажала внешние сигналы на первом уровне, субкультура и локальная культура – на втором.

Третий уровень искажений или, скажем так, спецификации окружающей реальности – индивидуальные особенности познающего субъекта. Ученый-фанат видит мир совсем иначе, чем дилетант от науки или человек, занимающийся ею за деньги, а не за идею. Он меньше тратит времени на занятия наукой, меньше думает о ней, больше отвлекается на посторонние темы – дом, семья, заработок, карьера, друзья, развлечения. «Опрос не может избежать проблемы реактивности. Интервью – это не однозначный стимул, который ведет к однозначному ответу. Обширная литература свидетельствует, что характеристики интервьюера (раса, пол), так же, как и сам ход интервьюирования

(порядок и форма вопросов), значительно влияют на ответы»²².

Таким образом, степень погружения в науку самих ученых – еще один специфицирующий фактор.

Большую роль в искажении информации из внешнего мира, ее преобразовании мозгом и интерпретации сознанием играют индивидуальные 1) психофизиологические, 2) воспитательные и социализационные, 3) классовые и групповые качества. Скажем, слепоглухонемые воспринимают мир иначе и имеют совсем другую картину мира, чем обычные слышащие и видящие люди. Очень сильно на восприятие и картину мира влияет психологический темперамент и психотип человека. Один может быть истериком, другой – интровертом, один – оптимист, а другой – пессимист. Один вырос в деревне и нигде больше не бывал. Другой инвалид с детства, которого родители возят на коляске лишь в те места, какие доступны ему. Большую роль играет уровень образования и профессия. Ведь не секрет, что персонал тюрем и колоний после продолжительной работы перенимает у заключенных тюремную субкультуру, хотя у них противоположные социальные роли и задачи. Логично предположить, что у всех них будут разные картины мира, разное восприятие и разные оценки одних и тех же событий.

Однако на том не заканчивается список индивидуальных факторов. Наши обыденные стереотипы, предрассудки, коллективные мифы, созданные профанным миром, в значительной степени влияют на представителей науки. У дилетантов в большей степени, у фанатов – в меньшей. Но ученый – член общества, и на него воздействуют родители, учителя, коллеги, СМИ и т.д. Мифы и социальные стереотипы ученый может не осознавать и не учитывать при построении своих теорий и предсказаний, но подсознательно они присутствуют в нем и творят свое черное дело, искажая правильное восприятие реальности. Причем, у гуманитариев такое искажение максимальное, у естественников и технарей – наименьшее. Социолог попадает не в середину, хотя Конт и мечтал построить социологию по образцу естествознания, а на крайний, максимальный полюс шкалы.

Итак, *третий уровень* фильтрации и искажений внешних сигналов – индивидуальный, связанный с особенностями психики человека,

его характером и темпераментом, уровнем и качеством образования, классовым происхождением, семейным воспитанием, профессиональной принадлежностью, местом проживания.

Следующий, **четвертый уровень** искажений обусловлен особенностями той науки, которой занимается субъект познания. Даже физикам и астрономам приходится нелегко, ибо самое равнодушное и объективное орудие в его руках – прибор или аппарат – является предателем. Инструмент – воплощенные в металле субъективные идеи ученого, отражение уровня его знаний и квалификации, взглядов на мир, способности логически мыслить, инженерно креативить и т.д.

Кроме отражения индивидуальных недостатков инструмент воплощает недостатки той научной школы или парадигмы, к которой ученый принадлежит: ньютоновцы строили одни приборы, коперниканцы, галиллейяны и эйнштейновцы – другие. Ускоритель частиц в США отражает одну научную парадигму, ускоритель в Европе, скажем, адронный коллайдер – другую.

У социологов инструмент в еще большей степени – отражение субъективного подхода ученого. Одно и то же явление, скажем, голосование, можно исследовать разными приемами, разными анкетами и получить противоположные результаты. «Согласно современным представлениям, в опросных исследованиях существуют четыре потенциальных источника смещений, представляющих серьезную угрозу качеству социологических данных: респондент, интервьюер, инструмент и метод»²³.

Неправильная формулировка анкетных вопросов – без учета культурной, религиозной и национальной специфики респондента. Непонятная респонденту и заумная формулировка анкетных вопросов. Неадекватный перевод исследовательских вопросов в инструментальные. Неверно составленная выборка. Не всех респондентов опросили. Ошибки поля. В интервью интервьюируемый не понимает язык интервьюирующего, второй неявно навязывает свое мнение первому или дает ему подсказки. Студентам раздали анкеты, а они их заполнили в соседнем подъезде. Начальник цеха просит оставить анкеты ему и забрать их после смены. А в течение рабочего дня, чтобы не отвлекать рабочих от дела, просит сметчицу заполнить анкеты «как надо». Противоречащие друг другу анкет-

ные вопросы. Групповой опрос: влияние коллег, начальника. Опрос в присутствии администрации или сотрудников милиции. Невозврат анкет. «В опросе можно стандартизировать вопросы, но это не ведет к контролю за способом их интерпретации респондентом. Это существенно снижает надежность результатов»²⁴. По ряду причин «в реальных исследованиях происходит «свертывание» палитры социологических методов, приводящее к преобладанию «социологии мнений». Основанная преимущественно на мнениях, в силу того, что мнения в значительной мере формируются СМИ и являются результатом манипулирования сознанием, социология становится поневоле «наукой о заблуждениях»»²⁵.

Таким образом, *четвертый фильтр* – инструментальный.

А сколько субъективизма, политических пристрастий и страстей, ценностных ориентаций и оценок вкладывается социологов в конструирование своей **теории**, концепции, учения или доктрины. Многие при этом вообще не выходят за рамки спекулятивной философии, абстрактного теоретизирования и политических домыслов. Опора на факты – последнее дело, чаще препятствующее, а не способствующее построению логически связанных цепочек мысли.

Что такое социологическая теория? Разве она похожа на строго логическое и формализованное построение, где все выдвигаемые гипотезы обязательно проходят эмпирическую проверку? Или это плохо укомплектованное, не всегда логичное и убедительное нагромождение субъективных суждений, пороку нелепых и фантастических, которые не выдерживают эмпирического испытания и никогда ему не подвергались постольку, поскольку на нее они попросту не рассчитаны, и этим занявшись никто не удосуживался?

Пятый уровень искажений – *теоретический*.

Возмущающее необъективными, приближенными, искаженными, узконаправленными или ошибочными оказываются **интерпретации** полученных данных. Сколько здесь случаев подгонки фактов под теорию! Сколько нелепых утверждений, противоречащих собственным данным либо из них ни прямо, ни косвенно не вытекающих! Их не может не быть: «В каж-

дом из нюансов интерпретации и в итоговых объяснениях проявляется целостная личность исследователя. Он выступает не в качестве узкого профессионала, функционирующей электронно-вычислительной машины, но как теоретик и практик, как ученый и гражданин, научное мировоззрение которого оплодотворено богатством ассоциаций и активной партийной позиции»²⁶.

Ставя вопрос более широко, Г.С.Батигн отмечал: «С известной долей преувеличения всю деятельность социолога можно назвать интерпретирующей: случайно попавший в выборку человек интерпретируется как респондент, его жизненные реалии и высказывания интерпретируются в шифрах и «закрытиях» вопросников; первичная социологическая информация интерпретируется в средних величинах, мерах рассеяния и корреляционных коэффициентах; числовые данные должны сопровождаться какими-либо рассуждениями, т.е. опять же интерпретироваться... Совершенно очевидно, что при эмпирической интерпретации абстрактных понятий теряется какая-то часть информации, привносятся новые смыслы и коннотации. То же самое происходит при теоретической интерпретации эмпирических данных. Более того, любая интерпретация, даже самая привычная и тривиальная (например, человека как респондента), означает абстрагирование от некоторых существенных признаков и возможна только при условии неэквивалентности «перевода» с одного языка на другой»²⁷.

Шестой фильтр – интерпретация эмпирических данных.

После завершения исследования и написания научного отчета, который также строится по определенным правилам, условностям и ограничениям, происходит подготовка **научной статьи**. В процессе ее написания автор полновину фактов опускает, что-то стесняется доложить, чтобы не шокировать общественное мнение или угодить цензуре, заказчику, коллегам. Это не объективное и полное освещение полученных в ходе исследования фактов, аписание художественного романа, где вымысел невозможно отличить от правды.

В своих отчетах для советского руководства социологи 1960–80-х годов с оптимизмом докладывали, что «простого человека» восхищала кубинская революция, тревожили бесчинства

диктатора Пиночета, «происки сионистов». А на самом деле всех интересовало другое: уродятся ли в огороде огурцы и помидоры, где купить зимние сапоги, куда пропало сливочное масло? Социологи часто спрашивают об одном, а у печки, у обшарпанного подъезда, в душевой электричке люди задают себе совсем другие вопросы и дают другие ответы»²⁸.

Вспоминаются советские времена, пишет журналист В.Костиков, когда научные публикации социологов напоминали больше «рапорты об успехах». «Из докладов наверх для тогдашнего советского руководства выходило, что «простого человека» восхищала кубинская революция, тревожили бесчинства диктатора Пиночета, «происки сионистов». А на самом деле всех нас интересовало другое: уродятся ли в огороде огурцы и помидоры, где купить зимние сапоги, куда пропало сливочное масло? Мы ругали власть за очереди, а она думала, что нас «тревожит Гондурас». Так и обманывали друг друга до 1991 года. История, похоже, повторяется. Сегодня социологи измеряют наш «пульс» по оценкам «Единой России», В. Путина, М. Ходорковского. Спрашивают про Чечню, про реформу ЖКХ и о «соотношении сторонников и противников демократии»»²⁹.

В 1990-х годах новые демократические власти активно использовали данные опросов для своей политической кампании, но не всегда корректно, заведомо искажая их. Например, бывший госсекретарь России Г. Бурбулис в своем интервью³⁰ утверждал, ссылаясь на данные опроса профессора А. Здравомыслова, что 77% населения страны чувствуют себя в условиях реформы «нормально» или «удовлетворительно». На самом же деле абсолютное большинство россиян отмечали, что чувствуют себя «терпимо». Другой пример, приведенный в той же статье. В заголовке газетной публикации вынесена фраза: «26 процентов москвичей считают, что дела в России движутся в правильном направлении (Пенсионеры придерживаются другого мнения)». Но из текста заметки видно, что этого «другого» мнения придерживаются 27% опрошенных москвичей, куда, разумеется, вошли и пенсионеры. Результат опроса показывает, что «пессимистов» среди москвичей даже несколько больше, чем «оптимистов»³¹.

Современных социологов, пишет А.Норо, часто называют журналистами или даже чаро-

деями общественных настроений. Причиной служит то обстоятельство, что социологов, публикующих незамысловатые научные отчеты с одномерными распределениями и ничего не значащими комментариями, легко путают с журналистами и называют «хронометристами» (в терминологии А.Норо – «диагностами времени»). Они отражают текущий момент и не стремятся к серьезным теоретическим обобщениям, предсказаниям, выводам. По существу такой социолог перестает быть ученым, который «использует социологические исследовательские теории и последовательно применяет общую теорию»³².

Еще более завирательный жанр – статья в публичный или политический журнал, не имеющий дело с академической наукой, но зависящий от тиражности, интересов аудитории, взглядов главного редактора и политических ориентаций спонсора. Там законы жанра еще больше искажают правду, чем в академической публикации, которая, на поверку, не такая уж и академическая. Или не дай Бог у ученого берет интервью журналист! Тут уже от вранья спасения нет.

Седьмой уровень – подготовка отчета и публикация статьи.

После того, как научный отчет увидел свет на страницах бумажной или электронной прессы, его еще читают. А **читатель** – новый фактор искажения информации. Как он воспримет данные, сколько из них опустит, на что обратит внимание, как расставит акценты между главным и второстепенным – никто не знает. А главное – в какой мере он вообще будет доверять науке, особенно такой, как социология. Сколько гневных писем разъяренных неправдой читателей на страницах Интернета – и не счесть!

Те, кто выразил гневную реакцию – еще полбеды. Они хоть как-то засветились. А те, кто молчит. Как мы узнаем степень и качество их восприятия научного отчета? Что они своего прибавили к нему? Какая часть правды засела в их сознании и как она, сохранившаяся информация, позже перелопатится их подсознанием? Как часто происходит, что научную или популярную статью читатель воспринимает прямо противоположным авторскому способом, извлекает совсем другие уроки!

Особняком стоят **идолы мышления**. Наряду с нелепостью социологических или, лучше

сказать, псевдосоциологических, псевдонаучных теорий существуют еще идола социологического мышления – типологии, ранжирования и т.д. Они присущи здравому смыслу и обыденному сознанию, из которых вырастает социологическая теория и которая незаметно сама становится их частью.

Помимо особенностей социологического псевдомышления имеются еще ловушки и парадоксы обычного человеческого мышления. Об этом лучше всего расскажут психологи. Психология мышления полна ими.

Суммировав сказанное, получим длинную, уходящую в небеса, пирамиду искажений. Пять, семь, девятнадцать уровней? А может быть их гораздо больше, если покопаться в деталях. Важен главный итог: мы не открываем, а скрываем от себя реальность, какой она является на самом деле. А может быть она вообще никакой никогда и никому не является? Мы ее придумываем и верим в собственные сказки? Или она все же существует, если нам удастся построить мосты, пускать поезда, летать в космос?

Рассмотрим отдельные ошибки и стадии искажения эмпирических данных, а также ошибки теоретизирования подробнее.

Известный практикующий социолог Е. Башкирова в своем интервью³³ охарактеризовала типичные ошибки, которые допускают российские социологии при опросе общественного мнения, и недостатки в деятельности исследовательских фирм. Оказывается, большинство случаев непреднамеренной фальсификации данных возникает на этапе построения выборки. В стране не хватает специалистов по грамотному построению выборки, даже в известных компаниях выборка составляется недостаточно профессионально. Чаще всего нарушается репрезентативность. При минимальной ошибке выборки плюс-минус 3-4% у разных социологических центров она может превышать эту величину в несколько раз. Тем не менее, результаты их исследований широко тиражируются через СМИ. Для обеспечения репрезентативности выборки необходимо опрашивать не менее 1500 человек и иметь достаточное число точек опроса (160 и более). Но эти условия соблюдаются не всегда. Существует серьезная проблема сдвига выборки (например, в сторону лиц с высшим образованием, пожилых людей и т.д.), который ведет к значительным искажениям данных. При не-

соблюдении параметров выборки использует перевзвешивание, для чего требуются специалисты высокой квалификации, но таковыми не обладают многие из действующих на рынке социологических компаний.

Отмечены факты вопиющей недобросовестности интервьюеров, даже работающих на известные социологические службы, которые не уделяют достаточного внимания контролю за деятельностью интервьюеров: некоторые из них сами заполняют анкеты, не опрашивая респондента или задавая лишь часть вопросов. Техническая процедура ввода данных также может привести к серьезным искажениям информации. Для того чтобы избежать ошибок, в мировой практике принято использовать технологию двойного ввода данных, но в отечественных центрах такая практика почти не используется потому, что она требует наличия соответствующих программных продуктов и подготовленных сотрудников.

Характерен пример с организацией всероссийских переписей населения. Во Всероссийской переписи 2010 г. сборщиком информации мог стать практически любой совершеннолетний. Всех переписчиков по регламенту должны были инструктировать. Где-то это делалось, а где-то нет — людей отправляли на перепись без всяких инструкций с ценным напутствием: «Разберетесь на месте». И перспективой заработка — 5500 рублей за две недели хождения по адресам. Деньги не самые крупные, массового прилива желающих стать переписчиками не случилось. Поэтому к переписи привлекли студенчество. Некоторые шли на перепись от профильных факультетов — статистики или социологии, другие — в добровольно-принудительном порядке. Формально никаких санкций к студентам, отказавшимся от участия в мероприятии. В действительности результаты переписи приравнивались к сданным или несданным зачетам. Норма — 400-480 человек. Не выполнил — иди на пересдачу. По сравнению с 2002 годом, когда процент отказов от работы переписчиками в первые дни переписи был около 30%, в 2010 г. он составил только 2%. Подействовали административные рычаги. В ответ загнанные силком на перепись студенты проявляли чудеса изобретательности по профанации процесса³⁴.

Таким образом, от первой к последней стадии социологического исследования происхо-

дит эскалация ошибок — преднамеренных (самозаполнение анкет) и непреднамеренных (недостаточная квалификация и техническая оснащенность). Если социолог допускает ошибки на этапе составления анкеты, то они прибавляются к тем неизбежным ошибкам, которые обычно сопутствуют социологу на этапах формирования выборки, операционализации понятий, сбора и анализа данных. Обобщить сказанное можно фразой Дж. Вайценбаума: «вся эмпирическая наука представляет собой изощренную структуру, покоящуюся не на сваях, вбитых в скальные основания (как обычно считают), а на зыбучих песках подверженных ошибкам суждений, допущений и интуиции человека»³⁵.

Ссылки:

- 1 Sorokin P. Quantophrenia // Sorokin P. Fads and Foible in Modern Sociology and Related Sciences. Chicago: Henry Regnery, 1956. P. 102-130.
- 2 Rothbard Murray N. An Austrian Perspective on the History of Economics. Vol. I: Economic Thought Before Adam Smith. Brookfield, VT: Elgar, 1995.
- 3 Сорокин П. Квантофрения: / Пер с англ. М. Добряковой // Рубеж, 1999. Т. 13—14, с. 6-7.
- 4 Цит. по: Маникас Питер. Т. Критический реализм и социальная теория // Социологические исследования. 2009. № 11. С. 3.
- 5 Viseu A. Disciplining Nano // Spontaneous Generations: A Journal for the History and Philosophy of Science, (2008). Vol. 2, No 1. p. 127.
- 6 Подробнее см.: Социология труда: Учебник / Под ред. Н.И. Дряхлова, А.И. Кравченко, В.В. Щербины. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.
- 7 Дарендорф Р. Куда держат путь социальные науки // Дарендорф Р. После 1989. Размышления о революции в Европе. М., 1998. с. 116-117.
- 8 Батыгин Г.С. Обоснование интерпретационных схем // Социологические исследования, 1984, № 2. с. 24.
- 9 Природа говорит языком математики: буквы этого языка — круги, треугольники и иные математические фигуры - Г. Галилей.
- 10 Маникас Питер. Т. Критический реализм и социальная теория // Социологические исследования. 2009. № 11. С. 3-14.
- 11 Шамшури В.И. «Гуманитарная» социология: новые ориентиры и старые проблемы //

Социологические исследования. 1992. № 2. С. 66.

12 По данным статистики, у нас отсеивалось, не получая среднего образования, 2-3% молодых людей, в США – 20%.

13 Процентомания и её губительные последствия // Учительский портал. <http://www.uchportal.ru/publ/14-1-0-1145>

14 Самочелаяев И. Подлый удар по процентомании // http://ifsam.ucoz.de/publ/voprosy_obrazovaniya/podlyj_udar_po_procentomanii/2-1-0-14

15 Процентомания и её губительные последствия // Учительский портал. <http://www.uchportal.ru/publ/14-1-0-1145>

16 Учительская газета, №28 от 12 июля 2011.

17 Для сдачи ЕГЭ по математике порой достаточно решить 4 простеньких примера из 30.

18 ЕГЭ нанесет вред не только образованию, но и экономике России // «Капитала Страны», 8 июня 2009: <http://kapital-rus.ru>

19 Hoskin K. The «awful idea of accountability»: inscribing people into the measurement of objects // R. Munro and J. Mouritsen (Eds) *Accountability – Power, Ethos and the Technologies of Managing*. London: International Thompson Business Press, 1996, 265.

20 Shore C. *Audit Culture and Illiberal Governance* // *Anthropology Theory*, 2008, 278-298.

21 Гидденс Э. *Устроение общества*. – М., 2003, с.5.

22 Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж (альманах социальных исследований). 1997. № 10-11. С. 160.

23 Мягков А.Ю. Всегда ли респонденты говорят правду? Мета-анализ зарубежных источников // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 20.

24 Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж (альманах социальных исследований). 1997. № 10-11. С. 160.

25 Карпичев В.С. Идея неравновесности - возможности для социологии // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 26.

26 Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 1987. С. 218.

27 Батыгин Г.С. Обоснование интерпретационных схем // Социологические исследования, 1984, № 2.с.23.

28 Социология «от печки» // Аргументы и факты, вып. 32 (1189) от 6 августа 2003.

29 Костиков В. Социология «от печки» // Аргументы и факты, выпуск 32 (1189) от 6 августа 2003.

30 Аргументы и факты. 1992. № 31.

31 Туманов С.В., Гаспаришвили А.Т. На опросных фронтах // Социол. исслед., 1993, № 6.с.37.

32 Норо А. «Диагноз времени» как третий жанр социологической теории // Социологические исследования. 2002. № 2. С.4.

33 К вопросу о рейтингах... (интервью с Е.Башкировой, РОМИР) // <http://www.romir.ru/socpolit/actual/october/rating.htm>

34 Подробнее: <http://www.kommersant.ru/doc/1524752>

35 Вейценбаум Дж. *Возможности вычислительных машин и человеческий разум*. М., 1982. с.43

Место топонимики в социокультурном воспроизводстве Иркутска

Полюшкевич О.А.

В статье представлен анализ топонимики провинциального города, рассмотрено его воздействие на социокультурное воспроизводство города. Автор на примере Иркутска показывает парадоксы сохранения исторического наследия и современного социального моделирования городского пространства через городскую топонимику. В работе сочетаются теоретические аспекты анализа топонимики и реальные проблемы органов власти и жителей в восприятии городского пространства.

Ключевые слова: городское пространство, социология города, топонимика, образ города, социальное моделирование

Polyushkevich O.A.

Place of place names in the socio-cultural reproduction of Irkutsk. The article presents an analysis of the toponymy of a provincial city, considered its impact on the socio-cultural reproduction of the city. The author, using the example of Irkutsk, shows the paradoxes of preserving historical heritage and modern social modeling of urban space through urban toponymy. The paper combines the theoretical aspects of the analysis of toponymy and the real problems of the authorities and residents in the perception of urban space.

Keywords: urban space, sociology of the city, toponymy, the image of the city, social modeling

Образ города в городской социологии

Тема восприятия среды берет начало в 60-х гг. 20-го века. К ней можно отнести городских планировщиков, географов, антропологов и психологов, которые исследовали взаимодействие между человеком и средой его жизни.

Систематизация знаний на протяжении развития городского социума сформировала ряд научных направлений и специфическую терминологию.

Термин «топонимика» объединяет комплекс знаний, изучающих географические наименования (топонимы), их возникновение, смысловое значение, развитие, нынешнее состояние, написание и произношение. Топонимика является интегральной научной дисциплиной, которая находится на стыке и использует данные трёх областей знаний: истории, географии и лингвистики. В данной работе речь пойдет преимущественно об урбонимах (урбанонимах) – наименованиях любых внутригородских топографических объектов [10].

Каждый топоним/урбоним содержит текст, послание – то, что может быть воспринято сознанием индивидуума. Любой объект, который когда-то был создан людьми и который нам хочется считать текстом. Контекст – то, во что погружен текст, эпоха его создания; культура, породившая текст. Если есть посланный текст, то всегда существуют адресант и адресат, и коммуникация происходит именно между ними. Адресант – тот, кто создает текст и тем самым «отправляет» сообщение. В этом сообщении содержится информация, которую и требуется считать. Адресат – это индивид, сообщество, социум, кому «сообщение» отправлено и кто получает послание, то есть все люди, которые целенаправленно, либо подсознательно наблю-

дали человеческих или как-то пользовались этим творением. Адресат может понимать – если требуется, целенаправленно «прочитывать» находящийся в символах текст, знаки [4].

Семиотика, или семиология – наука, исследующая свойства знаков и знаковых систем. Согласно Ю. М. Лотману, под семиотикой следует понимать науку о коммуникативных системах и знаках, используемых в процессе общения [7,9].

В ряду основных понятий семиотики культуры текст есть универсальная категория семиосферы. По принципу построения структуры этой основной категории строятся и все остальные семиотические единицы: от реминисценции и отсылки до мифа и символа. Семиосфера – всеобъемлющая единица семиотики и определяется во многих концепциях как культура.

В основу семиотических концепций исследования культуры города, развиваемых теоретиками тартуско-московской школы и их последователями, было заложено представление о городе как знаковом пространстве. Основными элементами семиотического анализа пространства города, явились понятия: текст, символ, миф городской культуры.

Миф городской культуры – единство наименования и пространства города. Миф городской культуры обладает временной циклическостью и, одновременно, отождествлением с неизменным, вечным, которое проявляется в каждом тексте о городе. Мифообразующими элементами городской культуры являются: «имя», «отношение – город / пространство», «путь», «отождествление». Признаком мифа городской культуры является наполненность характерными материально-предметными атрибутами городского пространства [3].

В ряду предшественников – исследователей городского текста – следует назвать работы Н.Н. Анциферова и представителей формальной школы литературоведения. В их трудах были заложены основы семиотического подхода и метафизического направления осмысления городской культуры.

Семиотическая модель городского пространства обладает следующими признаками:

- 1) Универсальностью;
- 2) Системностью;
- 3) Описанием взаимодействия человека и среды;
- 4) Вещностью;

- 5) Способностью к восстановлению;
- 6) Бинарностью;
- 7) Способностью к генерированию смыслов;
- 8) Целостностью;
- 9) Внутренней тождественностью.

Данные признаки содержатся в трех элементах семиотического анализа городской культуры – тексте городской культуры, символе и мифе.

В семиотическом анализе городской культуры текст города определяется как универсальное множество знаковых элементов культуры города, объединенных смысловой целостностью и организованных по принципу бинарности. Текст городской культуры обладает индивидуальностью и способностью создавать новые тексты [8].

Символ в контексте семиотического анализа городской культуры предстает как маркированный текст города и обладает отличительными чертами:

- жизненно-бытовыми,
- культурными,
- природно-климатическими,
- ландшафтными,
- историческими,
- материально-культурными.

Символы имеют следующую типологию [1]:

- А) Пространственные символы – «город в пространстве», «пространство города»;
- Б) Символ соотношения «культуры и природы»;
- В) Имя-образ города (личность, персонаж, артефакт).

Определяющее свойство символа – диахроничность, символ объединяет исторические пласты культурной традицией, являясь механизмом памяти культуры. Символ выступает конденсатором всех принципов знаковости и одновременно выводит за пределы знаковости. Он – посредник между разными сферами семиозиса, а также между семиотической и внесемиотической реальностью. В равной мере он посредник между синхронией текста и памятью культуры. Его роль – роль семиотического конденсатора. Структура символов той или иной культуры образует систему, изоморфную и изоморфнофункциональную генетической памяти индивида.

Теоретическая база темы образа города, городских символов представлена в трудах пре-

имущественно западных ученых, что исторически обуславливается высокой степенью урбанизации в западных странах.

Книга «Образ города» Кевина Линча одна из ключевых среди литературы о виде городов. Линч обосновал важность человеческого видения. К его значимым идеям относятся: идея ментального образа и ментальных карт; идея образоспособности среды; идея четкости среды и т.д.

До его работ идея четкости казалась неважной, как аналитическое и проектировочное средство. «Образ города» дал старт новой науке человеческого восприятия и поведения в городе. Терминология К. Линча в исследованиях образа города и его символического восприятия является основообразующей [2].

«Четкость» или «понятность» городского пространства (Legibility) – (в русских источниках встречается как «читаемость», по аналогии с текстом). Под этим понимается легкость, с которой можно распознать его части и организовать в связное содержание. Как напечатанную страницу можно легко прочесть как связный паттерн распознаваемых символов, так и четкий город должен быть таким, чьи районы и ориентиры легко опознаются и группируются во всеобъемлющий паттерн [6].

«Мысленный образ среды» (Environmental image) – индивидуальный образ городского пространства у наблюдателя, служащий основой для ориентации. Основа появления мысленного образа – четкость городского пространства.

Функции мысленного образа среды:

- Ориентация, что позволяет просто и быстро передвигаться.
- Организатор активности, убеждения и знания о природе мира, в котором мы живем, в упорядоченную структуру, что является основой для дальнейшего индивидуального роста.
- Социальная функция – сырой материал для символов и коллективных воспоминаний, на которых возводятся социально важные мифы.
- Ощущение эмоциональной защищенности.
- Повышение потенциальной глубины и интенсивности человеческого опыта.

«Общественный образ» (Public image), обозначающий общие ментальные картины, которые захватывают большое количество городских жителей. Это не присутствующие реально

образы, скорее это зоны согласия, которые по предположению автора могут появиться при взаимодействии единичной физической реальности, общей культуры и базисной физиологической природы.

Образ окружающей среды может быть разделен на три компонента:

1. Идентичность (опознаваемость) – распознавание объектов как отдельных;
2. Структура – пространственные отношения объектов;
3. Значение – практическое или эмоциональное значение для наблюдателя.

Обычно упор делается на два первых компонента, так как значение не так легко поддается физической манипуляции, слишком различны и многочисленны индивидуальные значения одного объекта.

Полезно разделить перечисленные компоненты образа для анализа, помня, что в реальности они всегда сосуществуют вместе. Реальный образ требует, во-первых, идентификации объекта, что подразумевает отделение от остальных вещей, распознавание как отдельной сущности. Это называется идентичность, не в смысле равенства с чем-то другим, но в значении индивидуальности или единичности. Во-вторых, образ должен включать пространственное или модельное отношение объекта к наблюдателю и другим объектам. Наконец, этот объект должен иметь значение для наблюдателя, практическое либо эмоциональное. Значение это также отношение, но отличное от пространственного или модельного отношения.

Требования к образу:

- Достаточность;
- Правильность;
- Возможность оперировать со средой;
- Понятность;
- Безопасность (минимизация риска ошибки);
- Открытость, адаптация к изменениям;
- Передаваемость субъекту.

Чтобы образ обладал ценностью ориентации в жизненном пространстве, он должен обладать несколькими качествами. Он должен быть достаточным, верным в прагматическом смысле, позволяющим индивидууму действовать в среде в желаемой степени [14].

Карта, точная либо не очень, должна быть достаточной, чтобы добраться до пункта назна-

чения. Она должна быть достаточно понятной и хорошо интегрированной, чтобы быть экономичной с точки зрения умственных усилий: карта должна быть читаемой. Она должна быть безопасной, с избыточными «ключами», чтобы были возможны альтернативные действия, а риск неудачи оставался невысоким. Пример относительно городской топонимики: улица не должна называться, например, Равнинной, если находится на очень неровном рельефе. Это создает лишнюю потребность в проверке правильности маршрута и сомнения относительно местоположения субъекта. Образ должен быть открытым, адаптированным к изменениям, позволяющим индивидууму продолжить исследовать и организовывать реальность.

«Образоспособность», «образность» (Imageability) – качество физического объекта, которое дает высокую вероятность пробуждения сильного образа в каждом конкретном наблюдателе. Это может быть форма, цвет, порядок, который облегчает создание ярких и мощных ментальных образов среды. От legibility (четкость), и visibility (видимость) отличается тем, что объекты не только видимы, но представлены четко и интенсивно для ощущений.

Так как акцент здесь будет на физическую среду как независимую переменную, это исследование будет искать физические качества, которые имеют отношение к атрибутам идентичности и структуры в ментальном образе [11]. Это и ведет к определению того, что можно назвать образоспособностью: того качества объекта, которое дает высокую вероятность пробуждения сильного образа в каждом конкретном наблюдателе. Это та форма, цвет или порядок, которое облегчает создание ярких, структурированных, чрезвычайно полезных ментальных образов среды. Это также можно назвать четкостью, или видимостью в усиленном смысле, где объекты не только видимы, но и представлены четко и интенсивно для ощущений.

Еще в середине XX века обсуждалось это свойство художественного объекта и стало наименоваться «видимостью» (apparency). Хотя культурные объекты и не сводятся к видимости, однако

«Ментальными картами» (Mental maps) называется модель восприятия окружающей среды индивидуумом. Это индивидуальная карта

известной человеку местности. Ментальные карты можно исследовать: спрашивая путь к ориентиру или месту; прося нарисовать набросок места или описать его; прося назвать как можно больше мест за короткое время [5].

Необходимо брать в учет тот факт, что вся данная терминология имеет также теоретическое обоснование для городского планирования и в некоторой степени ориентировано, помимо символических образов, и на исследование вещественных, физических объектов [16]. Однако, учитывая плотную взаимосвязь между топонимом как текстом и им обозначаемым физическим объектом, следует считать эти явления взаимно дополняемыми.

В городе как тексте есть общие черты, свойственные вообще текстам, такие как:

- однородность;
- гетерогенность.

А также те, что свойственны городу как по-ликультурному объединению:

- сверхсемантичность,
- наличие субстратных элементов;
- принцип «человек и среда» города [15].

Семиотическая модель анализа городской культуры, основанная на ключевых понятиях – текст, символ и миф – получила свое дальнейшее развитие в трудах современных исследователей рубежа XX-XXI веков, которые, опираясь на общий принцип семиотического подхода, осуществляют дальнейшее развитие семиотической модели анализа городской культуры, активно применяя ее в своих исследованиях [17].

Топонимика как символический образ города

Городская топонимика, как один из важнейших элементов городских символов, является основообразующим фактором влияния на городскую социум. Топонимы, в их правильной образоспособности (Imageability) содержат в себе одновременно историческое, географическое и культурное наполнение.

Среди топонимов выделяются различные классы, такие как:

- Ойконимы – названия населённых пунктов;
- Астионимы – названия городов;
- Гидронимы – названия рек;
- Дримонимы – названия лесов;
- Оронимы – названия гор;

- Урбанонимы – названия внутригородских объектов;
- Годонимы – названия улиц;
- Агоронимы – названия площадей;
- Дромонимы – названия путей сообщения;
- Макротопонимы – названия больших незаселённых объектов;
- Микротопонимы – названия небольших незаселённых объектов.

Все названия формируют определенную атмосферу, колорит города, особенно это заметно в городах, имеющих длительную историю существования. Топонимика показывает прошлое и формирует будущее городов, определяя идентичность и социальные представления горожан и приезжих.

Ценность исторической реконструкции топонимических образов

Топонимика – это инструмент ориентации в городском пространстве выступает формой сохранения социальной памяти и формирования социальной идентичности жителей города. Вне зависимости от того, какой исторический период или социальный строй, личность или событие отражает название городского пространства – оно является слепком событий прошлого в настоящем.

Также, благодаря изменениям в топонимике можно проследить трансформации идеологии государства, политической и культурной специфике того или иного исторического периода.

Изменения в топонимике оказывают сильное влияние на социальное самочувствие жителей города, их самоидентичность и самопредставление. Топонимика, возможно, не имеет ценности искусства, но все же формирует общий колорит и уникальность мест, она может стать основой бренда города.

Заключение

В связи с тем, что в данной работе было доказано наличие проблем в организации городского символического пространства, перед историческими городами стоит задача создания актуальной, и вместе с тем, сохраняющей элементы историко-культурной среды и историко-культурного наследия символической среды. Этого можно достичь двумя путями – и то-

понимическая коррекция и топонимическая реставрация. В данном вопросе важнее всего достижение понимания этого явления со стороны жителей города. Благодаря изученным материалам, был выдвинут ряд условий, который должен способствовать формированию объективного восприятия данного вопроса среди жителей города:

1. Важно, чтобы процесс реставрации культурно-исторических образов городской топонимики воспринимался как процесс культурно-исторический, ни в коем случае не политический.

2. Требуется повсеместное информирование жителей города об истории города, о его культурном наследии.

3. Важно нивелировать влияние среди городского населения политических и около политических сил, заинтересованных в приостановлении реализации топонимической реставрации, путём искажения действительности по данной проблеме.

Первому пункту будет в полной мере способствовать концепция историко-культурной идентичности в городских топонимах, по которой ряд топонимов, возникших путём переименования в советский период истории города, имеют полное право на существование. Помимо этого, может служить подтверждением первому пункту отсутствие претензий к наименованиям всех улиц, проспектов, площадей и т.д. возникшим после 1920 года.

Однако не все проблемы согласованности символических образов способна решить реставрация топонимов [18]. Это касается улиц, в составе которых наличие физических исторических образов недостаточно для коррекции топонимического текста. В то время как в данный момент улица несет в себе образ, не имеющего отклика в городской среде, здесь остается возможным внесение нового образа, имеющего отклик в данном топониме (однако это возможно только при наличии оно). Яркий тому пример – улица Карла Либкнехта в городе Иркутске.

Историческая застройка занимает очень малую часть улицы, в то время как большая ее часть относится к советской либо постсоветской застройке. Соответственно, в данной улице отсутствует диссонанс между физическими и текстовыми образами. Это, в свою очередь, от-

части легитимизует ее нынешний текстовый образ немецкого социалиста Карла Либкнехта. Однако сам этот антропотопоним не имеет никакой исторической связи с городом Иркутском. В связи с этим в 2009 году было внесено предложение о переименовании данной улицы в честь М.Л. Миля, известного на весь мир конструктора вертолетов под маркой «Ми». М.Л. Миль родился и долгое время жил в Иркутске на Соломатинской улице, 5 (ныне ул. Карла Либкнехта, 5), дом, находящийся в самом начале улицы сохранился [14]. В данном случае, учитывая прямое отношение данной известной в мировом масштабе личности к конкретному гонодому, переименование ул. Карла Либкнехта в ул. Миля следует считать целесообразным.

Таким образом, топонимическая реставрация в исторических городах остается не единственным вариантом решения проблем согласованности символического городского пространства. В некоторых случаях, как приведенный выше пример, вполне имеет место быть произведена топонимическая коррекция.

Соответствие морально-этическим нормам аспект спорный и носит исключительно теоретический рекомендательный характер по причине неоднозначности их оценки, часто зависящих от политических предпочтений, влияющих на восприятие данного вопроса (пример: террористы-народовольцы могут быть восприняты сторонниками левых идей в значительной степени иначе, нежели люди, не симпатизирующие им).

Вопреки мнению сторонников топонимической реставрации, первоочередной задачей в популяризации данной идеи среди горожан должна быть не разъяснительная работа о пользе и последующих преимуществах, а развенчание мифов и заблуждений по поводу издержек, которые и являются, как выяснилось в результате опроса основным камнем преткновения в данном вопросе. Однако на сегодняшний день приходится согласиться с тем, что в СМИ информация о топонимической реставрации культов освещается и подается не совсем верно. Это лишь сохраняет, а порой, и усиливает влияние на социум распространенными в связи с этим заблуждениями. В связи с этим, инициаторам топонимической реставрации следует предоставлять верную информацию не только населению, но и СМИ, иначе процесс информирования на-

селения инициаторами может получить низкую степень доверия.

Таким образом, социокультурное воспроизводство провинциальных городов во многом строится благодаря социальному моделированию. Социология городов, социология городского пространства может стать существенным инструментом духовного и историко-культурного возрождения России. Необходимо более системного и продуманно регулировать топонимическое развитие городов, так как социальная идентичность граждан во многом базируется на идентичности с тем местом, с тем городом где они родились и / или живут.

Литература

1. Борисова Ю.В. Образ города как стратегия развития (на примере Иркутска) // Урбанистика. 2017. № 3. С.81-92.
2. Борисова Ю.В., Попова М.В. Введение в маркетинг территории. Учебное пособие. – Иркутск, Изд-во ИГУ, 2017. 146 с.
3. Гришанин Н. В. Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры – СПб.: диссертационная работа, 2007. 160с.
4. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Словарь по межкультурной коммуникации: понятия и персоналии. М.: Вланта: наука, 2010. 136с.
5. Лавренова О. А. Культурный ландшафт как знаковая система. М.: Астрель, 2009. 371с.
6. Линч К. Образ города. Научная литература по городскому планированию. М.: Стройиздат, 1982. 164с.
7. Лотман Ю. М. Люди и знаки. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704с.
8. Лошаков А.Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология. М.: Астрель, 2008. 564с.
9. Медведев П.С., Фарахутдинов Ш.Ф. Метод мобильной этнографии в маркетинговых и социологических исследованиях // Социология. 2018. № 2. С. 67-74
10. Полюшкевич О. А. Образ исторического города: топонимические проблемы // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе : материалы X всерос. науч. интернет-конф. 5–25 окт. 2018 г. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 231-240.
11. Полюшкевич О.А. Символическое значение территории в сознании сибиряков // Социология. 2018. № 2. С. 113-117.

12. Полюшкевич О.А. Топонимика Иркутска в оценках его жителей // Урбанистика. 2018. № 2. С. 12-22.
13. Полюшкевич О.А., Попова М.В. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Урбанистика. 2017. № 3. С. 117-134.
14. Пономарева Н.С. Мемориальные доски и памятники, памятные знаки, скульптуры и образцы техники Иркутска. Аннотированный каталог от 07.06.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://irkutskmemorial.ru/> (дата обращения: 05.10.2018)
15. Попова М.В. Социально-политический ориентир территориального бренда // Известия ИГУ. Серия Политология. Религиоведение. 2017. Т.22. №64. С. 203-211.
16. Порозов Р. Ю. Культурно-образовательный потенциал городского пространства: теоретико-культурологический анализ / Р.Ю. Порозов. – диссертационная работа, 2009. 160с.
17. Ревзин Г. И. Очерки по философии архитектурной формы. М.: ОГИ, 2002. 144с.
18. Топоров В.Н. Семиотическая модель мира. М.: Наука, 2004. 124с.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

Сущность и специфика формирования инновационной культуры

Гаврилюк А.В.

В статье раскрывается сущность инновационной культуры и определяется значимость инноваций в деятельности организации. Кроме того, выявляются препятствия на пути формирования инновационной культуры, а также описываются факторы и условия, влияющие на устойчивость развития инновационной культуры. Выделяются также структурные компоненты, формирующие инновационную культуру. Ключевые слова: инновации, инновационная культура, инновационная деятельность, инновационный менеджмент.

Gavriilyuk A.V.

The essence and specificity of innovative culture formation
The article reveals the essence of the innovation culture and the importance of innovation in the organization's activities. Obstacles to the innovative culture formation as well as factors and conditions affecting the sustainability of the innovative culture development are described. The structural components that form the innovative culture are highlighted. Key words: innovation, innovation culture, innovation activity, innovation management.

Перманентное генерирование прорывных идей для создания инновационных товаров и услуг находится в прямой зависимости от эффективности менеджмента и степени вовлеченности всех сотрудников организации в научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую деятельность. Компании, постоянно сталкиваясь с проблемой развития конкурентных преимуществ бизнеса и сохранения его лидерской позиции в отрасли, стремятся разрабатывать наиболее эффективные способы внедрения инноваций в организационные и производственные процессы.

Культура инноваций имеет особое значение в деятельности компании, являясь атмосферой, вдохновляющей сотрудников искать инновационные возможности и решения различных производственных и непроизводственных задач.

Понятие «культура инноваций» является достаточно емким, включающим в себя сумму ценностей, норм, предположений, убеждений и способов жизни, созданных группой людей и переданных из поколения в поколение; а также принятие новой практики, процесса или парадигмы сообщества, создание нового продукта или услуги, адаптацию, настройку или изменение того, что уже существует, с целью придания ему нового значения.

Существуют различные барьеры на пути создания, внедрения и практического освоения инноваций, однако наибольшее значение, с точки зрения ученых и исследователей-практиков, приобретает проблема формирования культуры, поддерживающей инновационную актив-

Таблица 1

Препятствия на пути формирования инновационной культуры

Источник: составлено и доработано автором на основе материалов: Zied Mani, Ines Chouk Consumer Resistance to Innovation in Services: Challenges and Barriers in the Internet of Things Era / Journal of Product Innovation Management. 2018. Volume 35, Issue 5. P. 785 – 792.

1.	Отсутствие общего видения цели и понимания стратегии деятельности.
2.	Инновации не представляются ключевым фактором эффективной деятельности организации.
3.	Отсутствие необходимых компетенций у руководителей всех уровней управления.
4.	Постоянно меняющиеся приоритеты в деятельности организации.
5.	Ошибки стратегического планирования и ограниченность креативного мышления.
6.	Фокус деятельности компании не ориентирован на предвосхищение предпочтений потребителей.
7.	Концентрация на успехах прошлого, а не на проблемах будущего.
8.	Нежелание что-либо менять в условиях отсутствия необходимых ресурсов.
9.	Политика усиленной поддержки статус-кво в условиях трансформации внешней среды.
10.	Вознаграждение за ликвидацию последствий кризисных явлений, а не за предотвращение кризисных процессов.
11.	Сложная иерархия менеджмента – многоплановая система управления и противоречивые подходы в реализации инновационных идей.
12.	Недофинансирование инновационных проектов в целях поддержки текущей деятельности.
13.	Нежелание пресекать неэффективные инициативы.
14.	Загруженность сотрудников компании текущими операциями, как следствие — нехватка времени для инновационного проектирования.
15.	Нежелание идти на риск.
16.	Концентрация усилий на решении задач локального значения.
17.	Отсутствие удобных для пользователя процессов управления инновационными проектами.
18.	Нежелание признавать недостатки и учиться на ошибках прошлого.
19.	Отсутствие обратной связи с клиентами.
20.	Инновации не являются составной частью производственных процессов компании.
21.	Неэффективный «инновационный коучинг».
22.	Недостаток творческого подхода в деятельности сотрудников.
23.	Отсутствие программ вознаграждения и признания перспективных инновационных идей.
24.	Инновационная деятельность не включена в планы долгосрочного стратегического развития компании.

ность. Мировая и отечественная практика объективно показала отсутствие универсального метода формирования инновационной культуры.

Препятствия на пути формирования инновационной культуры являются разновекторными и сложноизмеримыми. Нельзя утверждать, что все организации сталкиваются с аналогичными препятствиями на пути инновационного развития, тем не менее следует заключить, что существуют некоторые общие тенденции, препятствующие формированию инновационной культуры (Таблица 1).

В компаниях с высоким уровнем инновационной культуры наукоемкие разработки и техническое превосходство находятся в эпицентре всех действий, направленных на улучшение качества производимой продукции и повышение конкурентоспособности на национальном и международном уровнях¹. Идентификация новых возможностей для создания инновационных продуктов является ключевым инструментом в научно-исследовательской деятельности высокотехнологичных организаций. Признаки инновационной организации представлены на Рисунке 1.

Рисунок 1 – Признаки инновационной организации
Источник: составлено автором.

Инновационные компании разрабатывают уникальные наборы инструментов и методов, направленных на поощрение как индивидуального творчества, так и инновационной деятельности в команде, уделяя особое внимание развитию инициативных групп и инструментов, ориентированных на поддержку совместного подхода к решению наукоемких задач.

Главной целью программы инновационного развития являются разработка и внедрение новых технологий, производство и вывод на рынок инновационных продуктов и услуг, соответствующих мировому уровню, содействие модернизации и технологическому развитию компаний путем значительного улучшения основных показателей эффективности производственных процессов.

Перманентные процессы поиска и внедрения передовых наукоемких разработок в производство позволяют создавать во многих компаниях культуру, ориентированную на технологическое превосходство и снижение затрат.

Практика сокращения издержек и концентрации внимания на передовых наукоемких разработках позволила сформировать во многих компаниях культуру, ориентированную на технологическое доминирование и повышение уровня конкурентоспособности². Для успешно-

го практического применения результатов НИ-ОКР корпоративная культура должна трансформироваться с учетом производственных рисков и технологической неопределенности, сопровождающих наукоемкую разработку на всех этапах инновационного процесса.

Усиление конкуренции и сокращение жизненного цикла товаров свидетельствуют о том, что достижение высоких социально-экономических показателей становится невозможным только благодаря последовательным инновациям. Необходимы революционные технологические решения, позволяющие создавать устойчивое конкурентное преимущество в долгосрочной перспективе.

Одной из ключевых задач формирования компании как субъекта инновационной деятельности является изменение корпоративной культуры для ускоренного внедрения и освоения инноваций. Существуют различные подходы, рекомендуемые адаптировать корпоративную культуру к инновационной направленности, однако отсутствие объективной информации об эффективных методах трансформации корпоративной культуры не позволяет сделать соответствующие выводы об их социально-экономической целесообразности и практической применимости

Рисунок 2 – Приоритетные условия для формирования инновационной культуры

Источник: составлено и доработано автором на основе материалов: Kochargaonkar A., Boulton J. Designing an Innovation Culture Within an Entrepreneurial Environment / Design Management Review. 2014. Volume 25, Issue 3. P. 12 – 13.

Рисунок 3 – Модель формирования инновационной культуры

Источник: составлено и доработано автором на основе материалов: Yang X. The Impact of Corporate Emotional Intelligence on Innovation: Observations from China / Global Business and Organizational Excellence. 2016. Volume 36, Issue 1. P. 91 – 92.

для внедрения и освоения результатов НИ-ОКР.

Корпоративная культура охватывает систему ценностей, норм и отношений в организации, которые оказывают влияние на то, как думают и действуют сотрудники. Инновационная культура является частью корпоративной культуры, и уровень ее развития зависит от того, насколько инновации поддерживаются и продвигаются руководством и сотрудниками.

Инновационная культура является основой для инновационной деятельности компании. Если инновационная культура не сформирована должным образом, она может препятствовать инновационной деятельности даже в случаях, когда наукоемкая разработка и инновационная группа (команда) являются идеальными по ряду ключевых признаков³. Таким образом, формирование устойчивой инновационной культуры является решающим фактором успеха в активизации инновационной деятельности компании.

Задача по формированию устойчивой инновационной культуры является многомерной и трудоемкой. Ключевой переменной является сам процесс создания инновационной культуры. Приоритетные условия для формирования инновационной культуры представлены на Рисунке 2.

Основа инновационной культуры – выстраивание стратегических целей компании. Рационально выстроенная инновационная стратегия позволяет определить ожидания от формирования инновационной культуры. Модель формирования устойчивой культуры инноваций, состоящая из четырех компонентов, представлена на Рисунке 3.

Ключевыми элементами, способствующими формированию инновационной культуры, являются:

- инновационная стратегия
- каскадные семинары
- инновационные крэш-курсы
- «дни инноваций»
- творческие семинары
- конкурсы инноваций
- награды за инновации

Данные элементы не требуют значительного количества ресурсов для своей реализации или проведения структурных изменений в организации⁴ и оказывают положительное влияние на развитие инновационной культуры. Прежде всего, они требуют принятия управленческих обязательств и приверженности тех, кто несет ответственность за инновационную деятельность.

Ключевые элементы, способствующие формированию инновационной культуры

1. Инновационная стратегия

Инновационная стратегия определяет вектор долгосрочного развития, перспективные научно-исследовательские направления и условия для достижения обозначенных целей. Цели и ожидания в отношении инновационной стратегии должны быть ясны каждому сотруднику. Поэтому особое значение имеет доведение информации о стратегических целях инновационного развития в полном объеме до всех уровней и функциональных подразделений компании.

2. Каскадные семинары

Выстраивание коммуникаций для передачи информации о стратегических целях инноваци-

онного развития компании позволяет повысить уровень осведомленности сотрудников о приоритетных направлениях НИОКР. Однако еще более важным действием являются диалог с сотрудниками и их прямое участие в процессе обмена научно-технической, производственной и иной информацией. Для проведения каскадных семинаров по инновациям привлекаются сотрудники всех функциональных подразделений и отделов компании с учетом иерархии и соподчиненности. Участие в каскадном семинаре предполагает понимание сотрудниками следующей информации: какие инновации характерны для специфики деятельности компании; какое влияние оказывают инновационные разработки на эффективность деятельности компании; каким образом результаты НИОКР способствуют повышению уровня конкурентоспособности компании. Проведение каскадных семинаров позволяет уточнить модели инновационного развития, систематизировать план действий и конкретизировать должностные обязанности всех участников научно-исследовательских и производственных процессов.

3. Инновационные крэш-курсы

Для повышения творчества и инновационной активности требуются определенные компетенции, формирование которых имеет особое значение при реализации стратегии инновационного развития. Инновационные крэш-курсы с точки зрения содержания и масштабов охвата теоретического и практического материала позволяют нивелировать расхождения в информационных потоках для различных подразделений компании. Например, содержание и объем информационного потока производственного работника отличаются от контента лидера группы по маркетингу. Информационное наполнение инновационного крэш-курса может содержать следующие разделы: сущность инноваций, специфика инновационной деятельности, оценка результатов инновационной деятельности, внедрение и освоение инноваций и проч. Оптимальная продолжительность инновационного крэш-курса может составлять от одного до трех часов.

4. Дни инноваций

Ежегодное проведение «Дня инноваций» позволяет привлечь внимание сотрудников к теме инноваций. Данное мероприятие является действенным инструментом для презентации

научных разработок на научно-практических конференциях и технологических выставках. В рамках мероприятия сотрудники имеют возможность обсудить широкий круг вопросов — от внедрения передовых технологических решений до проблем, с которыми сталкиваются в процессе выполнения НИОКР. День инноваций также может быть реализован в электронном формате с применением современных ИТ-платформ. Данный формат наиболее удобен для международных компаний, имеющих филиалы и представительства в различных географически удаленных местах.

5. Творческие семинары

В дополнение к предоставлению информации и повышению осведомленности об инновациях рекомендуется, чтобы сотрудники принимали непосредственное участие в инновационном процессе в форме творческих семинаров. Команды, совместно работающие над решением практических задач, генерируют новые идеи и разрабатывают эффективные решения. Качественная организация и модерация семинаров позволяют сделать инновационную сферу более привлекательной, способствуют вдохновению и мобилизации сотрудников для выполнения НИОКР. Очень важно, чтобы перспективные идеи не оставались нереализованными, а имели эффект от практического воплощения.

6. Конкурсы инноваций

В виде конкурса всем сотрудникам предлагается разработать инновационные проекты, которые затем могут быть переданы на рассмотрение руководству организации. В целях получения наилучших результатов предоставляется возможность предварительной подготовки. Жюри, состоящее из руководства, внутренних и/или внешних экспертов, определяет лучшие инновационные идеи. Лучшие идеи также могут быть выбраны путем голосования сотрудников. Победители награждаются, а перспективные идеи при необходимости дорабатываются и реализуются на практике. Конкурсы инноваций обладают рядом преимуществ, таких как активная вовлеченность руководства, популяризация и освещение мероприятия в средствах массовой информации, мобилизация сотрудников, презентация и обсуждение инновационных идей.

7. Награды за инновации

Инновационные конкурсы, направленные на поиск перспективных инновационных идей, вы-

явление лучших инновационных команд или инновационных проектов, пользуются огромным успехом и оказывают положительное воздействие на инновационную активность сотрудников компании. Данное обстоятельство, прежде всего, обусловлено возможностью получения общественного признания со стороны руководства компании. Кроме того, призы и награды мобилизуют сотрудников и побуждают их осуществлять НИОКР.

Источник: составлено и доработано автором на основе материалов: Яшкова Е.В., Перова Т.В., Синева Н.Л. Корпоративная культура инновационной организации как фактор эффективного функционирования персонала в системе внутреннего маркетинга / Вестник Чувашского университета. 2014. 3. С. 243 – 244; Kochargaonkar A., Boulton J. Designing an Innovation Culture Within an Entrepreneurial Environment / Design Management Review. 2014. Volume 25, Issue 3. P. 13; Spieth P., Schneckenberg D., Matzler K. Exploring the linkage between business model (&) innovation and the strategy of the firm / R&D Management. 2016. Volume 46, Issue 3. P. 408.

Наряду с представленными в Таблице 2 элементами формирования инновационной культуры следует обозначить наличие дополнительных направлений и возможностей, содействующих становлению и развитию культуры инноваций. Данные направления и возможности весьма эффективны, но сложны в своей реализации, поскольку требуют внесения значительных изменений в организационные и производственные процессы. Они могут быть реализованы только с полной ответственностью на всех уровнях менеджмента и требуют дополнительных ресурсов. К данным направлениям и возможностям относятся:

1) Корпоративное предпринимательство

Опираясь на эмпирические и теоретические знания, каждый сотрудник должен иметь возможность для практической реализации своей бизнес-идеи в компании. Корпоративное предпринимательство позволяет сотрудникам получить необходимые ресурсы и поддержку со стороны руководства и экспертов для практической реализации своей бизнес-идеи внутри компании. В случае, если бизнес-план, разработанный на первом этапе реализации бизнес-идеи, будет одобрен со стороны высшего руководства, сотруднику предоставляются возможность и необходимые ресурсы для формирования дополнительного подразделения в компании в целях дальнейшего выполнения НИОКР.

2) Рабочее время для инноваций

Компании 3M и Google являются крупнейшими инновационными организациями и изве-

стны тем, что каждый сотрудник тратит около 20 процентов своего рабочего времени на инновации и работает над своими идеями^{5,6}. Данная специфика организации трудовой деятельности является весьма эффективной, поскольку, с одной стороны, формируя отношение сотрудников к развитию культуры инноваций, она демонстрирует впечатляющие результаты от нововведений для компании, а с другой – мобилизует огромный потенциал для инновационной активности.

3) Инновационные лаборатории

Создание инновационных лабораторий в виде структурных подразделений организации, предназначенных для проведения экспериментов, позволяет выявить дополнительные возможности и оценить инновационный потенциал НИОКР. Ключевыми задачами инновационной лаборатории является содействие формированию корпоративной инновационной культуры, смещение фокуса на возможности увеличения прибыли в долгосрочной перспективе и поддержку наукоемких проектов.

Таким образом, инновационная культура содействует активизации инновационных процессов, формированию специализированной среды для ускоренного внедрения и промышленного освоения результатов НИОКР. Поскольку инновационные процессы, как правило, являются междотраслевыми, инновационная культура функционирует как разнородная среда, стандарты и ценности которой формируются и поддерживаются всеми участниками процесса. Инновационная культура создает стимулы для сотрудников и содействует активизации инновационной деятельности компании. В целях формирования перманентного потока инновационных идей и их практической реализации сотрудникам компании необходимо оказывать поддержку и содействие в раскрытии и развитии их творческого потенциала. Это требует, с одной стороны, эффективного инновационного управления и, с другой стороны, повышения инновационной восприимчивости сотрудников посредством развития профессиональных компетенций.

Литература

1. Щедрина И.В., Александренко П.Н., Неборский О.И. Инновационная организационная культура как способ повышения конкурентос-

пособности предприятия сферы услуг / Проблемы современной экономики. 2014. №2 (50). С. 342 – 345.

2. Яшкова Е.В., Перова Т.В., Синева Н.Л. Корпоративная культура инновационной организации как фактор эффективного функционирования персонала в системе внутреннего маркетинга / Вестник Чувашского университета. 2014. 3. С. 240 – 246.

3. Hock M., Claus T., Schulz E. The impact of organizational culture on a firm's capability to innovate the business model / R&D Management. 2015. Volume 46, Issue 3. P. 433 – 450.

4. Kochargaonkar A., Boulton J. Designing an Innovation Culture Within an Entrepreneurial Environment / Design Management Review. 2014. Volume 25, Issue 3. P. 10 – 16.

5. Mani Z., Chouk I. Consumer Resistance to Innovation in Services: Challenges and Barriers in the Internet of Things Era / Journal of Product Innovation Management. 2018. Volume 35, Issue 5. P. 780 – 807.

6. Spieth P., Schneckenberg D., Matzler K. Exploring the linkage between business model (&) innovation and the strategy of the firm / R&D Management. 2016. Volume 46, Issue 3. P. 403 – 413.

7. Unger B.N., Rank J., Gemünden H.G. Corporate Innovation Culture and Dimensions of Project Portfolio Success: The Moderating Role of National Culture / Project Management Journal. 2014. Volume 45, Issue 6. P. 38 – 57.

8. Wilf E. Routinized Business Innovation: An Undertheorized Engine of Cultural Evolution / American Anthropologist. 2015. Volume 117, Issue 4. P. 679 – 692.

9. Yang X. The Impact of Corporate Emotional Intelligence on Innovation: Observations from China / Global Business and Organizational Excellence. 2016. Volume 36, Issue 1. P. 87 – 97.

10. Американская компания 3M. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.3m.com/> (дата обращения: 14.10.2018).

11. Разбираем по винтикам: инновационный механизм Google. [Электронный ресурс]. URL: <https://hbr-russia.ru/management/korporativnyy-opyt/a9472> (дата обращения: 15.10.2018).

Ссылки:

1 Щедрина И.В., Александренко П.Н., Неборский О.И. Инновационная организационная

культура как способ повышения конкурентоспособности предприятия сферы услуг / Проблемы современной экономики. 2014. №2 (50). С. 343.

2 Unger B.N., Rank J., Gemünden H.G. Corporate Innovation Culture and Dimensions of Project Portfolio Success: The Moderating Role of National Culture / Project Management Journal. 2014. Volume 45, Issue 6. P. 43.

3 Wilf E. Routinized Business Innovation: An Undertheorized Engine of Cultural Evolution / American Anthropologist. 2015. Volume 117, Issue 4. P. 683.

4 Hock M., Clauss T., Schulz E. The impact of organizational culture on a firm's capability to innovate the business model / R&D Management. 2015. Volume 46, Issue 3. P. 437.

5 Американская компания 3M. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.3m.com/> (дата обращения: 14.10.2018).

6 Разбираем по винтикам: инновационный механизм Google. [Электронный ресурс]. URL: <https://hbr-russia.ru/management/korporativnyy-opyt/a9472> (дата обращения: 15.10.2018).

Методологические аспекты социологических исследований в социальной работе

Гомцын О.А.

В данной статье автор исследует направления решения методологических проблем социальных исследований в социальной работе. В результате исследования показано, что ключевым направлением является повышение уровня достоверности исследований, применения современного категориального аппарата, инструментальных и программных средств, устоявшиеся положения в области социального развития. Методологической проблемой является соотношение теории и практики в области социального развития.

В качестве одной из ключевых проблем показано, что в настоящее время существуют системные ограничения в применении нормативных документов в области социальной работы комплексного ограничения категорий в том числе при определении таких понятий как «социальная адаптация», «трудная жизненная ситуация», «социально опасное положение».

Также в работе исследуются концептуальные основы выбора исследовательских методик, применяемых в социологические исследования социальной работы, в результате было показано, что именно тот человек, которому необходима помощь и социальная поддержка, является основным субъектом социальной деятельности. То есть, субъектно-субъектный подход направляет исследователя на различные усложнения, как методические, так и методологические. В результате реализации такого подхода формируется взгляд человека не с точки зрения бездейственного потребителя социальной помощи, а именно, как с получателя, который может предоставить качественную и нужную обратную связь.

Ключевые слова: субъектно-объектный подход, социальная проблематика, социальные учреждения, социальная сфера, понятийный аппарат, понятие, объект исследования, социальная адаптация, потребитель, проблема исследования, методология.

Gomtsyan O.A.

Methodological features of social issues in social works

In this article, the author issued the direction of solving methodological problems of social research in social work. As a result of the research, it is shown that the key direction is to increase the level of reliability of research, the use of the modern categorical apparatus, tools and software, well-established provisions in the field of social development. The methodological problem is the correlation of theory and practice in the field of social development.

As one of the key problems, it is shown that at present there are systemic limitations in the application of regulatory documents in the field of social work, complex category restriction, including when defining such concepts as "social adaptation", "difficult life situation", "socially dangerous situation".

Also, the work examines the conceptual basis for the selection of research methods used in sociological studies of social work, and as a result, it was shown that the person who needs help and social support is the main subject of social activity. That is, the subject-subject approach guides the researcher to various complications, both methodological and methodological. As a result of the implementation of such an approach, a person's view is formed not from the point of view of the inactive consumer of social assistance, namely, as a recipient, who can provide high-quality and necessary feedback.

Keywords: subject-object approach, social research field, social institute, social sphere, category system, category definition, object of research, social adaptation, customer, problem of research, methodology

Следует иметь в виду, что сегодняшняя картина российского государства, отражает достаточно существенное количество людей, выполняющих свою работу в области социальной защиты общества. В данном случае, речь идет о социальных учреждениях, которые готовы со своей стороны, оказать помощь социально уязвимым слоям общества, в психологической, материальной и иных видах социальной поддержки.

Социальная работа, как профессия, сформировалась на территории Российской Федерации сравнительно недавно – в 1991 году, тем не менее годы плодотворной работы, позволили зарекомендовать и получить общественное признание. По мере того, как происходил процесс становления социальной работы, как общественной сферы, свое начало, так же получил процесс, подразумевающий под собой многочисленные исследования в области социологии, экономики, культурологии, психологии и некоторых других направлений.

Стоит сказать, что вся работа, проводимая в социальной сфере направлена целиком и полностью, на оказание помощи целому ряду отдельных общественных категорий, которые находятся в не простой жизненной обстановке.

Если рассматривать социальную сферу деятельности в наши дни, то она является в достаточной степени интересной и в тоже время глубокой системой, что дает возможность авторам исследований проводить ее постоянное изучение. В тот же самый момент, исследователи получают обновление своих собственных знаний и взглядов, относительно общей социальной проблемы.

Не стоит забывать, о том, что отечественная социологическая направляющая, на сегодняшний день, уже использует целый перечень различных социологических исследований. В данном перечне состоят, в основном традици-

онные и уже испытанные методы, к которым можно отнести анализ документации, опросы и наблюдения.

Перечисленные методики не являются методически сложными, тем не менее, разного рода проблемы имеют место быть. В основном – это является характерным на начальных этапах подготовки, когда осуществляется подбор между разными методами построения научного познания.

Отметим, что это могут быть ценностные ориентации клиентов социальных служб, стратегии преодоления трудной жизненной ситуации, уровень удовлетворенности оказываемыми социальными услугами, уровень завышения клиентами личных потребностей, профессиональные потребности работников социальных учреждений и т.д.

Практически любое исследование в области социальной работы, выделяет следующую проблему, а именно вопрос, о том, в каких именно пропорциях будут отображаться сведения, которые идут от клиентов социальных служб, так и от самих социальных служащих.

Немаловажно, что сегодня, в достаточной степени существенная доля исследований обладает довольно значительным минусом, так как непосредственно проявляется интерес к поступкам и суждениям одной стороны социальной сферы, клиентам, при этом почти пренебрегаются действия и идеи с другой стороны. Стоит отметить, то, что так как социальная работа, ровно, как каждый знакомый процесс предоставления той или другой услуги – считается обоюдодоактивным действием, в пределах которого исполняется взаимопересечение эмоций, чувств, идей, познаний, ценностей, а кроме того, одновременно целого ряда субъектов.

В данном случае речь идет о том, что сторона, что берет на себя право на помощь, и сторона, оказывающая данную поддержку, являются не мыслимыми в отдельности, таким образом равно как считаются взаимообусловленными, в ракурсе того или другого научного восприятия разных вопросов указанной общественной деятельности. В такого рода действиях, как приспособление выпускника интерната, медицинское и социальное восстановление инвалида, постоянно имеется связь.

Отметим то, что автор исследования, в рамках своей работы, выделил в качестве объекта

исследования, не человека, а само социальное явление. Важно, что подобными примерами будут выступать: бедность, бездомность и сиротство.

Тем не менее учитывая все вышеперечисленное, более рациональным является нахождение двух выборочных совокупностей – социальных работников и нуждающихся в социальной поддержке людей.

В данной ситуации, использовать ли их в равной пропорциональности по большой мере является техническим вопросом. В тоже время, необходимо понимать, что любое исследование получает свой статус важности, только в том случае, если оно является информативным и в тоже время глубоким.

Следовательно, к следующей значимой методологической проблеме возможно, отнести, использование подхода к социальной работе, который имеет название субъектно-субъектный.

Согласно традициям проводимых ранее исследований, в частых случаях применяется субъектно-объектный подход. Под субъектно-объектным подходом понимается значительная доминантность социального служащего, в процессе определения форм, а также методов, по которым оказывается поддержка граждан.

В результате чего, в ходе социального реабилитирования нуждающийся на самостоятельной основе выбирает для себя формы реализации его творческого потенциала, а сам социальный работник берет на себя ответственность за личностный рост нуждающегося и в тоже время исполняет роль помощника в процессе самостоятельной реализации.

Стоит отметить, что процесс, связанный с адаптацией людей, не имеющих постоянного места жительства в центре социальной помощи, также осуществляется в рамках поиска указанным клиентом возможностей и сил с целью достижения определенных результатов в разных сферах деятельности в том числе и творчестве.

Исходя из того, что именно тот человек, которому необходима помощь и социальная поддержка, берет на себя роль основного субъекта социальной деятельности, которая говорит об его стратегии развития.

Стоит сказать, что субъектно-субъектный подход направляет исследователя на различные осложнения, как методические, так и мето-

дологические. Однако в конечном итоге – это приводит к нормальному теоретическому и практическому результату.

Формируется взгляд человека не с точки зрения бездейственного потребителя социальной помощи, а именно, как с получателя, который может предоставить качественную и нужную обратную связь.

Методологические проблемы исследований социальной деятельности, также имеют известную ситуацию с размытостью между проблемами исследовательскими и социальными.

Зачастую с подобными противоречиями сталкиваются начинающие исследователи, которые говорят о социальной проблеме, как о проблеме исследований.

Социальные проблемы современного общества, в решении которых задействованы многие действующие методики и механизмы, заключаются в серьезных значениях показателей социального сиротства, инвалидизации и высоких темпах демографического старения общества [3, с. 86].

Также не стоит забывать о том, что проблема исследований, отмечает наличие противоречия между незнанием и знанием. Отметим, что решение исследовательских проблем – это, как правило, изучение чего-нибудь ранее не изученного, тем не менее – это не позволит решить социальную проблему.

На основании этого, можно отметить тот факт, что в целом ряде случаев социальную проблематику можно понимать, как конкретный объект исследования, а проблему исследования рассмотреть с точки зрения понимания того, что ранее не было изученным и какие знания еще необходимы.

Отметим, что существует еще одна не малоизвестная проблема методологического характера – размытость аппарата понятий. Социальная работа, не в состоянии на сегодня предложить современные идеи для выхода из существующей проблемы.

Операционализация подобного рода понятий, примером которой являются: «социальная адаптация», «трудная жизненная ситуация», «социально опасное положение» и прочее, в конечном итоге находят как точки соприкосновения, так и точки разногласия.

Важно, что рассмотренные автором в ходе написания статьи методологические проблемы

исследования в социальной работе не смогут исчерпать полный список потенциальных и традиционных проблем.

Тем не менее, уже больше, чем два десятилетия формирования научных изысканий социального труда, диктуют сообществу ученых правила, для движения направленного на разработку устройств упреждающих появление проблематик в формировании научного познания. Стоит отметить, что имеющие значения вопросы, непосредственно связанные с созданием конструктивной методологии при своем решении, в существенной степени облегчают и саму методику процесса исследования. Ко всему прочему, представляется возможным также добавить, то, что, находясь в достаточно новой сфере, отечественная социальная работа заинтересована в увеличении круга исследовательских проблематик, решение которых является, своего рода ростом результативности решения социальной проблематики. Важно иметь виду, что при достаточно качественном взаимном обогащении теории и практики социальной работы, осуществляется повышение совокупного уровня культуры рассматриваемой области, что считается крайне значимым для успешности отечественной социальной политики.

Следует отметить, что исследовательскими методами социальной работы считаются способы приобретения теоретической и эмпирической информативности в непосредственном процессе социологического исследования. Немаловажно, что социологические методы исследования в состоянии обладать, как специальным, так и общенаучным характером. В данном случае общенаучные методы, позволяют обеспечить нужный исследовательский уровень. Далее, осуществляется описание кратких характеристик данных методик.

Под диалектикой понимают, ни что иное, как метод познания общего вида, который дает возможность определить и произвести некий анализ закономерного появления, а также внедрения и развития социальной реальности – процессов, явлений, отношений, в том числе следственной и причинной связей и т.д. Отметим, что синергетичность позволяет осуществлять анализ и определение случайных, в том числе и самостоятельно управляемых социальных процессов и явлений, к примеру, тех что сами образуются, а также реальные и возмож-

ные бифуркации в социальной жизни, а также производящие самоорганизацию социальных субъектов и объектов, рассмотрение и определение социального акупунктурирования общества, в максимальной степени «болевых» и сложнейших моментов в социальных коммуникациях.

Следовательно, непосредственный историзм дает возможность определить, дать характеристику, а также сопоставить различные уровни эволюции изучаемого социального объекта, а также, выявить главные исторические тенденции его совершенствования. Специализированные методики конкретного эмпирического изучения позволяют обеспечить накопление, сбор и использование нужной информативности о количественных и качественных характеристиках изучаемого объекта и осуществления правильной аналитики социальных проблематик.

Отметим, что специализированные методы наделены своими собственными характеристиками и назначениями. Как правило, методы используются в комплексе, что также позволяет обеспечить надежность и объективность получаемой информации.

Под методами опроса, важно понимать, не что иное, как один из вариантов приобретения первостепенной социологической информативности, отталкиваясь в свою очередь от пути прописывания в письменной ручной форме вопросов к тому или другому гражданину. Важность данного метода, подчеркивается его частой используемостью, особенно в процессах, предполагающих изучение общественного мнения. В основном в основании всех опросов находят-

ся опросный лист, включающий в себя достаточно существенное количество вопросов, которые необходимо озвучить респондентам, для решения какой-либо проблемы.

Литература

1. Федеральный закон от 17.07.1999 N 178-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О государственной социальной помощи» // СПС «Консультант-Плюс». - URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (Дата обращения 25.09.2018)
2. Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2018) // СПС «Консультант-Плюс». - URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (Дата обращения 25.09.2018)
3. Романычев И. С. Проблемы методологии социологических исследований в социальной работе // Дискуссия. – 2014. – №7.
4. Сельченко А. К. Профессиональный статус социальных работников в России сквозь призму содействия социальным изменениям // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №12.
5. Саралиева З. Х. Категории социологии и социологические исследования в социальной работе // Вестник ННГУ. – 2007. – № 2.
6. Удоденко А. А. Гипотезы и социологические исследования социальной работы // Известия АлтГУ. – 2012. – № 2.
7. Шухарева О. Н. К вопросу о социологии социальной работы // Научный журнал КубГАУ. – 2006. - № 23 (7). – С. 1–13.

Конкурентоспособность персонала на предприятии: сущность и классификации факторов формирования

Ли Жуннань

В статье определена сущность и значение конкурентоспособности персонала предприятия как важного элемента системы управления кадровыми ресурсами. Проведена классификация факторов, которые влияют на формирование и совершенствование конкурентоспособности персонала на предприятии. Автором предложены инструменты и способы повышения конкурентоспособности персонала. В современных условиях конкурентные преимущества экономики и возможности ее модернизации в значительной степени связаны с эффективным использованием персонала на промышленных предприятиях. Именно надлежащий уровень образования, квалификации и опыта работников формирует возможности технологического, экономического и социального роста общества, ускоряет сокращение отставания отечественных промышленных предприятий от экономически развитых стран и обеспечивает региональное лидерство. Исследование факторов влияния на конкурентоспособность персонала предприятия дает основания утверждать, что политика государства в сфере трудовых отношений существенно влияет на процесс формирования и повышения конкурентоспособности персонала, поскольку определяет занятость населения, уровень его образования и квалификации, условия оплаты и охраны труда. Ключевые слова: конкурентоспособность персонала, управление персоналом, коллектив, факторы формирования конкурентоспособности персонала, человеческий капитал.

Li runnan

Competitiveness of personnel at the enterprise: essence and classification of formation factors

The article defines the essence and importance of the competitiveness of the company's personnel as an important element of the human resources management system. The classification of factors that affect the formation and improvement of the competitiveness of personnel in the enterprise. The author offers tools and ways to improve the competitiveness of staff. In modern conditions, the competitive advantages of the economy and the possibility of its modernization are largely associated with the effective use of personnel in industrial enterprises. There are the appropriate levels of education, skills and experience of employees that creates opportunities for technological, economic and social growth of society, accelerates the reduction of the backlog of domestic industrial enterprises from economically developed countries and provides regional leadership. The study of the factors of influence on the competitiveness of the company's personnel gives grounds to assert that the state policy in the sphere of labour relations significantly affects the process of formation and improvement of the competitiveness of personnel. It determines the employment of the population, the level of its education and skills, payment terms and labour protection.

Keywords: competitiveness of personnel, personnel management, team, factors of formation of competitiveness of personnel, human capital.

Конкурентоспособность персонала, в свою очередь, определяется качеством рабочей силы, соответствующим рыночным потребностям в функциональной высококачественной работы. Конкурентоспособность работника рассматривается как показатель сегментации наемных работников по уровню их потенциальной и фактической эффективности труда и способности к профессиональному развитию.

Обобщение понятия конкурентоспособности персонала в современных условиях функционирования предприятия, определение влияния факторов его формирования и повышения является актуальным вопросом, требующим практического решения.

Большинство ученых, исследующих эту проблематику, разделяют факторы формирования и повышения конкурентоспособности персонала на несколько уровней. Среди значительного количества трудов теоретического и практического характера весомый вклад в исследование проблем, связанных с эффективным управлением персоналом предприятия и повышение его конкурентоспособности, совершили такие ученые: Д.П. Богиня, В.М. Данюк, Н.М. Глевацкая, Л.П. Крысин, В.М. Петух, М.В. Семькина, А.Ю. Славгородская, А.Г. Шатохин и другие.

На сегодня открытым остается вопрос относительно определения роли конкурентоспособности персонала предприятия и обоснование факторов его формирования, что требует дальнейших исследований в этом направлении. С появлением рыночных отношений в России, движением в направлении включения в мировое экономическое пространство перед ответственными промышленными предприятиями встают принципиально новые задачи по повышению конкурентоспособности персонала. В этом аспекте актуальным остается процесс

Таблица 1

Концептуальные подходы к классификации факторов формирования и повышение конкурентоспособности персонала
 Источник: составлено автором на основе [2-9]

Автор	Классификационный признак факторов формирования и повышения конкурентоспособности персонала	
Данюк В.М., Петух В.М.	Внутренние	– иерархическая система предприятия; – используемые технологии; – стиль управления; – финансовые ресурсы предприятия; – условия труда; – модель управления персоналом
	Внешние	– территориальная принадлежность предприятия; – состояние рыночной конъюнктуры; – требования национального трудового законодательства; – спрос на рабочую силу со стороны конкурентов
Славгородская А.Ю.	Внутренние	– организационно-технические; – психофизиологические; социально-экономические; – факторы организации управления труда
	Внешние	– социально-экономические условия развития области, региона, страны; – структура трудовых ресурсов области, региона, страны; – структурные элементы рынка труда; – государственное регулирование рынка труда
Шатохин А.Г.	Внутренние	– профессиональная мобильность; – адаптивность; – инновационная направленность; высокие профессиональные и личностные качества; – готовность к постоянному повышению уровня квалификации
	Внешние	– социальная компетентность и правовая подготовка; – отраслевая и территориальная мобильность; – знание экономической конъюнктуры на рынке рабочей силы; – автономность в принятии решений
Семькина М.В.	Микроэкономический уровень	Конкуренция между работниками предприятия или его подразделения
	Макроэкономический уровень	Конкуренция на национальном рынке труда
	Международный уровень	Конкуренция на международных рынках труда
	Мезоуровень	Конкуренция между работниками и между работодателями на уровне региона, отрасли
	Глобальный уровень	Конкуренция на транснациональном и глобальном рынках
Глевацкая Н.М.	По источникам происхождения	Внутренние и внешние
	По природе возникновения	Научно-технические, экологические, организационно-экономические, социально-экономические, национально-культурные, социальные

формирование конкурентоспособности персонала, который происходит под влиянием факторов.

Конкурентоспособность персонала как способность определенных лиц к индивидуальным достижениям в труде делает значитель-

Таблица 2

Факторы, влияющие на формирование и повышения конкурентоспособности персонала предприятия

Источник: составлено автором

Внешние факторы	Внутренние факторы
1. Развитие науки и техники	1. Оценка профессионально-квалификационных качеств персонала
2. Демографическая ситуация в стране, регионе и области	2. Уровень оплаты труда
3. Социально-экономические условия развития страны, региона и области	3. Мотивация и стимулирование персонала
4. Уровень культуры и образования населения	4. Учет и оценка результатов деятельности труда
5. Нормативно-правовое обеспечение трудовых отношений	5. Организация рабочего дня и места работы
6. Государственная политика в сфере трудовых отношений	6. Непрерывное обучение на производстве персонала
7. Спрос и предложение рабочей силы по профессиям, квалификационным уровням и специальностям	

ный вклад в реализацию организационных целей [1, с. 93].

Что касается определения понятия «фактор», то в научных исследованиях эта категория используется в двух взаимосвязанных значениях: условие, которое обеспечивает осуществление операций, и потенциальная сила, то есть причина изменения результатов деятельности.

Большинство ученых, исследующих проблему формирование и повышение конкурентоспособности персонала предприятий, разделяют факторы влияния на несколько уровней. Так, в частности, В.М. Данюк, В.М. Петюх и О.Г. Шатохин классифицируют факторы по внутренним и внешним признакам. При этом А.Ю. Славгородская разделяет на факторы внутреннего и внешнего среды, Д.П. Богиня, Г.Т. Куликов, Л.С. Лисогор – на объективные по общим признакам, социально-демографические, социально-психологические и факторы экономической мотивации труда.

По мнению Н.В. Семькиной, факторы влияния на конкурентоспособность персонала целесообразно рассматривать:

– микроэкономический уровень (конкуренция между работниками предприятия); – мезоуровень (конкуренция между работниками и между работодателями на уровне региона и отраслей);

– макроэкономический уровень (конкуренция на национальном рынке); международный уровень (конкуренция на международных рынках);

– глобальный уровень (конкуренция на транснациональном и глобальном рынках) (табл. 1).

Как свидетельствуют данные табл. 1, предложенная учеными классификация факторов является достаточно разнообразной. На основе этих аспектов мы можем систематизировать и обосновать собственную классификацию согласно их отличительным признакам.

По нашему мнению, стоит согласиться с подходами В.М. Данюка, В.М. Петюха и М.В. Семькиной по разделению факторов влияния на конкурентоспособность персонала предприятия на макроэкономические и микроэкономические, возможно также отождествить с внутренними и внешними. Вместе с тем определение источников происхождения фактора в зависимости от уровня дает возможность сформировать действия по управлению им. Однако, заслуживает внимание также подход А.Ю. Славгородской: разделение микроэкономических (внутренних) факторов на личностные (на уровне работника) и предпринимательские (на уровне предприятия, где работает работник).

Согласно наиболее распространенной классификации все факторы можно сгруппировать в два блока:

1) факторы косвенного действия;

2) факторы непосредственного действия предприятия на формирование и повышение конкурентоспособности персонала предприятий.

К первой группе стоит отнести такие факторы, не подвергаются воздействию формирования конкурентоспособности персонала, то есть на которые можно влиять лишь на уровне государства (внешние факторы). Ко второй группе относят такие факторы, которые непосредственно влияют на формирование конкурентоспособности персонала и меняют их показатели, характеристики и прочее (внутренние факторы) [7]. Перечень этих факторов, которые в той или иной степени влияют на формирование и повышение конкурентоспособности персонала предприятий, изображен в табл. 2.

Вместе с тем потребности и интересы общества требуют разработки и внедрения прогрессивных технологий на основе использования современных достижений науки, техники и образования и формирующие спрос и предложение на рынке рабочей силы, которые определяются следующим фактором влияния на формирование конкурентоспособности персонала. Влияние этого фактора на отдельной территории, отрасли и на различных предприятиях будет не таким и будет иметь другое значение.

Спрос и предложение стимулируют возникновение конкурентной борьбы между персоналом, поскольку именно они формируют потребность в той или иной специальности, ставят требования к работникам.

Оценить социально-экономические условия развития возможно в направлении их основных параметров:

- валовой рациональный продукт (ВРП) на одну личность;
- доходы населения;
- объемы инвестиций на одного человека;
- объемы экспорта и импорта.

Общее оценивания заданных параметров, которое должно проводиться экономическим отделом предприятий должно быть доступным, понятным и открытым.

Что касается внутренних факторов влияния на формирование и повышение конкурентоспособности персонала, то, пожалуй, наиболее значительное влияние оказывает уровень оплаты труда. Она обеспечивает уровень жизни работников, их морально-физическое развитие и напрямую зависит от их самосовершенствования. Меры мотивации и стимулирования персонала побуждают к развитию конкурентных преимуществ с целью самосовер-

шенствования и повышения уровня оплаты своего труда.

Организация рабочего дня и отдыха, улучшение условий работы персонала, как правило, предоставляется в соответствии к результатам их деятельности и уровня квалификации в процессе сравнений конкурентных преимуществ работников.

Что касается учета и оценки результатов деятельности труда, то это сложный процесс, который требует научной обоснованности, а также контроля и анализа плановых задач, справедливости и прочее.

По нашему мнению, все важнейшие факторы повышения и формирования конкурентоспособности персонала предприятия являются взаимосвязанными, поэтому реализация одних не возможна без реализации других. В свою очередь, предприятию нужно рассмотреть каждый из факторов влияния на конкурентоспособность персонала для своего устойчивого развития.

Итак, результаты исследования факторов, которые влияют на формирование и повышение конкурентоспособности персонала предприятия, позволяют прийти к таким выводам:

1. На формирование и повышение конкурентоспособности персонала на уровне государства влияют внешние факторы, на уровне самого предприятия – внутренние факторы.
2. К внешним факторам следует отнести: развитие науки и техники; демографическую ситуацию в стране, регионе и области; уровень культуры и образования населения; социально-экономические условия развития страны, края, региона или области; нормативно-правовое обеспечение трудовых отношений; государственную политику в сфере трудовых отношений; спрос и предложение рабочей силы по профессиям, квалификационным уровням и специальностям.
3. Среди внутренних факторов выделяют: оценка профессионально-квалификационных качеств персонала; уровень оплаты труда; мотивацию и стимулирование персонала; учет и оценка результатов деятельности труда; организацию рабочего дня и места работы; непрерывное обучение на производстве персонала.

Обобщенные нами факторы, которые влияют на формирование и повышение конкурентоспособности персонала, является взаимодей-

ствующая цепь мероприятий, которые способствуют формированию эффективной системы управления как персоналом, так и самим предприятием.

Литература

1. Богиня Д.П. Конкурентоспособность рабочей силы в системе социально-трудовых отношений: монография / Д.П. Богиня, Г.Т. Куликов, Л.С. Лисогор. – Х.: Экономика, 2013. – 213 с.
2. Хентце И. Теория управления кадрами в рыночной экономике. – М.: Междунар. отношения, 1997. – С. 243.
3. Глевацкая Н.М. Стратегия обеспечения конкурентоспособности рабочей силы на предприятии // Управления человеческими ресурсами: проблемы теории и практики. – К.: КНЭУ, 2015. – С. 25–30.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: ЭКСМО, 2007. – 944 с.
5. Данюк В.М. Менеджмент персонала. – 2-е изд. – М.: ЛитРес, 2016. – 198 с.
6. Семикина М.В. Мотивация конкурентоспособности труда: теория и практика регулирования. – СПб: ПИК, 2015. – 426 с.
7. Славгородская О.Ю. Классификация конкурентных преимуществ персонала предприятия // Сб. науч. трудов. Серия «Экономика труда». – 2015. – № 8. – С. 94–101.
8. Хлопова Т.В. Трудовой потенциал и конкурентоспособность работников. – Иркутск: БГУЭП, 2013. – 159 с.
9. Шатохин А.Г. Конкурентоспособность работников на рынке труда: автореф. дис. ... канд. экон. наук: спец. 08.00.01 / А.Г. Шатохин; Ярослав. гос. ун-т. – Ярославль, 2000. – 19 с.

Социальные тенденции государственно-частного партнёрства в московской агломерации

Мозолевский В. Б.

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные со спецификой государственно-частного партнёрства в социальной сфере. Автором проводится изучение предпосылок к возникновению ГЧП в мировой и отечественной практике, его развитии и значении для общества. Отдельное внимание уделено российской практике применения государственно-частного партнёрства в социальной сфере и последним тенденциям, связанным с ней. Проведен анализ статистики проектов ГЧП по направлениям и выявлены определённые тенденции, в частности, место социальной сферы в общем векторе развития.

Ключевые слова: государственно-частное партнёрство, социальная сфера, московская агломерация, социальные тенденции.

Mozolevskii V.B.

Social tendencies of public-private partnership in Moscow agglomeration. This article is devoted to the specifics of public-private partnership in the social sphere. It reviews the factors which led to the creation of public-private partnership both on international and domestic level. It also focuses on the development of public-private partnership and its significance to the society. Furthermore, special attention is devoted to the application of public-private partnership to the social sphere in Russia and to the latest tendencies of its development. The analysis of statistics of the projects of the public-private partnership led to the identification of the tendencies connected to it and the establishment of the place the social sphere takes in the vector of development.

Key words: public-private partnership, social sphere, Moscow agglomeration, social tendencies.

Социальная сфера в Российской Федерации нуждается в значительном привлечении денежных средств, обновлении методов реализации управленческого потенциала, а также в существенном пересмотре взаимодействия государства и частного сектора на местах. В определённых случаях устоявшиеся механизмы представляются эффективными, однако, при существующем государственном бюджете и его распределении [Мфин РФ], можно понять, что зачастую финансовых средств может не хватать просто по причине невозможности увеличить бюджетные траты на социальные направления. Не столь важны первичные факторы распределения бюджетных средств (не только в отечественной практике, но и в мировой), сколько методы решения данной проблемы. Методов, в свою очередь, может быть множество, от кадровых перестановок до концептуальных изменений, и каждый из них будет в определённой мере эффективен, однако, в данном случае стоит сфокусироваться на вопросе подхода к проблематике данного вопроса.

Руководствуясь в первую очередь мировой практикой и способами решения социального вопроса в других государствах, мы видим значительную роль такого инструмента как PPP (англ. Private Public Partnership), который в российской практике носит наименование Государственно-частное партнёрство (сокращённо – ГЧП). Государственно-частное партнёрство представляет собой совокупность форм взаимодействия между государством и частным сектором с целью привлечения финансовых средств для реализации социально значимых проектов. По сути, привлекая частного инвестора, государство, в лице уполномоченного органа, желает получить содействие в реализации собственных функций. Но суть частного инвестора заключается не в безвозмездной передаче средств, а в перманентном извлечении прибыли.

ли или же получения сдельной суммы по факту реализации проекта.

Родоначальником мировой практики государственно-частного партнёрства считается Великобритания. Не смотря на то, что там, как и во многих других странах, проекты такого рода изначально не имели чётко проработанной структуры, под наплывом частных инвесторов, желавших вложиться в государственные проекты, государственным деятелям пришлось уделить данному вопросу отдельное внимание. Следствием этого стало появление той формы взаимоотношений, которая сейчас нам известна как Государственно-частное партнёрство [2, С. 63].

Практика Великобритании стала живым примером того, что частный сектор, при правильном подходе, может не просто зарабатывать, но и приносить реальную пользу обществу. Благодаря таким достижениям, государственно-частное партнёрство обрело свою популярность по всему миру от соседних Европейских стран до США и Австралии.

Таким образом, мы можем понять первопричины и предпосылки для появления такого инструмента как ГЧП в России. Не смотря на то, что данная проблематика просматривалась достаточно давно, на законодательном уровне такой термин как «Государственно-частное партнёрство» и «Муниципально-частное партнёрство» появились весьма недавно – в 2015 году. Именно тогда появился Федеральный закон «О государственном-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 N 224-ФЗ.

Кроме профильного Федерального Закона есть Федеральный закон «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005 N 115-ФЗ. Именно этот закон послужил первоначальным базисом для последующего развития всей системы государственно-частного партнёрства в Российской Федерации.

Также существуют проекты, реализуемые в рамках контрактов жизненного цикла (КЖЦ), которые соответствуют федеральному закону «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N 44-ФЗ и договоры аренды с контрактными обя-

зательствами, регулируемые в рамках гражданско-правовых договоров.

Все четыре указанных выше способа организации совместной деятельности обеспечивают частного инвестора возможностью участвовать с государством в партнёрских отношениях с определёнными конечными целями в социальной сфере.

В настоящее время рынок проектов ГЧП представляет собой уже работающий, динамично развивающийся механизм, отладка которого поставлена на перманентную основу. Посредством Государственно-частного партнёрства реализуются в первую очередь транспортно-инфраструктурные проекты, которые также являются проектами, отражающими одну из государственных функций, но в последнее время тенденцией стала и реализация проектов с прямой социальной значимостью. Определённый эффект имело обращение В.В. Путина на заседании коллегии Минздравсоцразвития в 2012 году, в котором он обозначил институт ГЧП «одним из важнейших механизмов реализации социальной политики» [Путин 2012]. К таким проектам можно отнести проекты в следующих сферах:

- Образование;
- Здравоохранение;
- Жилищная сфера;
- Культура;
- Прочие.

Для достижения значительного результата был организован Центр ГЧП, который, кроме всего прочего, участвует в разработке документации и дорожных карт для реализации такого рода проектов. В целях стабильного развития ГЧП необходимо совершенствовать методические рекомендации, благодаря которым весь процесс от идеи до завершения реализации, будет возможно разложить на составляющие. Также необходимо минимизировать финансово-правовые препоны, деструктивно влияющие на весь процесс экономического взаимодействия между государственным и частным секторами. Для этого внутри Министерства экономического развития создано специальное направление, отвечающее за развитие государственно-частного партнёрства.

Однако многое в части реализации проектов и улучшения социальной составляющей в рамках механизма ГЧП лежит на конкретном

Рисунок 1 – Инфраструктурные разрывы к 2030 году, трлн. руб.

Таблица 1
Оценка инфраструктурных разрывов по отраслям

№	Отрасль	Программные расходы на 2019г., млрд. руб.	Непокрытая потребность на 2019 год, млрд. руб.	Потенциал покрытия через ГЧП, млрд. руб.
1	Здравоохранение	44,7	100,0	30 (30%)
2	Физическая культура и спорт	13,4	40,0	20 (50%)
3	Образование	24,3	40,0	20 (50%)
4	Культура и туризм	12,9	20,0	15 (75%)

регионе. Именно от властей каждого региона зависит успешность развития тех или иных проектов. Москва делит первое место с Московской областью, Санкт-Петербургом и Самарской областью по рейтингу регионов в области ГЧП на 2017-2018 года [ЦГЧП 2018, С 40]. Учитывая данный факт, можно утверждать, что Московская агломерация (Москва совместно с Московской областью) представляет собой один из самых успешных и динамичных примеров внедрения государственно-частного партнёрства. Для понимания тенденций, необходимо рассмотреть место социальной сферы в общей проектной структуре.

Москва, наравне с Московской областью, является передовиком в области привлечения средств [3, С. 26-27], реализации и, что с социальной точки зрения не менее важно, информационной поддержки касательно проектов, обладающих непосредственной общественной значимостью. Любой желающий обладает возможностью зайти на московский или областной инвестиционный портал и получить исчерпывающую информацию касательно любого

интересующего его проекта. Кроме того, в силу того, что Москва и Московская область непосредственно связаны, значительная часть работающего населения Московской области ездит на заработки в столицу. Согласно данным опросов, порядка одного миллиона человек ежедневно приезжают в Москву для осуществления трудовой деятельности.

В данном случае не только транспортно-инфраструктурные проекты, среди которых совершенствование железнодорожного сообщения и расширение автотранспортных возможностей для передвижения, является во многом социально значимой задачей, а также и ряд других задач от благоустройства до укрепления береговых линий, так как целью создания таких объектов в первую очередь является улучшения качества жизни населения. Однако, в данной статье мы сделаем упор на направления, указанные ранее и обозначенные как проекты с социальной направленностью.

В статистическом разрезе прогнозных данных Росстата можно увидеть, что к 2030 году инвестиционные возможности в социальной

сфере будут превышать реальную потребность в таковых на 1,5 трлн. руб.

В то же самое время, согласно экспертным оценкам Национального Центра ГЧП с учетом существующих тенденций, недофинансирование социальной сферы в 2019 году составит порядка 200 млрд. руб [ЦГЧП 2018, С. 19].

Как можно увидеть из приведённой выше таблицы, непокрытую потребность можно закрыть за счёт средств, привлечённых от частных инвесторов через механизмы ГЧП. За неимением субъектно-распределённой статистики по количеству проектов социальной сферы, а также сумм, задействованных в их реализации, можно предположить, что согласно позиции в рейтинге регионов, а также населению, проживающему на данной территории (по данным Росстата общее количество населения в московской агломерации составляет более 20 млн. человек), Москва и Московская область являются одними из самых интенсивно развивающихся регионов России.

Очевидно, что ГЧП выступает своего рода уникальным инструментом даже с точки зрения социологии управления, поскольку даже внутренние способы организации процессов не могут быть исключительно коммерческими или наоборот – государственными. Особенности процессов государственно-частного партнёрства с точки зрения социологии управления необходимо рассматривать отдельно, в данной статье нам принципиально важно выделить лишь некоторые аспекты.

Во-первых, использование ресурсов государственного партнёра становится более эффективным, так как частный инвестор заинтересован в оптимально возможном извлечении прибыли. Во-вторых, качество услуг, предоставляемых населению, должно стабильно находиться на достаточно высоком уровне, так как присутствует как элемент конкуренции, так и элемент государственных обязательств перед населением. В-третьих, закрываются пробелы в тех социально-значимых направлениях, в которых частный или государственный сектор самостоятельно справиться был бы не в силах. Некоторые проекты, которые отражают текущие тенденции, будут описаны далее [2, С. 127].

Есть некоторые примеры проектов, которые можно назвать якорными, ставшими настоящим эффективным примером в своей отрасли.

Ниже мы перечислим и дадим описание некоторым из них, отдельно в Москве, отдельно в Московской области. Однако некоторые проекты являются не региональными, а федеральными, что отражается не только и не столько на статусе самого проекта, сколько на широте граждан, которые обладают возможностью воспользоваться услугами того или иного заведения.

В рамках Москвы транспортная проблема долгое время была, наверное, самой критичной, поскольку, обладая собственным населением, вынуждена принимать ещё и граждан, приезжающих в Москву на заработки из области. Как уже было сказано ранее – это порядка одного миллиона человек ежедневно, что негативно сказывается на транспортной обстановке. Поэтому, некоторое внимание этому направлению уделить просто необходимо. Но рассматривать стоит данный вопрос под определённым углом, а именно – реализация проектов в сфере общественного транспорта.

Множество крупных проектов, обеспечивающих жизнедеятельность москвичей и гостей столицы, реализовано благодаря ГЧП, в частности, строительство МЦК – проект РЖД и властей Москвы, благодаря которому удалось связать с сетью метрополитена отдельные районы и разгрузить сами ветки московского метро. Не менее значимым является строительство ТПУ, благодаря которым станет возможно комбинировать личный и общественный транспорт. В этом случае, каждым из ТПУ занимается отдельный частный партнёр, а город в лице Департамента городского имущества г. Москвы ведёт данный проект.

Из проектов прямого социального значения можно выделить сеть клиник «Доктор рядом». На момент написания данной статьи открыто уже 62 отделения этой частной клиники и ежегодно их количество увеличивается, учитывая тот факт, что такой подход был одобрен лишь в 2013 году. Данная сеть клиник, получая в пользование на льготных условиях помещения (1 руб. за кв.м.), находящиеся в государственной собственности, предоставляет услуги населению в том числе по страховым полисам, благодаря чему спадает нагрузка на государственные поликлиники, а доверие граждан к уровню оказываемых услуг повышается. Из проектов медицинской сферы более глобального плана можно выделить строительство Международного

медицинского кластера (ММК) на территории Сколково.

В части образования также привлекаются инвестиции по схеме, описанной в здравоохранении, но для эксплуатации частных школ и детских садов. Такой подход призван обеспечить большую конкурентность на рынке предоставляемых услуг в сфере образования, а также улучшить качество оказываемых услуг.

В Московской области также есть проекты, которые можно назвать якорными. По состоянию на 2017 год в качестве самых перспективных проектов, реализуемых в Московской области, было выбрано 33 начинания, среди которых есть как транспортно-инфраструктурные, так и сугубо социальные направления [1, С. 14]. Особое внимание можно уделить именно последним.

В последние годы иницируется всё больше проектов, связанных со сферой здравоохранения, например – строительство многопрофильного высокотехнологичного медицинского центра. Данный центр предварительно будет реализован на территории Воскресенского района. Данный проект нацелен на обслуживание пациентов, требующих оперативного вмешательства и получивших сложные травмы. Кроме того, данный медицинский центр будет оснащён площадкой для использования медицинской авиации.

Не таким масштабным, но необходимым является проект по реконструкции диализного центра в Сергиевом Посаде. Данное учреждение, функционирующее на частной основе, будет оказывать населению медицинскую помощь методом гемодиализа, в том числе и по программе обязательного медицинского страхования.

Также не территории Московской области ежегодно увеличивается количество реализуемых проектов в сфере образования, спорта и культуры. 12 из 18 крупных проектов, структурированных на основе ГЧП в МО, реализуются в социальной сфере.

В последние годы государственно-частное партнёрство в области социальной сферы становится всё более актуально и интересно для инвесторов. Выработывая новые механизмы управления, получается достигать качественно

новых результатов, в том числе и в отношении конечного получателя услуг – граждан. Социальная сфера, которая острее всего нуждается в финансировании, обрела реального инвестора в лице частных, которые заинтересованы в её развитии. Каждый проект ГЧП в социальной сфере по-своему уникален, благодаря чему представляется возможным закрыть практически любые потребности населения.

Литература

1. Исследование «Частные инвестиции в инфраструктуру Московской области – партнёрство в действии. Текущее состояние и перспективы применения механизмов государственно-частного партнёрства в Московской области» / Ассоциация «Центр развития ГЧП». – М.: Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2017. – 30 с. ISBN 978-5-9905603-5-2

2. Механизмы реализации государственно-частного и муниципально-частного партнёрства в экономике России: сборник научных статей / Под ред. Е. М. Осипова, А. П. Сысоева, М. С. Халикова – М.: Университетская книга, 2016. – 242с.: табл., ил. – ISBN 978-5-91304-411-2

3. Исследование «Государственно-частное партнёрство в России 2016–2017: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов» / Ассоциация «Центр развития ГЧП». – М.: Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2016. – 32с. ISBN 978-5-9905603-7-6

4. Официальный сайт министерства финансов Российской Федерации [Ежегодная информация об исполнении федерального бюджета (данные с 1 января 2006 г.)] // (<https://www.minfin.ru/ru/statistics/fedbud/>)

(Ссылка на источник в тексте: Минфин РФ)

5. Центр ГЧП РФ [Специальное издание для обсуждения и доработки в рамках V Инфраструктурного конгресса «Российская неделя ГЧП»] // (<http://www.pppi.ru/sites/default/files/pdf/25042018-doklad.pdf>)

(Ссылка на источник в тексте: ЦГЧП 2018)

6. Путин В.В. (2012) Информационное агентство «РИА Новости» [Выступление Путина В.В. на коллегии Минздравсоцразвития] // (<https://ria.ru/20120316/596800369.html>)

(Ссылка в тексте: Путин 2012)

Социологическая оценка качества медицинского обслуживания российского населения в контексте повышения качества жизни

Зубец А.Н., Новиков А.В.

Статья посвящена анализу использования социологической оценки качества медицинского обслуживания российского населения в контексте повышения качества жизни.

Качество медицинского обслуживания российского населения в системе российского здравоохранения является неотъемлемой составляющей повышения качества жизни населения, стратегической задачей и критерием эффективности проводимых в стране социально-экономических реформ.

Развитие индустрии здоровья в соответствии с рейтинговыми оценками качества оказания медицинских услуг в настоящее время является общим трендом в экономически развитых странах мира. Это неизбежно должно оказать положительное влияние на развитие российской системы здравоохранения и поможет создать новые возможности для получения населением качественных медицинских услуг и организации ведения здорового образа жизни.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации на 2018 год.

Ключевые слова: качество жизни, здоровье населения, система здравоохранения, качество оказания медицинских услуг, ожидаемая продолжительность жизни, критерии качества оказания медицинской помощи, показатели качества оказания медицинской помощи, показатели качества жизни

Zubets A.N., Novikov A.V.

A sociological assessment of the quality of healthcare of the Russian population in the context of improving the quality of life

The article analyzes the use of sociological assessment of the quality of medical care of the Russian population in the context of improving the quality of life.

The quality of medical care of the Russian population in the Russian health care system is an integral part of improving the quality of life of the population, a strategic objective and criterion for the effectiveness of the socio-economic reforms carried out in the country.

The development of the health industry in accordance with the ratings of the quality of medical services is now a common trend in the economically developed countries of the world. This will inevitably have a positive impact on the development of the Russian health care system and will help create new opportunities for the population to receive quality medical services and organize a healthy lifestyle.

The article is based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on the state task of the Financial University under the Government of the Russian Federation for 2018.

Key words: quality of life, population health, health system, quality of medical services, life expectancy, quality criteria of medical care, indicators of quality of medical care, indices of quality of life

Правительство Российской Федерации принимает активные меры по улучшению качества медицинского обслуживания российского населения. Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» утверждена Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения» (срок реализации – 2018 - 2025 годы).

В Госпрограмме утверждены следующие цели:

- увеличение к 2025 году ожидаемой продолжительности жизни при рождении до 76,0 лет;
- снижение к 2025 году смертности населения в трудоспособном возрасте до 380 чел. на 100 тыс. населения;
- снижение к 2025 году смертности от болезни системы кровообращения до 500 чел. на 100 тыс. населения;
- снижение к 2025 году смертности от новообразований (в том числе злокачественных) до 185 чел. на 100 тыс. населения;
- повышение к 2025 году удовлетворенности населения качеством медицинской помощи не менее чем до 54 %.

В настоящее время в современной российской научной литературе недостаточно разработаны:

- теоретико-методологические подходы к комплексному исследованию повышения качества медицинских услуг, оказываемых российскому населению, в том числе с применением различных методов социологического опроса населения о качестве оказанной медицинской помощи;
- механизмы оценки и оперативной корректировки неэффективных управленческих решений органов власти, снижающих качество жизни

Таблица 1
Соотнесение России с ЕС, странами ОЭСР и средними мировыми показателями по основным индикаторам качества медицинского обслуживания (средние показатели за 2000-2017 гг.)
Источник: расчеты по данным Всемирного Банка

	Евросоюз	Страны ОЭСР	Россия	В среднем по миру
Средние душевые расходы на здравоохранение из всех источников, долл. по ППС	2780,0	3612,7	891,4	925,0
Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	79,2	78,8	68,0	70,0
Расходы на здравоохранение из бюджетов домохозяйств, долл. по ППС на человека в год	430,8	558,8	300,5	211,8
Доля тех, кто опустился ниже прожиточного минимума в 3.1 долл. в ценах 2011 года по ППС из-за избыточных медицинских расходов, %	0,2	0,3	0,1	1,8
Доля жителей, расходующих на медицинские цели более 10% домашнего бюджета, %	7,6	6,9	3,2	10,9
Доля жителей, расходующих на медицинские цели более 25% домашнего бюджета, %	1,0	1,3	0,4	2,3
Индекс доступности базовых медицинских услуг	78,5	79,8	63,0	63,7
Доля населения, для которого стоимость хирургической операции может оказаться чрезмерной, % населения	4,9	6,4	43,7	44,1
Доля населения, для которого необходимость оплаты хирургической операции может привести к бедности, % населения	1,0	3,3	18,1	46,7

ни населения, в том числе снижающих качество медицинской помощи, оказываемой населению; - стратегии социально-экономической адаптации для различных социальных групп и слоев населения, в том числе маргинальных, к изменениям качества оказываемой медицинской помощи.

Высокое качество медицинской помощи, оказываемой населению системой здравоохранения страны, и выраженное в обеспечении достаточной продолжительности здоровой жизни, является одним из важнейших составляющих высокого качества жизни населения - феномена счастья жизни для каждого человека. [1, 686-687].

Российская Федерация является членом Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) - специа-

лизированного учреждения Организации Объединенных Наций, созданного в 1948 г., имеющего свою собственную программу деятельности, направленную на решение международных проблем здравоохранения и охраны здоровья населения стран-участниц в Европейском регионе.

В соответствии с п.1 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН (резолюция 217 А (III) от 10 декабря 1948 года), «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или

Таблица 2

Отношение к медицинскому обслуживанию среди жителей крупных и средних российских городов

Источник: Исследования Финансового университета при Правительстве РФ

Насколько вы удовлетворены качеством медицинского обслуживания, которым вы пользуетесь?				
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Полностью удовлетворен(а)	16%	19%	14%	19%
Скорее удовлетворен(а)	49%	46%	52%	50%
Скорее не удовлетворен(а)	24%	23%	21%	21%
Совершенно не удовлетворен(а)	9%	10%	11%	9%
Доля тех, кто полностью или в основном доволен качеством медицинских услуг, которые он получает лично	65%	65%	65%	70%
Удовлетворенность качеством медицинского обслуживания по типам медицинских учреждений				
Бесплатная медицина	63%	63%	64%	64%
Страховая медицина	69%	76%	85%	81%
Платная медицина	65%	65%	68%	72%

иного случая утраты средств к существованию по независящим от него обстоятельствам». [2]

Российская Федерация в октябре 2009 года ратифицировала Европейскую социальную Хартию, признав полностью обязательными для себя из положений части II хартии статьи 1; 3; 5-11; 14; 16; 17; 20-22; 24; 27-29, и частично обязательными статьи 2;4; 12; 15; 18;19 (всего 68 пунктов). Статья 13 Хартии, предусматривающая закрепление права каждого гражданина, не имеющего достаточных средств, на социальную и медицинскую помощь, Российской Федерацией не ратифицирована. [3]

В 1966 году Генеральной Ассамблеей ООН был принят Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (резолюция 2200 А (XXI) от 16 декабря 1966 года), который был ратифицирован СССР в сентябре 1973 года и вступил в силу 03 января 1976 года. [4] В соответствии со статьей 9 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах Российская Федерация обязалась признать право каждого человека на социальное обеспечение (в том числе в случае наступления ряда страховых случаев, связанных с ущербом для здоровья).

В мае 1977 году тридцатая сессия Всемирной ассамблеи здравоохранения приняла постановление, в котором было отмечено, что «основная социальная задача (национальных) правительств и Всемирной организации здравоохранения в предстоящие десятилетия должна заклю-

чаться в достижении к 2000 г. всеми жителями Земли такого уровня здоровья, которое позволит им жить продуктивно в социальном и экономическом плане. [5]

Россия сильно отстает от стран ЕС, стран ОЭСР и в среднем по странам мира по большинству показателей качества медицинского обслуживания (средние показатели за 2000-2017 гг.)

В таблице 1 указаны сравнительные данные по основным индикаторам качества медицинского обслуживания (средние показатели за 2000-2017 гг.) России, ЕС, ОЭСР и в среднем по миру.

Как видно из таблицы 1, по большинству показателей, Россия сильно отстает от развитых стран ОЭСР и от мировых показателей.

Для решения задачи оценки качества медицинского обслуживания населения по городам России в исследовании использованы следующие показатели:

- отношение годового числа умерших к численности населения старше трудоспособного возраста;

- доля взрослых жителей города, у которых за последние три года были повод и желание подать судебный иск на врача или медицинское учреждение за ошибки, упущения или халатность в работе;

- уровень удовлетворенности взрослых жителей городов качеством того медицинского обслуживания, которое они получают в городских лечебных учреждениях;

Таблица 3
Готовность подать в суд на врачей и медицинские учреждения среди населения
Источник: Исследования Финансового университета при Правительстве РФ

Были ли у вас за последнее время случаи, когда у вас были повод и желание подать суд. иск на врача или мед. учреждения за халатность, ошибки и иные упущения?				
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Да	23%	25%	25%	16%
Сам не сталкивался, но среди моих знакомых были такие случаи	6%	8%	9%	12%
Нет, и среди моих знакомых таких ситуаций не было	70%	67%	66%	72%

Таблица 4
Нехватка средств на лекарства среди россиян
Источник: Исследования Финансового университета при Правительстве РФ

Сталкивались ли Вы за последний год с ситуацией, когда не могли купить необходимое лекарство по причине его дороговизны?				
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Да, было несколько таких случаев	25%	25%	26%	27%
Да, был такой случай	14%	13%	10%	8%
Нет, не сталкивался с такой проблемой	61%	62%	64%	65%

Таблица 5
Обращения населения за медицинской помощью в другие регионы или за границу
Источник: Исследования Финансового университета при Правительстве РФ

Были ли у вас, ваших близких или друзей за последнее время случаи, когда приходилось обращаться за мед. помощью в другой регион, в Москву или за границу?				
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Да	20%	23%	23%	26%
Нет	80%	77%	77%	74%

- доля жителей, у которых за последние три года были случаи, когда они были вынуждены обращаться в другой регион или за границу за необходимой медицинской помощью;

- доля жителей, которые считают, что в их городе достаточно медицинских учреждений;

- доля жителей города, которые сталкивались за последние три года со случаями, когда им не хватало денег на необходимое им лечение;

- доля жителей города, которые сталкивались за последние три года со случаями, когда они не могли купить необходимое лекарство по причине его дороговизны;

- произведение доли малоимущих граждан города и доли тех, кто пользуется платными медицинскими услугами.

Отношение числа смертей к численности лиц старше трудоспособного возраста определено на основании данных Росстата, прочие показатели получены на основании социологического опроса населения, проведенного по го-

родам России с населением более 500 тыс. человек, а также в Севастополе и Грозном в 2018 году. В каждом из рассмотренных городов по репрезентативной выборке, отражающей население города, опрошено не менее 800 человек, что достаточно для получения достаточно точных ответов на поставленные вопросы.

За последние годы, по данным исследований Финансового университета при Правительстве РФ, потребительское восприятие качества медицинского обслуживания населения постепенно улучшается (таблица 2)

Растет доля россиян, которые за последнее время не имели поводов для того, чтобы подать в суд на врачей и лечебные учреждения за халатность, ошибки и иные упущения (табл. 3).

Доля россиян, которые не сталкивались с нехваткой средств на лекарства – в 2018 году, составила 65% против 61% в 2015 году (табл. 4).

С другой стороны, в нашей стране намечаются проблемы с доступностью медицинской помощи. Увеличивается доля тех, кто за после-

Таблица 6
Отношение населения к достаточности медицинских учреждений
Источник: Исследования Финансового университета при Правительстве РФ

Каких медицинских учреждений в Вашем городе не хватает?				
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
В городе хватает медицинских учреждений	27%	29%	33%	22%
Не хватает поликлиник широкого профиля	25%	26%	26%	27%
Больниц	9%	10%	8%	11%
Специализированных медицинских клиник	14%	16%	14%	18%
Диагностических центров	21%	23%	20%	27%
Другое	4%	3%	5%	0%

Таблица 7
Пользование различными типами медицинского обслуживания среди населения
Источник: Исследования Финансового университета при Правительстве РФ

Какими видами медицинских услуг вы пользуетесь чаще всего, вы и члены вашей семьи? (множественный ответ)				
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Услугами государственной поликлиники, клиники или больницы бесплатно (в рамках обязательного медицинского страхования)	70%	72%	74%	70%
Медицинскими услугами по страховке, которую вы приобрели за свой счет	3%	2%	3%	2%
Медицинскими услугами по страховке, которую оплачивает ваш работодатель	6%	7%	8%	7%
Услугами бесплатной поликлиники/медсанчасти при предприятии	4%	4%	4%	4%
Платными медицинскими услугами в частных поликлиниках или больницах	35%	40%	42%	39%
Платными медицинскими услугами в государственных поликлиниках или больницах за наличный расчет	13%	15%	13%	12%
Не пользуюсь медицинскими услугами	3%	3%	3%	4%

днее время должен был обращаться в лечебные учреждения в другие регионы или за границу, при этом более 25% жителей крупных и средних городов вынуждены были за последние два-три года ехать в другой город или за границу за медицинской помощью против 20% в 2015 году (таблица 5).

Падает доля россиян, которые считают, что в их городе достаточно медицинских учреждений – в 2018 году их доля снизилась до 22%. Наиболее дефицитными сегодня являются поликлиники широкого профиля, диагностические центры и специализированные медицинские клиники (таблица 6).

При этом среди населения снижается пользование услугами страховой и платной медицины, тогда как общая посещаемость меди-

цинских учреждений остается на прежнем уровне (таблицы 7 и 8).

В исследовании были проанализированы основные составляющие качества жизни, при этом установлено, что большое значение для восприятия населением своего качества жизни в городах имеет уровень качества отношений населения с местными властями – возможность влиять на принятие управленческих решений в соответствии с законным соблюдением интересов жителей, а также сознание того, что городские власти делают все для снижения уровня коррупции и повышения благополучия жителей города в сфере общественно значимых социальных услуг.

Важным показателем качества жизни в городе является также миграционный прирост

Таблица 8
Частота обращений за медицинской помощью среди населения
Источник: Исследования Финансового университета при Правительстве РФ

Как часто Вы обращаетесь за медицинской помощью?				
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Несколько раз в месяц	12%	14%	14%	14%
Раз в несколько месяцев	16%	16%	16%	18%
Несколько раз в год	44%	40%	42%	42%
Реже, чем раз в год	29%	29%	29%	26%

населения – жители городов «голосуют ногами» за более высокое качество жизни и перемещаются туда, где оно выше, соответственно, значительное положительное сальдо миграции говорит о высоком качестве жизни в регионе, а отток населения – о его низком уровне.

На основании этого в научно-исследовательской работе был сформирован перечень показателей, необходимых для оценки качества жизни населения.

Следует отметить, что в сложившихся условиях объективная оценка качества оказания медицинских услуг населению затруднена в связи с отсутствием единой официальной методики, использующей единую систему из объективных и субъективных показателей.

Сравнение и дальнейшее использование результатов проведенных исследований, полученных с применением различных методик и различного инструментария, крайне затруднительно или не представляется возможным, что ставит под сомнение эффективность использования привлеченных для этих исследований трудовых и финансовых ресурсов. Кроме того, из-за нерегулярного характера проведения этих исследований, крайне затруднительно объективно проанализировать динамические изменения качества оказываемой медицинской помощи в амбулаторных условиях, в условиях дневного стационара и стационарных условиях, в условиях оказания скорой медицинской помощи, а также уровень отзывчивости российской системы здравоохранения к ожиданиям российского населения. [6; 7, с. 27-32]

Полученные в исследовании результаты показывают, что среди российского населения доля тех, кто полностью или в основном доволен работой системы здравоохранения в стране составляет 47%, а доля тех, кто полностью или в основном доволен качеством медицинс-

ких услуг, полученных лично – 65%, и это несмотря на то, что в последнее время Минздравом России принимаются действенные меры по повышению качества медицинского обслуживания населения с применением высокоэффективной и высокотехнологической терапии в амбулаторных, стационарных и в условиях оказания скорой медицинской помощи.

В соответствии с рассчитанным Итоговым индексом качества медицинского обслуживания населения по городам России, где проводилось исследование по результатам опросов граждан в 2017 году, наиболее высокое качество медицинского обслуживания населения соответствует следующим российским городам: Нижний Новгород; Грозный; Казань; Уфа; Санкт-Петербург; Тюмень; Оренбург; Новокузнецк; Пенза; Томск.

Литература

1. Новая философская энциклопедия в четырех томах. Том 3. М., МЫСЛЬ, 2001. С. 686-687.;
2. Резолюция 217 А (III) от 10 декабря 1948 года. Всеобщая декларация прав человека. Источник: Сборник резолюций и решений Всемирной ассамблеи ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr, (дата обращения: 07.09.2018);
3. Европейская социальная хартия [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120807/, (дата обращения: 07.09.2018);
4. Резолюция 2200 А (XXI) от 16 декабря 1966 г. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Источник: Сборник резолюций и решений Всемирной ассамблеи ООН. [Электронный ресурс]. Ре-

жим доступа: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon, (дата обращения: 07.09.2018);

5. Резолюция WHA30.43 Техническое сотрудничество. Источник: Сборник резолюций и решений Всемирной ассамблеи здравоохранения и Исполнительного комитета, Том II, 1973–1984 гг.. Женева, Всемирная организация здравоохранения, 1985 г. [Электронный ресурс]. Режим

доступа: URL: <http://www.who.int/governance/en> (дата обращения: 07.09.2017);

6. Мурашко М.А. Качество медицинской помощи: новый вектор развития // Вестник Росздравнадзора. 2015. № 6.;

7. Шульгина С. В. Отзывчивость системы здравоохранения: определение, структура, понятия, методические подходы к проведению исследования // Экология человека. 2015. № 2. С. 27–32.

Ценностный аспект институционального управления профессиональной социализацией военнослужащих вооруженных сил РФ

Поплёвкин Н.П.

В статье представлены результаты исследования институционального управления социализацией военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных силах Российской Федерации. Автором был проведен экспертный опрос офицеров по работе с личным составом, с целью выявления ценностей, которые должны разделять военнослужащие контрактной службы, и те, которые, по мнению офицеров, действительно разделяют военнослужащие контрактной службы. Проведенный анализ результатов исследования по авторской методике позволил определить иерархию жизненных ценностей-целей, ценностей-средств, дал возможность оценить жизненные идеалы и нормы поведения, которые воспринимаются в качестве эталона.

Ключевые слова: ценности терминальные; ценности инструментальные; модус служения; модус обладания; модус достижения; институциональное управление.

Poplevkin N.P.

Valuable aspect of institutional management of professional socialization of the military personnel of the armed forces of the Russian Federation. Results of a research of institutional management of socialization of the military personnel passing military service under the contract are presented in article. The author has conducted expert survey of officers on work with staff, for the purpose of identification of values which the military personnel of contract service has to divide, and those which, according to officers, are really divided by the military personnel of contract service. The carried-out analysis of results of a research on an author's technique has allowed to define hierarchy of vital values purposes, values means, has given the chance to estimate vital ideals and standards of behavior which are perceived as a standard.

Keywords: terminal values; tool values; service mode; possession mode; achievement mode; institutional management.

Институциональное управление социализацией военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных силах Российской Федерации, является сложным многоуровневым процессом, соответствующим регламентирующим нормам. Оно рассматривается нами как целенаправленное систематически организованное воздействие в институционально-организованной военной среде в целях обеспечения эффективного формирования профессионально ориентированной системы регуляторов ролевого поведения личности военнослужащего.

Особенность социализации военнослужащего рядового и сержантского состава, проходящего службу по контракту, состоит в том, что отсутствует необходимость радикальной трансформации личности военнослужащего, так как это обусловлено тем, что служба по контракту не является окончательным выбором и что по её окончании военнослужащий может выбрать другую профессиональную траекторию не связанную с военной службой. Таким образом социализация военнослужащего по контракту носит характер профессиональной социализации. Именно поэтому в дальнейшем мы будем употреблять термин профессиональная социализация и, соответственно, институциональное управление профессиональной социализацией военнослужащего контрактной службы.

Институциональное управление профессиональной социализацией военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, автор понимает, как целенаправленное воздействие посредством формальных и неформальных норм на военнослужащих в процессе усвоения системы ценностей и нормативов поведения профессионального сообщества для

Таблица 1
Наблюдаемые и ожидаемые ценности военнослужащих контрактной службы по мнению офицеров по работе с личным составом.

Наблюдаемые				Ожидаемые			
Терминальные		Инструментальные		Терминальные		Инструментальные	
Здоровье	3,6	Высокие запросы	3,8	Здоровье	2,0	Воспитанность	2,2
Материально обеспеченная жизнь	4,2	Смелость	4,4	Развитие	5,1	Исполнительность	2,9
Общественное признание	6,2	Исполнительность	5,9	Интересная работа	5,6	Аккуратность	4,5
Активная деятельная жизнь	6,3	Жизнерадостность	6,0	Любовь	5,8	Ответственность	6,4
Свобода	13,1	Воспитанность	6,2	Жизненная мудрость	5,9	Смелость	13,3
Творчество	13,7	Образованность	13,9	Творчество	12,8	Терпимость	13,3
Красота природы и искусства	14,1	Чуткость	14,0	Продуктивная жизнь	13,5	Высокие запросы	13,5
Счастье других	14,4	Нетерпимость к недостаткам	14,6	Счастье других	13,8	Чуткость	14,8
				Свобода	14,2		
				Развлечения	16,5		

обеспечения военно-профессиональной деятельности за счет нормативного воспроизводства системы регуляторов поведения. Институциональное управление может достигать устойчивого положительного результата только при воздействии на тех, кто изначально нацелен на результативность социализации и имеет для этого основу.

В рамках исследования институционального управления социализацией военнослужащих контрактной службы автором был проведён экспертный опрос, в котором приняли участие 25 офицеров, проходящих службу в рядах Вооруженных сил РФ, на должностях заместителей командиров (рот, батальона, бригады) по работе с личным составом. Основной целью исследования было выявление ценностей, которые должны разделять военнослужащие контрактной службы, и те, которые, по мнению офицеров, действительно разделяют военнослужащие контрактной службы. Опрос проводился согласно авторской методике, позволяющей выявить четыре группы ценностей, разделённых на два блока.

Офицерам были представлены для ранжирования от 1 до 18 наборы из 18 терминальных (ценности-цели, содержащие образ будущего) и 18 инструментальных (цели-средства, выбираемые способы поведения) ценностей, выделенных М. Рокичем [6], так как они вполне соответствуют поставленным нами целям и дают возможность оценить не только личные ценностные ориентации испытуемого, но и выделить и проанализировать бытование в коллективе конкретных ценностей.

Анализ результатов опроса позволяет выявить иерархию жизненных ценностей-целей, ценностей-средств, дает возможность оценить жизненные идеалы и нормы поведения, которые воспринимаются в качестве эталона. Кроме того, основная направленность ценностных ориентаций может быть сформулирована как занимаемая военнослужащим жизненная позиция, в соответствии с уровнем вовлеченности в сферу труда, в семейно-бытовую и досуговую активность.

Результаты опроса офицеров о должном (идеальном) наборе терминальных и инструмен-

Таблица 2
Ценностное наполнение модусов социального бытия.

Модус служения		Модус социальных достижений		Модус обладания	
Терминальные	Инструментальные	Терминальные	Инструментальные	Терминальные	Инструментальные
любовь	ответственность	активная деятельная жизнь	высокие запросы	материально обеспеченная жизнь	высокие запросы
развитие	терпимость	общественное признание	непримиримость к недостаткам	развлечения	воспитанность
продуктивная жизнь	чуткость	познание	рационализм	наличие хороших и верных друзей	непримиримость к недостаткам
счастье других	самоконтроль	уверенность в себе	смелость в отстаивании своего мнения	активная деятельная жизнь	смелость в отстаивании своего мнения
творчество	честность	наличие хороших и верных друзей	образованность	уверенность в себе	твердая воля
интересная работа	широта взглядов	материально обеспеченная жизнь	эффективность в делах	здоровье	жизнерадостность

тальных ценностей у военнослужащих контрактной службы дают нам представление:

- во-первых, о собственных ценностных ориентациях офицеров по работе с личным составом;

- во-вторых, о тех ценностях, которые они хотели бы видеть среди разделяемых военнослужащими контрактной службы.

Особенности опросных методик с формулировкой вопроса об идеальных представлениях обязательно влечёт представление собственных ценностных ориентиров опрашиваемого в качестве правильных.

По результатам исследования, очевидным становится разброс мнений офицеров об ожидаемом наборе ценностей для контрактника и наблюдаемом наборе ценностей, который, по мнению экспертов, бытует среди военнослужащих контрактной службы (см. Таблица - 1).

В таблице 1 представлены две группы ценностей: наблюдаемые офицерами среди военнослужащих контрактной службы и ожидаемые, то есть те, которые предполагаются как необходимые для успешного прохождения службы по контракту. Выделенные группы содержат набор терминальных и инструментальных ценностей. Каждым офицером список из 18 терминальных и 18 инструментальных ценностей был

ранжирован от 1 до 18, где 1 соответствовала наиболее значимой ценности, 18 оказывающей наименьшее значение в поведении. Таким образом, усреднив значение для каждой ценности, мы получили иерархию наблюдаемых терминальных и инструментальных ценностей и ожидаемых терминальных и инструментальных ценностей, состоящую из четырёх списков по 18 пунктов. Ценности, имеющие значение от 1 до 6, определяют основные цели (терминальные ценности) и модели поведения (инструментальные ценности), это высоко значимые ценности. Ценности, имеющие значение от 12 до 18, относятся к тем, которые не оказывают влияния на выбор жизненной стратегии, и по сути являются антиценностями. В таблице представлены ценности, получившие ранг от 1 до 6, так как именно они определяют цели и характер деятельности, и от 12 до 18, так как они необходимы для целостного понимания результатов исследования.

Иерархия ценностей используется для качественного анализа ценностных ориентаций. В анализе используют деление на группы. В терминальных ценностях используют группы:

- конкретных и абстрактных ценностей;
- профессиональной самореализации;
- личной жизни.

Инструментальные ценности делят на:

- этические ценности;
- ценности общения;
- ценности дела;
- индивидуалистические;
- конформистские;
- альтруистические ценности;
- ценности самоутверждения и ценности принятия других людей.

Также терминальные и инструментальные ценности могут быть соотнесены с модусами человеческого бытия под которыми понимают теоретическую конструкцию, призванную отразить в сконцентрированном виде ценности, черты, образ деятельности [5]. К ним относят:

- модус служения;
- модус социальных достижений;
- модус обладания (Таблица – 2).

По нашему мнению, результатом успешной социализации военнослужащих, проходящих службу по контракту, является сформированность у военнослужащих модуса служения, дополнение его модусом социальных достижений и их преобладание над модусом обладания, то есть ориентированность на смысл деятельности, достижение цели и отсутствие стремление к физическому приобретению, как основной цели жизни.

В каждый из модусов включены по 6 терминальных и инструментальных ценностей (из 36 возможных), для определения сформированности того или иного модуса именно эти ценности должны быть высоко ценимы и иметь ранг от 1 до 6, последовательность в иерархии допускается произвольная.

Соотнесение модусов служения, социальных достижений и обладания с терминальными и инструментальными ценностями требуется для их операционализации и дальнейшего анализа полученных результатов.

В таблице 1 очевидна разница между ожидаемыми и наблюдаемыми офицерами ценностями у военнослужащих контрактной службы. Но необходимо обратить внимание на то, что группа ожидаемых идеальных ценностей не только констатирует ожидания непосредственно от военнослужащих контрактной службы, но собственные усвоенные идеалы воина.

Набор ценностей, наблюдаемых офицерами, среди военнослужащих проходящих службу по контракту в полной мере соответствует цен-

ностям ориентирам россиян, которые отмечают Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П, в более ранних исследованиях. Они выделили следующие ценности как основные: трудолюбие, терпимость и уважение к другим людям, послушание, решительность и настойчивость, независимость, воображение. Молодежь в целом обладает выраженной индивидуалистической ориентацией, но отметим, что чем ниже уровень дохода и образования, тем в большей степени проявляется социальная ориентация как признание необходимости поддержки со стороны общественных институтов и неуверенности в собственных силах. Так, среди тех, кто имеет социальную ориентацию больше ценятся трудолюбие, терпимость, послушание; а решительность, независимость и воображение имеют гораздо меньший вес. Среди тех, кто разделяет индивидуалистические ориентации в меньшей степени разделяются послушание и воображение, в то время как решительность и настойчивость ценятся даже выше, чем независимость, таким образом, люди с индивидуалистической ориентацией могут быть отнесены к людям с выраженным модусом социальных достижений [3, Т. 121. № 3-4. С. 74-93.].

Среди наблюдаемых ценностей офицеры выделили высокую значимость терминальных конкретных (активная деятельная жизнь, здоровье, материально обеспеченная жизнь, общественное признание) ценностей профессиональной самореализации (активная деятельная жизнь, общественное признание), подкрепленных инструментальными ценностями дела (смелость в отстаивании своего мнения, исполнительность) и общения (воспитанность, жизнерадостность), индивидуалистическими (смелость в отстаивании своего мнения), конформистскими (воспитанность) и ценностями самоутверждения (высокие запросы, смелость в отстаивании своего мнения). Офицеры отмечают низкую значимость для военнослужащих контрактной службы терминальных абстрактных ценностей (свобода, творчество, красота природы и искусства, счастье других) личной жизни (свобода) при низкой значимости инструментальных ценностей из блоков ценностей общения (нетерпимость к недостаткам, чуткость) и альтруистических ценностей (чуткость).

Офицеры среди военнослужащих по контракту наблюдают ценностные ориентиры тер-

минального блока больше свойственные модусу обладания и носят конкретный характер, который разделяют люди с социальной (патерналистской) ориентацией. Отметим низкую значимость ценности свободы, счастья других и творчества, что, как показывают результаты исследований в других профессиональных областях [2], ведёт к быстрому профессиональному выгоранию в следствие не сформированного модуса служения. Инструментальные ценности, которые офицеры наблюдают у военнослужащих, соотносятся с ценностными ориентациями людей индивидуалистической ориентации, что, как мы отмечали, соответствует возрастным тенденциям и соотносятся с модусом социальных достижений. Особенно стоит отметить, что среди незначимых ценностей оказались образованность и чуткость, тогда как среди высоко значимых – высокие запросы и смелость в отстаивании своего мнения. Такая иерархия ценностей закладывает потенциал в нарушениях адаптации к групповым и профессиональным нормам, а также конфликтам и в целом неудовлетворённости деятельностью.

Таким образом, жизненная позиция военнослужащего контрактной службы выражается в достижении максимального результата владения как материальными, так и социальными ресурсами. При этом счастье других и собственная свобода не имеют ценностной значимости, а попытка достижения поставленной цели осуществляется посредством заранее установленной высокой планки достижений, подкреплённой уверенностью в себе (смелость в отстаивании своего мнения вкупе с низкой ценностью образованности) и ценимыми у старших (как по возрасту, так и по званию) конформных качеств (исполнительность, воспитанность, низкая значимость нетерпимости к недостаткам других). То есть человек с такой иерархией ценностей стремится к накоплению материального и социального ресурса любыми средствами, если потом он будет жить в довольствии, что говорит о выраженном модусе обладания, которые не является основой для успешного прохождения службы по контракту.

Офицеры ожидают видеть набор абстрактных ценностей (жизненная мудрость, развитие, любовь), связанных с ориентированностью на профессиональную самореализацию (интересная работа, развитие), подкреплённых инстру-

ментальными ценностями дела (аккуратность, исполнительность) наряду с конформистскими ценностями (воспитанность). С другой стороны, офицеры ожидают видеть в военнослужащих контрактниках низкую значимость ценностей личной жизни (развлечения, свобода), ценностей общения (терпимость, чуткость) и этических ценностей (высокие запросы), самоуверждения (высокие запросы, смелость в отстаивании своего мнения), а также альтруистических (терпимость, чуткость). Ожидаемые ценности соответствуют модусу социальных достижений и индивидуалистической ориентации, среди высоко значимых терминальных ценностей преобладают абстрактные ценности профессиональной самореализации. Офицеры не выделили как высоко значимые ценности те, которые позволяют личности развиваться и совершенствоваться, хотя ценность развития, по мнению опрошенных, значима. Терминальные ценности, формирующие фундамент развития: продуктивная жизнь, творчество, свобода, счастье других, – оценены как незначимые, таким образом, высокая ценность развития – выученный постулат, который не имеет потенциала для реализации в практике, а высокая значимость ценности любви как духовной и физической близости с любимым человеком при низкой значимости счастья других – потребность в высокой оценке со стороны эмоционально значимых людей, но неготовность к взаимному участию. Соотношение терминальных высоко значимых ценностей и антиценностей указывает на сугубый индивидуализм, который препятствует эффективному достижению групповых целей, ведёт к возможным дезадаптациям, неудовлетворённости профессиональной деятельностью и, как следствие, профессиональному выгоранию, использование этого соотношения на практике имеет конфликтный потенциал.

Высоко значимые инструментальные ценности в списке ожидаемых относятся к ценностям дела конформистского характера: воспитанность, исполнительность, аккуратность, ответственность, – таким образом офицеры ожидают, что военнослужащие контрактной службы будут в первую очередь послушным инструментом. Также это мнение подтверждает низкая значимость ценностей высоких запросов и смелости в отстаивании своего мнения, но курьёзом среди них выглядит ценность терпимости к

взглядам и мнениям других, так как она подразумевает умение прощать другим их ошибки. Иерархия инструментальных ценностей, предложенных офицерами по работе с личным составом, невозможно отнести к модусу служения, так как он подразумевает осмысленное принятие, осознание необходимости действовать в первую очередь во благо общества. Эта установка не означает аскетического отречения от обладания, владения, стремления к реализации амбиций, но указывает, что личность, разделяющая ценности модуса служения, реализует эти потребности через производство ресурсов для всего общества и себя как его части. Полученная нами иерархия характеризует личность даже не как конформистскую, а как сервильную.

Таким образом, результаты опроса офицеров по работе с личным составом указывают на недостаточную сформированность представлений о нормативной личной ценностной иерархии военнослужащего проходящего службу по контракту. Офицеры понимают, что военнослужащий должен быть заинтересован в своей работе, военной службе, должен разделять военно-профессиональные ценности и стремиться к совершенствованию своего профессионального мастерства, кроме того, военнослужащий обязан подчиняться приказам, быть готов исполнить свой воинский долг, но офицеры не в полной мере представляют себе пути достижения поставленных целей и методы исполнения задач. Это привело к случайному набору ценностей, не отражающему целостную личность военнослужащего контрактной службы.

Выявленная нами проблема является предпосылкой для сложности и неоднозначности процесса профессиональной социализации военнослужащих контрактной службы. В рамках институционального управления профессиональной социализации военнослужащих проходящих службу по контракту необходимо в первую очередь обратить внимание на наблюдаемую у военнослужащих иерархию ценностей, так как в представлении офицеров на данный момент среди военнослужащих контрактной службы ярко выражен модус обладания с подкреплением модуса социальных достижений, что как мы отметили выше, не ведет к успешной социализации, так как противоречит военно-профессиональным ценностям. Следовательно, на наш

взгляд, во-первых, в рамках первичного профессионального отбора необходимо ограничить набор людей, только лишь использующих военную службу как возможность для социального роста за пределами военной службы, для таких людей военная служба не является ни ценностью, ни целью, а только средством и инструментом, который при необходимости будет заменён иными в кратчайшие сроки.

Как показывают результаты мониторинга «Стратегии профессионального развития молодежи» [4] Центра экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), по мнению 63,9% молодых специалистов, работающих в силовых структурах (полиция и армия), образование, позволяющее работать в этой сфере, гарантирует наиболее успешное трудоустройство в будущем. Авторы исследования полагают, что наиболее уверены в своем будущем люди, чья профессия предполагает четко прописанный регламент. Что предполагает, с одной стороны, заинтересованность молодежи, в частности, в прохождении воинской службы по контракту, а с другой, инструментальное отношение к работе, связанной с риском для жизни.

Во-вторых, для успешной реализации стратегии в рамках институционального управления социализацией необходимо усилить подготовку работников структур по работе с личным составом, так как сам процесс управления социализацией зависит от их компетенций. Без профессиональной подготовки и переподготовки офицеры вынуждены опираться на собственные представления о должном, которые, как показал проведенный нами опрос, ведут к воспроизводству внешних признаков без соответствия содержанию процесса. Таким образом, в процессе профессиональной социализации военнослужащих контрактной службы сталкивается с конфликтом должного-требуемого-возможного-желаемого, в то время как конфликт для его дальнейшего разрешения может развиваться только между должным и желаемым, добавление компонента требуемого вводит компонент возможного, отодвигает нормативный конфликт социализации на второй план и препятствует его разрешению. Усвоение требуемых норм в данном случае не ведет к ни к адаптации, ни, тем более, интериоризации, то есть

даже те военнослужащие контрактной службы, кто мотивирован на осуществление этой профессиональной деятельности, могут столкнуться с проблемами в социализации, и она не завершится успешно.

В рамках исследования институционального управления профессиональной социализацией военнослужащих проходящих службу по контракту обратимся к Приказу Министра обороны Российской Федерации от 12 октября 2016 года N 655 «Об организации работы с личным составом в Вооруженных Силах Российской Федерации» [1], который является основным правовым актом институционального управления в сфере формирования военно-профессиональных качеств. Приложение 1 Приказа содержит указания общего характера о качествах, которые необходимо сформировать в ходе работы с личным составом: высокую мотивацию и осознанное отношение к службе в Вооруженных Силах, готовность к вооруженной защите, верность Военной присяге, готовность выполнить приказ командира, высокая дисциплинированность и законопослушное поведение, уважительное отношение к сослуживцам, воинское товарищество; такие общие указания касательно свойств личности военнослужащего контрактной службы: необходимые морально-психологические и военно-профессиональные качества, стремление к преодолению трудностей военной службы, добросовестное освоение военной специальности.

Каждый из перечисленных пунктов приказа содержит критерии, которые не раскрыты и пути достижения личных качеств оставлены на решение офицера по работе с личным составом. Как видно из результатов нашего опроса, для правильного выявления офицерами важных крите-

риев, ведущих к достижению поставленных целей необходимо прохождение дополнительной подготовки. Таким образом, инструменты институционального управления профессиональной социализацией военнослужащих, проходящих службу по контракту, являются недостаточными для достижения эффективной социализации военнослужащих контрактной службы.

Литература

1. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 12 октября 2016 года N 655 «Об организации работы с личным составом в Вооруженных Силах Российской Федерации». Режим доступа: URL: <http://docs.cntd.ru/document/456046040> (дата обращения: 20.10.2017).
2. Егоров Г., свящ. Личностное и профессиональное развитие взрослого человека в пространстве образования: теория и практика / священник Г. Егоров, Т. В. Меланина. - М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. - 113 с.
3. Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. Т. 121. № 3-4. С. 74-93.
4. Трудоустройство молодежи. Стратегии профессионального развития молодежи. (2016 - 2017 гг.) / под ред. Т. Л. Клячко. - М., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018 - 20 с.
5. Поплёвкин Н.П., Особенности институционального управления профессиональной социализацией военнослужащих контрактной службы // Социология. 2018. №3 С. 208.
6. Rokeach, M. The nature of human values. New York: Free Press, 1973.

Особенности социального капитала социозащитных организаций: региональная специфика

Решетникова Е.В.

В статье анализируются особенности формирования и развития социального капитала социозащитных организаций. Анализируются формы воздействия на социальную интеграцию региональных сообществ и конструирование новых технологий развития социального капитала через анализ пилотного социологического исследования. Обозначаются основные элементы социального моделирования через работу социозащитных организаций.

Ключевые слова: социальный капитал, социозащитные учреждения, социальная интеграция, человеческий капитал, общественные организации.

Reshetnikova E.V.

Features of social capital of social protection organizations: regional specifics

The article analyzes the features of the formation and development of social capital of social protection organizations. The forms of influence on the social integration of regional communities and the design of new technologies for the development of social capital are analyzed through the analysis of a pilot sociological research. The basic elements of social modeling are outlined through the work of social protection organizations.

Key words: social capital, social protection institutions, social integration, human capital, public organizations.

Социальный капитал в социальных науках трактуется как сложное явление, влияющее на процессы интеграции, происходящие в разных группах. К понятию «социального капитала» относят такие черты социальной организации, как социальные формы и правила, социальные сети и отношения, доверие, взаимная ответственность и обязательства.

При изучении социального капитала также принимаются во внимание схожие понятия «человеческий капитал», «культурный капитал», «политический капитал», так как они показывают значимость общественных взаимоотношений, связей, не только для экономики, но и для общества.

Среди работ зарубежных исследователей, выделяют работы П. Бурдьё, Р. Патнема, Дж. Коулмена и Ф. Фукуямы, которые одними из первых начали изучать социальный капитал.

Исследования о социальном капитале в большей степени носят как экономический, так и социальный характер. Среди исследователей можно выделить Н. Я. Калужнову [3], которая изучала социальный капитал в России, с точки зрения доверия и недоверия, как фактор конкурентоспособности, и наоборот, как барьер экономического развития. А. С. Поломошина [4] рассматривала социальный капитал как фактор здоровья человека, О. А. Полюшкевич [5,6] рассматривала ресурсы социального капитала среди государственных служащих и как возможность развития идеологии государства в настоящем и будущем.

Чтобы иметь более полное представление об особенностях и перспективах развития регионального социального капитала нами было проведено исследование места и роли в этом процессе социозащитных учреждений. Объектом исследования в Иркутской области была система социальной защиты населения, представленная в виде работы восьмидесяти восьми социальных учреждений. В регионе также орга-

низована деятельность учреждения дополнительного профессионального образования «Учебно-методический центр развития социального обслуживания».

Учебно-методический центр внедряет в практику различные социальные инновации, которые являются ключевым элементом, необходимым для оптимального развития региона. Такой инновацией, например, является организация социального технопарка - объединения учреждений и организаций социальной сферы Иркутской области для обеспечения эффективного развития, внедрения и распространения перспективных технологий и методик в области оказания помощи семьям с детьми, пожилым людям и инвалидам, СО НКО и органам местного самоуправления.

Социальные услуги в Иркутской области также могут быть представлены в виде работы различных некоммерческих организаций. По данным начальника отдела по связям с общественностью управления губернатора Иркутской области таких организаций на сегодняшний день 3 068. Основную часть таких организаций составляют социально-ориентированные некоммерческие организации. Среди организаций, которые вошедших в реестр социально-ориентированных некоммерческих организаций наиболее активными из них являются: Благотворительный Фонд «Оберег», Автономная некоммерческая организация адаптационно-педагогический центр «Прибайкальский талисман», Иркутская областная общественная организация родителей детей с ограниченными возможностями «Радуга», Иркутский общественный благотворительный Фонд Тихомировых по реабилитации детей-инвалидов с помощью верховой езды, Ассоциация общественных объединений Иркутской

В ходе данного исследования было проведено экспертное интервью с экспертами, в качестве которых выступали руководители социозащитных учреждений, сотрудники Министерства социального развития, опеки и попечительства Иркутской области, лидеры общественных организаций. Им было предложено четыре вопроса, на которые они могли высказать свое мнение.

Рассматривались вопросы: социальная активность граждан региона, восстановление социальных особенностей человека и роль в этом социальной реабилитации, как способа воспроизводства социального капитала, социальная политика как фактор развития регионального

социального капитала.

Прежде всего, было выяснено мнение экспертов о понятии «социальный капитал». Эксперты сходились во мнении, что социальный капитал представляет собой некие ресурсы и связи, которые способствуют получению выгод. Экспертами отмечалось, что данное понятие набирает популярность, и это, по их мнению, касается не только экономики, но и других наук, например, социологии, философии. Один из экспертов предположил, что понятие «социальный капитал» можно вывести из двух составляющих. Первая составляющая, это следствие приобретения и поддержания индивидом новых знакомств (т.е. его семья, работа, учеба и др.). Вторая составляющая, это влияние и власть. Эксперт поясняет, что это нематериальные источники (занимаемая должность). В целом, отвечая на этот вопрос, эксперты утверждали, что социальный капитал – трудоемкий процесс, так как является ресурсом интеграции людей, который по мере его использования, либо не использования требует постоянных вложений по поддержанию связей. Один из экспертов высказался, что социальный капитал у человека может накапливаться на протяжении всей его жизни, и в разные периоды модифицироваться [7].

На основании вышеизложенного, хотелось бы обобщить и дополнить понятие социального капитала. Социальный капитал может рассматриваться как ресурс интеграции, который используется для достижения различных целей (экономических, политических, социальных).

Переходя ко второму вопросу о работе социальных учреждений и их влиянии на социальный капитал, эксперты говорили о том, что социальные учреждения могут способствовать появлению новых связей индивида. Один из экспертов заметил, что при попадании человека в трудную жизненную ситуацию, его социальные связи могут утратиться. Социальные учреждения помогают не только пройти человеку реабилитацию и адаптироваться к новой ситуации, вернуться в общество, но и вернуть утраченные ранее социальные связи, кроме того приобрести новые связи, которые откроют ему доступ к информации и помогут ему реализовать собственные жизненные цели. В тоже время, помогая человеку вновь вернуться в общество и нарастить утраченные социальные связи и ресурсы, социальные учреждения сами увеличивают

собственный социальный капитал. Таким образом, за счет клиентов социальных учреждений происходит не только накопление, но и увеличение социального капитала, как реабилитируемого человека, так и самого социального учреждения.

По нашему мнению, эксперты правы в том, что социальные учреждения способствуют развитию социального капитала у населения. Однако, не только учреждения влияют на развитие социального капитала, но и работа самих этих учреждений и специалистов, которые работают в учреждении, позволяет развивать капитал.

Отвечая на вопрос о мерах, применяющихся для развития социального капитала в Иркутской области, эксперты отмечали, что большое значение сейчас придается развитию нематериальных ценностей, руководители учреждений социальной сферы максимально стараются использовать творческий потенциал людей. По мнению экспертов, сейчас это привело к становлению новых форм социального партнерства и повышению роли знания. Поэтому, на взгляд экспертов, увеличилось число различных городских мероприятий (как спортивной и творческой направленности, так и обучающих), которые направлены на укрепление, развитие и увеличение социального капитала [8].

По их мнению, Федеральный закон №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» способствует развитию социального капитала в регионе. Все эксперты отметили то, что теперь социальные услуги могут предоставлять социально-ориентированные некоммерческие организации, входящие в реестр некоммерческих организаций. Это положительно сказывается на предоставляемых услугах. Благодаря этому, были расширены возможности вариантов предоставления и выбора поставщика социальных услуг. Со временем, отмечают эксперты, это позволит увеличить доступность и качество предоставляемых социальных услуг.

Кроме того, социальные учреждения занимаются повышением социального капитала не только среди населения региона, но и среди специалистов, которые работают в учреждениях. Для этого внедряются новые технологии и методики работы в деятельность, проводятся курсы среди учреждений и специалистов. Вдобавок, учреждения организуют курсы повышения квалификации, переквалификации;

проводят конференции, семинары, на которых специалисты учреждений могут поделиться или узнать что-то новое для осуществления своей деятельности.

Если не касаться практики, то с экспертами можно согласиться. Однако, на практике работа некоммерческих организаций пока не так развита, и связана со многими трудностями (такими как, поиск помещения). В дальнейшем при содействии администрации региона, работа некоммерческих организаций сможет стать перспективной и быть неотъемлемой частью в оказании социальных услуг [9].

Вопрос о рекомендациях для экспертов оказался самым затруднительным, немногие смогли дать на него ответ. Те эксперты, которые ответили на этот вопрос, отмечали необходимость наладить отношения взаимного доверия и уважения с заинтересованными сторонами. Затем эксперты выразили мнение о том, что для развития социального капитала в регионе стоит проводить и освещать больше мероприятий, это позволит заинтересованным гражданам быстрее решить задачу и реализовать свои цели. Один из экспертов поделился еще одним направлением работы по его мнению. Он предположил, что можно было бы сократить количество требуемых документов для получения социальных услуг, это обратит внимание на повышение качества предоставляемых услуг, а также смогло бы повысить доверие к социальной сфере среди населения.

В связи с этим можно привести мнение В. Н. Белкина, который в статье «Стимулирование развития социального капитала предприятия» утверждает, что в основе воспроизводства социального капитала лежат каждодневные социальные отношения между работниками, а сам социальный капитал отражает качество сформированных отношений [1]. По мнению В. Н. Белкина, выгоды от развития социального капитала получают оба субъекта. В первую очередь, это предприятие, в результате использования социальных отношений повышается эффективность человеческого капитала работников, соответственно персонал является мотивированным и его социальные потребности удовлетворяются. Во-вторых, это сам работник. Вследствие, развития социального капитала происходит рост профессиональных качеств работника и навыков, внедрение различных ин-

новаций, в результате чего происходит рост доходов работника. В ходе всего вышеперечисленного, удовлетворяется потребность в общении, уважении, дружбе.

С мнением автора можно согласиться. Он прав в том, что эффективная работа специалистов повышает деятельность учреждения, снижает социальную напряженность. Но для того, чтобы вышеперечисленное непрерывно осуществлялось на практике, необходимо доверие между работниками, а также между администрацией и специалистами учреждения; развитие уважения, сотрудничества и помощи в коллективе; соответствие между тем, какие ценности пропагандирует учреждение, и тем, что оно осуществляет фактически; межведомственное взаимодействие между различными социозащитными учреждениями.

Вследствие этого по В. Н. Белкину, можно выделить факторы, определяющие перспективы развития регионального социального капитала и его использования.

1. Психологические факторы. К выбору специалистов стоит подходить исходя из требований профессии и личностных характеристик человека (сюда же включаются его интеллектуальные способности, интересы, цели).

2. Организационные факторы. Данные факторы включает в себя, систему разделения обязанностей и функций каждого работника. Не стоит забывать о мотивации и стимулировании специалистов (то есть того, что напрямую связано с развитием социального капитала). Здесь же стоит выработать те ценности и нормы, которые будут способствовать образованию и укреплению социальных контактов и обстановки в коллективе, в целом.

3. Правовые факторы. Эти факторы предполагает организацию деятельности учреждения и его работников в рамках действующих законов и законодательных актах.

Таким образом, феномен социального капитала продолжает вызывать активный интерес в различных областях социальных наук. Происходит это по той причине, что социальный капитал позволяет осмысливать роль социальных ресурсов в консолидации общества.

Социальный капитал в социальной сфере будет выступать неким связующим элементом, который будет оказывать помощь в построении доверительных отношений, взаимопонимании,

способствовать объединению людей, групп и учреждений. Такая практика позволит действовать совместно, что создаст возможности, ресурсы, реализуемые через сети, общие нормы и социальные организации.

Литература

1. Белкин В.Н. Стимулирование развития социального капитала предприятия / В. Н. Белкин, Н. А. Белкина, О. А. Антонова // Вестник ЧелГУ. Экономические науки. 2016. - № 2 (384). С. 102-114.
2. Бурдьё П. Формы капитала [Электронный ресурс] / Социологическое пространство Пьера Бурдьё : сайт. URL: <http://bourdieu.name/bourdieu-forms-of-capital>. (дата обращения: 18.11.2018).
3. Калюжнова Н. Я. Институциональное доверие и социальный капитал в региональном разрезе / Н. Я. Калюжнова, С. В. Лохова, М. А. Осипов // Межвузовский сб. науч. трудов. Иркутск : из-во Иркут. гос. ун-та, 2010. С. 311-322.
4. Поломошина А. С. Роль социальной работы в формировании социального капитала региона / А. С. Поломошина; Иркут. гос. ун-т. Иркутск, 2014. 82 с.
5. Полюшкевич О.А. Социальный капитал государственных служащих / О.А. Полюшкевич / Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск. 2018. С. 319-322.
6. Полюшкевич О.А. Идеологические ресурсы социокультурной солидарности / О.А. Полюшкевич // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 217-230.
7. Федотов Л. Н. социальный капитал как фактор воспроизводства регионального социума : автореф. дис. ... канд. социолог. наук : 22.00.04 / Л. Н. Федотов ; Пенз. гос. ун-т Пенза, 2006. 10 с. <http://cheloveknauka.com/sotsialnyy-kapital-kak-faktor-voisproizvodstva-regionalnogo-sotsiuma>. (дата обращения 18.11.2018).
8. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. М. : АСТ, Ермак, 2004. 732 с.
9. Araujo L., A Relation Resource Perspective on Social Capital / L. Araujo, G. Easton // Corporate Social Capital and Liability // Ed. by R. Leenders, S. M. Gabbay. N. Y.: Kluwer Academic Publishers, 1999

Особенности развития малого и среднего предпринимательства в регионе (на примере Волгоградской области)

Храмова Н.А.

Развитие малого и среднего бизнеса в области является стратегическим фактором, определяющим устойчивое развитие экономики региона, и наоборот, свертывание малых и средних предприятий может иметь серьезнейшие негативные последствия как экономического, так и социального характера. Достиженный уровень развития предпринимательства в Волгоградской области сохраняется на одном уровне, и он несколько ниже, чем в других регионах Российской Федерации. Опираясь на индикаторы, характеризующие качественное состояние МСП Волгоградской области, определены низкий уровень развития МСП. Это означает, что потенциальные возможности для роста производства товаров и услуг, занятости и доходов населения не используются в должной мере.

Ключевые слова: малое предпринимательство, среднее предпринимательство, уровень развития предпринимательства, индикаторы уровня развития предпринимательства, анкетирование, социальный эффект.

Khramova N.A.

Features of development of small and medium-sized businesses in the region (the Volgograd region case)

Development of small and medium-sized businesses in the area is the strategic factor defining sustainable development of economy of the region and vice versa, folding of small and medium-sized enterprises can have the most serious negative consequences of both economic, and social character. The reached level of development of business in the Volgograd region remains at one level, and it is slightly lower, than in other regions of the Russian Federation. Leaning on the indicators characterizing a qualitative condition of small and medium-sized businesses of the Volgograd region defined the low level of development of small and medium-sized businesses. It means that potential opportunities for increase in production of goods and services, employment and the income of the population are not used in a due measure.

Keywords: small business, medium-sized business, level of development of business, indicators of the level of development of business, questioning, social effect.

В настоящее время, в условиях устойчивого развития рыночной экономики, все более важным, неотъемлемым ее элементом становится предпринимательство. Предпринимательство решает множество задач современной экономики, таких как занятость населения, перераспределение доходов, решение социальных проблем, реализация инновационного потенциала.

Современное предпринимательство играет ключевую роль в социально-экономическом развитии как для России в целом, так и для отдельных взятых ее регионов.

Предпринимательство – значимое явление социально-экономической жизни Волгоградской области. Оно присутствует практически во всех отраслях экономики региона. В деятельность малых и средних предприятий вовлечены все социальные группы жителей региона. Развитие малого и среднего бизнеса в области является стратегическим фактором, определяющим устойчивое развитие экономики региона, и наоборот, свертывание малых и средних предприятий может иметь серьезнейшие негативные последствия как экономического, так и социального характера. В силу указанных причин поддержка малого и среднего бизнеса рассматривается в качестве одного из приоритетов политики органов исполнительной власти Волгоградской области, решающей двуединую социально-экономическую задачу.

Развитие малого и среднего предпринимательства в социальном аспекте это – занятость и качество жизни жителей Волгоградской области, обеспечение населения необходимыми им товарами и услугами, формирование среднего класса и демократических институтов гражданского общества, реализация региональных социальных программ.

Развитие предпринимательства на территории Волгоградской области тесно взаимосвязано

Таблица 1
Количество организаций малого и среднего предпринимательства в Волгоградской области

	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Количество субъектов МСП, из них:	81989	82 216	83 304
<i>По видам</i>			
Микропредприятия	78 739	79 052	80 223
малые предприятия	3 030	2 959	2 881
средние предприятия	220	205	200
<i>По организационно-правовой форме</i>			
Юридические лица	30 524	28 885	29 399
Индивидуальные предприниматели	51 465	53 331	53 905
Сумма среднесписочной численности работников	211592	206 527	201 560

зано с решением социально-экономических проблем региона, малый и средний бизнес принимают активное участие в решении первоочередных областных социальных программ.

Следует отметить, что достигнутый уровень развития предпринимательства в Волгоградской области сохраняется на одном уровне и он несколько ниже, чем в других регионах Российской Федерации, и существенно уступает показателям в странах с развитой рыночной экономикой, где данный сектор экономики обеспечивает более половины занятости населения и производства ВВП. Это означает, что потенциальные возможности для роста производства товаров и услуг, занятости и доходов населения не используются в должной мере.

Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства в Волгоградской области является одним из приоритетных курсов государственной политики, направленной на создание эффективной конкурентной экономики, модернизацию и технологическое обновление производственной сферы, обеспечивающей повышение благосостояния населения на основе динамичного и устойчивого экономического роста.

В рамках действующих областных программ поддержки предпринимательства разработаны и реализуются механизмы финансовой поддержки, проводится обучение и информирование предпринимателей, обеспечена поддержка приоритетных для экономики Волгоградской области направлений развития малого и среднего бизнеса, созданы организации инфраструктуры поддержки малого и среднего предприни-

мательства, качественно и оперативно представляющие широкий спектр имущественных, финансовых, информационных и консалтинговых услуг предпринимателям.

Волгоградская область участвует в конкурсах, проводимых Министерством экономического развития Российской Федерации, на софинансирование мероприятий государственной поддержки малого и среднего предпринимательства за счет средств федерального бюджета.

Малый и средний бизнес – неотъемлемая часть экономики Волгоградской области, является наиболее мобильным, динамичным сектором экономики, способным быстро адаптироваться к внешним условиям, реагировать на изменение потребительского спроса на рынке. Малое и среднее предпринимательство способствует формированию конкурентной среды, обеспечивает занятость населения, насыщает рынок разнообразными товарами и услугами, повышая их качество, обеспечивает общественную и политическую стабильность.

Экономический эффект от деятельности малого и среднего бизнеса оценивается с точки зрения увеличения налоговых поступлений в бюджет, развития экономической конкуренции, расширения потребительского рынка и сферы услуг.

Социальный эффект от деятельности малого и среднего бизнеса оценивается с точки зрения обеспечения занятости путем создания новых рабочих мест и повышения качества жизни жителей Волгоградской области.

Политический эффект – обеспечение условий для формирования среднего класса – ос-

новного гаранта социальной и политической стабильности общества.

Малое и среднее предпринимательство играет важную стабилизирующую роль в экономике Волгоградской области, являясь тем сегментом, который позволяет снизить социальную напряженность и дать возможность населению региона найти применение своему физическому и интеллектуальному потенциалу, реализовать социально значимые идеи и проекты, а также создать цивилизованную конкурентную среду.

Достигнутый к настоящему времени уровень развития малого и среднего предпринимательства области недостаточен для формирования высокоэффективной экономики региона, оживления спроса и предложения на рынке, появления самостоятельных источников за счет частной предпринимательской инициативы у экономически активной части населения. Но этот сектор экономики имеет значительный потенциал для роста, структурных изменений и самоинвестирования.

Исключительна роль социальной функции сферы малого и среднего предпринимательства. В настоящее время значительная часть населения страны и региона частично или полностью живет на доходы от деятельности в сфере малого и среднего предпринимательства. При возрастающей напряженности на рынке труда малый и средний бизнес остается одной из основных возможностей создания новых рабочих мест.

Развитие предпринимательской деятельности на территории Волгоградской области непосредственно связано с решением многих социальных и экономических проблем города, предприниматели принимают непосредственное участие в решении главных и основных региональных программ.

Таким образом, развитие малого и среднего предпринимательства является положительным процессом и играет немаловажную роль в социально-экономическом развитии региона.

Проанализируем состояние и определим уровень развития МСП Волгоградской области.

Существуют различные методики оценки уровня развития малого и среднего предпринимательства, как количественные, так и качественные методы. К первым относятся методы сбора и сравнительного анализа статистических дан-

ных, характеризующих показатели развития малого и среднего предпринимательства и социально-экономического развития региона. Но в применении этих оценок существует целый ряд проблем:

1) отсутствие понятной и последовательно благоприятной государственной политики в области государственного регулирования предпринимательства;

2) отсутствие качественной первичной информации о состоянии совокупности субъектов малого и среднего предпринимательства;

3) отсутствие единого перечня показателей состояния совокупности субъектов малого и среднего предпринимательства региона (единого для всех организаций);

4) недостаточность адекватных утвержденных методик для расчета и информационного наполнения единой системы оценочных показателей;

5) «нежелание» государственных органов учитывать теневой сектор экономики, вес которого согласно проведенным исследованиям достаточно велик;

6) «нежелание» субъектов малого и среднего предпринимательства предоставлять достоверную информацию о своей деятельности и целый ряд других проблем.

В связи с этим, воспользуемся качественными методами оценки, к ним относятся методы анализа и синтеза, в частности, контентный анализ. А также, применим авторскую методику оценки качественного состояния уровня развития малого и среднего предпринимательства в регионе. Создадим систему индикаторов, характеризующих уровень развития МСП, к ним относятся:

- Отраслевая структура деятельности МСП – предполагает охват полного спектра отраслей хозяйства;

- Поддержка предпринимательства;
- Роль государственных и общественных организаций в развитии МСП;

- Угрозы МСП;
- Защита интересов МСП.

Проведем исследование среди представителей малого и среднего предпринимательства Волгоградской области и определим оценку уровня развития данных объектов хозяйствования.

Методика исследования включала анкетный опрос выбранной группы респондентов. Опрос

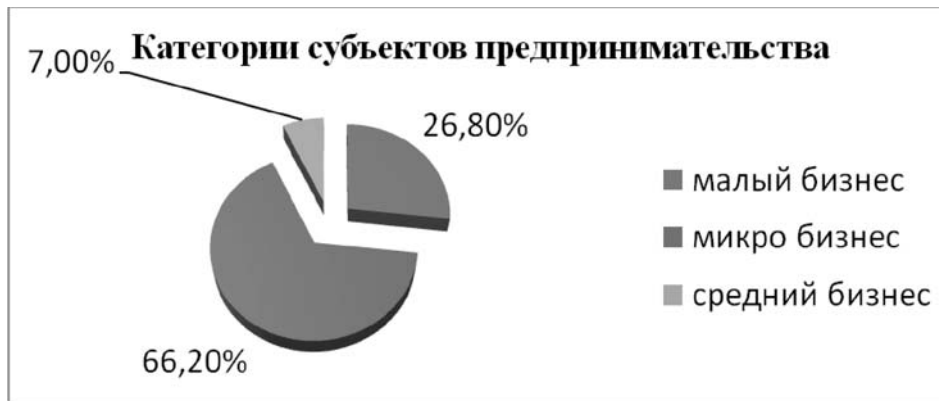

Рис.1

проводился с соблюдением репрезентативности, точности, надежности, валидности получаемых данных. Объем выборки составил 500 респондентов представителей МСП.

Обратимся к данным, полученным в ходе исследования, характеризующим качественное состояние МСП. Следующие вопросы содержат ответы, дающие возможность оценить качественное состояние МСП Волгоградской области.

К какой категории субъектов предпринимательства относится Ваша организация?

Как видно из данных, приведенных в диаграмме, в количестве субъектов, участвующих в опросе преобладают представители микро и малого бизнеса – 66,2% и 26,8 % соответственно, что в сумме оставляет 93%. Данные характеризуют недостаточное развитие малого и среднего бизнеса в Волгоградской области. Как известно, роль микробизнеса в социально-экономическом развитии региона недостаточно велика.

Микробизнес представляет собой организацию, созданную частным лицом, характеризующуюся ограниченным количеством сотрудников (до 15 человек) и годовым доходом до 120 млн. рублей. Низкие стартовые затраты и полный контроль свойственны этому виду бизнеса. Имея даже небольшой стартовый капитал, есть все шансы открыть небольшое, но успешное предприятие. Причем очень часто на открытие хватает либо личных сбережений, либо поддержки родственников и друзей. Кроме того, владелец малой фирмы может применять единовластные решения в управлении, не тратя зря

время на лишнюю бюрократию. Еще одной положительной чертой малого бизнеса является легкость в управлении им. Благодаря своим размерам, малым бизнесом значительно легче управлять, и контролировать все процессы. Малый бизнес достаточно легко подстраивается под требования рынка, необходимые корректировки производятся достаточно быстро, что определяет его маневренность. Но и здесь можно выделить определенные недостатки. Недостаточное количество оборотных средств может сдерживать развитие маленьких фирм. Это сказывается как на уровне производства, так и на инновационности продукции. Высокие кризисные риски являются еще одной негативной чертой малых предприятий. Во время экономического спада или тем более кризиса, им значительно сложнее выжить, чем большим предприятиям. Крупные компании могут добиться от государства различных послаблений, например, снижения налогов, или отсрочки в выплате кредита. Малому бизнесу же это сделать значительно сложнее. Причем получить кредит небольшому предприятию тоже тяжелее, чем крупному предприятию. А так как российская экономика подвержена регулярным кризисам, то такие предприятия достаточно часто страдают от экономических перепадов.

Также, отрицательными характеристиками данной формы бизнеса являются невысокие объемы прибыли, низкая трудовая емкость (до 15 человек), инвестиционная и небольшая, как уже говорилось ранее, инновационный потенциал. А также, социальная роль таких организаций очень мала либо отсутствует вообще.

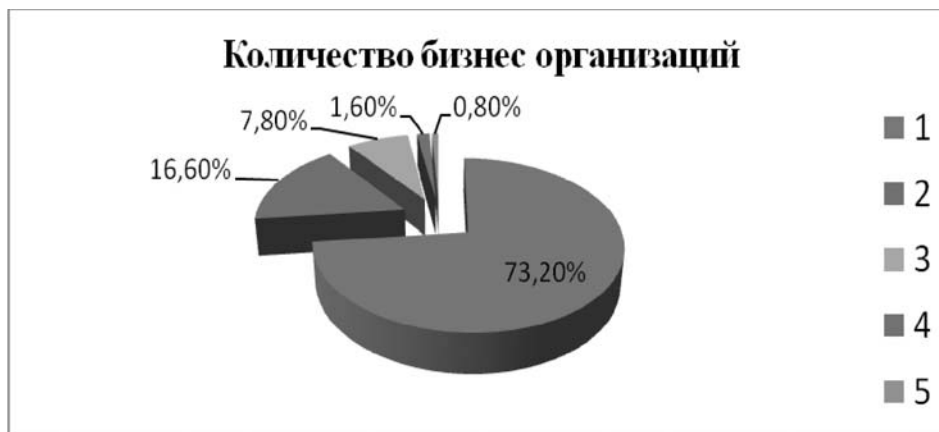

Рис. 2

Рис. 3

Сколько бизнес-организаций находится в Вашем владении (управлении)? Укажите количество

Согласно данным, видно, что в основном субъекты являются владельцами одной организации бизнеса, что является логичным, т.к. среди субъектов преобладает микро бизнес. Реже – двумя компаниями (16,6%). А еще реже встречается совместное владение тремя и более компаниями (около 10%), хотя эта категория респондентов отличается опытностью, квалифицированностью и компетентностью мнений. К сожалению двумя и более компаниями владеют всего 16,6% респондентов – 26,8%.

Владение одной компанией, хотя и указывает на комфортность управления, тем не менее, большее количество компаний создает условия устойчивого развития для предпринимателя, возможность перераспределения

средств между компаниями, охват больших сегментов рынка и т.д.. Только четверть респондентов могут позволить развитие своего бизнеса в количественном выражении (2, 3, 4, 5 компаний). Для подавляющего большинства это является невозможным вследствие ряда причин таких как: сложность регистрации, увеличение расходов, связанных с ведением бизнеса, увеличение налоговой нагрузки, конкуренция и т.д.

Таким образом, условия развития предпринимательской деятельности достаточно сложные, этим и обусловлено небольшое количество предпринимателей, владеющих двумя и более организациями.

Стаж Вашей предпринимательской деятельности:

Данные диаграммы показывают, что среди

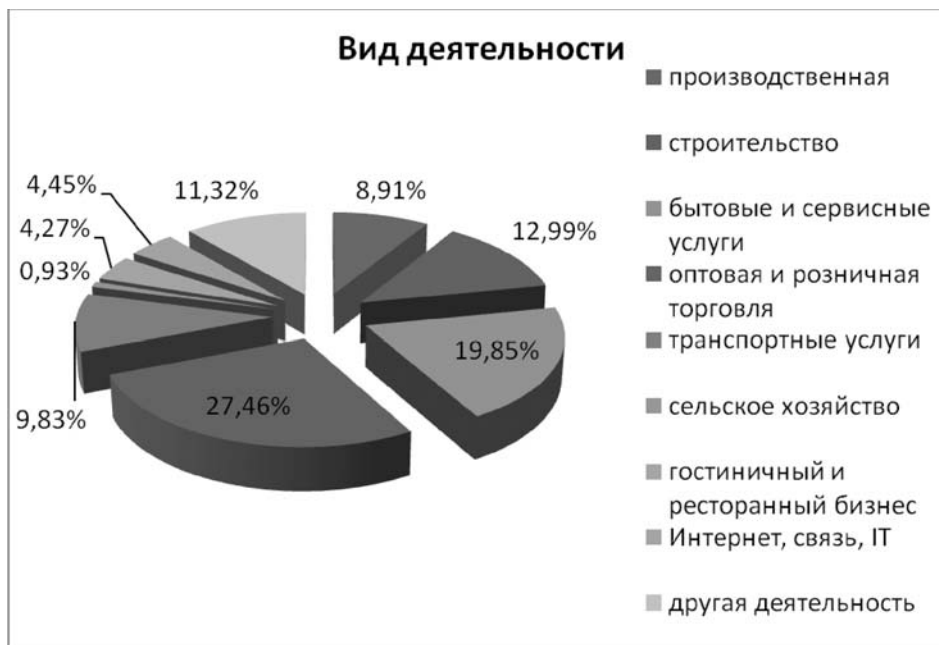

Рис. 4

субъектов бизнеса, участвующих в опросе преобладают предприниматели, имеющие определенный стаж деятельности на рынке, так респонденты, имеющие достаточный стаж более 3 лет и далее составляют 60,6%, а «молодые» бизнесмены представлены в меньшем количестве – 39,4%.

Удельный вес предпринимательского стажа респондентов – 60,6% ограничиваются десятью годами. И только ? респондентов имеет стаж свыше 10 лет, а, следовательно, опытных, зрелых, квалифицированных бизнесменов, умеющих преодолевать кризисные трудности, умело управлять своей компанией, несмотря на экономические, политические, социальные перипетии не так много – только каждый третий из опрошенных.

Индикатор 1

Отраслевая структура МСП

Виды хозяйственной деятельности Вашей организации:

Как видно из данных диаграммы, пятерка наиболее популярных видов разместилась в следующем порядке: на 1 месте – оптовая и розничная торговля (27,46%), на 2 – бытовые и сервисные услуги (19,85%), 3 – строительство (12,99%), 4 – другая деятельность 11,32%, 5 –

транспортные услуги (9,83%). В качестве варианта «другая деятельность» респонденты указали: оказание косметических услуг, инвестиционная, переводческие и репетиторские услуги, экспертиза, инспекционная деятельность, фотоуслуги, сдача в аренду недвижимости, посреднические услуги в области недвижимости, швейное производство, аудит, общественное питание, юридические услуги.

Проведя анализ распределения предпринимательских организаций по видам деятельности, очевидным становится тот факт, что в основном деятельность организаций узколокальна и не охватывает все сферы деятельности, некоторые из них находятся в кризисном состоянии и участие предпринимателей в их реорганизации и развитии должно быть велико. К таким сферам деятельности относятся: производство, сельское хозяйство, Интернет, связь, IT (существуют территории Волгоградской области, где ограничены, а порой и монопольны такого рода услуги, предоставляемые населению), гостиничный и ресторанный бизнес, который находится в достаточно ограниченном состоянии и количественно и качественно. А ведь одним из стратегических направлений социально-экономического развития Волгоград-

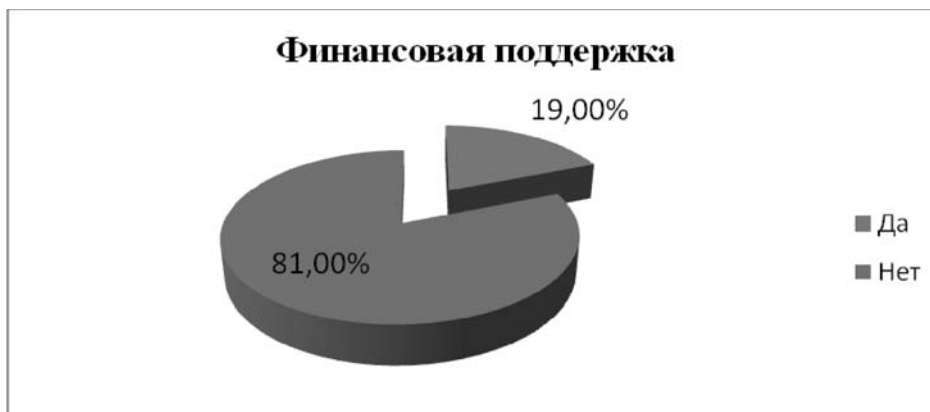

Рис. 5

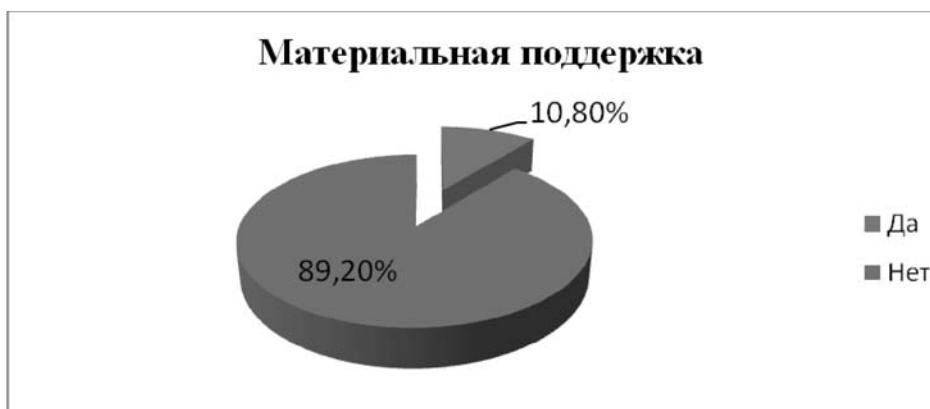

Рис. 6

Рис. 7

ской области является развитие туризма, а также, одним из новых видов туризма является агротуризм, именно поэтому возникает необхо-

димость развития целого ряда отраслей, где доминирующую роль должен сыграть малый и средний бизнес.

Рис. 8

Индикатор 2

Поддержка предпринимательства

Получали ли Вы в рамках реализации программ развития МСП поддержку?

Финансовая поддержка (субсидии, гарантии и т.п.)

Материальная поддержка (льготная аренда и т.п.)

Информационная, консалтинговая поддержка

Из всех опрошенных респондентов поддержку развития МСП получили 18,26% – только каждый пятый, 81,74% не получали преференций. Это свидетельствует о том, что дополнительных условий недостаточно для развития предпринимательской деятельности.

Индикатор 3

Роль организаций в развитии МСП

Какие организации наиболее способствуют развитию Вашей предпринимательской деятельности? Выберите 3 организации

Рис. 8

Наиболее популярный ответ «Затрудняюсь ответить» – на него ответило 31,02% респондентов, что означает либо отсутствие взаимодействий с данными организациями, либо нежелание сообщать о деловых коммуникациях. Пятерка лидеров среди организаций, способствующих осуществлению деятельности МСП, выглядит следующим образом: органы местного самоуправления – 10,78%, Центр поддержки предпринимательства – 10,34%, Бизнес-ин-

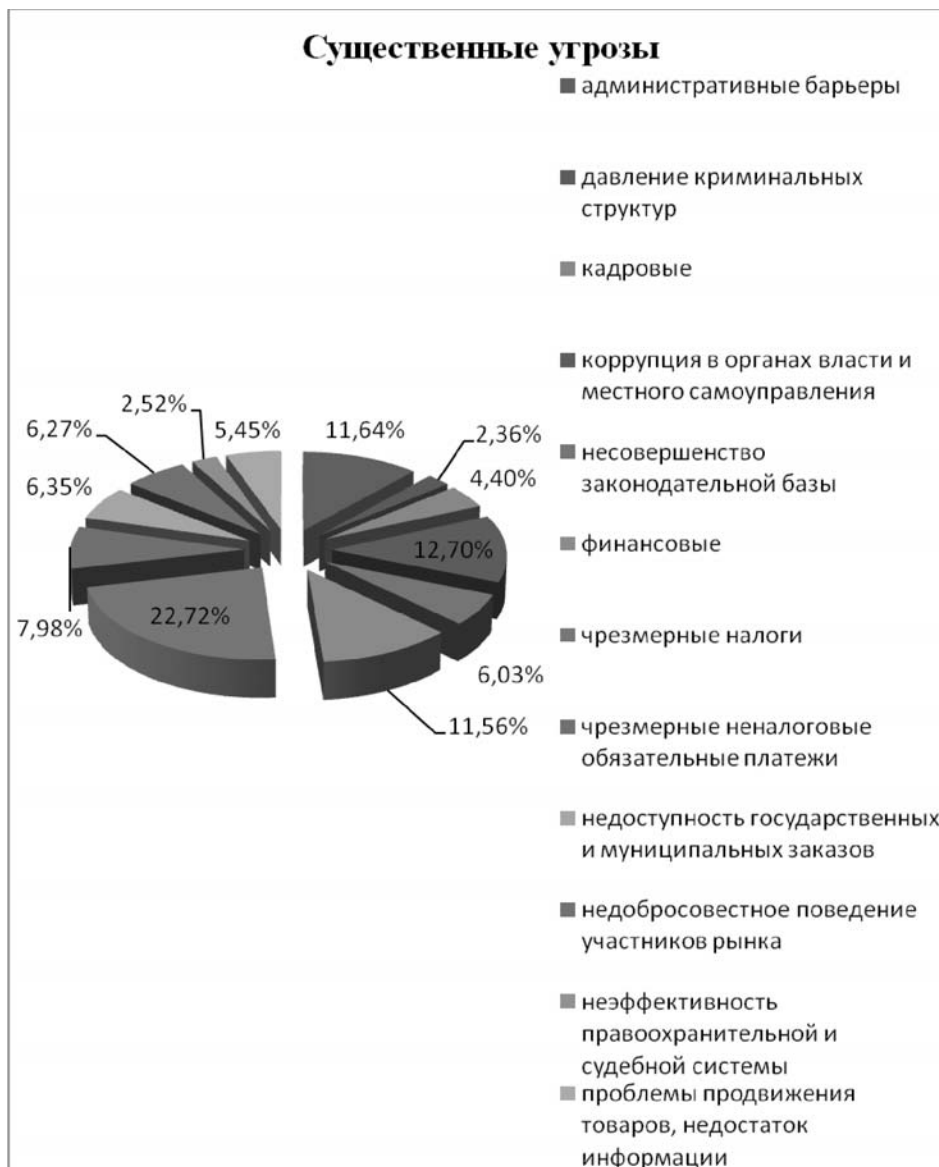

Рис. 9

кубатор – 9,45%, МФЦ для бизнеса – 8,86%, Торгово-промышленная палата – 6,94%.

Наименее популярными организациями, способствующими развитию деятельности МСП, являются общественные организации такие как «Деловая Россия» (1,62%), «Опора России» (2,36%). Таким образом, 2/3 респондентов активно обсуждают программы поддержки бизнеса и активно определяют организации и орга-

ны, способствующие деятельности. Это говорит о социальной активности и нахождении в тематическом поле.

Данный показатель отражает ситуацию, что ? предпринимателей затруднились ответить, а соответственно, либо не заручались поддержкой этих организаций, либо не знают об их существовании. Из перечня организаций, представленных к оценке, удельный вес организа-

Рис. 10

ций практически не участвует в развитии предпринимательства, в том числе особое место в этом списке с минимальным количеством голосов набрали такие организации как: «Деловая Россия» и «Опора России». Это свидетельствует о том, что роль гражданских организаций в деятельности предпринимателей практически сведена к нулю. А ведь гражданское общество в России и в регионе в частности набирает темпы своего развития, но, как видно, не во взаимодействии с предпринимателями. Возможно, это и обуславливает низкую гражданскую активность, инициативность, добросовестность, ответственность. Все это говорит о сложностях в развитии малого и среднего бизнеса.

Индикатор 4

Угрозы МСП

Какие проблемы и угрозы Вашей деятельности играют наиболее существенную роль? Выберите 3 основные проблемы

Основными проблемами, тормозящими процесс развития предпринимательской деятельности и угрожающие ей, являются такие основные проблемы как: чрезмерные налоги – 22,72%, коррупция в органах власти и самоуправления – 12,7%, административные барьеры – 11,64%.

Из предложенных вариантов абсолютно все были выбраны в качестве ответов, что говорит о широком проблемном поле развития предпринимательской деятельности.

Индикатор 5

Защита интересов МСП

Можете ли Вы рассчитывать на защиту Ваших интересов со стороны органов власти при имеющихся угрозах Вашему бизнесу?

Удельный вес предпринимателей на защиту интересов могут рассчитывать только в некоторых случаях – 35,8%. Не рассчитывают на помощь – 33,6%, не готовыми ответить на данный вопрос оказались 22,6%, что говорит о низкой информированности предпринимателей. 8% респондентов полностью полагаются на защиту своих интересов со стороны органов власти.

Система индикаторов дает представление о состоянии МСП. Проведем соответствующие расчеты. В случае если данный параметр выполняется более чем наполовину, присваивается значение +1. При выполнении менее чем на половину -1. Затем показатели суммируются и оцениваются по шкале.

Индикатор 1: отраслевая структура МСП отражает неравномерность деятельности по секторам экономики. В связи с этим присваивается оценка «-1».

Индикатор 2: поддержка предпринимательства – показатели диспропорциональны, большинство не получало поддержки (80%). Присваиваем оценку «-1».

Индикатор 3: роль различных организаций в развитии предпринимательской деятельности – охвачены все организации в той или иной степени. Присваивается оценка «+1».

Индикатор 4: Угрозы МСП – указаны все угрозы, «-1».

Индикатор 5: Защита интересов МСП – менее половины респондентов рассчитывают на защиту интересов, «-1».

Сумма данных оценок равна «-3». Согласно авторской методике оценки уровня развития МСП, если сумма оценок равна значению -1 или +1 – это свидетельствует о среднем уровне развития МСП; если сумма оценок равна -3 свидетельствует о низком уровне развития МСП, значение +3 – о высоком; значение -5 – очень низкий; значение +5 – очень высокий.

Таким образом, проведя анализ количественных и качественных характеристик состояния МСП Волгоградской области и применив разработанную методику можно сделать следующие выводы:

- на рынке преобладают организации микробизнеса, в то же время, происходит сокращение малых и средних организаций, имеющих ограниченные возможности по труду, капиталу, инновациям и социальному эффекту;
- опытные, квалифицированные предприниматели, имеющие продолжительную биографию находятся в меньшинстве;
- во владении предпринимателей находится только одна компания, т.к. имеются определенные трудности в количественном развитии бизнеса;
- предпринимательская деятельность сконцентрирована в основном в непроизводственной сфере;
- почти 80% опрошенных предпринимателей не получали поддержку своей деятельности ни в какой форме;
- на вопрос об организациях, деятельность которых направлена на поддержку и развитие предпринимательской деятельности каждый третий не дал ответа. Те, кто ответили, назвали только: Центр развития предпринимательства, Бизнес-инкубатор, Органы местного самоуправления. Остальные организации, по мнению респондентов практически не участвуют в жизни предпринимателей;

· в качестве предложенных к рассмотрению угроз предприниматели в своих ответах представили полный перечень, особенно выделили: чрезмерные налоги, коррупция в органах власти и местного самоуправления, административные барьеры;

· полностью положительно на защиту своих интересов со стороны органов власти могут рассчитывать только 4 респондента из 100. Это говорит о незащищенности, о недоверии к органам власти.

Таким образом, опираясь на индикаторы, характеризующие качественное состояние МСП Волгоградской области определили состояние МСП на отметке «-3», что соответствует низкому уровню развития, что актуализирует вопросы развития малого и среднего предпринимательства Волгоградской области.

Литература

1. Горбоконь А.А. Пути повышения эффективности функционирования и развития малого предпринимательства в регионе // Царское сельские чтения. 2015. №XIX.
2. Игнатова Ирина Викторовна, Игнатов Евгений Сергеевич Развитие предпринимательства в регионе: факторы и проблемы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. №5 (53).
3. Ромашова Л. О. Тенденции развития малого предпринимательства в России // Знание. Понимание. Умение. 2011. №2.
4. Чумичкин А. А. Методика последовательной обработки результатов анкетирования совокупности опрашиваемых, разбитой на разновеликие выборки // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2009. №2.
5. Статистика субъектов МСП Волгоградской области http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/ru/statistics/enterprises/small_and_medium_enterprises/

Детерминанты брачного выбора современной российской молодежи: сравнительный анализ социологических исследований

Миронова Ю.Г., Тырнова Н.А.

В данной статье анализируются детерминанты брачного выбора современной российской молодежи. Авторы проводят сравнительный анализ социологических исследований брачного выбора современной российской молодежи, основных факторов, влияющих на этот выбор. В результате проведенного анализа авторы приходят к выводу, о том, что молодежь при выборе брачного партнера используют именно эмоциональную стратегию, руководствуясь чувством любви. Такие добрачные характеристики брачных партнеров как возраст, социально-экономический статус, национальность, ценностные ориентации лишь в незначительной степени влияют на брачный выбор. Такой фактор как уровень образования, для большинства опрошенных не является важным при осуществлении выбора. Молодежь, как правило, предпочитает искать подходящего партнера, в местах проведения досуга, по месту работы, в кругу друзей, это связано с тем, что, как правило стремятся выбрать себе в партнеры людей со схожими социальными характеристиками.

Ключевые слова: брачный выбор, матримониальное поведение, молодежь, качества брачных партнеров, возраст вступления в брак, мотивы вступления в брак, брачные партнеры

Mironova Ju.G., Tyrnova N.A.

Determinants of marriage choice of modern Russian youth: a comparative analysis of sociological researches

This article analyzes the determinants of the marriage choice of contemporary Russian youth. The authors conduct a comparative analysis of sociological studies of the marriage choice of contemporary Russian youth, the main factors influencing this choice. As a result of the analysis, the authors come to the conclusion that when choosing a marriage partner, young people use precisely emotional strategy, guided by the feeling of love. Such premarital characteristics of marriage partners as age, socioeconomic status, nationality, value orientations only slightly affect the marriage choice. Such a factor as the level of education for the majority of respondents is not important when making choices. Young people, as a rule, prefer to look for a suitable partner, in places of leisure, at work, among friends, this is due to the fact that, as a rule, people with similar social characteristics tend to choose their partners. Thus, the authors conclude that the pattern of social endogamy is clearly manifested in the marriage choice of young people.

Key words: marriage choice, matrimonial behavior, youth, quality of marriage partners, age of marriage, reasons for marriage, marriage partners

В настоящее время наблюдается значительная трансформация брачно-семейных отношений и кризис семьи, переход от «традиционного» типа брачных отношений к «современному». Происходит увеличение числа разводов, растет количество пар, которые официально не регистрируют свои отношения, наблюдается трансформация ролей внутри семьи. Немало важным является и то, что сейчас молодые люди вступают в брак значительно позже, нежели предыдущие поколения, тем самым откладывая время рождения детей на более поздние сроки. В связи с этим, именно брачный выбор, имеет решающее значение для будущего функционирования семьи, так как выступает первым и ключевым этапом в формировании брачного союза. Многие факторы риска разрушения и распада брака имеют место уже в момент его заключения и во многом зависят от выбора брачного партнера. В связи с этим брачный выбор является основным структурным элементом брачно-семейных отношений, изучение данного феномена, выходит на первый план и приобретает повышенную актуальность, значимыми становятся исследования факторов брачного выбора, его механизмов и основных критериев [1, с. 32-36].

С целью объяснения механизмов брачного выбора, учеными были созданы ряд концепций. Среди них наибольшую значимость имеют работы Р. Уинча (теория комплементарных потребностей), Р. Сентера (инструментальная теория влечения).

чения и любви), Дж. Хаманса (теория обмена), Б. Мурстайна (теория «стимулов-ценностей-ролей»), Дж. Удри и А. Керкгоффа (модель «фильтров»). Свои научные взгляды на проблему выбора потенциального брачного партнера, освещали в своих трудах российских ученые: М.В. Медков, А.И. Антонов, М.С. Мацковский, Т.А. Гурко. В исследованиях брачного выбора в основном используется концепция С.И. Голода, ее суть состоит в рассмотрении широкого спектра брачных мотивов: духовная близость, любовь, психологическая адекватность, моральные убеждения и материальная обеспеченность [2, с. 53-58].

При построении методологии исследований брачного выбора авторами использовались идеи, которые были предложены российскими социологами, Чистяковой Т.С., Курамшевым А.В., ими выделялись два основных типа стратегий брачного выбора: рациональную и эмоциональную. Эмоциональная стратегия, обусловлена преобладанием эмоционально-чувственных компонентов в отношениях с партнером, чувством влюбленности или любви к нему. Рациональная стратегия, характеризуется целенаправленным рациональным выбором партнера, целью которой является максимизация эффективности брака. Данная стратегия основана на теории социального обмена, однако выбор не ограничен строго рациональным поведением, которое ориентировано только на материальную выгоду [3, с. 43-49].

Для того что бы лучше понять особенности и детерминанты осуществления брачного выбора современной российской молодежи, необходимо проанализировать проведенные за последнее время российскими социологами исследования, которые затрагивают данный социальный феномен.

Так в рамках данного социологического анализа особый интерес представляет исследование, приведенное сотрудниками исследовательской группы факультета социологии Института гендерных исследований (СПбГУ) под руководством Ушаковой В.Г. В данном исследовании была использована целевая выборка. Охват обследуемой совокупности был не большой, он составил 50 брачных пар, однако особый интерес представляли непосредственно характеристики и установки мужчин и женщин до брака, которые впоследствии и определяли их брачный выбор [4, с. 175-187].

Полученные в результате проведения исследования данные показали, что (88%) опрошенных пар по признаку национальности оказалось гомогамны, при этом стоит отметить, что данные свидетельствуют о том, женщины вступают в межнациональный брак чаще чем мужчины. Наибольшее число знакомств происходит в местах проведения досуга (24%) и по месту работы (18%). Вместе с тем, в связи с быстрым развитием информационных технологий, появляется новая тенденция знакомств через сеть интернет, о таком способе знакомства сообщили (12%) опрошенных пар. Показательным является и то, что процент знакомств по месту жительства уменьшается, это прежде всего, связано с возросшей мобильностью населения и ростом интенсивности миграционных процессов в России за последнее время. В большинстве случаев (52%) возраст жениха и невесты находятся о одном возрастном интервале не более трех лет, в (36%) случаев жених является старше невесты, и меньший всего процент (12%) приходится на случаи, когда невеста старше жениха. В большинстве случаев у будущих супругов уровень образования, жениха и невесты полностью совпадает (60%), в (26%) случаев у невесты уровень образования выше, и соответственно в (14%) случаев, уровень образования выше у жениха. Полученные результаты показывают, что в большинстве случаев (44%) профессиональный статус жениха и невесты находятся на близком уровне, у (36%) пар статус полностью совпадает, статус жениха оказался выше в (20%) случаев. Сопоставляя уровень благосостояния родительских семей, исследователи получили следующие результаты: по данному признаку доля гомогамных пар составила (52%), у (34%) пар уровень благосостояния семьи невесты превышает уровень благосостояния семьи жениха, и только в (14%) уровень благосостояния семьи жениха был выше. Как правило с родителями будущего супруга знакомы подавляющая часть опрошенных (89%), при этом невесты, в большей степени стараются прислушиваться к мнению родителей относительно выбора супруга, об этом сообщили (34%) невест. Женихам, обычно, безразлично мнение старшего поколения по этому поводу, женихи предпочитают выслушать родителей, но сделать по-своему (42%) [4, с. 175-187].

В качестве мотива вступления в брак большая часть опрошенных женихов назвали – стремление проявить свою заботу и любовь к близкому человеку. Для большинства невест основным мотивом является – потребность во взаимопонимании, психологической поддержке, желании иметь рядом заботливого и нежного человека. Что касается ролевых ожиданий, то 60% опрошенных вступающих в брак считают справедливым равное распределение домашних обязанностей между супругами.

Рассмотрим данные, полученных в ходе исследования «Проблема брачного выбора и факторов, на него влияющих» проведенного исследователями Антоновой Н.Л. Щербаковой М.В., в конце 2014г, объектом данного исследования выступила молодежь Екатеринбурга (N = 220), которая представлена в равных долях студенческой общностью и работающими. основным методом сбора информации стал анкетный опрос [5, с. 122-127]

В качестве наиболее подходящего возраста для вступления в брак, как для мужчин, так и для женщин, около половины респондентов (49%) назвали возрастной интервал от 24 до 26 лет. Результаты опроса демонстрируют преобладание эмоциональной стратегии при выборе брачного партнера. Так большинство (78%) опрошенных в качестве наиболее значимого фактора брачного выбора, указали – чувства к партнеру. Таким образом среди множества других факторов, молодежь отдает предпочтение чувствам любви. В результате вместо рационального подхода к выбору супруга, на первый план выходит эмоциональная стратегия, это подтверждается, тем что основным критерием брачного выбора для опрошенной молодежи, являются личностные качества потенциального партнера (73%). Так, только для четверти студентов, (25%) принявших участие в опросе, уровень образования партнера является важным при осуществлении брачного выбора, при этом уровень образования будущего партнера более значим для студентов, нежели для уже работающих молодежи [5, с. 122-127].

В ходе исследования, так же выяснялось отношение молодежи к межнациональным бракам. О нейтральном отношении к ним сообщили (41,5%) опрошенной молодежи. В качестве места знакомства с партнером, по мнению молодежи, самыми подходящими выступают ком-

пании знакомых и друзей, об этом сообщили (65,5%) опрошенных, а также места учебы и работы (54,5%). Молодежь полагает, что искать партнера, лучше всего в тех местах, где проводишь большую часть времени. Для молодых людей важен равный социальный статус и близкое с потенциальным партнером социальное окружение. Больше половины опрошенных (57%) считают, что совершенно не важно кто является инициатором знакомства. Однако, все же треть респондентов, по большей части молодые люди, придерживаются традиционных взглядов в данном вопросе и полагают, что инициатором знакомства должен быть мужчина. Согласно, полученным данным, 64,5% из опрошенных, при осуществлении брачного выбора, опираются только на свое личное мнение. На каждого третьего опрошенного, оказывает влияние суждение родителей и родственников (32%), в отличии от знакомых и друзей, мнением которых молодежь готова пренебречь. Такие показатели свидетельствуют о стремлении к самостоятельному выбору партнера, но в тоже время достаточно высоком авторитете родителей в этом вопросе [6, с. 33-38].

Для более подробного представления о том, какие качества наиболее важны при выборе брачного партнера и где, по мнению молодежи нужно знакомится с потенциальным партнером, мы обратимся к данным опросов, представленных Всероссийским центром изучения общественного мнения.

ВЦИОМ представляет данные исследования, посвященного изучению предпочтений мужчин и женщин при выборе брачного партнера. Исследование было проведено 5 – 6 февраля 2017 года, с использованием метода – телефонное интервью, объём выборки составил 1200 респондентов.

Опрошенные главным достоинством женщины, мужчины считают красоту, это качество выделили (27%) мужчин, на втором месте по значимости для мужчин является ум и интеллект (17%), мужчины ценят в женщинах, искренность (15%), доброту (13%) и хозяйственность (9%). Женщинам, по их собственному признанию, в мужчинах ценят честность, это качество отметили (23%) женщин, такие качества как доброта (20%) и надежность (16%) занимают в структуре качеств брачного партнера второе и третье место. Также в мужчинах женщины ценят поря-

дочность (15%), мужественность (12%), трудолюбие (11%), ум (11%) и заботливость (10%). При этом можно выделить универсальные ценности, которые примерно в равной степени, являются значимыми при брачном выборе для представителей обоих полов. Так, например, почти равны доли мужчин и женщин, называют, в числе наиболее значимых качеств верность (7% среди мужчин и женщин) и понимание (6% и 4%). Лучшим вариантом для поиска будущего мужа и жены (43%) опрошенных считают общий круг друзей. Каждый четвертый (26%) предпочел бы завести приятное знакомство в вузе или работе. Популярность этих мест, вероятно, обусловлена личным опытом: дружеская среда, а также учеба или компания-работодатель возглавляют рейтинг сфер, где респонденты уже повстречали свои вторые половинки (37% и 28%, соответственно). В список подходящих мест для знакомства также входят клубы по интересам, всевозможные курсы, их назвали (18%) респондентов, концерты и спектакли (16%), уличные пространства (14%) [7].

При участии авторов «Центром социологических исследований АГУ» было проведено исследование целью которого было выявление особенностей брачно-семейного поведения современной молодежи, было опрошено 600 человек, октябрь-декабрь 2015 г. В качестве объекта исследования выступила молодежь г. Астрахани и Астраханской области в возрасте от 18 до 35 лет, выборка многоступенчатая, квотная.

В ходе исследования были получены следующие результаты, так, по мнению большинства, опрошенных (55,1%), оптимальный возраст вступления в брак для мужчин, приходится на интервал от 26 до 30 лет. Возраст от 22 до 25 лет посчитали наиболее подходящим (25,6%) респондентов. Что касается оптимально возрастной вступления в брак для женщин, то здесь (69,6%) опрошенной молодежи выделили в качестве наиболее подходящего возраст 22 – 25 лет. Респонденты считают, что оптимальный возраст вступления в брак у женщин ниже чем у мужчин. Это связано с социальными и гендерными стереотипами, которые предполагают, что карьерное продвижение и успех в профессиональной сфере является для женщин менее важным, чем создание своей семьи. Главной причиной вступления в брак, более половины опрошенных (53,2%) считают возможность быть с

любимым человеком, (46,6%) в качестве основной причины выбрали продолжение рода. Для гарантии стабильной старости и отсутствия одиночества вступили бы в брак (26,6%) респондентов. На основе представленных данных можно говорить о том, что большинство опрошенной молодежи при выборе брачного партнера используют именно эмоциональную стратегию [8, с. 50-58].

Следует обратить внимание, на то какими качествами, по мнению опрошенных должен обладать идеальным партнер. Что касается идеального мужчины, то у него, прежде всего, по мнению подавляющего большинства респондентов (83,5%) должен быть развитый ум и интеллект, (75,9%) опрошенных, считают важным способность мужчины обеспечить материальный достаток, физическая сила и здоровье важны для (60,8%) опрошенной молодежи. Кроме этого, идеальный мужчина должен быть верен в любви (44,3%), уверен в себе (43%), иметь хорошее чувство юмора (27,8%), быть добрым (25,3%) и не иметь вредных привычек (20,3%). Идеальная женщина, по мнению большинства опрошенных должна обладать следующими качествами: (72,2%) любовь к детям, следующими важными характеристиками идеальной женщины стали верность в любви (65,8%) и хозяйственность (60,8%). Интеллект и развитый ум посчитали необходимыми почти половина респондентов (46,8%).

Таким образом проанализировав результаты различных социологических исследований, можно сделать вывод о том, что молодежь при выборе брачного партнера используют именно эмоциональную стратегию, руководствуясь лишь чувством любви. Любовь оказалась главной ценностью и мотивом вступления в брак современной молодежи. Наиболее вероятным является совпадение возрастов партнеров и не значительное (около трех лет) превышение возраста жениха. Между уровнем образования партнеров наблюдается высокая корреляция, но все же чаще более высокий уровень образования при вступлении в брак имеют женщины. Мужчины в процессе выбора супруги в меньшей степени нежели женщины руководствуются мнением родителей. Такие добрачные характеристики как возраст, социально-экономический статус, национальность, ценностные ориентации лишь в некой степени влияют на брачный выбор.

Мужчины в среднем в качестве брачных партнеров предпочитают более молодых женщин. Такой фактор как уровень образования, для большинства опрошенных не является важным при осуществлении выбора супруга. Женщины выбирают мужчин, в первую очередь по таким критериям, как честность, доброта и надежность, ум, мужчины дам – по красоте, искренности, верности, любви к детям. Молодежь, как правило, предпочитает искать подходящего партнера, в тех местах, где проводят большую часть времени (по месту работы и учебы, в кругу друзей, в местах проведения досуга,) это связано с тем, что, как правило стремятся выбирать себе в партнеры людей со схожими социальным статусом и характеристиками. В основном респонденты имеют эгалитарные установки в процессе брачного выбора. Социологические исследования показывают, что наиболее вероятными являются браки между теми, чьи добрачные социальные характеристики являются схожими, то есть в брачном выборе действует правило социальной эндогамии.

Литература

1. Миронова Ю.Г., Тырнова Н. А. Интернет-знакомства как форма брачного выбора современной молодежи: социологический анализ // Социология №4 2017. С.32-36.
2. Миронова Ю.Г. Социальные факторы брачного отбора в структуре матримониального поведения // Общество XXI века: итоги, вызовы, перспективы. 2016. № 5. С. 53-58.
3. Чистякова Т.С., Курамшев А.В. Стратегии добрачных практик современной молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. № 3. С. 43-49.
4. Ушакова В.Г. Брачный выбор в современном Российском обществе: гендерный аспект // Вестник Санкт-Петербургского Университета. 2012. № 12. С. 175-187.
5. Антонова Н.Л. Щербакова М.В. Брачный выбор молодежи: социологическое измерение // Известия Уральского федерального университета. 2015. № 3. С. 122-127.
6. Антонова Н.Л. Щербакова М.В. Брачный выбор молодежи: стратегии и факторы // Перспективы науки. 2015. № 3. С. 33-38.
7. Всероссийский центр изучения общественного мнения. «Женщины любят ушами» [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116063>. (дата обращения: 27.09.2018)
8. Иванова А.А. Гендерные особенности брачно-семейного поведения молодежи / Вестник Волгоградского Государственного университета. 2015. № 1. С. 50-58.

Миграция сельской молодежи в современных условиях

Мухаметзянова Л.К., Хизбуллина Р.Р.

В статье представлены результаты исследования причин профессиональной миграции молодежи из сельской местности в крупные города и мегаполисы. На основе результатов авторских и сравнительных социологических исследований рассмотрены факторы и стратегии возможной миграции сельской молодежи в современных условиях. Выявленные причины, побуждающие молодежь мигрировать из сел лежат в плоскости понимания ими значимости городской среды и инфраструктуры для улучшения качества и уровня их жизни, улучшения материального положения, самореализации, карьерного роста.

Ключевые слова: сельская молодежь, миграция, мобильность, социализация, рабочая профессия, урбанизация, факторы среды, город, село.

Mukhametzyanova L.K., Khizbullina R.R.

Migration of rural youth in modern conditions

In the article the reasons of professional migration of youth from rural areas to the large cities and megalopolises are studied. On the basis of results of author's and comparative sociological researches factors and the strategy of possible migration of rural youth in modern conditions are considered. It is defined that the reasons inducing youth to migrate from villages lie in the understanding plane them the importance of the urban environment and infrastructure for improvement of quality and level of their life, improvement of financial position, self-realization, career development.

Keywords: rural youth, migration, mobility, socialization, working profession, urbanization, environment factors, city, village.

Являясь крупной социально-демографической группой, молодежь обладает рядом особенностей. С одной стороны, для молодых людей характерен высокий уровень мобильности, социальной активности, желание развиваться в профессии, ожидание карьерного роста. С другой стороны, молодое поколение сталкивается с рядом сложностей: преодоление препятствий, связанные с социализацией, интеграцией в экономическое, политическое и социокультурное пространство [1].

Динамика миграционных процессов среди сельской молодежи сегодня обусловлена социально-экономическими явлениями. Фактически термин миграция представляет собой перемещение людей из одного региона в другой с целью изменения постоянного или временного места жительства. Рассматриваемая различными науками (социология, демография, экономика, психология), сегодня она приобретает особую актуальность в контексте активизации миграционных потоков среди молодежи как социально-демографической группы [2].

Сельский образ жизни, не успевающий трансформироваться под городской темп имеет, с точки зрения молодого поколения неблагоприятные внешние факторы (условия, содержание и характер труда на селе), формирующие отрицательную социально-психологическую установку (внутренние факторы - расхождение в личностных ожиданиях и установках молодежи с возможностями, предоставляемыми в рамках профессионально-трудовой среды предприятий сельской местности, неудовлетворенность уровнем и качеством жизни, и т.п.), побуждающую молодежь к вынужденной миграции.

Согласно исследованиям, проведенным Независимым исследовательским центром по миграции стран СНГ и Балтии (2005г.) по выявлению миграционной мобильности молодых жи-

Статья подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований и Правительством Республики Татарстан научного проекта №17-13-16006.

телей малых российских городов (n=500 чел.) подавляющее большинство из числа опрошенной молодежи (64 %) не собираются оставаться в своих городах после окончания школы, 23 % выпускников уверены, что «покидают свой город навсегда». Основным фактором, побуждающим молодежь к миграции, является отсутствие достойной работы [3].

С целью исследования видов и причин возможной миграции сельской молодежи в современных условиях, ее жизненных ожиданий, проблем и перспектив самореализации на селе, было проведено авторское социологическое исследование методом анкетного опроса, в том числе с использованием опросов в он-лайн режиме, что позволило расширить географический охват исследуемого объекта. Сбор эмпирических данных производился в сельских муниципальных районах Республики Татарстан (РТ). Репрезентативность данных подтверждается соответствием пропорций социально-демографическим характеристикам генеральной совокупности внутри выборочной (n=800 человек).

Основные экономические предпосылки трудовой миграции, согласно мнению опрошенной молодежи, проживающей в сельской местности Республики Татарстан в возрасте 16-23 лет (n=800 чел.) выражаются в неудовлетворенности уровнем зарплат (37%) и социального обеспечения (36%); разности в материально-технической базе социальных объектов (учреждений) по работе с молодежью, образовательные центры, расширение инфраструктуры (28%) [4]. Тенденция профессиональной миграции сельской молодежи связана с перемещением из сельской местности на территории, где есть перспективы профессиональной реализации (в глобальных корпорациях, крупных компаниях и их филиалах, и т.п.). Однако сегодня сельская молодежь не бежит от безысходности, а желает повысить своё финансовое состояние, улучшить качество жизни, однако в регионах это может обернуться проблемой безвозвратности. В результате социологического опроса, проведенного среди молодежи в возрасте 16-30 лет в г. Набережные Челны Республики Татарстан большинство респондентов наиболее важным критерием для получения образования (как одного из фактора миграции) отметили качество образования, широкий выбор специальностей, рейтинг ВУЗа и опыт преподавателей. В результате

опроса выявлено, что с возрастом формируется осознание жизненных приоритетов и потребность в качестве образования, выборе специальностей [5].

Согласно результатам, полученным в ходе изучения причин мотивации мигрирующей молодежи в большие города (опрос проведен среди студентов вузов и ССУЗов г. Зеленодольска Республики Татарстан) среди проблем личного плана, стимулирующих миграцию на первом месте стоит материальное обеспечение (29 % - ССУЗы, 20 % - вузы), на втором - трудности трудоустройства (25% - вузы и ссузы), на третьем - отсутствие жилья (16 % - вузы, 21% - ССУЗы). В ходе анализа данных выявлено противоречие между желанием молодежи учиться и трудоустроиться на родной земле, обеспечить себе и своей семье достойное существование и риском невозможности реализации потребностей. Это серьезная проблема и ее необходимо решать системно, в тесном взаимодействии всех структур [6].

В исследованиях, проведенных Центром социологических исследований Института социологии Российской академии наук (2013г.) в том числе на базе предприятий в г.Казани (ОАО «Казанское авиационное производственное объединение им. Горбунова», «Казанский филиал конструкторского бюро ОАО Туполев») методом глубинных интервью молодых рабочих определено, что большая часть респондентов являются иногородними (53,8%), в том числе из сельской местности (15,6%), выходцы из средних городов (15,8%) и рабочих поселков (12,8%), являются переселенцами из малых городов (9,6%). В результате исследования авторами выявлено, что молодежь рабочих поселков наиболее интенсивно мигрирует в крупные города, что связано с еще большей, нежели на селе, ограниченностью местного рынка труда, указывая, что на уровне личных мотивов выбора движущими факторами миграции из села являются потребности в заработке, поиски доступных рабочих мест, гарантированного трудоустройства. Несмотря на то, что авторами исследования определено – причина отсутствия возможности трудоустройства по месту жительства и наличие рабочих мест в ближайших городах играет далеко не первостепенную роль в ряду факторов, детерминирующих миграционное поведение молодежи, его можно расцени-

вать в качестве внешнего фактора миграции (13,7% отметивших). Указывают на данный фактор в большей степени выходцы из сел (23,2%), поселков городского типа (24,2%) и малых городов (22,2%) [7].

Сегодня, миграция сельской молодежи тесно связана с процессами урбанизации и может рассматриваться в большей степени как миграция «переселенческого типа», поскольку процессы развития села, расширение возможностей и развитие инфраструктуры, часто упоминаемой респондентами как внешнего фактора, стимулирующего исход молодежи из села, существенно уступают городской. Вместе с тем стоит отметить, что причины миграции не всегда бывают столько однозначные, поскольку зачастую миграция является результирующей нескольких причин: экономических, профессиональных, социальных. Однако помимо желания улучшить качество жизни, решить проблемы с трудоустройством и самореализацией возникают и социальные последствия миграции – проблемы интеграции в новое общество, социальной адаптации, социализации.

Активная миграция сельской молодежи приводит к существенному ухудшению социально-экономической ситуации к возникновению социально-экономических проблем в агропромышленном комплексе, поскольку последняя лишается ресурса рабочей силы, смене поколения квалифицированных специалистов. Молодежь в регионах и отдаленных сельских поселениях является существенной потенциальной рабочей силой, выражающей заинтересованность в получении работы за оплату или прибыль, однако сложившиеся условия ограничивают их активные поиски работы или их готовность приступить к работе [8].

Миграция сельской молодежи стабильно является достаточно высокой. Оценивая приблизительно ее размеры, можно сказать, что молодежь относительно интенсивно переезжает за рабочими вакансиями как в малые, средние, так и более крупные города. (Исследования прежних лет показали, что в ходе миграции сельская молодежь чаще оседала в более близких – более мелких по размерам – поселениях [9].

Катализатором миграционных потоков среди молодежи села является и процесс экономической, социо-культурной глобализации, развитие индустриализации, обуславливающие

массовую молодежную миграцию сначала в большие города, затем и эмиграцию за территорию страны. Реэмиграция молодежи в сельскую местность, может восстановить утраченную профессионально-трудовую преемственность, этнические связи.

Результаты социологических исследований подтверждают тезис, что устойчивое лидирующее место в ряду причин, побуждающих сельскую молодежь к миграции, является желание улучшить экономическое положение. Вместе с тем, для молодежи, в большей степени характерно стремление к реализации творческого потенциала и поиска себя в контексте социокультурных изменений. Реагируя на неблагоприятные условия среды проживания, сельская молодежь выбирает разные стратегии миграции: академическую, профессиональную, трудовую.

Молодежь, ориентированная на реализацию в творческой профессии одной из причин миграции из сельской местности называет развитую в мегаполисах и крупных городах культурную среду. Однако в настоящее время, крупные сельские и районные центры при должной финансовой поддержке могут создать возможности для творческого развития молодежи в сфере искусства, реализации собственных проектов.

Сегодня назрела настоятельная потребность в формировании программ сохранения, удержания и привлечения молодежи для трудоустройства на селе с целью обеспечения рационального использования трудовых ресурсов, сохранения молодежного потенциала, повышения эффективности управления миграционными процессами [10].

Литература

1. Фарахутдинов Ш.Ф. Удовлетворенность жизнью сельской молодежи в Западно-Сибирском регионе России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 233-250. Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2017/141/2017_141_13_Farakhutdinov.pdf (дата обращения 14.07.2018)
2. Что такое миграция населения: виды, причины, последствия. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://emigranto.ru/spravochnaia/emigraciya/opredelenie.html> (дата обращения 05.09.2018)
3. Флоринская Ю.Ф., Рощина Т.Г. Оценка

уровня миграционной мобильности молодежи малых российских городов (по опросам выпускников школ) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 3. С. 125-139.

4. Давлетшина Я.М., Мухаметзянова Л.К., Хизбуллина Р.Р. Причины и направления миграции талантливой молодежи в Республике Татарстан: результаты эмпирических исследований // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 1 (41). С. 111-118.

5. Фатихова Л.Э., Сарварова Р.Р. К вопросу о проблеме миграции молодежи // Молодой ученый. 2014. №21. С. 445-447. URL <https://moluch.ru/archive/80/14304/> (дата обращения: 21.09.2018).

6. Кадырова Х.Р. Проблема миграции молодежи г. Зеленодольска и пути ее решения. Электронный ресурс. Режим доступа: zelenodolsk.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_233189.doc (дата обращения 01.08.20018)

7. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чердниченко Г.А. Рабочая молодежь Рос-

сии: количественное и качественное измерения. [Электронный ресурс]. М.: ЦСИ. 2013. 277. С. 11-25. Режим доступа: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2013/rabochaya_molodeg.pdf (дата обращения 29.08.2018)

8. Труд и занятость в России. 2017: Стат. сб./ Росстат. Т. 78 М., 2017. 261 с. С. 17.

9. Переведенцев В. И. Молодежь и социально-демографические проблемы СССР. М.: 1990. С. 96.

10. Мирзабалаева Ф.И. Миграционные настроения молодежи периферийного региона // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. Режим доступа: URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9910> (дата обращения: 12.09.2018)

Ссылки:

1 The submitted article results of the research conducted within the framework of the scientific project No. 17-13-16006, supported by the Russian foundation for basic research and the Government of the Republic of Tatarstan.

Образ и имидж России, Украины и Белоруссии в представлениях российской молодежи

Снежкова И.А., Калачева И.И., Шалыгина Н.В.

В 2017-2018 гг. в ряде Университетов Москвы было проведено социологическое и этнопсихологическое исследование, изучающее образ России, Украины и Белоруссии. В условиях информационного и санкционного давления на Россию важно было изучить каким образом российская молодежь реагирует на сложившиеся условия? Какими ей представляются перечисленные страны и их лидеры? Как относится молодежь к значимым событиям последнего времени - присоединению Крыма, событиям на Украине, политической оппозиции в стране. Результаты исследования показали, что несмотря на сложную этнополитическую обстановку молодежь демонстрирует достаточно позитивное отношение к собственному руководству страны, сожалеет о конфликте на Украине, жалея народ и осуждая правительство этой страны. Белоруссия россиянами воспринимается как дружественная страна с которой необходимо укреплять сотрудничество.

Ключевые слова: российская молодежь о России, Украине и Белоруссии. Представление молодежи о народе и власти, социологический и этнопсихологический подход в изучении этнополитических проблем.

Snezhkova I.A., Kalacheva I.I., Shalygina N.V.

The image of Russia, Ukraine and Belarus in the views of the Russian youth

In 2017-2018, in a number of Moscow universities a sociological and ethno-psychological study examining the image of Russia, Ukraine and Belarus. It was important to study how Russian youth react to the conditions of informational and sanctions pressure on Russia. The attitude of young people to the significant recent events - the accession of the Crimea, the events in Ukraine, the political opposition in Russia - was studied. The research also reveals the relation of the youth to the power structures and people in these countries. The results of the study showed that despite the difficult ethno-political situation, young people demonstrate a rather positive attitude to their own leadership of the country, regret the conflict in Ukraine, pitying the people and condemning the government of this country. Belarus is perceived by Russians as a friendly country with which it is necessary to strengthen cooperation.

Key words: Russian youth about Russia, Ukraine, Belarus, youth perception of the people and power, sociological and ethno-psychological approach in study of the ethno-political problems.

Вступление

В начале XXI века единство восточнославянских народов - России, Украины и Белоруссии казалось незыблемым и непоколебимым. Распад Советского Союза, подписание Беловежских соглашений не предвещали

особых межгосударственных проблем. Однако, через 20 лет ситуация кардинально поменялась. Безусловно, обострению отношений между Россией и Украиной послужила «Революция достоинства» 2013 - 2014г. на Украине, присоединение Крыма к России, которое Украина воспринимает как аннексию и гражданская война на Донбассе, которую на Украине классифицируют как российскую агрессию. Пока на межгосударственном уровне и в СМИ между Россией и Украиной имеет место жесткое противостояние Тем не менее необходимы поиски по налаживанию отношений с Украиной и укреплением взаимодействия с дружественной Белоруссией.

Для изучения данного вопроса сотрудниками Института этнологии и антропологии Российской академии наук было начато исследование, основной целью которого был опрос студентов, изучающий мнение молодежи об этнополитической ситуации внутри страны и об отношениях России, Украины и Белоруссии. [Снежкова, 2017]

В нынешней ситуации, принципиально важное значение приобретает вопрос формирования позитивного настроения российского общества на межгосударственные и межэтнические контакты. Особая роль в этом процессе принадлежит молодежи, в руках которой будущее нашего государства. Социальный потенциал молодежи, ее трудовой вклад в экономическое развитие общества, мобильность и активность в поддержании контактов со сверстниками в мировом масштабе - это те факторы, которые могут способствовать налаживанию международных контактов. [Шалыгина, 2018]

Исследование проводилось при поддержке грантов РГНФ 17-01-18090; РФФИ 18-59-00005

Главная задача нашего исследования заключалась в том, чтобы на основании результатов опросов российской молодежи проследить какое общественное мнение формируется в России об этнополитической ситуации внутри собственной страны, а также какими видятся отношения России с Украиной и Белоруссией.

Кроме того, исследовалась роль СМИ, которые являются основным источником формирования представлений молодежи перечисленных стран друг о друге. [Малькова, 2016]

Исследование проводилось в Москве в 2017-2018 гг. среди студентов гуманитарного факультета (лингвистов, психологов, переводчиков, дизайнеров) Московского информационно-технологического университета; на математическом факультете Московского Педагогического Государственного Университета; на факультете фундаментальных наук Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана. В институте журналистики и литературного творчества. Всего было опрошено 400 человек.

Основным методом исследования был социологический опрос, помимо анкетирования был проведен этнопсихологический рисуночный тест на тему «Народ и власть в представлениях молодежи», также использовался метод фиксированных ассоциаций, с помощью которого выяснялись подсознательное отношение опрашиваемых к власти. [Шестопал, 2007]

Особенную роль в формировании политических взглядов молодежи играют СМИ. Основной источник информации для молодежи, по их собственному мнению, – интернет - 1. поисковые системы Гугл, Яндекс; 2. социальные сети - В контакте, Фейсбук, Одноклассники, Инстаграм 3. мессенджеры – Скайп, Телеграм. Во вторую очередь информация черпается через телевидение. Бумажные носители (газеты, журналы) упоминались опрашиваемыми очень редко. На вопрос насколько объективны, западные и российские СМИ? Подавляющее большинство респондентов отвечало о необъективности, двойных стандартах и откровенно придуманной информации в СМИ, особенно западных при освещении ситуации в России (76%). Среди примеров дезинформации молодежь называла освещение событий на Украине, в Сирии, события внутри России. Назывались такие фейковые новости как «вмешательство России

в выборы США», «применение химического оружия в Сирии», «допинговый скандал с российскими спортсменами» и др. Помимо информационной войны мы видим, что идет активная санкционная война против России. Основная задача санкций экономически и политически ослабить Россию, вызвать на ее территории беспорядки, которые привели бы к смене президента и правительства. [Гузенкова, 2018]. Закономерно нами был поднят вопрос о влиянии санкций лично на молодежь и на государство. Ответы разделились 50 % на 50%. Молодежь указывала на такие последствия санкций для себя как «рост цен», «рост безработицы», «исчезновение некоторых импортных товаров», но в целом считала эти факты не критичными.

Образ России

На вопрос «Какой Вам представляется Россия?» Наиболее частые ответы носили положительный характер – (73 %). Молодежь видит Россию как «великую сверхдержаву», «сильную страну с большими возможностями», «страну, прошедшую большие испытания и преодолевшую их», «многонациональное государство, в котором народы живут в согласии». Среди отрицательных сторон в образе России молодежь отмечала «коррупцию чиновников», «снижение уровня жизни», «ухудшение образования и здравоохранения», «не контролируемая миграция из Средней Азии», в последнее время «пенсионную реформу».

На вопрос «Испытываете ли Вы гордость за свою страну?» - большинство молодежи отвечало положительно. Наиболее повторяющиеся ответы, благодаря которым молодежь испытывает гордость – «дружное, сплоченное население», «мужественный народ, проживающий на огромной территории», «страна которая проводит самостоятельную политику».

Поскольку в настоящее время происходит демонизация России мировыми СМИ, важно было узнать какая должна быть Россия, с точки зрения молодежи, чтобы быть привлекательной для других стран? Большинство респондентов отвечало: «Россия должна быть экономически и культурно развитой, сохраняющей свою независимость, единой духом и в дружеском общении с другими странами».

Постоянная поддержка из-за рубежа оппозиционных движений, заставила нас задать ряд

вопросов, касающихся возможности проведения на территории нашей страны Майдана, аналогичного украинскому. Среди опрошенной молодежи – (69%) отрицали возможность проведения Майдана в настоящее время, однако, к наличию политической оппозиции в большинстве своем - (54%) относились положительно. Причины этого указывались следующие - «чтобы политики не распускались», «чтобы карась не дремал», «чтобы существовали разнообразные партии». При этом речь не шла о лидере оппозиции А. Навальном и его соратниках, рассматривалась оппозиция как явление. Причинами Майдана в России, по мнению респондентов, «может стать ухудшение уровня жизни населения», «неэффективность реформ», «активная деятельность Запада по поддержке оппозиции». [Громов, 2012] При этом молодежь с пониманием относилась к тому, что в настоящее время со стороны Европы и Америки давление на российскую молодежь будет нарастать на предмет привлечения ее к оппозиционной деятельности и проведения цветной революции в стране. Важным аспектом исследования было выявление отношения молодых людей к присоединению Крыма к России. Большинство респондентов – (57%) ответило на этот вопрос положительно, - (23%) нейтрально, остальным было безразлично – (20%). Респонденты отметили, что референдум крымчане провели по всем международным правилам, «русские стремились присоединиться к русским». Причиной присоединения, по мнению респондентов, был незаконный государственный переворот на Украине, приход к власти нелегитимного правительства, которое сразу объявило о введении единого государственного украинского языка, чем оттолкнуло русскоязычных крымчан, проживающих на юге и востоке страны. Также отмечались жестокие действия участников противостояния на «Майдане Незалежности» и страх людей попасть в подробные условия в Крыму. [Губогло, Старченко, 2015]

Вопросы, связанные с ситуацией на Донбассе, волновали молодежь, которая сочувствовала жителям Донбасса, находящимся под обстрелами 5-ый год. Респонденты отмечали провал киевской власти по отношению к собственному народу, множество невинных жертв среди мирного населения, рассматривали войну как форму зарабатывания денег киевской

элитой. На вопрос как вести себя России в этой ситуации респонденты предлагали «не вмешиваться в гражданский конфликт на Украине и способствовать примирению враждующих сторон. Выполнять Минские соглашения».

Образ Украины

Важной задачей исследования было изучить представления россиян об Украине. Большинство студентов называло Украину «бедной страной, власть которой развязала братоубийственную войну». Существующая власть на Украине, по мнению студентов, «агрессивная и русофобская», «Россия обвиняется во всех бедах Украины, хотя в стране широко действует коррупция, повышаются цены на газ, на коммунальные услуги». Однако много ответов было связано с тем, что развязан конфликт между родственными народами, практически между единым народом, о чем респонденты сожалели.

На вопрос «Связывает ли Вас что-либо с Украиной?» большинство отвечало положительно – (57%). «Связывает национальность родителей, наличие родственников на Украине, друзья, общая история.»

На вопрос «Беспокоит ли Вас, возможные последствия российско-украинского конфликта?». Наиболее частые ответы были связаны с опасением военных действий с Украиной и Западными странами – (48%).

Нам было интересно узнать, как видят студенты причины событий на Майдане в Киеве. Большинство респондентов – (70%) считали основной причиной событий на Украине был «государственный переворот с участием Западных сил».

Образ Белоруссии.

Образ Белоруссии в представлениях молодежи в целом положительный – «это страна, где доминирует порядок», «работают все предприятия», «низкая преступность» и «вечный президент». Молодежь отмечала хорошие отношения между Россией и Белоруссией. Относительно возможностей Майдана в Белоруссии подобного украинскому - студенты отвечали, что «при существующем президенте – это вряд ли возможно». Молодые люди отмечали, что «учитывая негативный опыт, связанный с отходом Украины от восточно-славянского единства, нужно наращивать политические, экономические,

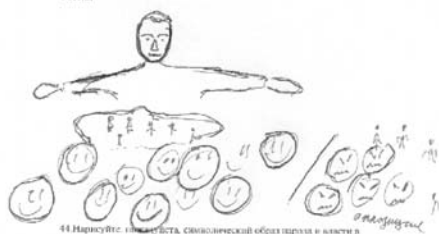

Рисунок 1.

учебные, культурные и туристические контакты среди молодежи». Также во взаимоотношении двух стран России и Белоруссии молодежь отмечала не всегда общую позицию «Между Россией и Белоруссией идет постоянный торг цены за газ», «через Белоруссию осуществляется провоз санкционных (запрещенных Россией продуктов)».

На вопрос о будущем России, Украины и Белоруссии большинство молодежи отвечало неожиданно оптимистично – (52%). «Долго не может продолжаться противостояние славянских народов, они найдут взаимопонимание», «их рассорили намеренно», «они будут в едином экономическом и политическом пространстве типа Таможенного союза». Однако (43%) «сомневались, что с Украиной в ближайшее время можно будет наладить полноценный контакт, т.к. «ее поддерживает Америка, которой не выгодно воссоединение трех близких народов».

Также нами был проведен рисуночный тест, который часто используют в политической психологии на тему – «Народ и власть в России, на Украине и Белоруссии». В контексте политико-психологического исследования важно было проследить, как изображаются респондентами власть (с симпатией, апатией, антипатией). Какое место рядом с властью занимает народ (находится рядом, в центре, снизу, сбоку)? Какие сюжеты и символы используются для изображения народа и власти». [Шестопад, 2008]

Изображение власти и народа в России

Подобная работа проводилась нами в 2006 г., по результатам были выпущены книги под ред. Снежковой И.А. [Снежкова 2007].

По результатам рисуночных тестов видно, как менялось отношение молодых людей к власти. Самый тяжелый период в рамках нашего исследования пришелся на 2005-2006гг. нача-

Рисунок 1.

ло второго президентского срока Путина, когда последствия развала СССР и Ельцинское наследие были в силе. Изображение власти в то время, как правило, носило отчужденный от народа характер. Ее изображали в виде хищных животных, рыб, чудовищ, терзающих маленький народ. Власть была неотделима от силы. Ее рисовали в виде разнообразного оружия, ключей, проволки, запоров, замков. При этом в мировых СМИ к России относились с симпатией, позиционируя ее как страну победившей демократии, отошедшей от тоталитарного режима.

Исследование, проведенное в 2017-2018гг. показало наличие взаимодействия между народом и властью. Пожалуй, основной лейтмотив большинства рисунков – единство народа и власти. Во-первых, «власть» уменьшилась в размерах, она не нависала огромной машиной над маленькими человечками, изображающими народ. Ее часто ставили в центр, вокруг изображая народ. Присутствовал также в изображении власти образ диких животных – традиционный медведь, лев, волк, но что характерно, рядом находились их детеныши (народ), которых животное защищало. Довольно много было рисунков на заданную тему, изображающих безмятежную природу, гуляющих по городу или катающихся в парке на велосипедах людей, что свидетельствовало о спокойном взаимодействии народа и властных элит. В последнее время, в связи с нагнетанием военного противостояния в мире, увеличилось количество рисунков военного характера. Например, президент на фоне танков готов защищать народ.

Безусловно присутствовали рисунки – (15%) с отрицательным изображением власти. Имели место изображения полицейских, разгоняющих протестующих на митингах. Также, часто встречались рисунки о несправедливом до-

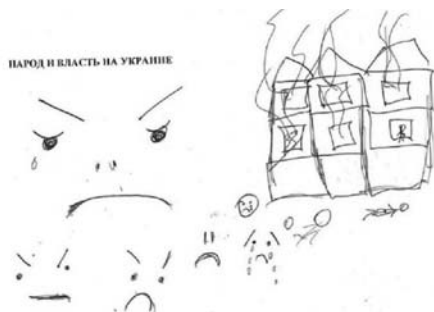

Рисунок 3.

ходах между чиновниками и народом. Например, изображение куриной ноги, мякоть которой достается властям, а косточка народу. Присутствовали на рисунках машины с деньгами, которые отправляются чиновникам, а зарабатывает их народ.

Фигуры, изображающие народ, стали значительно крупнее. Народ сплывался вокруг президента работает вместе с ним. Много было компьютерных символов в сравнении с более ранними исследованиями, например, народ изображался в виде лайков и улыбающихся смайликов. [Гикавый, 2004].

Изображение власти и народа на Украине

Аналогичное исследование в 2009 г. проходило на Украине. Уже в те годы российская и украинская молодежь изображала разлад в украинском парламенте (фракции Ющенко, Януковича и Тимошенко). Также в то время многие респонденты рисовали карту Украины, поделенную пополам и подверженную влиянию с одной стороны Запада, а с другой России [Снежкова -2009].

Исследование проведенное в 2017-2018 гг. среди российских студентов также показало, что они отмечали зависимость украинской власти от США.

На многих рисунках Украину изображали как пылающий костер, горящую землю и здания. Множество рисунков, фиксировали гражданскую войну между военными Украины и ополченцами Донбасса — танковые наступления и гибель людей. Власть зарабатывает деньги, народ плачет. Изображая народ компьютерными символами - лайк превратился в дислайк, а смайлик приобрел грустный вид.

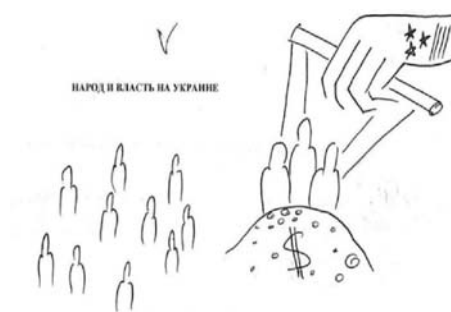

Рисунок 4.

Изображение власти и народа в Белоруссии

Образ Белоруссии на рисунках в представлениях российской молодежи выглядит довольно позитивно. Как правило, власть, ассоциирующаяся с президентом, который изображается в виде крупной фигуры рядом с народом. Власть заботится о людях. Самый распространенный образ Белоруссии — сбор урожая, вспаханные поля, на которых все растет, особенно картошка. На полях трудятся люди, а власть за ними наблюдает. Работают заводы, выпускают трактора. Иногда власть выступает в образе кулака, полицейских, готовых навести порядок. Много изображений власти и народа в виде безмятежных природных пейзажей, что является признаком довольно гармоничного взаимодействия между ними.

Вторая группа этнопсихологических тестов касалась иррациональной, бессознательной характеристики Российской молодежью президентов России, Украины и Белоруссии методом фиксированных ассоциаций. При исследовании рациональных характеристик политика, мы обращали внимание на его политические устремления, характеристики его внешности, моральные и профессиональные качества. Ассоциативные фиксированные методы исследований, широко применяющиеся в политической психологии. проявились в том, что мы просили респондентов назвать, с каким животным, цветом, запахом и фольклорным или сказочным героем ассоциируется политик.

Выявление бессознательных установок, с помощью которых молодежь воспринимает образы политических лидеров России, Украины, и Белоруссии, позволило сделать глубинный срез восприятия молодежью политиков этих стран.

Рисунок 5.

На основании полученных данных выявлялась привлекательность-непривлекательность политика; его сила - слабость; активность-пассивность личности.

Ассоциации с животными анализировались исходя из следующих принятых характеристик:

«Хозяин леса» - самая сильная позиция, максимально благоприятная для политика, связанная с сильными животными, «царями зверей», «хозяевами леса», такими как медведь, лев, тигр. Эти животные не только крупные и сильные, но и «уважаемые своими подданными». «Хищники» — место этих животных не дома, а в лесу, они самостоятельны, независимы, активны, сильны и представляют опасность для тех, кто попытается отнять у них добычу. Однако этим образам не хватает лидерства, популизма, размаха (волки, лисы, рыси, кабаны). «Слуги» — это животные, имеющие хозяина — собаки, кошки, лошади, ослы, козлы, коровы, быки. Этот ассоциативный образ связан с восприятием политиков как исполнителей, чиновников, работающих на патрона. «Трудная жертва» — это животные, как правило, крупные и независимые (олени, лоси, слоны, гориллы), занимающие высокие ниши в иерархии, но при неблагоприятных обстоятельствах они могут погибнуть, стать жертвой хищника. «Мелкие грызуны» - суслики, хорьки, белки, барсуки, скунсы, выдры — свидетельствуют о мелкой личности политика, который не отличается щедростью и, прежде всего, является «хранителем своей норы», работает на себя. Свины, кабаны, поросята занимают особое место. Эти животные в ментальности и фольклорной традиции тесно связаны с нечистоплотностью, а также с мистической ролью денег, которые они «собирают, копят,

Рисунок 5.

экономят» не только для себя, но и для своего хозяина.

«Легкая жертва или пища», свидетельствующая о слабости политика и непопулярности — петух, индюк, гусь, утка, павлин.

Ассоциации с животными позволяли вычленивать место политика в иерархии власти, степень его свободы. Силу и активность, идущую от масштаба животного, особенности характера в соотношении с поведением того или иного животного.

Ассоциации с цветом — включали следующие индикаторы: светлые-темные; теплые-холодные; яркие-тусклые тона давали представление о степени заметности политика, его привлекательности или наоборот. Ассоциации с запахами оценивались как приятные — неприятные; сладкие-терпкие; мужские-женские; естественного происхождения - искусственного (техногенные). Сочетание приятных и неприятных запахов при характеристике политиков дополняло их образ. Приятные запахи рисуют образ здорового, бодрого человека с высоким социальным статусом. Запахи пыли, сигарет, нефти говорят сами за себя. Запахи также являлись характеристикой маскулинного или феминного типа политика, добавляя новые черты к его личности.

Ассоциации с фольклорными и сказочными героями позволили выделить преобладание положительных или отрицательных героев, проследить сильные или слабые стороны политика, его принадлежность к хозяевам или слугам.

Описывая психологические портреты каждого из политиков, мы сначала рассматривали его характеристики на рациональном уровне (обычный опрос о сильных и слабых сторонах

политика в контексте внешность, характер, профессионализм), после чего анализировали бессознательный пласт.

Рациональные и подсознательные характеристики политиков.

В. Путин большинству (73%) российских респондентов нравится. Молодежь привлекает умение президента отстаивать интересы государства на международной арене и умение навести порядок внутри страны. Они ценят в нем ум, уверенность в себе, независимость, напористость, активность, спортивный стиль, здоровый образ жизни.

В тесте – ассоциации с животными, цветом, запахом и сказочно-фольклорными героями образ В.Путина имел следующий вид.

Из животных В.Путин чаще всего ассоциировался с медведем и волком, львом, тигром – сильными и независимыми хищниками, так называемыми «хозяевами леса».

Основной цвета, с которыми ассоциируется В. Путин – красный, желтый синий цвета активности и деятельности.

Запахи, ассоциирующиеся с Путиным, также свидетельствовали о его привлекательности – по мнению респондентов, он «пахнет свежестью, лыжной, лесом, рыбалкой, мужественностью».

Среди сказочных героев больше всего ассоциаций В. Путина с пушкинскими царями (Салтаном, Гвидоном), королем, императором, богатырями. [Шестопап, 2007]

П. Порошенко у российских респондентов вызывал отрицательные эмоции, что связано с конфликтом на Украине. В большинстве ответов отмечалось, что он действует в своих интересах, обогащаясь на войне. Молодежь отмечала, «он позволил развязать гражданскую войну в стране и не собираются ее заканчивать». «Он выступает как русофоб, во всех бедах обвиняет Россию».

Порошенко ассоциировался с животным миром не самым привлекательным – со свиньей, шакалом, скунсом, тюленем. Цвет ему приписывали черный, коричневый, темный, серый – цвета, несущие отрицательное значение.

Ассоциации с запахами также носили негативный характер – запах спирта, сырости, крови, грязи.

Ассоциация со сказочными персонажами – Бармалей, шакал Табаки (из Маугли Кипплинга),

Питер Педигрю (герой книги о Гарри Поттере погубивший его родителей), Гоблин.

А. Лукашенко российская молодежь характеризовала как сильного лидера, но немного диктатора. Из положительных качеств отмечали – порядок в стране, предприятия работают, поля засеяны, урожай собирается, люди живут без потрясений.

Животные, с которыми он ассоциировался в основном крупные, на что не в последнюю роль повлияло его немаленькое телосложение – слон, жираф, лошадь, лось. Ассоциации с цветом на удивление единодушные – с зеленым, цветом самодостаточности и стабильности, а также с цветом зеленеющих нив и полей.

Запахи, с которыми ассоциировался президент А.Лукашенко носили растительный характер – запахи леса, поля, сена, древесины.

Ассоциации со сказочными и фольклорными героями героями – Доктор Айболит, Папа Карла, Почтальон Печкин, Робин Гуд.

Заключение.

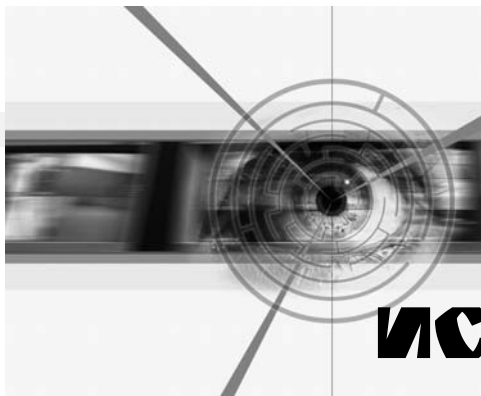
Результаты исследования показали, что несмотря на сложную политическую обстановку России в мире, сильное информационное и санкционное давление на страну, российская молодежь демонстрирует насколько возможно выдержанное и во многом объективное отношение к текущей ситуации. Молодые люди в массе поддерживает политику своего президента, хотя и тревожится за происходящее в России и мире, опасаясь военных конфликтов. При характеристике России и российского президента наблюдалось наличие мобилизационного момента, когда Россию обвиняют во всех смертных грехах, возникает защитная реакция, выражающаяся в преобладающем согласии с действиями правительства и президента. Образ России у подавляющего большинства положительный ее представляют как сверхдержаву – сильной, сплоченной, многонациональной с большими возможностями. Украина предстает как страна, находящаяся под внешним управлением и увязшая в собственном военном конфликте, где гибнут соотечественники. Однако во многих ответах имело место сочувствие к украинскому народу. Белоруссия ассоциируется с дружественной страной, в которой царит порядок и стабильность. Не смотря на все сложности в политической жизни стран, российская

молодежь демонстрирует понимание ситуации по отношению к другим народам, стремится к мирному разрешению существующих этнополитических проблем.

Литература

1. Гикавый Е.М. Зорин В.А. Образ Путина в сознании российских граждан// Полис, 2004, №37.
2. Громов Д.В. Уличные акции (молодежный политический активизм в России) М.: ИЭА РАН, 2012, 506 с.
3. Губогло М.Н., Старченко Р.А. Референдум в Крыму 16 марта 2014. М.: ИЭА РАН, 2016, С.314
4. Гузенкова Т.С. Добро и зло в политической мифологии: эстетика архаики, модерна и постмодерна.//Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования под ред. Губогло М.Н. М.: ИЭА РАН, 2018, С. 130-143
5. Малькова В.К. СМИ и современное полиэтничное общество// Антропология медиа: теория и практика под ред. Мальковой В.К., Тишкова В.А. М.: ИЭА РАН, 2016. -29-65
6. Снежкова И.А. Образ России и Украины в представлениях русской и украинской молодежи //Россия и Украина: Этнополитические аспекты взаимодействия под ред. Снежковой И.А. М.:РУДН.2007. С96-12
7. Снежкова И.А., Москаленко Н.П., Чебанюк Е. Ю. Образ России и Украины в контексте геополитических изменений, Этнографическое обозрение 2009, №2. С 75-92
8. Снежкова И.А. Россия, Украина, Белоруссия, Евросоюз и США в представлениях российских студентов: на пути к поискам взаимопонимания// Вестник антропологии 2017, №4 (40), С87-98
9. Триандис Гарри К. Культура и социальное поведение. М.: Форум. 2007. 382 с.
10. Шалыгина Н.В. Игреки и центениалы: новая ментальность российской молодежи.// Власть. 2017, № 1,С.164-167
11. Шестопал Е.Б. Политическая психология: Учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2007, 427 с.
12. Шестопал Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций и лидеров / Под редакцией Е.Б. Шестопал. – М.: Аспект Пресс, 2008.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бюрократическая система как фактор ограничения инициативы граждан

Дзуцев Х.В.

Статья подготовлена на материалах массового опроса жителей г. Владикавказа, проведенного Северо-Осетинским отделом социальных исследований ИСПИ РАН и кафедрой социологии факультета социологии и социальной работы Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова в апреле 2018 г. В опросе приняли участие 250 респондентов и 12 экспертов: журналисты, архитекторы, чиновники, юристы, преподаватели вузов, строители, работники культуры, предприниматели.

Ключевые слова: современный чиновник, отчеты, квазичиновничьи места, идеальный тип бюрократа, чиновничий аппарат, карьерный рост, талантливые специалисты, материальные ресурсы, инициатива граждан, должностные оклады госчиновников, неформальные связи, низкая профподготовка, крупный капитал.

Dzutsev Kh.V.

The bureaucratic system as a factor limiting the initiative of citizens
This article is written on the materials of a mass survey of residents of Vladikavkaz conducted by the North Ossetian Department of Social Research of the ISPI RAS and the Department of Sociology of the Faculty of Sociology and Social Work of the North Ossetian State University. K.L. Khetagurov in April 2018. The survey involved 250 people and 12 experts: journalists, architects, officials, lawyers, university professors, builders, cultural workers, entrepreneurs.

Keywords: modern official, reports, quasi-official places, ideal type of bureaucrat, bureaucracy, career growth, talented specialists, material resources, citizens initiative, official salaries of state officials, informal connections, low professional training, large capital.

Бюрократия очень серьезно ограничивает предпринимательство, предъявляет избыточные критерии к потенциальным сотрудникам государственных предприятий (например, по мнению, экспертов, чтобы устроиться оператором ПК (персональный компьютер) в какое-либо учреждение, претенденту надо представить порядка 25 документов).

Активный гражданин, особенно грамотный, решает все сам, и тогда бюрократ не получает взятку, поэтому он предпочитает зависимого гражданина. Нередко бюрократический аппарат сдерживает инициативу населения. В качестве примера сошлемся на то, как решается земельный вопрос в РСО-А. Граждане требуют наделить их земельными участками для возведения жилья, сельхозпроизводства, и тем не менее уже многие годы вопрос не решается.

Почти абсолютное большинство опрошенных считают, что государственный бюрократический аппарат сдерживает инициативу граждан (86,2%), 11,8% - активизирует, не справились с вопросом 2,0% (табл. 1).

По этому поводу эксперты высказались таким образом: хождение по инстанциям может погубить любой проект, потому что для бюрократа от граждан исходят одни хлопоты. Есть и другое мнение: инициатива граждан слабо связана с госбюрократией, потому что связана с интеллектуальным уровнем и личностным ростом человека по карьерной лестнице. А госбюрократия — это или преграда, или ее отсут-

Таблица 1
Существует мнение, что бюрократия ограничивает инициативу граждан

Варианты ответа	%
считаю, наоборот, государственный бюрократический аппарат РФ активизирует инициативу граждан	11,8
государственный бюрократический аппарат РФ сдерживает инициативу граждан	86,2
затрудняюсь ответить	2,0

Таблица 2
Как Вы считаете, руководители министерств (ведомств) стараются, чтобы их подчиненные стали специалистами в той области, в которой заняты?

Варианты ответа	%
руководители страны стараются, чтобы их подчиненные стали специалистами в этой области	23,5
руководители отсекают талантливых специалистов, чтобы в будущем они не были им конкурентами	64,7
затрудняюсь ответить	11,8

Таблица 3
Высокие должностные оклады госчиновников предполагают устранение коррупции в министерствах и ведомствах. Реализовывается ли данное предположение в реальной работе госчиновника?

Варианты ответа	%
наши чиновники на самом деле работают на благо страны	5,8
чиновники ориентированы на собственное обогащение	76,5
затрудняюсь ответить	17,7

ствие на пути достижения уже намеченных целей.

Сегодня на содержание раздутого чиновничьего аппарата уходят значительные бюджетные средства. Вместе с тем наблюдается резкое ограничение возможностей профессионального усовершенствования. Сложившаяся ситуация мотивируется отсутствием финансов. Зачастую специалист вкладывает собственные средства на дальнейшее повышение своего профессионального роста.

По данным опроса, в основном руководители отсекают талантливых специалистов, чтобы в будущем они не стали их конкурентами (64,7%), но обеспечивают должный уровень общей компетентности. 23,5% опрошенных считают, что руководители республики стараются, чтобы их подчиненные стали специалистами в этой области. Затруднились с ответом 13,8% респондентов (табл. 2).

Среди экспертов есть мнение: толковые руководители стараются, чтобы их подчиненные росли, поднимались по карьерной лестнице.

Глава государства подчеркивает высокий коррупционный фон в РФ. Как известно, совре-

менная система не позволяет устранять коррупцию. Коррупционная среда для чиновника - это «то же, что для рыбы вода, а чиновничья работа без возможности коррупции - это высушенное море, в котором рыбе делать нечего. Пока есть коррупция - есть чиновник, так же как и врач есть, до тех пор пока есть больной».

Коррупционная среда («мутная вода») для чиновника - это государство, обладающее финансовым бюджетом. К.Маркс писал: «Частная собственность бюрократии -это государство». Высокая оплата труда делает госслужащих привлекательными для большого числа людей, поэтому потенциально у государства появляется возможность отбирать если не лучших, то, по крайней мере, высококвалифицированных и мотивированных людей. В реальности это происходит далеко не всегда. Вряд ли высокая зарплата удерживает чиновников от идеи дальнейшего обогащения. С другой стороны, зарплата чиновников, которая выше, чем средняя по стране, во-первых, является аморальным явлением, во-вторых, создает ненужную конкуренцию на рынке труда. Сегодня зарплата кандидата наук составляет 17 тысяч рублей, а

госслужащего - 60 тысяч. Лучшие граждане должны идти туда, где могут создавать деньги, а не тратить их. Если создавать будет некому, то и делить станет нечего.

Как показали материалы нашего опроса, 76,5% чиновников ориентированы на собственное обогащение, 5,8% работают на благо страны. 17,7% респондентов не смогли ответить на вопрос (табл. 3).

Эксперты дают следующие характеристики работе госслужащих: «Век службы чиновника может быть недолгим, поэтому ему необходимо быстро «отбить» вложенные в должность средства; для того чтобы устранить коррупцию, надо не оклады поднимать до заоблачных высот, а создавать условия невозможности коррупционной сделки. Данный путь противодействия коррупции неэффективен, наоборот, чем больше оклад госчиновника, тем больше и аппетиты, и, таким образом, индексируется только уровень взятки!»

Литература

1. Гидденс Э. Социология. М., Эдиториал УРСС, 1999, 703 с.

2. Дзугев Х.В. Социально-экономическая и политическая ситуация в Республике Северная

Осетия-Алания Российской Федерации: социологический анализ. Москва-Владикавказ, 2017.- 163 с.

3. Дзугев Х.В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. М., РОССПЭН, 2012.- 733 с.

4. Дзугев В. Н. Владикавказ и его люди. Владикавказ, 2011.- 403 с.

5. Дзугев Х.В. Коррупция в органах исполнительной власти Республики Северная Осетия – Алания Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. Монография. М.: ИСПИ РАН, 2011.- 141 с.

6. Иконников-Галицкий, Анджей Самоубийство империи. Терроризм и бюрократия. 1866-1916 / Анджей Иконников-Галицкий. - М.: Современная интеллектуальная книга, 2016. - 368 с.

7. Макаренко, В.П. Бюрократия и сталинизм: моногр. / В.П. Макаренко. - М.: Книга по Требованию, 2012. - 367 с.

8. Попович, А. С. От бюрократизации управления до бюрократизации мысли. Марксистский анализ феномена бюрократии / А.С. Попович, З.А. Попович. - М.: Ленанд, 2015. - 392 с.

Шариат в структуре ценностей населения республик Северо-Кавказского федерального округа

Дзутцев Х.В., Дибирова А.П.

Статья написана по материалам этносоциологических исследований, проведенных Центром исследований приграничных регионов Российской академии наук и кафедрой социологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Опрос прошел летом 2017 года в республиках Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: в Республике Северная Осетия – Алания, Чеченской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Ингушетия, Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской Республике. Объем выборки составил 1200 человек, в том числе 50 экспертов (журналисты, ученые, чиновники, члены политических партий, работники культуры).

Ключевые слова: ислам, шариат, женщины - мусульманки, современное общество, православие, русское население, «богоподобие человека», всемогущий Аллах, богопознание, бизнес, религиозные ритуалы, религиозная служба.

Dzutsev H. V., Dibirova A. P.

Sharia in the structure of values of the population of the republics of the North Caucasus Federal district

The article is based on the materials of ethnosociological studies conducted by the center for studies of border regions of the Russian Academy of Sciences and the Department of sociology of North Ossetian state University, K. L. Khetagurov. The survey was conducted in the summer of 2017 in the republics of the North Caucasus Federal district of the Russian Federation: the Republic of North Ossetia-Alania, the Chechen Republic, the Karachay – Cherkess Republic, the Republic of Ingusheta, the Republic of Dagestan, the Kabardino-Balkar Republic. The sample size was 1200 people, including 50 experts (journalists, scientists, officials, members of political parties, cultural workers).

Key words: Islam, Sharia, Muslim women, modern society, Orthodoxy, Russian population, «godlike man», all-powerful Allah, knowledge of God, business, religious rituals, religious service.

Давая оценку места шариата в жизни северокавказского общества, нельзя скидывать со счетов тот факт, что отдельные его элементы всегда присутствовали в повседневной жизни горцев [4, с. 138]. Работы ряда исследователей демонстрируют высокий уровень религиозности мусульман Северного Кавказа. Так, по данным З.М.Абдулагатова, Х.В.Дзутцева, А.П. Дибировой следует, что мусульманами себя назвали до 90% опрошенных в «мусульманских» республиках Северного Кавказа, а среди молодежи? 95% [1, с. 58; 5, с. 63]. В других работах Абдулагатов З.М. указывал, что религиозность молодежи превышает таковую старшего поколения на 10% [2, с. 78]. С другой стороны, некоторые авторы считают, что степень доверия женщин-мусульманок к шариату невысока [3]. К примеру, большая доля респондентов женского пола указали, что больше всего их защищает светский закон (72,3%), и лишь 20% упомянули про шариат и адат [10, с.53].

В связи с этим остается актуальным проведение анализа мнения граждан о месте основного закона мусульман в моральном, деловом и правовом пространствах современного северокавказского общества. С помощью нескольких вариантов вопросов мы попытались выяснить, как относятся граждане СКФО к введению некоторых положений шариата в правовые, финансовые и личные отношения граждан, исповедующих ислам, и тех из них, которые мусульманами не являются.

Сравнивая уровень религиозности мусульман и православных Северного Кавказа, вновь обратимся к исследованиям коллег. М.М. Мчедловой установлено, что лишь 11% респондентов, назвавших себя православными, являются постоянными посетителями воскресных служб, то есть «опорой РПЦ» (2012, с. 118). Этот же автор указывает (2012, с. 116), что число приверженцев РПЦ в России незначительно, но неуклонно рас-

Таблица 1
Шариат как основной источник закона, в %

Шариат должен быть:	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Единственным источником закона	1,9	3,7	11,4	13,4	15,9	0,8	16,7
Основным источником закона	5,4	12,6	17,4	13,4	18,9	4,0	29,3
Одним из многих источников закона	20,7	25,9	29,5	15,6	35,4	16,0	14,1
Руководством морального поведения, не регулируемого законом	34,9	34,8	37,1	35,8	28,7	34,4	21,2
Ничто из перечисленного выше	24,5	11,9	4,5	20,7	1,2%	31,2	8,1
Не знаю	12,3	10,4	0,0	0,6	0,0	13,6	9,1
Отказ	0,4	0,7	0,0	0,6	0,0	0,0	1,5
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

тет, религиозные интенции проникают в личную жизнь и коллективное поведение россиян: «По данным Европейского социального исследования, доля приверженцев каких-либо религиозных течений в России увеличилась с 2006 г. на 10%, среди них, прежде всего, за счет приверженцев православия – с 84 до 87%» [8, с. 118].

С.Д. Лебедев утверждает, что в православном пространстве России уже можно говорить о «религиозном ренессансе» [7, с. 24-36]. А по образному выражению Патриарха Кирилла: «Церковь становится закваской солидарности всего общества» [9].

Высказывания наших экспертов свидетельствуют об обратном: «В современной России основная масса русского населения называет себя православными (до 80%), время от времени в церковь ходят около 20%, на исповеди и выполняют обряды – не более 6%. Порядка 2/3 русских людей крестят детей и внуков, это можно отнести к символической культуре. Т.е. они позиционируют себя как верующие, но настроены анархично, замкнуты сами в себе, верят в самих себя» [6, с. 5].

Приведенный выше анализ имеющейся литературы свидетельствует о неугасающем инте-

ресе исследователей к этой теме и противоречивости мнений и выводов. Надеемся, что данные таблиц внесут ясность в понимание этого вопроса.

Из данных табл. 1 следует, что в среднем каждый пятый житель СКФО считает, что шариат должен стать основным источником закона. Формулировка вопроса: «Существует много дискуссий по поводу того, какое место занимает шариат в современном мире. Что из перечисленного ниже лучше всего описывает то, как шариат должен вписываться в правовую систему?»

Жители ЧР чаще других высказывались в пользу этой версии: около трети (29,3%) считают, что шариат должен быть основным источником закона. Так же считают 18,9% ингушей, 17,4% карачаевцев и черкесов, 13,4% представителей народов Дагестана, 12,6% кабардинцев и балкарцев и только 5,4% русских и русскоязычных и 4,0% осетин. Совсем немного опрошенных – что шариат должен стать единственным источником закона. Так ответили 16,7% чеченцев, 15,9% ингушей, 13,4% респондентов Дагестана, примерно каждый десятый карачаевец и черкес (11,4%) и совсем немного

русских и русскоязычных (1,9%) и осетин (0,8%).

Большая часть респондентов придерживаются мнения, что шариат должен быть одним из многих источников закона. Этот вариант ответа предпочли треть ингушей (35,4%), карачаевцев и черкесов (29,5%), четверть кабардинцев и балкарцев (25,9%), каждый пятый русский и русскоязычный респондент (20,7%), 16,0% осетин, 15,6% респондентов Дагестана, 14,1% чеченцев.

Более всего голосов (треть) было отдано в пользу варианта «шариат должен быть руководством морального поведения, не регулируемого законом». Так предпочли ответить более трети респондентов Дагестана (35,8%), карачаевцев и черкесов (37,1%), русских и русскоязычных (34,9%) и осетин (34,4%), четверть респондентов Ингушетии (28,7%) и Чечни (21,2%).

Треть осетин (31,2%) и четверть русских и русскоязычных (24,5%), каждый пятый опрошенный в Дагестане (20,7%), 8,1% чеченцев, 4,5% карачаевцев и черкесов, 1,2% ингушей вообще не разделяют эту точку зрения.

Большинство граждан (по трети) выбрали два варианта: «шариат должен быть руководством морального поведения, не регулируемого законом» или «он является одним из многих источников закона». Другая точка зрения: «единственным источником закона»? нашла отклик у части респондентов Чечни, Ингушетии и Дагестана. Неприятие шариата как явления выражено в ответах русских и русскоязычных респондентов и опрошенных в РСФСР.

Высказывания экспертов было невозможно объединить в группы по принципу схожести мнений, настолько они были разнообразными даже у коллег в пределах одной и той же республики.

Лояльно настроенные к шариату эксперты Чечни и Ингушетии (23,4%), считают, что он может занять существенное место в гражданской жизни, так как «светские законы и законы шариата иногда совпадают». «Нормы шариата и российского законодательства согласуются». «...Мы и живем по шариату. Семейно-брачные, семейно-родственные отношения регулируются шариатом, законы кровной мести регулируются шариатом, и мы рады, что по шариату запрещается мстить». «Шариат? закон, который от

Бога, соответственно следование шариату гарантирует равные отношения в обществе...» «В ситуации, когда российская судебная система себя дискредитирует, многие обращаются в шариатские суды».

В Чечне высказывалось и противоположное мнение (12,8%): «Власть поняла, что чеченское общество не готово к вводу шариата, и сегодня население не поддерживает идею шариата в регулировании социально-правовых отношений, решении жизненных вопросов. С другой стороны, шариат нередко применяется на местном, бытовом уровне, скажем, человек сам выбирает для себя, как урегулировать ситуацию: идти к мировому судье или же к кадию. В обществах с демократией допускается такого рода локальный правовой плюрализм».

Все эксперты Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии были едины во мнении о том, что граждане их республик не готовы принять шариат как форму регулирования социально-правовых отношений: «Шариат для населения является загадкой. Основное население живет по российским законам». «На нашу повседневную жизнь прямого влияния шариат не оказывает». «...У нас нет этого религиозного фанатизма, наши люди толерантны. Они в большой степени, где-то на уровне язычников, обожают жизнь. Система запретов, которая существует в шариате, была бы очень тяжела для них. Люди к этому совершенно не готовы, поэтому я не встречала помимо фанатично верующих желающих ввести здесь шариат». «...Шариат не должен проникать в правовую систему. Некоторые горячие головы считают, что какие-то элементы судебной системы шариата можно было бы использовать. Я так не думаю. Есть законы светские, гражданские, и незачем выходить за пределы этих законов. В некоторых населенных пунктах, например, в Верхней Балкарии, есть подобие этих посреднических судей, медиаторы, что напоминает элементы шариатского суда. Мне кажется, население это не может привлекать, но в данном случае из-за некой географической изолированности некоторых населенных пунктов Балкарии для регулирования социальных отношений, социальных вопросов прибегают к совету старейшин». «...У нас светское государство. Я бы все-таки не хотел, чтобы мы жили по религиозным законам. Религия должна быть мировоззрением, а не идеологией, и

мы все должны жить по одному закону, который должен неукоснительно соблюдаться».

Приемлемость шариата развили в своих высказываниях 40,0% экспертов Дагестана: «В аварских и даргинских районах республики негласно введены шариатские суды. По опросам десятилетней давности, около 15% опрошенных были согласны на введение в республике шариатской формы правления. Сейчас предположительно таких нашлось бы больше, особенно среди сельского населения аварских, даргинских и кумыкских районов». «... Люди с хорошей, крепкой верой знают, что шариат должен занимать главенствующее место в их жизни».

Мнение других (60,0%) опрошенных в Дагестане отражено в следующем высказывании: «Население республики категорически против шариата. Правда, опрос проводился несколько лет назад. 75% сказали, что не хотели бы жить в исламском государстве с нормами шариата, и только 16% - что хотят. И при этом надо учесть, что они не осознают, чего хотят. Я преподавал мусульманское право в вузе. Сделал эксперимент. В начале курса опросил, хотят ли девушки жить в мусульманском государстве. Довольно много было желающих. А когда девушки узнали, что без сопровождения мужа они не могут выйти из дома, какую долю наследства получают, и еще любовь при заключении брака вообще в расчет не берется, то желающих жить при шариате заметно поубавилось. При разводах с ними тоже не считаются. Хотя, когда вопрос задали более дифференцированно, где хорошо шариат установить: в области общественных отношений или «человек – государство», они остановились на том, что на бытовом уровне хорошо бы применять. Общественных отношений и государства это не должно касаться. Наследственное право? Не все хотят применения шариата. Доля женщин в наследстве меньше. О правах человека если говорить, то эти нормы в шариате не согласуются. Женщинам многое по шариату недоступно».

Каждый десятый эксперт подчеркнул различие взглядов граждан на его введение в правовое поле республик СКФО в зависимости от возраста респондентов: «Молодежь считает, что шариат может внести порядок в образ жизни нашего населения, взрослые не приемлют шариат».

В оценках некоторых экспертов (38,0%) прослеживалась его абсолютная неприемлемость для современной российской жизни: «Это очень жесткий закон, и мое личное мнение: это закон вообще не мусульман, а правителей восточных стран. Свод законов шариата, его разделы устанавливали шейхи, правители. И говорить о том, что это мусульманский закон - неправильно. Это было сделано в пользу правителей и горстки богатых людей. Не было среднего класса, все выживали, как могли. Бедные вынуждены были воровать, и за это их жестоко карали. Я не знаю, каким образом он дошел до наших дней и почему люди стараются его соблюдать. Я рад, что в нашей республике его нет. Кто-то говорит, что было бы правильно его внедрить, но их всего процента два. На мой взгляд, он изжил себя вообще. Это закон людей, которые были у власти и использовали его в своих интересах». «... В нашем Российском государстве это неприемлемо и абсурдно, потому как основная масса предпочитает осуществлять свою жизнедеятельность в светском государстве, но при этом нормы ислама как какую-то часть нормативной системы очень многие принимают. Мусульманские страны, такие как Арабские Эмираты, эти нормы пересматривают, принимаются различные фетвы, которые позволяют приводить их в соответствие с действительностью, реалиями современности. Они эти нормы принимают, регулируют на законодательном, государственном уровне. Я думаю, такая практика могла бы применяться и здесь, в республиках, где превалирует мусульманское население. Такая практика реализуется в Ингушетии, Чечне, Дагестане. Но при этом исламские суды, шариатские суды, не узаконены, они действуют на правах авторитетной структуры, пользующейся определенной популярностью у мусульман». «...Заметим, что в мусульманских странах, таких как Иран, Турция, шариат также не является основой конституции».

Эксперты Северной Осетии высказывались о том, что законы шариата чужды населению их республики: «Дискуссии, наверное, есть, но в нашей республике они не ведутся». Они поведали, что некоторые граждане высказывали опасение по поводу проникновения шариата в республику.

Результаты опроса показали, что значительная часть жителей СКФО занимают себя мысля-

Таблица 2
Части шариата, которые обращены к бизнесу и финансам (например, банковское регулирование), в %

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Мусульмане и немусульмане	9,2	27,4	40,2	27,4	22,6	8,1	32,3
Только мусульмане	18,8	25,9	13,6	16,8	51,2	13,7	35,4
Не включать вообще	24,1	20,7	23,5	17,9	18,3	21,8	9,6
Шариат должен быть единственным законом страны	3,8	3,7	4,5	6,7	6,1	0,8	8,6
Шариат не должен быть законом страны	34,5	13,3	17,4	28,5	0,6	38,7	4,5
Не знаю	8,8	6,7	0,8	2,2	1,2	13,7	8,6
Отказ	0,8	2,2	0,0	0,6	0,0	3,2	1,0
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

ми о возможности введения шариата в законодательную базу их республик. Так, из таблицы 2 следует, что четверть участников массового опроса считают, что он может быть включен в российское законодательство в части, касающейся вопросов финансов и бизнеса. Формулировка вопроса: «Если бы шариат использовался в законодательстве страны или Вашей республики, как Вы думаете, нужно ли, чтобы указанные ниже области шариата включались в законы, предназначенные для мусульман и немусульман, только для мусульман, или не включались бы вообще?»

40,2% карачаевцев и черкесов отстаивают мнение о том, что в части закона РФ, касающегося бизнеса и финансов, применимы нормы шариата для представителей всех конфессий. Такой же точки зрения придерживаются треть чеченцев (32,3%), четверть кабардинцев и балкарцев (27,4%), дагестанцев (27,4%), ингушей (22,6%) и только 9,2% русских и русскоязычных и 8,1% осетин.

Треть респондентов ЧР (35,4%), как и половина РИ (51,2%), четверть КБР (25,9%), 16,8% РД, 13,6% КЧР, 13,7% РСО-А и 18,8% русских и русскоязычных считают, что нормы шариата в законах, связанных с бизнесом и финансами, могут касаться только мусульман.

Четверть русских и русскоязычных (24,1%), карачаевцев и черкесов (23,5%), пятая часть осетин (21,8%), кабардинцев и балкарцев (20,7%), 18,3% ингушей, 17,9% жителей Дагестана и 9,6% чеченцев - что шариат в данной части россий-

ского законодательства не нужно вводить вообще.

Незначительное число респондентов считают, что он должен быть единственным законом страны. Так ответили 8,6% чеченцев, 6,7% дагестанцев, 6,1% ингушей, 4,5% карачаевцев и черкесов, 3,8% русских и русскоязычных, 3,7% кабардинцев и балкарцев и только 0,8% осетин.

Более трети осетин (38,7%), русских и русскоязычных респондентов (34,5%), четверть жителей РД (28,5%), 17,4% карачаевцев и черкесов, 13,3% кабардинцев и балкарцев и только 4,5% чеченцев и 0,6% ингушей считают, что он не должен быть законом страны.

Часть респондентов - что шариат должен распространяться на всех занятых в бизнесе и финансовых потоках (23,9%±10,9), вторая - что это должно касаться только мусульман (25,1±12,9) другие - что он не должен быть общим законом РФ (19,6±4,6). Столько же респондентов считают, что в российское законодательство его включать не стоит (19,4±13,6). Количество ответа «шариат должен быть единственным законом страны» применительно к финансовой сфере было незначительным (4,9±2,3). Высокие показатели среднего квадратичного отклонения указывают на большие расхождения данных ответов граждан «мусульманских» республик и респондентов Северной Осетии и русских и русскоязычных опрошенных. Респонденты Чечни, Кабардино-Балкарии, Дагестана практически в равных долях (треть) высказали мнение о том, что присутствие шариата жела-

Таблица 3

Части шариата, которые обращены к семье (например, бракосочетание, развод или наследование), в %

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Мусульмане и немусульмане	10,3	20,0	31,1	19,6	6,1	5,7	20,7
Только мусульмане	33,3	53,3	44,7	34,6	78,7	35,8	54,0
Не включать вообще	15,7	6,7	5,3	5,6	7,3	13,0	7,1
Шариат должен быть единственным законом страны	4,2	3,0	4,5	9,5	7,3	0,8	6,1
Шариат не должен быть законом страны	28,7	9,6	14,4	28,5	0,0	28,5	3,5
Не знаю	7,3	5,2	0,0	2,2	0,6	13,0	7,6
Отказ	0,4	2,2	0,0	0,0	0,0	3,3	1,0
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

тельно не только для мусульман, но и для представителей других конфессий. Среди респондентов КЧР активнее, чем среди опрошенных в других республиках, высказывалось мнение о приемлемости шариата для представителей всех вероисповеданий РФ. Четверть русских и русскоязычных опрошенных и респондентов Северной Осетии категорически против его введения в финансово-правовую сферу законодательства их республик.

Из материалов табл. 3 следует, что большинство жителей Северного Кавказа считают, что в вопросах семейного права и права наследования шариат приемлем только для мусульман. Формулировка вопроса: «Если бы шариат использовался в законодательстве страны или Вашей республики, как Вы думаете, нужно ли, чтобы указанные ниже области шариата включались в законы, предназначенные для мусульман и немусульман, только для мусульман, или не включались бы вообще?»

Такого мнения придерживаются абсолютное число опрошенных в Ингушетии (78,7%), более половины в Чечне (54,0%) и Кабардино-Балкарии (53,3%), треть русских и русскоязычных, жителей Дагестана (34,6%) и Северной Осетии (35,8%).

Треть карачаевцев и черкесов (31,1%), пятая часть опрошенных кабардинцев и балкар-

цев, чеченцев (20,7%), дагестанцев (19,6%), десятая часть русских и русскоязычных респондентов, 6,1% ингушей и 5,7% осетин считают, что в вопросах семейного и наследственного права шариат приемлем как мусульманам, так и представителям других религий.

Незначительное число опрошенных в «мусульманских» республиках считают, что шариат в семейное и наследственное право РФ включать не следует. Так считают 7,3% ингушей, 7,1% чеченцев, 6,7% кабардинцев, 5,6% респондентов Дагестана, 5,3% карачаевцев и черкесов. Такого же мнения придерживаются 15,7% русских и русскоязычных, 13,0% осетин,

Среди опрошенных также немного было тех, кто считает, что «шариат должен быть единственным законом страны». Таким образом ответили 9,5% респондентов Дагестана, 7,3% ингушей, 6,1% чеченцев.

До половины респондентов - а в Ингушетии их подавляющее большинство - придерживаются мнения, что в вопросах семейного и имущественного права шариат применим только к мусульманам.

Из материалов табл. 4 следует, что значительное число респондентов (включая русских, русскоязычных и осетин) считают, что в вопросах морали (запрет на употребление алкоголя, азартных игр и регулирование отношений меж-

Таблица 4

Части шариата, которые обращены к общественному поведению (например, запрет употребления алкоголя, азартных игр и близкие контакты между женщинами и мужчинами), в %

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Мусульмане и немусульмане	25,7	35,6	50,0	25,7	22,6	25,0	39,4
Только мусульмане	23,4	32,6	24,2	21,2	61,0	22,6	37,4
Не включать вообще	16,5	11,9	3,0	12,8	7,9	14,5	5,6
Шариат должен быть единственным законом страны	5,4	2,2	8,3	11,2	7,9	0,8	8,1
Шариат не должен быть законом страны	24,9	9,6	14,4	26,3	0,0	21,8	3,0
Не знаю	3,4	5,9	0,0	2,8	0,6	12,1	5,6
Отказ	0,8	2,2	0,0	0,0	0,0	3,2	1,0
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

ду женщинами и мужчинами) он приемлем для граждан РФ независимо от их вероисповедания. Формулировка вопроса: «Если бы шариат использовался в законодательстве страны или Вашей республики, как Вы думаете, нужно ли, чтобы указанные ниже области шариата включались в законы, предназначенные для мусульман и немусульман, только для мусульман, или не включались бы вообще?»

Такое мнение выразили ровно половина опрошенных в Карачаево-Черкесии, 39,4% в Чечне, 35,6% карачаевцев и черкесов, ровно четверть респондентов Осетии, четверть русских и русскоязычных и дагестанцев (по 25,7%), ингушей (22,6%).

Подавляющее число респондентов Ингушетии (61,0%), треть чеченцев (37,4%), кабардинцев и балкарцев (32,6%) придерживаются мнения, что данные законы применимы только в мусульманских сообществах. Примерно четверть русских и русскоязычных (23,4%), карачаевцев и черкесов (24,2%), осетин (22,6%), респондентов Дагестана (21,2%) ? такой же точки зрения. 11,2% респондентов Дагестана, 8,1% Чечни, 8,3% Карачаево-Черкесии, 7,9% Ингушетии, 5,4% русских и русскоязычных, 2,2% Кабардино-Балкарии и только 0,8% Северной Осетии считают, что для регулирования вопросов морали и нравственности шариат должен быть единственным законом страны.

Четверть опрошенных в Дагестане (26,3%) и русских и русскоязычных (24,9%), пятая часть в Северной Осетии (21,8%), 14,4% карачаевцев

и черкесов, 9,6% кабардинцев и балкарцев и лишь 3,0% чеченцев считают, что шариат не должен быть законом страны. 12,1% респондентов РСО-А, 5,9% опрошенных в КБР, 5,6% в ЧР, 3,4% русских и русскоязычных, 2,8% в РД не знали ответ на этот вопрос.

По результатам таблицы 4, примерно четверть ответов сконцентрировалась на трех вариантах: в вопросах нравственного характера (запрет употребления алкоголя, азартных игр, близкие контакты между женщинами и мужчинами) это приемлемо в жизненной практике только мусульман, как мусульман, так и немусульман или «шариат не должен быть законом страны». В республиках Дагестан, Чечня и Ингушетия каждый десятый респондент считает, что в обозначенных сферах шариат должен быть единственным законом страны. Подавляющее число респондентов Ингушетии ? что данная часть шариата приемлема только в среде мусульман. Такого же мнения придерживаются только четверть жителей других республик.

Среди респондентов «мусульманских» республик в данной части опроса более всех жители Дагестана (каждый четвертый) решительно отрицали шариат как основной закон страны.

Согласно материалам табл. 5, большинство опрошенных считают, что ритуальная составляющая шариата приемлема в повседневной практике только мусульман. Формулировка вопроса: «Если бы шариат использовался в законодательстве страны или Вашей республики, как Вы думаете, нужно ли, чтобы указанные ниже

Таблица 5
Части шариата, которые обращены к религиозным ритуалам (например, требование молиться и поститься), в %

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Мусульмане и немусульмане	9,2	13,3	21,2	12,8	3,7	7,3	17,2
Только мусульмане	39,5	60,0	50,8	34,6	84,1	38,2	60,1
не включать вообще	15,3	7,4	8,3	16,8	6,1	12,2	6,6
Шариат должен быть единственным законом страны	2,7	1,5	5,3	6,7	4,9	0,8	5,6
Шариат не должен быть законом страны	26,8	8,9	14,4	26,3	0,0	25,2	4,0
Не знаю	6,1	6,7	0,0	2,8	1,2	13,0	5,6
Отказ	0,4	2,2	0,0	0,0	0,0	3,3	1,0
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

области шариата включались в законы, предназначенные для мусульман и немусульман, только для мусульман, или не включались бы вообще?»

Так ответили абсолютное число ингушей (84,1%), подавляющее число кабардинцев и балкарцев (60,0%) и чеченцев (60,0%), половина опрошенных карачаевцев и черкесов (50,8%), треть русских и русскоязычных (39,5%), осетин (38,2%), респондентов Дагестана (34,6%).

Каждый пятый опрошенный КЧР (21,2%) и 17,2% ЧР высказались в пользу версии о том, что каждодневная религиозная практика мусульман применима в жизни представителей других религий. Немногие опрошенные других республик считают так же. Так высказались 13,3% кабардинцев и балкарцев, 12,8% респондентов Дагестана, 9,2% русских и русскоязычных, 7,3% осетин и 3,7% ингушей. 16,8% опрошенных в Дагестане, 15,3% русских и русскоязычных, 12,2% осетин, 7,4% кабардинцев и балкарцев, 6,6% чеченцев и 6,1% ингушей считают, что шариат в этой его части использовать в законодательстве нашей страны не следует.

Совсем немного было тех, кто считал, что он должен быть единственным законом страны. Этот вариант ответа предпочли 6,7% опрошенных в Дагестане, 5,6% в Чечне, 5,3% карачаевцев и черкесов, 4,9% ингушей, 2,7% русских и русскоязычных и 1,5% кабардинцев и балкарцев.

В вопросах соблюдения ритуалов совсем незначительное число респондентов, включая таковых и из «мусульманских» республик, счи-

тают, что шариат должен быть единственным законом страны. Среди них также немного было тех, кто считает, что религиозный ритуал мусульман приемлем немусульманам.

Из данных табл. 6 следует, что многие респонденты в вопросах уголовного наказания считают возможным применение законов шариата к мусульманам и немусульманам. Вопрос звучал так: «Если бы шариат использовался в законодательстве страны или Вашей республики, как Вы думаете, нужно ли, чтобы указанные ниже области шариата включались в законы, предназначенные для мусульман и немусульман, только для мусульман, или не включались бы вообще?»

Так ответили половина карачаевцев и черкесов (49,2%), треть кабардинцев и балкарцев (36,3%) и чеченцев (30,3%), четверть ингушей (28,7%) и русских и русскоязычных (25,7%), каждый пятый респондент Дагестана (19,6%) и осетин (19,5%).

Примерно столько же было тех, кто считал, что наказание по шариату должно быть применимо только к мусульманам. Так пожелали ответить 45,1% ингушей, 39,4% чеченцев, четверть кабардинцев и балкарцев (24,4%) и дагестанцев (24,6%), 18,0% русских и русскоязычных, 16,7% карачаевцев и черкесов, 15,4% осетин.

Мнения граждан Северной Осетии по этому вопросу разделились практически в равных долях между версиями: шариат может быть применен «только мусульманами», «мусульманами и немусульманами» и «его не нужно включать

Таблица 6
Части шариата, которые обращены к наказанию преступника (например, наказание за воровство и убийство), в %

	Национальность						
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Мусульмане и немусульмане	25,7	36,3	49,2	19,6	28,7	19,5	30,3
Только мусульмане	18,0	24,4	16,7	24,6	45,1	15,4	39,4
Не включать вообще	17,6	14,1	10,6	13,4	15,2	15,4	8,1
Шариат должен быть единственным законом страны	3,4	3,0	7,6	10,1	9,1	0,8	8,6
Шариат не должен быть законом страны	29,9	10,4	15,9	28,5	1,2	30,1	5,1
Не знаю	4,2	8,9	0,0	3,9	0,6	15,4	7,6
Отказ	1,1	3,0	0,0	0,0	0,0	3,3%	1,0
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

вообще». Это указывает на неоднородность мнения граждан по этому вопросу и на толерантность восприятия осетинами устоев мусульманства.

Более четверти русских и русскоязычных (29,9%) и респондентов Дагестана (28,5%) и 30,0% осетин считают, что в данной его части шариат не должен быть законом страны. Так же ответили 15,9% карачаевцев и черкесов, каждый десятый кабардинец и балкарец (10,4%) и только 5,1% чеченцев и 1,2% ингушей.

Немногие респонденты, в том числе и в «мусульманских» республиках, считают, что шариат должен быть единственным законом страны в отношении применения наказания за проступки граждан. Так ответили каждый десятый респондент Дагестана (10,1%) и Ингушетии (9,1%), 8,6% Чечни, 7,6% Карачаево-Черкесии, 3,0% Кабардино-Балкарии, 3,4% русских и русскоязычных, 0,8% Северной Осетии.

Немногие респонденты, в том числе и в «мусульманских» республиках, считают, что в отношении применения наказания за преступления граждан шариат должен быть единственным законом страны. Около четверти респондентов – что это неприемлемо, исключая респондентов Чечни и Ингушетии, где сторонников отказа от шариата в части уголовного наказания было пренебрежительно мало. Примечательно, что в части применения шариатского наказания за воровство и убийство сторонников и противников среди немусульманских респондентов было одинаковое число - всего около четверти. При этом надо учитывать, что и

категорических противников введения закона шариата в этой части наказания было столько же.

В среднем около четверти граждан СКФО считают, что в вопросах финансово-деловых отношений, в некоторых вопросах морали и уголовного права нормы шариата могут быть применимы в отношении всех граждан независимо от вероисповедания. В вопросах же семейного и наследственного права, ритуально-обрядовой стороны жизни большинство остановилось на мнении, что шариат применим только в мусульманских социумах.

Более половины экспертов (53,8%) считают, что граждане будут против введения шариата в законодательно-правовое пространство субъектов СКФО. Приводились следующие доводы. ЧР: «Использование частей шариата, которые обращены к бизнесу и финансам, нецелесообразно категорически. В основе бизнеса должно лежать светское законодательство». «В вопросах наказания преступника шариат наименее эффективен. Поэтому эти части не должны быть включены в законодательство страны. В этой части должно функционировать только светское законодательство». «...Некоторые люди считают, что религиозные каноны следовало бы учитывать в политической и экономической жизни Чечни. Но сегодня это так остро не стоит в повестке дня, и я не думаю, что большинство высказались бы вводить такие нормы права». КБР: «...Поскольку у нас светское государство, оно не может использовать другую систему ценностей, кроме той, которая заложена в свет-

кую систему. Поэтому я бы лично была против, чтобы включались какие-то религиозные законы, потому что на самом деле государство должно объединять все группы населения. Если говорить, что этот закон будет для мусульман, а этот - для немусульман, тогда и государства не будет. Законы должны быть едины для всех. Другое дело - те страны, которые уже религиозны по определению. Наши граждане не захотят жить в условиях средневековья...» РД: «Это невозможно практически. Это внесло бы путаницу в исполнение законов, и вообще, такие введения в федеральном государстве не нужны». «Это получается, все-таки, религиозное вхождение в светскую власть. Население и так придерживается этих моментов, а включать в законодательство все же не надо. Потому что, даже если у нас сделают пятницу выходным днем, это создаст массу проблем в общероссийском пространстве, например, для госслужбы. Но религиозные права не должны быть ущемлены, какие-то религиозные деятели всегда найдут возможность обратиться в шариатский суд, эта ниша всегда будет заполнена. Просто нет необходимости включать шариатские законы в нормы российского законодательства, потому что это может послужить поводом для выезда большого числа населения, и может возникнуть законодательный коллапс». «...Мы живем в светском государстве, где 80% населения формально православные. О каком шариате в России может идти речь?» РСО-А: «Скорее всего, население было бы против каких - либо внесений в законы из шариата, потому что Северная Осетия не является мусульманской республикой. Религия, ее каноны, правила должны быть отдельно от законов государственных». «Нет ни одной области в шариате, которая должна была бы найти свое отражение в современном законодательстве. Правовая система России исключает подобный сценарий. В противном случае религиозных отражений в законодательстве потребовали бы все конфессии, представленные в РФ. Подобный сценарий невероятен».

Оказалось, 34,6% экспертов (ЧР - 72,0%, РИ - все РД - 24,0%) придерживаются мнения, что частично шариат применять можно, например, в семейном и наследственном праве, в финансово-деловых отношениях. Приводились следующие доводы КБР: «...Использование частей шариата, которые обращены к семье, в не-

которых случаях эффективны для разрешения проблем, возникающих в мусульманской среде. Шариат эффективен в решении семейных споров». РД: «...Шариатские суды могли бы использоваться как альтернатива судов по некоторым вопросам. В частности, если обе стороны согласны обратиться в шариатский суд и следовать предписаниям шариата, то почему бы не использовать это и не приравнять к государственному судебному решению? Шариатское регулирование применимо в экономических вопросах, кредитных отношениях либо при согласии супруга и супруги, в вопросах семейных отношений. Я думаю, обращение в них можно регулировать, узаконить при обоюдном согласии обеих сторон. Уголовное законодательство, уголовный кодекс категорически расходится с нормами шариата, в этой сфере неприемлемо их применение. Какие-то нормы шариата могли бы быть использованы для решения правовых и бытовых вопросов, так, как это имело место в дореволюционной России. РИ: «Частично шариату можно передать бракоразводный процесс».

В то же время 11,5% экспертов высказали мнение о возможности применения законов шариата в российском правовом пространстве, хотя бы на территории «мусульманских» субъектов. РД: «Шариат охватывает все области жизни человека. Он просто совершенен. Там регулируются все вопросы. И для немусульман это было бы хорошо. Но люди не понимают, не хотят понять, не хотят думать. У них в головах то, что им втолковали телевидение, пропаганда и соседи». ЧР: «Некоторые пункты шариата имеют универсальный характер, поэтому, если сравнить Конституцию РФ и шариат, то там не будет много противоречий. Жизнь по Конституции РФ и шариату означает способствовать гармоничному, справедливому взаимодействию людей в обществе».

РСО-А: «Возможно включение в законы, но предназначенные только для мусульман».

На вопрос о том, как шариат может вписываться в правовую систему кавказского и российского социумов, были получены следующие результаты. Большинство респондентов (около трети) выбрали два варианта ответа: «шариат должен быть руководством морального поведения, не регулируемого законом» или «он является одним из многих источников закона».

Другая точка зрения о шариате как о «единственным источником закона» нашла отклик в основном у респондентов Чечни, Ингушетии и Дагестана. При этом опрошенные в Чечне (треть) чаще других высказались в пользу этой версии. Неприятие шариата в обозначенном контексте выражено в ответах русских и русскоязычных и осетин.

Некоторые респонденты Чечни, Кабардино-Балкарии, Дагестана и Карачаево-Черкесии практически в равных долях (по трети) высказали мнение о том, что присутствие шариата в современной жизни желательно не только для мусульман, но и для представителей других конфессий.

Среди респондентов «мусульманских» республик не было единодушия по вопросу применения положений шариата в финансово-деловой сфере. Их мнения распределились в равных долях (по четверти) между вариантами ответов «шариат должен распространяться на всех занятых в бизнесе и финансовых потоках», «это должно касаться только мусульман» и по 20% между вариантами «он не должен быть общим законом РФ», «в российское законодательство включать его не стоит». Количество ответов «шариат должен быть единственным законом страны» применительно к финансовой сфере было незначительным. Четверть русских и русскоязычных опрошенных и респондентов Северной Осетии высказались категорически против его введения в финансово-правовую сферу законодательства их республик. Каждый десятый не знал, что ответить на этот вопрос.

До половины респондентов, а в Ингушетии их подавляющее большинство, придерживаются мнения, что в вопросах семейного и имущественного права шариат применим только к мусульманам. Незначительное число опрошенных в «мусульманских» республиках считают, что в семейное и наследственное право РФ его включать не следует.

В вопросах нравственного характера (запрет употребления алкоголя, азартных игр, близкие контакты между женщинами и мужчинами) мнение русских и русскоязычных граждан и осетин разделились примерно в равных долях (около 20%) между тремя вариантами ответов: «шариат приемлем как мусульманам, так и немусульманам», «приемлем только мусульманам» и «шариат не должен быть законом страны».

Каждый десятый респондент республик Дагестан, Чечня и Ингушетия высказался, что в обозначенных сферах «шариат должен быть единственным законом страны». Четверть жителей других республик, а среди респондентов Ингушетии таковых оказалось более половины, считают, что в этой части он приемлем только для мусульман. Среди респондентов «мусульманских» республик в данной части опроса (более всех это жители Дагестана - каждый четвертый) решительно отрицали шариат как основной закон страны.

В северокавказском обществе есть понимание того, что соблюдение мусульманских ритуалов на немусульман распространять не следует. Среди опрошенных было незначительное число тех, кто считает наоборот. Более четверти русских и русскоязычных, респондентов Дагестана и около трети осетин - что в данной его части «шариат не должен быть законом страны». Среди опрошенных в «мусульманских» республиках таковых было немногим более 10%, а среди чеченцев и ингушей - вообще незначительное число.

Не более 10% респондентов в целом, в том числе и в «мусульманских» республиках, считают, что в отношении применения наказания за проступки «шариат должен быть единственным законом страны». Примечательно, что в части применения шариатского наказания за воровство и убийство сторонников и противников среди немусульманских респондентов было одинаковое число - всего около четверти.

Мнения граждан о применении наказания за проступки, полученные от жителей Северной Осетии и русскоязычных респондентов, могут свидетельствовать о достаточном запасе толерантности граждан-немусульман в вопросе применения законов шариата на Северном Кавказе: ответы были равномерно распределены между всеми вариантами.

Высказывания экспертов невозможно объединить в группы по принципу схожести мнений, настолько они были разнообразны даже в пределах коллег из одной и той же республики.

Позитивно настроенное к шариату число эксперты Чечни и Ингушетии составили четверть от общего числа экспертов. Об абсолютной неприемлемости шариата для жителей Северного Кавказа говорили 38,0% экспертов, и эта цифра несколько больше, чем таковая по результатам

массового опроса – в последнем случае около четверти респондентов говорили об этом. 60% экспертов Дагестана посчитали, что население их республики предпочитает жить по светским законам, 40% были убеждены в обратном. 10% экспертов говорили о том, что молодежь более открыта к шариату, чем старшее поколение. Все эксперты Северной Осетии говорили о том, что шариат вообще неприемлем для их республики.

Итак, около четверти граждан СКФО считают, что в некоторых вопросах морали и уголовного права нормы шариата могут быть применимы в отношении всех граждан независимо от вероисповедания. В вопросах же финансов и бизнеса, семейного и наследственного права, ритуально-обрядовой стороны жизни большинство сошлось во мнении, что шариат применим только в мусульманских социумах. В случаях наказания за кражу или ответственности по возврату кредита, долга влияние шариатского суда в последнее время нарастает, особенно в сельской местности. Мнение о шариате как о единственно верном источнике закона категорически отрицалось русскими и русскоязычными респондентами и осетинами, в том числе и в финансовой сфере. Однако в отношении применения законов шариата в ритуальной практике и нравственной сфере (запрет употребления алкоголя, азартных игр и близкие контакты между женщинами и мужчинами) около четверти русских и русскоязычных респондентов и осетин выразили одобрение.

Литература

1. Абдулагатов З.М. Дагестан и Татарстан – две тенденции в государственно-конфессиональных отношениях, определяемых российским исламом // Центральная Азия и Кавказ, 2005, №1 (37). С. 57-67.
2. Абдулагатов З.М. Влияние зарубежного исламского образования на конфессиональное сознание мусульман Дагестана // Религиоведение, 2014, №3, с. 78-88.
3. Астахова Л.?, Бухараев Я.В. Конверсионные интенции и современный ислам: попытки классификации «путей в духовную практику» (на основе мониторинга по Республике Татарстан) // Ислам в современной России. ? 2017. ? Вып. 13. №. 2 ? С. 125-136.
4. Бобровников В.О. Ислам и советское наследие в колхозах северо-западного Дагестана // Этнографическое обозрение, 1997, №5, С. 132-142. 138.
5. Дзуцев Х.В., Дибирова А.П. Общественное мнение о живучести религии в республиках Северо-Кавказского федерального округа // Этносоциум и межнациональная культура. М., 2017, №3, с.90-106.
6. Дзуцев Х.В., Дибирова А.П. Религия в структуре ценностей населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: Монография – М.: ИСПИ РАН; Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2017а – 165 с.
7. Лебедев С. Д. Религиозный ренессанс: к демифологизации понятия // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 24–36.
8. Мчедлова М.М. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социологические исследования. 2016, №10. С. 110-118.
9. Интервью Святейшего Патриарха Кирилла телеканалу «Вести» 29 июля 2009 г. [Электронный ресурс] // Русская православная церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/707472.html>. (Дата посещения: 20.04.2018).
10. Сиражутдинова С. В. Гражданское общество: традиционализм и ислам на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону: АзовПечать, 2012. –200 с.

Воздействие имиджа Иркутского государственного университета на территориальное развитие

Мальх С.В.

В статье анализируются особенности влияния имиджа университета на территориальное развитие. В работе анализируются результаты прикладного эмпирического исследования, показавшего воздействие имиджа Иркутского государственного университета на развитие Иркутской области. Также делается вывод о том, что благодаря университетской среде в регионе консолидируется социальный и человеческий капитал, укрепляющий социально-экономическое и культурно-политическое пространство территории.

Ключевые слова: имидж университета, территориальное развитие, Иркутский государственный университет, бренд

Mal'kh S.V.

The impact of the image of the Irkutsk State University on territorial development

The article analyzes the features of the influence of the image of the university on the territorial development. The paper analyzes the results of applied empirical research, which showed the impact of the image of Irkutsk State University on the development of the Irkutsk region. It also concludes that, thanks to the university environment, social and human capital is consolidated in the region, strengthening the socio-economic and cultural-political space of the territory.

Key words: university image, territorial development, Irkutsk State University, brand

Университеты становятся точками развития интеллектуальной среды того места, где они расположены. Поэтому мы можем утверждать, что благодаря университетам развивается имидж территории и определяются новые перспективы и векторы ее развития.

Высшее образование важно как механизм конструирования новой реальности, нестандартных подходов, креативной экономики и социального моделирования. Образование важно как способ и стратегия мысли, способная изменить то общество, в котором мы живем. Региональное развитие как никогда зависит от «качества» человеческого капитала тех, кто будет управлять нашим регионом, кто будет видеть смысл и задачи своей деятельности в улучшении, укреплении, усилении позиций регионального развития в разных аспектах и системах оценки.

В этом ключе — бренд университета играет определяющую роль. Он формирует вокруг себя систему ориентиров, задающую общий контекст и перспективы развития территории. Бренд университета является связующим звеном между прошлым и будущим региона.

Особое значение эти моменты имеют при развитии отдаленных от центра субъектов Российской Федерации, таких как Иркутская область. Для изменения курса развития необходима новая стратегия формирования точек роста и перспектив развития региона, чтобы выйти из рамок «дотационного региона», развивать собственное производство, используя собственные ресурсы (природные, человеческие, социальные, инфраструктурные). Что бы это стало реальностью — необходимы люди, мыслящие нестандартно, иначе, вне рамок прежнего опыта.

Задачи, условия, инструменты образования способны перевернуть представления о способах и целях регионального развития — вот главная задача университетского обучения в

регионах. Помимо этого, необходима подготовка кадров не для будущей миграции в западные регионы страны, а для развития их потенциала на местах.

Все обозначенные моменты возможно реализовать при развитии бренда университета как «марки», «системы качества», «условий профессионализма» и многих других характеристик, определяющих преподавателей и студентов и выпускников Иркутского государственного университета.

Исследование роли бренда университета в развитии региона полезно как самому университету, так как позволяет поставить основные приоритеты развития, так и городу Иркутску (органам власти), регулирующим социальное самочувствие и социальную динамику городского социума.

Теоретические основы исследования

Оценивая изученность заявленной темы, можно отметить следующее. К проблеме бренда вуза обращается немало авторов. Однако место и роль вуза в городской и региональной среде представляются изученными недостаточно, так как это требует комплексного понимания стратегического развития вуза и перспектив социального моделирования территории.

В литературе имеются несколько подходов к пониманию роли университетов в развитии территории, где они расположены.

К первой группе мы отнесли те, кто говорит о взаимосвязи поэтапного внедрения моделей развития образования и университетов как таковых с территориальными перспективами развития (И.И. Борисов и др. [1], Ю.В. Борисова [2], Е.А. Лубашев [8]). Данными авторами лишь обозначаются особенности взаимосвязи вуза и территории где он располагается. Авторы приводят в примеры западные университеты (Оксфорд, Кембридж, Принстон, Сорбонна и другие), которые самим фактом своего пребывания на определенной территории, создают ее имидж. И применяемые модели на российский опыт показывают, увы, пока не достаточный уровень финансирования и создания социальной инфраструктуры и мотивации молодых людей оставаться на территории, где получили образование.

Другие ученые более глобально подходят к обозначенному вопросу и полагают что миссии

университетов в стране и мире связаны с перспективами развития человечества (Ю.Е. Шабалин [25], Д.П. Маевский, Н.А. Мельникова [10], В. В. Шматов [26], О.А. Полюшкевич [13, 14, 15]). От глобального – общего развития людей как вида, до локального развития определенной территории. Авторами рассматриваются такие вопросы как социальная ответственность университетов и социальный и интеллектуальный капитал, условия корпоративной солидарности, социокультурные условия развития региона и всего человечества и т.д.

Особенности региональной специфики взаимосвязи университетов и стратегий развития рассматривается в работах Ю.Н. Москвич [11], Т.В. Погодаевой и Д.В. Жапаровой [12], И.А. Каплунова [3], В.М. Савинова и Е.И. Михайловой [20]). Все авторы данной группы говорят об особой роли университетов в жизни человека, группы, региона, страны и т.д.

К особой группе относятся исследования, касающиеся трансформации смыслов высшего образования и применения новых стратегий мировоззренческого (в том числе территориально-прикладного) развития регионов в нелинейном обществе, отражены в исследованиях Е.В. Савицкой и Н.С. Алтуниной [21], Н.Б. Крылова [6], Н.Г. Скворцова [22], Колесников В.А. и О.А. Полюшкевич [4,5]), вопросы деградации образования и нивелирования старых идеалов образовательных стандартов и механизмов раскрыты в работах К.Р. Романенко и М.А. Лисюткина [7], И.Д. Фрумина и М.А. Лисюткина [19] и др.

Отдельной группой стоят исследования, касающиеся развития бренда университетов (А.В. Прохоров [18], Е.П. Лухменева и О.М. Калиева [9] и др.). Авторами рассматриваются цели, механизмы и задачи конструирования бренда университета и трансляции его на региональный социум. Данные авторы говорят о бренде университета как закрытом социальном проекте, который создается и запускается, в последующем он существует самостоятельно в том социокультурном пространстве, где расположен.

Таким образом, мы можем констатировать, что вопросы изменения роли образования, связи университетов с развитием городов, собственно брендинга вузов и встроенности их в региональную экономику достаточно ост-

Таблица 1
Что дает Иркутский государственный университет городу Иркутску? (в%)

Основные ориентиры	Примеры	Проценты
Ориентиры в прошлое	«Сохранение социальной памяти через книги, здания, опыт проживших в этом городе людей не один десяток лет» (А.Ю., строитель, 48 лет), «Память о людях, живших в этом городе, любивших, мечтавших, строивших свою жизнь и жизнь своих потомков» (О.А., учитель, 41 год), «Благодаря университету есть память о прошлом людей, вещей, событий изменивших ход истории» (Д.Б., пенсионер, 75 лет).	25
Ориентиры на настоящее	«Университет учит студентов тому, что может помочь им уже сегодня быть нужными и востребованными специалистами» (Н.Е., психолог, 29 лет), «Университет требует подтверждения знаний и умений от студентов, он предлагает новый опыт, но и требует постоянного применения и обновления знаний и навыков тех, кто тут учит и тех, кто учится» (С.В., лингвист, 23 года), «Знания устаревают, но навыки учиться остаются. Только в настоящем можно найти силы для того чтобы жить. Университет тем самым запускает Жизнь в городе» (М.В., политолог, 26 лет).	34
Ориентиры на будущее	«Университет закладывает перемены будущих событий, новой жизни, новых целей и ориентиров. Он не дает застрять нам в прошлых проблемах, он заставляет мечтать и реализовывать свои мечты в жизнь» (И.С., предприниматель, 39 лет), «Университет дает ориентиры развития, задает планку, которую держишь всю жизнь и постоянно предъявляешь доказательства того, что за тебя не стыдно в стенах родной Альма матер» (Н.Д., писатель, 47 лет), «Будущее нашего города заложен о в стенах ИГУ. В педагогах и учениках, что совместно мечтали, творили и верили в то, что они могут сделать жизнь лучше, проще и красивее» (А.Е., домохозяйка, 32 года).	41

ро стоят на повестке дня у ученых из разных отраслей знаний. Но комплексной модели построения и внедрения технологий бренда вуза с учетом региональных особенностей мало проработаны. Особенно остро данный вопрос стоит перед Байкальским регионом, где Иркутскому государственному университету принадлежит первенство в области продвижения и развития высшего образования в регионе. И перед ним стоит потребность разработки бренда ИГУ.

Методы исследования

В логике нашего исследования лежала методология символического и структурно-функционального подходов, сочетание которых позволило выявить образные ассоциации и показать принципы их воздействия на социальную реальность, формирующую как имидж университета, так и перспективы развития территории.

В работе применяется метод опроса, позволяющий выяснить отношение к университету жителей Иркутска и его место в представлениях о развитии города. В опросе участвует 1200 жителей региона в возрасте от 18 до 75 лет, проживших в Иркутске от 2 до 75 лет.

Вторым методом выступает экспертное интервью, позволяющие выявить наиболее приоритетные сферы развития города Иркутска и способы внедрения бренда университета в данные сферы и стратегии. В нем приняло участие 22 эксперта из разных областей знаний, но имеющих возможность влиять на университет или условия развития города Иркутска в целом (представители образования: ректора и проректора вузов, ведущие сотрудники; представители власти: министр образования, заместители губернатора, ведущие специалисты в сфере работы с институтами образования; гражданские активисты (члены общественной палаты, коми-

Таблица 2

Символы ИГУ связанные с Иркутском (в%)*

* Данные представлены на основе символического анализа тех объектов которые наиболее часто у респондентов ассоциируются с Иркутском, но при этом имеют прямое отношение к Иркутскому государственному университету.

Символы	18-32 года	33-50 лет	51-75 лет
Дома (здания)	40	35	25
Библиотеки	30	35	35
Спортивные комплексы	35	35	30
Люди	10	15	75
Научные открытия	65	20	15

тета по науке; руководители образовательных некоммерческих организаций).

Материалы анкетного опроса и интервью были транскрибированы и проанализированы методом тематического кодирования. Помимо этого, была проведена триангуляция данных интервью и материалов интернет ресурсов, а также официальных статистических данных.

Обсуждение результатов исследования

В результате опроса мы выяснили, что Иркутский государственный университет у жителей города напрямую связан с самим городом Иркутском. Только 10% указали на идентичность названий «Иркутск» и «Иркутский» как признак схожести. Остальные респонденты указывали на «включенность зданий и корпусов ИГУ в городское пространство» – 28%, «сохранение культурного наследия и исторического прошлого» – 26%, «развитие ИГУ связано с развитием Иркутска» – 22%, «выпускники ИГУ создают облик современного Иркутска» – 14%. Данные определения позволяют нам говорить о том, что не только прошлое и настоящее, но и будущее Иркутска связано с Иркутским государственным университетом.

У 62% респондентов кто-то из родственников или они сами учились в ИГУ. Более того, 73% респондентов хотели бы, чтобы их дети учились в ИГУ. Это формирует отношение уважения и признания заслуг университета на городском и региональном уровне.

В табл. 1 представлены варианты ответа на вопрос, что дает Иркутский государственный университет городу Иркутску.

Как видно из таблицы, доминируют ориентиры на будущее (41%), на втором месте – ориентиры на настоящее (34%) и на третьем – ори-

ентиры в прошлое (25%). Говоря о развитии, то конечно дают новую систему отсчета ориентиры на опору на ресурсы в настоящем и возможности их развивать и преобразовать в будущем.

Символы Иркутского государственного университета в сознании респондентов тесно связаны с самим городом Иркутском (см. табл. 2).

Как видно из таблицы, материальные символы университета и само пространство Иркутска тесно переплетены у респондентов всех возрастов. Но в более старшем возрасте респонденты отмечали еще и людей, внесших вклад в развитие города, кто учился или работал в университете (юристы – А.М. Горовцев, И.А. Антропов, В.А. Рязановский и С.П. Мокринский, известный египтолог И.Г. Франк-Каменецкий, приехавшие из Казанского университета профессор, славист А.М. Селищев и профессор П.П. Миндалев; гуманитарные исследования в области этнологии и археологии, сибирского краеведения, литературоведения и языкознания проводили такие корифеи науки, как Б.Э. Петри, Б.Г. Кубалов, М.К. Азадовский, Г.С. Виноградов, Н.Н. Козьмин и др.; М.А. Гудошников, Ф.А. Кудрявцев, В.Т. Агалаков, И.И. Кузнецов, С.В. Шостакович (историки), В.Д. Арсеньев, Г.Б. Виттенберг, Г.С. Гаверов, З.Г. Крылова, В.И. Нижечек, В.А. Пертцки, Н.И. Трофимов (юристы), А.Г. Митрошкина, В.П. Трушкин, Т.А. Чернышева, Н.О. Шаракшинова (филологи). А в более младшем возрасте делают акцент на те научные открытия, которые были сделаны учеными ИГУ, прославившими Иркутск (в астрономии, физике, химии, математике, биологии, почвоведении, геологии и т.д.).

Интересно гендерное и возрастное распределение восприятия роли университета в жизни города. Среди женщин старшего возраста (51-75 лет), больше количество тех, кто данное

Таблица 3
Тренды взаимосвязи бренда ИГУ и города Иркутска (с 2010 по 2018 гг.)

Объекты контент-анализа	Контекст упоминания	Примеры
Сайт ИГУ	Положительные	<i>Развитие (33), ресурсы (32), опора (31), энергия (29), динамика (25), сила (22), перспектива (18), отчетность (16), рост (14)</i>
	Отрицательные	<i>Обесценивание знаний (28), сложность понимания (24), нивелирование знаний (21), сложности трудоустройства (19), социальные преграды (16), личный негативный опыт (15)</i>
СМИ	Положительные	<i>Образовательный ресурс (31), человеческие ресурсы (28), интеллектуальный капитал (27), социальный капитал (27), перспективы развития (25), точка роста (23), точка бифуркации (21), точка отсчета (18)</i>
	Отрицательные	<i>Низкий уровень знаний (26), стагнация образования (24), торможение развития города (17), пределы роста (15), ограничение возможностей (12)</i>
Социальные сети	Положительные	<i>Социальные связи (28), ресурсы консолидации (26), развлечение (25), развитие (22), досуг (20), жизненный опыт (18), новые связи (16), коммуникации (14), личная вовлеченность (12), активность (10)</i>
	Отрицательные	<i>Несоответствие времени (26), о ограниченность (25), безперспективность (23), отсутствие устойчивости (21), проверка аккредитацией (15), ложные надежды (10)</i>

влияние считает очень сильным (65% женщин и 45% мужчин). При этом, в среднем возрасте (33-50 лет), мужчины полагают, что влияние университета на город исключительно высоко (70% мужчин и 50% женщин). В младшем возрасте (18-32 года) и мужчины и женщины оценивают влияние университета на город либо как сильное, либо как среднее (40% - 45%).

По мнению, 99% респондентов – «Иркутский государственный университет – это бренд». Имя нарицательное в виде знаний, обучения, качества. На региональном и городском уровне – это знак качества. Поэтому можно говорить о существенном положительном влиянии бренда университета на развитие города Иркутска и Иркутской области в целом.

Интересным является и то, что эксперты указали на те же тенденции. Даже деление по возрастному принципу совпало с данными анкетного опроса. Тот факт, что для более молодой возрастной группы (18-32 года). Бренд университета связан с имиджем города будущего. «Университет дает новые смыслы жизни, позволяет строить свою жизнь не так, как это делали наши родители, тем самым изменяется и сам

облик Иркутска, он становится более современным, соответствующим духу времени» (Н.Е., представитель власти, 31 год). «Будущее городов зависит от приращения нового знания. А где взяться новому знанию как не в университетских стенах? ИГУ – это наш флагман в будущее. То, чему учим студентов сегодня, завтра станет реальностью. Как научим мечтать – так и будем жить» (И.О., преподаватель и одновременно административный сотрудник университета, 31 год).

Для экспертов среднего возраста (33-50 лет) – бренд университета связан с имиджем современного города, ориентированного на настоящее. «Нам важно сегодня обустроить свою жизнь. Жить хорошо и со вкусом. Иркутск – город, где можно реализовать свои мечты, где можно жить с чувством удовлетворенности от проживания своей жизни. А университет позволяет этому процессу постоянно быть в движении, держаться на необходимом уровне» (Л.В., представитель бизнеса, 43 года). «Бытовой комфорт и интеллектуальные развлечения – вот что для меня Иркутск. Благодаря университетской среде, и возможно моей профессии – я все-

гда на острие новых тенденций, интересных идей. Я люблю эксперименты во всем. Но по-настоящему ловлю кайф от того, что мои идеи воплощаются в реальность, украшая этот город. И это взаимный процесс. Без университетской жизни Иркутск был бы совсем другим городом. ИГУ дает нотку жизни, нотку новых идей, проектов и желаний. Благодаря университету Иркутск по-настоящему ЖИВОЙ!» (Н.Е., директор арт-галереи, 37 лет).

Для экспертов старшего возраста (51-75 лет) – бренд университета связан с символами прошлого. «В университете выросли те, кто создал наш город, придумали и воплотили его – историки и журналисты, физики и математики, химики и географы, биологи и филологи. Благодаря университету создалась и расцвела наша интеллигенция. Причем не важно, каких лет – 50-х или 70-х, 80-х или 90-х, даже молодые люди – нулевых создают свой мир и он совсем другой. Благодаря людям – город живет. Иркутск ценен теми, кто в нем родился и вырос, стал тем, кем стал, благодаря ИГУ» (М.В., библиотечарь, 54 года). «ИГУ создал имидж Иркутска. Это связанные понятия и процессы. Образование – это процесс приращения знаний, город – это процесс жизни. Одно вытекает из другого и наоборот» (Д.Ю., геолог, 60 лет).

Изучая данные контент-анализа сайта университета, СМИ и социальных сетей можно выделить несколько трендов взаимосвязи бренда ИГУ и города Иркутска, они имеют как положительные, так и отрицательные контексты упоминания (см. табл. 3).

Все объекты достаточно схожи в оценках (как положительных, так и отрицательных) влияния бренда ИГУ на развитие города Иркутска. Даже отрицательные контексты показывают сферы возможной работы с проблемными сторонами жизни в Иркутской области и городе Иркутске.

Воздействие имиджа Иркутского государственного университета на территориальное развитие достаточно велико. Оно формируется как через формальные инструменты: взаимодействие с работодателями, родителями и органами власти, так и через неформальные практики: участие в социальных акциях, эффективность работы профкома, занятость студентов в спорте, творчестве, интеллектуальных и развлекательных играх и иных мероприятиях. Все вме-

сте это формирует социальный и человеческий капитал региона, обеспечивает территорию Иркутской области устойчивым и перспективным развитием.

Литература

1. Борисов И. И. Стратегия интеграции университета в точки роста региона / И. И. Борисов, И. Е. Рисин, Ю. И. Трещевский // Университетское управление: практика и анализ. 2003. № 1(24). С. 9-16
2. Борисова Ю. В. Образ города как стратегия развития (на примере Иркутска) // Урбанистика. 2017. №3. С. 81-92.
3. Каплунов И.А. Роль университета в инновационном развитии региона // Профессиональное образование. 2011. №5(20). С. 31-35.
4. Колесников В. А., Полюшкевич О. А. Роль образования в жизненном мире молодежи // В мире научных открытий. 2013. № 3.1 (39). С. 312-327.
5. Колесников В. А., Полюшкевич О. А. Высшее образование в нелинейном обществе // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 12. С. 28-39.
6. Крылова Н.Б. Антропологический, деятельностный и культурологический подходы. Тезаурус // Новые ценности образования. 2005. № 5 (25). С. 25-35.
7. Лисюткин М. А., Фрумин И. Д. Как деградируют университеты? к постановке проблемы / // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 4-5(92-93). С. 12-21.
8. Лубашев Е. А. Проблемы развития сферы вузовского образования как инновационного фактора обеспечения устойчивого развития регионов России // Экономические науки. 2009. №5(54). С. 351-354.
9. Лухменева Е. П., Калиева О. М. Особенности формирования и продвижения бренда Вуза // Вестник ОГУ 2012. №13 (149). С.228-231.
10. Маевский Д.П., Мельникова Н.А. Проекты университета как ресурс социокультурного развития региона // Высшее образование сегодня. 2016. №11. С. 42-44.
11. Москвич Ю. Н. Новая роль университетов в развитии регионов и новых отраслей // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2013. №1 (23). С. 20-23.

12. Погодаева Т. В., Жапарова Д. В. О роли университетов в инновационном развитии регионов // Петербургский экономический журнал. 2015. №4. С. 81-90.
13. Полюшкевич О. А. Интеллектуальный капитал университета // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2018. № 5. С. 25-27.
14. Полюшкевич О. А. Корпоративная солидарность университета // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2016. № 12. С. 68-72.
15. Полюшкевич О. А. Социальная ответственность университетов // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2012. № 11. С. 26-29.
16. Полюшкевич О. А., Попова М. В. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // *Урбанистика*. 2017. №3. С. 117-134.
17. Полюшкевич О. А., Борисова Ю. В., Попова М. В. Технология разработки бренда города (на примере Ангарского городского округа) // *Урбанистика*. 2017. №4. С. 48-62.
18. Прохоров А. В. Бренд университета как основа территориального бренда // *Социально-экономические явления и процессы*. 2012. №2 (036). С. 201-203.
19. Романенко К. Р., Лисюткин М. А. Университетские объединения в России: четыре волны образовательной политики // *Университетское управление: практика и анализ*. 2017. Т. 21. № 3. С. 112-120.
20. Савинов В. М., Михайлова Е. И. Университет как институт развития региона // *Федеральный университет: лучшие практики*. 2016. №10. С. 37-47.
21. Савицкая Е. В., Алтунина Н. С. Высшее образование: репутационные эффекты, сигнальные искажения и благоприятный отбор // *Journal of institutional studies* (Журнал институциональных исследований) 2017 vol. 9, no. 1. С. 117-133.
22. Скворцов Н. Г. Роль современного университета в развитии региона: социально-гуманитарные аспекты // *Гуманитарий юга России*. 2015. № 3. С. 28–35.
23. Скуденков В. А. Гендерные особенности социально-экономических притязаний (на примере городских жителей Иркутской области) // *Урбанистика*. 2018. № 2. С.50-58.
24. Скуденков В. А. Экономические притязания городских жителей Иркутской области // *Урбанистика*. 2017. №3. С. 93-105.
25. Шабалин Ю. Е. Миссия университета в мире, стране, регионе: развитие инноваций и предпринимательства // *Совет ректоров*. 2013. №9. С. 19-32.
26. Шматков В. В. Глобальные тенденции в развитии научно-инновационной деятельности и задачи университетов в российских регионах // *Вестник ЮРГТУ (НПИ)*. 2011. № 1. С. 22-30.

Актуальные проблемы и перспективы современной спортивной дипломатии

Мартыненко Е.В., Мартыненко С.Е.

В современных международных отношениях спорт и спортивная дипломатия играют заметную роль. Традиционно они являлись влиятельными факторами, выполнявшими функции предотвращения напряженности в отношениях между государствами и создававшими благоприятные условия для разрешения международных разногласий. В современном мире спорт стал также эффективным инструментом дипломатии, к которому обращаются не только представители гражданского общества и международных спортивных неправительственных организаций, но и государства с международными межправительственными организациями – здесь мы имеем в виду, прежде всего, попытки вовлечения спорта в политическую концепцию ряда стран (в первую очередь это относится к США и странам ЕС). Подобный подход неизбежно откладывает крайне негативный отпечаток не только на взаимоотношения между странами, но и на сам спорт. Статья посвящена исследованию особенностей современной спортивной дипломатии. В процессе анализа обозначены ее характерные черты, также отдельное внимание уделено проблемам, возникающим в результате влияния политики на спорт. Особый акцент сделан на проявлении «околоспортивных» проблем на примере Олимпийских игр, которые зачастую становятся объектом политической борьбы. Кроме того, с разных точек зрения рассмотрена деятельность МОК и допинговые скандалы. В рамках данного исследования автором рассмотрены эти проблемы с применением диалектической и аналитической методологии.

Ключевые слова: спорт, Олимпийские игры, политика, допинг, миротворчество.

Martynenko E.V., Martynenko S.E.

Actual problems and prospects of modern sports diplomacy

In modern international relations, sport and sports diplomacy play a prominent role. Traditionally, they were influential factors that served to prevent tension in international relations and created favorable conditions for resolving international differences. In modern world, sport has also become an effective tool of diplomacy, which is addressed not only by representatives of civil society and international sports non-governmental organizations, but also by states with international intergovernmental organizations - here we mean preeminently attempts to involve sports in the political concept a number of countries (first of all it concerns the USA and EU countries). Such an approach inevitably lays an extremely negative imprint not only on relations between countries, but also on the sport itself. The article is devoted to the study of the features of modern sports diplomacy. In the course of the analysis, its characteristic features are indicated, and a special attention is paid to the problems arising as a result of the influence of politics on sport. Special attention is paid to the manifestations of «near-sports» problems on the example of the Olympic Games, which are the result of a political struggle, in addition, IOC activities and doping scandals are considered from different points of view. In the framework of this study, the author has examined these problems using dialectical and analytical methodology.

Key words: sport, Olympic Games, politics, dope, peacemaking.

Современный мир находится на этапе фундаментальных и динамичных изменений, которые глубоко затрагивают интересы всех государств мира, их общество в глобальном понимании и граждан – в частном. Изменение парадигмы международных отношений, уход от конфронтации и постепенное преодоление наследия холодной войны, активное проведение реформ – в случае реализации все вышеупомянутые факторы могли бы значительно расширить возможности сотрудничества на мировой арене [3]. К сожалению, к середине второй декады XXI столетия мы наблюдаем обратную картину: рост международной напряженности и эскалация политической конфронтации. Наибольшую озабоченность вызывает тот факт, что традиционная дипломатия уже не справляется с возложенными на нее задачами. По этой причине в международной практике все чаще приходится прибегать к нетрадиционным или даже альтернативным методам и формам дипломатического общения. В данном контексте особую актуальность приобретает спортивная дипломатия, как важное направление государственной политики, способствующее социальному, культурному и экономическому развитию государства, распространению информации о нем через проведение и участие в спортивных мероприятиях, деятельность спортивных учреждений, популяризацию определенного вида спорта и его культурного наследия и т.д.

Использование инструментов спортивной дипломатии во внешней политике современных государств - одна из важнейших задач в направлении усиления своих позиций на глобальной арене. Ее исследованию посвятили свои труды многие отечественные и зарубежные ученые, среди которых можно отметить: А. Луценко, Я. Турчинова, М. Воробьева, Ю. Долгого, Е. Имас, А. Кокуна, Ю. Мичуду, А. Прутскую, Дж. Уиллар-

да, М. Каммингса, Е. Онуха, М. Килбейна, Дж. Ная, Я. Мелиссена, Ф. Тейлора и др.

Феномен спортивной дипломатии имеет длительную историю, а особую актуальность в научной мысли данная проблематика получила в течение последних 20 - 30 лет. Родоначальниками спортивной дипломатии считают США и с момента своего появления в 60-е годы прошлого века данная концепция получила широкое распространение. В частности, в США спортивная дипломатия - это концепция, содержанием которой является право или даже обязанность каждого гражданина США помогать государству осуществлять внешнюю политику [5].

На сегодня политика и спорт настолько связаны, что трудно представить любое соревнование на высшем уровне, которое бы было полностью свободно от политического подтекста. С учетом этого, с одной стороны, можно утверждать, что использование спорта в политике - это расширение его интеграционных функций, причем задача спорта заключается в создании национального чувства идентификации и национального престижа [1]. С другой стороны, спорт может рассматриваться как политическое средство для признания или непризнания других наций. Эти обстоятельства провоцируют определенные проблемы, которые сопровождают спортивную дипломатию и мешают ей выполнять свои гуманистические, объединяющие, миротворческие функции.

Учитывая указанное, представляется что исследования особенностей современной спортивной дипломатии, ее проблем и перспектив развития является актуальным научно-практическим заданием, которое и обуславливает выбор темы данной статьи.

Совершенно очевидно, что на сегодняшний день вопрос содержания спортивной дипломатии, путей ее реализации современным странами занимает важное место среди научных исследований. В то же время, учитывая постоянное развитие и трансформацию системы международных отношений, необходимость дальнейшего углубленного изучения этой темы обусловлено политической и экономической нестабильностью, которая в последнее время значительно обострилась в связи с глобальной турбулентностью в мире.

Помимо этого, актуальной остается потребность в исследовании перспективных инстру-

ментов и механизмов спортивной дипломатии, а также проведение сравнительного анализа эффективности использования одного ресурса в сравнении с возможностями других.

С трансформацией традиционной дипломатии и увеличением влияния неправительственных акторов на мировой арене, спорт стал реальной политической величиной и занял прочное место в международных отношениях. Большинство государств рассматривают принятие международного турнира в спортивных соревнованиях на своей территории как политическую победу, как безусловный успех страны в международной жизни, который автоматически приводит к улучшению ее имиджа, иногда даже в большей степени, чем именно победа на турнире.

Итак, спортивная дипломатия принадлежит к публичным, нетрадиционным, «гибким» видам дипломатии, к культурной дипломатии, дипломатии «мягкой», «умной» силы [4]. Сегодня победа на Олимпийских играх воспринимается как победа не только отдельного спортсмена, но и страны, представителем которой он является, что приводит к острой борьбе в неофициальном командном зачете.

Вместе с тем, взаимосвязь спорта и политики провоцирует много «околоспортивных» проблем, поскольку очень часто спорт используется как арена политической борьбы или пропаганды. Этот вопрос довольно часто не только в теоретическом, но и в практическом плане возникает перед правительством страны - например, в связи с необходимостью принять решение об участии /отказе от участия в глобальных спортивных мероприятиях в связи с наличием каких-либо политических мотивов.

Проявление, подобной борьбы и провоцируемых ею осложнений, можно наглядно проследить на примере такого феномена человечества как современные Олимпийские игры, выделив следующие явления:

1) допуск страны к участию в Играх. Например, ситуация с командой Финляндии на Играх 1916;

2) политика «олимпийского бойкота» (политические протесты-бойкоты Олимпийских игр 1980 и 1984);

3) проблема терроризма в контексте Олимпийских игр, которая связана с усложнением структуры международных отношений и появ-

лением международных субъектов без суверенитета (теракт на Играх 1972 в Мюнхене, совершенный палестинской организацией «Черный сентябрь»);

4) политический компонент Игр в медийном измерении.

Таким образом, использование спорта особенно Олимпийских игр, в политических целях способствует возникновению таких проблем:

- вовлечение спортсменов в пропагандистские кампании государств и политических систем;

- использование Олимпийских игр как инструмента для демонстрации негативного отношения или неприятия другого государства или политической системы путем бойкотов и протестов;

- прямое политическое давление на решения МОК и выводы национальных олимпийских комитетов.

Отдельного внимания, безусловно, заслуживает и деятельность МОК, который сегодня представляет собой, по сути, транснациональное производство, поддерживаемое международными промышленными корпорациями, диктующими политику, правила игры, а также условия функционирования спортивных организаций, в результате превратив спорт в гигантскую монополию за счет эксплуатации спортсменов, особенно из развивающихся и слаборазвитых стран.

При этом следует отметить, что МОК ведет двойную игру, тем самым выступая катализатором многих вроде бы не связанных со спортом проблем. Так МОК, с одной стороны, рекламирует высокие достижения Олимпийских игр, повышает национальные интересы золотыми медалями, а, с другой – нарушая Олимпийскую Хартию, превращает спорт в коммерческое производство, в котором главная цель – прибыль, а основная профессия – спортсмен – с высокими результатами и рекордами. Сверхприбыль – это ключевая причина диктата в международном спортивном сообществе с жесткими правилами и регламентом [2]. Указанные обстоятельства являются ярким проявлением технократизма спорта.

Также в состав «околоспортивных» проблем, без всяких сомнений следует отнести допинговые скандалы.

Конечно, можно согласиться с тем, что спортом занимаются, чтобы добиваться побе-

ды, быть первым. Но надо ли добиваться этого любой ценой? Ведь все чаще решающее значение для победы имеет допинг, спортивное соревнование принимает характер технического и химического соперничества. В этом и заключается сущность ключевых проблем спортивной дипломатии: спорт превратился в крупный бизнес, а часто и в инструмент политического давления.

Таким образом, особенности современной спортивной дипломатии и присущие ей проблемы, по мнению автора, в основном связаны с тем, что спорт сейчас очень часто используется в узкокорыстных политических целях, причем, не только для достижения, собственно, политических целей, но зачастую для разжигания национализма, шовинизма и даже конфликтной дестабилизации. В данном контексте следует отметить, что предметом многих дискуссий является вопрос о возможности избегания «околоспортивных» проблем и ограничения влияния политики на спорт, а особенно – Олимпийское движение. С целью снизить «политизацию» этого вопроса было внесено много предложений:

- проводить олимпийские соревнования сразу в нескольких государствах;

- доверить организацию Олимпийских игр не отдельному городу, не одному государству, а в целом географическому кластеру;

- проводить Олимпийские игры в виде организованных соревнований по различным видам спорта в разных государствах;

- проводить Олимпийские игры в каком-то постоянном месте (например, в Швейцарии/Греции).

Вместе с тем, по мнению автора, ключевые перспективы развития спортивной дипломатии и эффективные средства решения существующих «околоспортивных» проблем заключаются в преодолении противоречия гуманизма и технократизма спорта, которое возможно только путем обращения к философии ценностей, к проблеме соотношения цели и средств: очевидно, что спортивная победа не может быть высшей ценностью. Последней может выступать только человек, в полном соответствии с установками гуманизма, – а потом уже эффективность собственной деятельности, в частности, деятельности спортивной. Поэтому средством разрешения противоречия между гума-

низмом и технократизмом спорта может выступать только культурное воспитание, ориентированное на реализацию настоящих гуманистических ценностей, которые остаются последней надеждой профессионального спорта и спортивной дипломатии в международных отношениях.

Вместе с тем следует отметить, что спортивное движение, как и международное политическое движение, не может не подвергаться воздействию со стороны процессов, имеющих место в современной мировой системе. Этим и обусловлена уязвимость спорта в целом и спортивной дипломатии в частности к различного рода злоупотреблениям со стороны национальных и наднациональных акторов – политических лидеров и международных организаций.

Литература

1. Jacob Naish. The power dynamics of sport for development and peace: governmental rationalities and microtechniques. Great Britain: University of Brighton, 2017. – 287 p.
2. Алтухов С. Об актуальности реформ управления международным олимпийским движением // Проблемы теории и практики управления. - 2017. - №2. - С. 137-142.
3. Барышников Д.Н. Дипломатия в глобальную эпоху: теория и практика // Диалог: политика, право, экономика. - 2017. - №4(7). - С. 20-26.
4. Кожевников М.Н. Спорт как инструмент влияния на мировые политические процессы (на примере России и Китая) // Вопросы политологии. - 2017. - №1(25). - С. 197-207.
5. Курасова К.А. Взаимосвязь дипломатии и международных спортивных соревнований // Международный студенческий научный вестник. - 2016. - №1. - С. 19.

Методы распознавания кодирования эмоциональных состояний в прикладных исследованиях

Панова А. В., Фарахутдинов Ш. Ф.

Статья носит обзорный характер и посвящена кодированию эмоций как объекту исследования реакций респондентов на маркетинговые и социальные стимулы. Рассмотрены различные типы выражения эмоций в реальных и виртуальных социальных практиках. Приведены причины сложностей, связанных с исследованием эмоций потребителей. Охарактеризованы явные и неявные методы измерения эмоциональных реакций. Описан алгоритм работы современного программного обеспечения позволяющего автоматически оценивать микровыражения лица человека.

Ключевые слова: кодирование эмоций, нейромаркетинг, маркетинговые исследования.

Panova A.V., Farakhutdinov Sh.F.

The given article is of a survey nature and is devoted to the emotions encryption as an object of respondents' reactions research to the marketing and social incentives. There have been represented different types of the emotions expression in real and virtual social practices. The difficulties causes, associated with the consumer emotions study, are given. The explicit and implicit methods of emotional reactions measuring are characterized. Also, the algorithm of modern software that allows evaluating the micro-mimicry of a human face automatically is described.

Keywords: coding emotions, neuromarketing, marketing research.

Эмоциональные проявления являются одним из основных показателей отношения человека к окружающей его социальной реальности. Сегодня исследование эмоций в практических целях – это бурно развивающееся направление, результаты которого находят применение в самых разнообразных сферах. Соответствующие технологии успешно преодолели начальную фазу становления, они перестали быть недостижимыми и встроились в актуальный рыночный контекст. Для маркетологов эмоции человека являются хорошим показателем его отношения к товару, услуге, рекламе или бренду, а специалисты в области маркетинговых исследований довольно часто обращаются к изучению эмоциональных реакций потребителей. Оценки объёмов этого рынка и его перспектив на период до 2022 года разнятся, однако несколько сводных отчётов, выпущенных в конце 2016 – начале 2017 года, иллюстрируют общий тренд. По мнению аналитиков компании Markets&Markets, показатель глобального рынка эмоциональных технологий 2016 года – \$6,72 млрд. к 2021 году достигнет планки \$36,07 млрд., с ежегодным ростом в 39,9%. Более консервативные расчёты компаний Reportlinker и Orbis Research прогнозируют ежегодный рост в 27,4% и 21,2% к 2022 году, соответственно [8].

Производители систем распознавания эмоций также уделяют внимание установлению партнёрских контактов и с академической наукой, запуску совместных проектов в различных отраслях. Так, известны примеры использования подобного ПО в ходе судебных слушаний с привлечением присяжных, отслеживание эмоций которых даёт возможность сторонам обвинения и защиты оттачивать аргументацию и выстраивать адекватную модель взаимодействия с участниками заседаний [8]. В социологии та-

кие исследования пока не получили широкого распространения, однако понимание механизма их реализации является важной компетенцией для исследователя, позволяющей, в случае необходимости, дополнить набор методов, используемых в рамках отдельно взятого проекта.

Эмоция (от лат. *emoveo* - потрясаю, волну) представляет собой психический процесс средней продолжительности, отражающий субъективное оценочное отношение к существующим или возможным ситуациям и объективному миру. Согласно теории Пола Экмана, эмоции человека сопровождаются микровыражениями, короткими произвольными выражениями лица (длительность микровыражения составляет от 40 до 200 миллисекунд), появляющимися на лице человека, пытающегося скрыть или подавить эмоцию. Микровыражения не поддаются сознательному контролю, то есть появляются независимо от желания человека [11].

В теории эволюции Ч. Дарвина, мимика - движения лица, выражающие эмоции на лице человека, - является врождённой, независимой от расы и культуры и не различается у человеческих существ во всем мире. Тем не менее, в первой половине XX века многие ведущие культурантропологи, прежде всего Маргарет Мид, обнаружили многочисленные свидетельства того, что у представителей разных культур существуют значительные различия в экспрессивном поведении, в том числе и в мимике. По их мнению, выявленные различия означают, что мимика - это язык, которым, как и любым другим, человек овладевает в процессе социализации [10].

Для психологов понятия «воспроизведение эмоций» и «кодирование эмоций» практически являются синонимами при некоторых различиях в значениях, связанных с характеристиками произвольности эмоциональных процессов [2].

Проблеме эмоционального кодирования, как произвольного выражения эмоциональных состояний, психологи уделили значительное внимание. Её суть заключается в том, что все переживаемые человеком эмоциональные состояния выражаются в определённых формах его поведения. Первоначально у ребёнка можно различить только состояние покоя и эмоционального возбуждения. В процессе развития это неопределённое возбуждение начинает диффе-

ренцироваться и приобретать разнообразные формы реагирования. Ребёнок начинает выражать эмоции в той форме, которая культурно одобряется в его среде. Поэтапно осваивается ряд «правил выражения» - личных, ситуационных и культурных норм, которые регулируют степень и локализацию его мимических проявлений [3].

Современные исследователи выделяют три главных типа выражения эмоции:

- симуляция - выражение непереживаемой эмоции,
- подавление - сокрытие выражения переживаемой эмоции,
- маскировка - замена выражения переживаемой эмоции выражением другой, непереживаемой эмоции.

Среди них самым востребованным является подавление, затем симуляция. Маскировка является самой сложной функцией контроля экспрессии, так как в её основе лежит комбинированная схема, включающая и подавление, и имитацию. Своевременная активизация механизмов симуляции, подавления и маскировки эмоциональных проявлений во многом определяет не только коммуникативную компетентность человека, но и его социализированность, успешность взаимодействия с различными членами социума [2].

В условиях информационного общества эмоциональные проявления людей находят отражение и в коммуникациях в интернет-пространстве. Становление виртуальной передачи эмоций первоначально осуществлялось на основе текстов. При этом шёл активный поиск способов визуализации эмоций с целью обеспечения полноценного канала передачи и обмена эмоциональных состояний, включая невербальные формы и средства. Так появились пиктограммы, схематически или образно передающие эмоции партнерам по коммуникации: графические смайлы и др. изображения.

Исследования эмоций широко распространены в маркетинге, поскольку результаты позволяют прогнозировать поведение потребителей в самых разных областях. Можно выделить два основных направления таких исследований: изучение воздействия рекламы и эмоциональность потребительского опыта [5].

Сложности исследований эмоций потребителей связаны с различными причинами:

- смешанная природа эмоциональных переживаний: несколько эмоций могут быть вызваны одним и тем же событием и испытываться одновременно;

- существует различная валентность эмоциональных реакций. Например, у эмоций, вызванных рекламой, она обычно ниже по сравнению с эмоциями, вызванными потреблением;

- для человека характерны сложности, связанные с умением вспоминать пережитые в прошлом эмоции, особенно смешанные эмоции;

- наличие эмоций низкого порядка (подсознательных эмоций) усложняет их идентификацию и интерпретацию.

Методы измерения эмоциональных реакций можно разделить на две категории: явные и неявные методы.

Явные методы появились задолго до бурного развития информационных технологий и представляют собой прямое взаимодействие исследователя с респондентом посредством вербальных или невербальных инструментов.

В ходе интервью или проведения тестов с потребителями используются различные типы шкал, графические изображения или другие средства для оценки их эмоциональных реакций на стимул. Основным преимуществом явных методов является их доступность. Они не требуют сложного профессионального оборудования и привлечения высококвалифицированных специалистов. Серьёзным недостатком явных методов является их способность измерять только субъективное восприятие эмоциональной реакции, а не саму реакцию. Преднамеренно или нет, респонденты не способны быть полностью честными в обсуждении пережитых эмоций. Более того, поскольку явные методы основаны на субъективных чувствах, этот метод не способен раскрыть подсознательные эмоции. Также на результаты могут влиять проблемы социальной удовлетворённости респондентов (особенно, когда речь заходит о сенситивных вопросах) [13].

Явные методы включают в себя такие инструменты, как вербальный самоотчёт, визуальный самоотчёт и ранжирование в режиме реального времени.

- Вербальный самоотчёт осуществляется с использованием анкеты или в форме интервью. Для оценки используются открытые вопросы, различные шкалы (например, семантический дифференциал и шкала Лайкерта). В ходе изу-

чения стимульного материала респонденты описывают свои эмоции или отмечают их по таким дихотомическим критериям, как удовольствие-неудовольствие; возбуждение-спокойствие; доминирование-покорность.

- Визуальный самоотчёт позволяет респондентам выражать свои эмоции относительно стимульного материала посредством выбора карточек с изображениями, характеризующими ту или иную эмоцию (аналоги смайлов). Визуальный самоотчёт менее утомителен для респондентов, поскольку содержит в себе элементы игры.

- Ранжирование в режиме реального времени заключается в перемещении респондентами «бегунка» на электронном датчике в ходе демонстрации стимульного материала, например, видеоролика. Датчик фиксирует происходящие изменения, а при сопоставлении с видеоматериалом удаётся понять, какие эпизоды вызвали у респондента наиболее интенсивные эмоции. Яркой иллюстрацией рассматриваемого метода являются популярные в конце 90-х – начале 00-х гг. электронные фокус-группы, в которых одновременно могли принимать участие до 100 человек [12]. Дробность шкалы, а также характер её измерения зависит от целей исследования. Главным недостатком метода является то, что он способен измерять один параметр. Например, потребителей можно попросить указать эмоции на рекламу в грустно-счастливой шкале. Также некоторые исследователи полагают, что вместо измерения дискретных эмоций ранжирование в реальном времени регистрирует общее указание на любые положительные или отрицательные эмоции. Кроме того, этот метод сталкивается с недостатками, присущими всем явным методам, таким как когнитивная предвзятость и социальная заинтересованность респондентов.

Неявные методы. Сегодня подавляющее большинство исследований неосознаваемых эмоциональных реакций осуществляется при помощи неявных методов. Они обладают одним ключевым преимуществом – отсутствием когнитивных предубеждений человека [7]. Наибольшей способностью выражать различные эмоциональные оттенки обладает лицо человека. Именно поэтому оно и является основным объектом исследования.

Сегодня для анализа мимических реакций используются два метода. Первый - электромиография лица. Он заключается в автоматическом

Рис. 1 Интерфейс программы FaceReader 4.0

анализе лицевых выражений при помощи электродов, размещённых на лицевых мышцах. Его основной недостаток – необходимость наличия лабораторных условий. Второй связан с использованием системы кодирования эмоциональных состояний. В основе современных методов их распознавания лежит разработанная П. Экманом и У. Фризенем Система кодирования лицевых движений (Facial Action Coding System (FACS)). Руководство FACS изложено на более чем 500 страницах и представляет собой подробное описание двигательных единиц и дескрипторов [8].

Базируясь на данной системе, современные технологии и программное обеспечение позволяют автоматически оценивать микровыражения лица человека. В качестве примера можно привести «FaceReader» голландской компании Noldus. Это программное обеспечение, которое может быть, как установлено на компьютере, так и использоваться онлайн через интерфейс браузера. Работа с ПО не требует специальной подготовки, а единственным необходимым условием проведения исследования является наличие камеры и хорошего освещения [14]. Рассмотрим его подробнее.

Алгоритм работы рассматриваемого ПО состоит из 3-х основных этапов:

1. Первым шагом в распознавании выражения лица является обнаружение лица. Программа использует популярный алгоритм Виола-Джонса для обнаружения присутствия лица.

2. Следующим шагом является точное трёхмерное моделирование лица с использованием алгоритмического подхода, основанного на методе активных моделей внешнего вида. Модель обучается с помощью базы данных аннотированных изображений и описывает более 500 ключевых меток на лице и лицевой текстуре.

Ключевые метки включают в себя:

- точки, которые охватывают лицо (часть лица, анализируемого FaceReader);
- точки на лице, которые легко узнаваемы (губы, брови, нос и глаза).

Текстура важна, потому что она даёт дополнительную информацию о состоянии лица. Ключевые метки описывают только основное положение и форму лица, но не дают никакой информации о, например, наличии морщин и форме бровей. В то же время это важные показатели для классификации выражений лица [1].

3. Далее осуществляется анализ выражений исследуемого лица на основе его сопоставления с базой, сформированной путём обучения

искусственной нейронной сети. В качестве учебного материала в программе FaceReader использовалось более 10 000 изображений, которые вручную аннотировались подготовленными специалистами. Программа классифицирует лицо из пикселей изображения, используя распознавание паттернов. Это позволяет анализировать лицо, даже если его часть скрыта.

В ряде случаев для программы требуется калибровка с целью исправления погрешностей, связанных с индивидуальными особенностями лица человека. Для калибровки участника используется изображение или видеозапись, в которой выражение его лица нейтрально.

В FaceReader доступны несколько моделей лиц. В дополнение к общей модели, которая работает для большинства людей, существуют модели для людей Восточной Азии, пожилых людей и детей. Прежде чем приступить к анализу выражений лица, необходимо выбрать нужную модель лица, которая лучше всего подходит для анализируемых респондентов.

Выходные данные программы - это классификация выражений лица участника теста. Результаты визуализируются в нескольких графиках и могут быть экспортированы.

Основными результатами анализа являются:

Интенсивность выражения лица принимает значение от 0 до 1, где 0 означает, что выражение отсутствует, 1 - что оно полностью присутствует. Настройка шкалы интенсивности FaceReader изначально была осуществлена с использованием значений интенсивности, аннотированных экспертами. Выражения лица часто бывают вызваны несколькими эмоциями. Также вполне возможно, что два и более выражения происходят одновременно с высокой интенсивностью. Таким образом, сумма значений интенсивности для выражений в определённый момент времени обычно не равна 1.

Валентность. Помимо интенсивности отдельных выражений лица, FaceReader также вычисляет валентность. Валентность указывает на то, является ли эмоциональное состояние испытуемого положительным или отрицательным. «Счастье» - это единственное положительное выражение. «Грусть», «злость», «испуг» и «отвращение» считаются отрицательными выражениями. «Удивление» может быть положительным или отрицательным и поэтому не используется для расчёта валентности. Валентность рассчитыва-

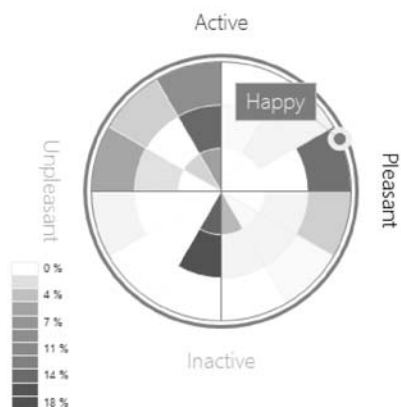

Рис. 2. Круговая модель воздействия (Circumplex Model of Affect)

ется как интенсивность «счастья» минус интенсивность отрицательного выражения с наивысшей интенсивностью. Например, если интенсивность «счастья» составляет 0,8, а интенсивности «грусти», «злости», «испуга» и «отвращения» составляют 0,2, 0,0, 0,3 и 0,2 соответственно, то валентность составляет $0,8 - 0,7 = 0,1$.

Возбудимость указывает на степень активности участника теста (измеряемые значения от +1 до 0). Измерение возбудимости основано на активации 20 двигательных единиц системы кодирования лицевых действий (FACS).

Круговая модель воздействия FaceReader основана на двухмерной круговой модели эмоционального опыта, описанной Дж. Расселом. Показатель эмоционального опыта в ходе исследования непрерывно отображается на графике. По вертикальной оси (оси y) располагается показатель активности, по горизонтальной - возбудимости. Тепловая карта визуализирует, какие из этих выражений присутствовали чаще всего во время теста (рис. 2).

В FaceReader имеется несколько дополнительных модулей, позволяющих осуществлять расширенный анализ. Так, например, модуль проективного анализа («Project Analysis») позволяет работать с группами респондентов. По умолчанию в программе можно создавать половозрастные группы, однако в качестве группирующего фактора может быть любая независимая переменная. Групповой анализ даёт численное и графическое представление выраже-

ний лица, валентности и возбуждения для каждой группы участников. Имеется возможность выявления статистических различий средних параметров эмоциональных проявлений каждой из выделенных групп. Временной групповой анализ показывает изменения средних выражений, валентности и возбудимости группы с течением времени.

FaceReader является распространённым, но далеко не единственным программным продуктом кодирования эмоций. Сегодня на рынке существует несколько десятков производителей программного обеспечения, предлагающих подобные продукты для самых разнообразных целей [4]. В последних моделях смартфонов они выполняют функцию идентификатора пользователя. Банки устанавливают их в банкоматах, а службы безопасности используют для сканирования людных мест. В то же время крупные исследовательские компании разрабатывают собственное ПО.

Так, компания GfK интегрирует собственную технологию измерения эмоционального отклика EMO Scan в систему тестирования рекламы. Для проведения исследования компания использует собственные веб-камеры потребителей, чтобы отслеживать их мимику во время просмотра рекламы в реальном времени. Использование собственных веб-камер заранее согласовывается с респондентом [6].

Преимуществом такого подхода является то, что считывание эмоциональной реакции на рекламу происходит в привычной для респондента среде. Исследование при невысоком уровне вмешательства в привычный образ жизни респондента важно для того, чтобы уловить спонтанные реакции на рекламу, которые не зависят от влияния искусственно созданной среды.

Литература

1. Губочкин Иван. Активные модели внешнего вида [Электронный ресурс] / И. Губочкин // Коллективный блог «Хабрахабр». – URL : <https://habrahabr.ru/post/155759/>
2. Изотова Е. И. Социальные и когнитивные детерминанты кодирования эмоций в реальном и виртуальном пространстве [Электронный ресурс] / Е. И. Изотова // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 42. – С. 7. - URL : <http://psystudy.ru>.
3. Ильин Е. П. Эмоции и чувства [Текст] / Е. П. Ильин. – 2-е изд.: перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Питер, 2011. – 784 с.
4. Исследование рынка систем распознавания эмоций [Электронный ресурс] // Коллективный блог «Хабрахабр». – URL : <https://special.habrahabr.ru/kyocera/p/133686/>
5. Как эмоции в рекламе влияют на продажи: нейромаркетинговое исследование [Электронный ресурс] // Сайт агентства «5 o'clock». – URL : <https://5oclick.ru/blog/emotii-v-reklame/>
6. Кодирование эмоций – секрет успеха рекламы [Электронный ресурс] // Страница компании «GfK» в социальной сети «Facebook». – URL : <https://www.facebook.com/GfKRussia/posts/145505262277756>.
7. Основы социального моделирования. Учебное пособие / О.А. Полюшкевич, Л.Н. Батьянова, Ю.В. Борисова, Р.В. Иванов. – Иркутск. ИГУ. 192 с.
8. Плиев Г. Как технологии распознают наши эмоции и почему это так перспективно [Электронный ресурс] // Сайт независимого издания о технологиях и бизнесе «Rusbase» – URL : <https://rb.ru/opinion/tehnologii-i-emptsii/>
9. Система кодирования лицевых движений [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. – URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Система_кодирования_лицевых_движений
10. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология [Текст] / Т. Г. Стефаненко. – Москва: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.
11. Экман, Пол. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь [Текст] / П. Экман. – Санкт-Петербург: Питер, 2017. – 480 с.
12. Электронная фокус-группа [Электронный ресурс] // Сайт Базы данных ФОМ. - URL : http://bd.fom.ru/report/cat/sci_sci/ans_sociology/ime00167.
13. Drozdova Natalia. Measuring Emotions in Marketing and Consumer Behavior: Is Face Reader an applicable tool? [Электронный ресурс]: магистерская диссертация / N. Drozdova // Сайт Базы данных Норвежской школы экономики. – URL : <https://brage.bibsys.no/xmlui/handle/11250/223267>.
14. Free white paper on FaceReader methodology [Electronic resource] // Сайт компании «Noldus». – URL : <https://info.noldus.com/free-white-paper-on-facereader-methodology>

Перспективы развития современной индустрии развлечений и СМИ

Пензина А.И., Пархитко Н.П.

Статья посвящена изучению наиболее актуальных тенденций, характерных в XXI в для отечественной журналистики. В частности, системному анализу подвергнут российский сегмент СМИ, содержащий развлекательный и досуговый контент. Актуальность проблематики обусловлена всевозрастающей ролью электронных и аудиовизуальных СМИ в российском информационном пространстве в течение последних двух десятилетий. В свою очередь, развлекательный контент в указанном сегменте СМИ занимает солидное место как в медиаиндустрии, так и в коммерческом плане. При подготовке исследования автором применялся системно-аналитический метод, метод аналогий, метод контент-анализа и историко-аналитический метод. Ключевые слова: Медиаиндустрия, развлечения, досуг, контент, агрегаторы, аудитория.

Penzina A.I., Parkhitko N.P.

Prospects for the development of modern entertainment and media
The article is devoted to the study of the most current trends in the XXIst century for the domestic journalism. In particular, the Russian segment of the media containing entertainment and leisure content is subjected to system analysis. The relevance of the issue is due to the growing role of electronic and audiovisual media in the Russian informational sphere over the past two decades. In turn, entertainment content in this segment of the media takes a solid place both in the media industry and in commercial terms. In preparing the study, the author used the system-analytical method, the method of analogies, the method of content analysis and the historical-analytical method.

Key words: Media industry, entertainment, leisure, content, aggregators, audience.

Введение

Человечество существует сегодня в реалиях нового цифрового пространства. Большинство сфер общества неразрывно связано с информацией. В этих условиях современная журналистика трансформируется в нечто новое — информационно-коммуникативную (медийную) систему. Интернет-журналистика, особенно журналистика социальных сетей, заняла равное положение наряду с печатью, радио и телевидением. Это совершенно иная система, которая обладает новыми свойствами. Эта система постоянно развивается и эволюционирует. Характер и тенденции развития, как известно, связаны с технологическим прогрессом, который предоставляет медийной системе новые информационные технологии. Этот процесс столь же стремительный, сколь и необратимый, т.е. естественным путем его невозможно остановить. Поэтому необходимо проанализировать основные тенденции этой постоянно обновляющейся системы, а также определить основные факторы, которые влияют на развитие объединенной индустрии развлечений и СМИ.

Первые тренды современной журналистики

Первые изменения в медийной системе произошли еще в XX веке. Эволюцию медиа и появление новых цифровых технологий предсказывал канадский философ и теоретик коммуникации Маршалл Маклюэн (Marshall McLuhan). В его знаменитых трудах «Галактика Гуттенберга» («The Gutenberg Galaxy», 1962) и «Понимая медиа» [2] («Understanding Media», 1964) теоретик рассуждает о том, как способность человека писать и читать изменили его поведение и образ жизни. Маклюэн предсказывал, что печатная культура, зародившаяся в 1450 году, когда Иоганн Гуттенберг изобрел печатный станок, завершает свое существование. Ей на смену при-

ходит электронная эпоха, где господствует телевидение.

В книге Маклюэна «Понимая медиа» впервые появляется фраза «Средство сообщения есть сообщение» («The medium is the message»)[2]. Маклюэн очень точно уловил тенденцию развивающихся медиа. Люди всё больше уделяют внимание не столько самой информации, сколько самому источнику информации или каналу распространения.

Теории Маршалла Маклюэна стали основой для появления конвергентной журналистики. Исследователь Л.П. Шестеркина рассматривает понятие конвергентной журналистики как «особый вид профессиональной деятельности по производству системы журналистских материалов, созданных в условиях слияния ранее разобщенных СМИ и предназначенных для передачи по различным каналам связи (телевидение, радиовещание, печатные, мобильные и интернет-издания)» [8]. Изменения в медиасистеме начали происходить благодаря созданию конвергентного продукта – контента, который объединяет в себе части контента отдельных отраслевых СМИ – текст, фото, видео, аудио, инфографика, прямые трансляции, общение с аудиторией и так далее [5].

Такая трансформация приводит к тому, что меняется не только медийная система, но и сама профессия журналиста, равно как и требования, предъявляемые к ней. Эволюционные условия требовали перемены в работе журналиста. Так появляется универсальная журналистика – тренд начала XXI века. Журналист должен был не только писать текст, но и делать фотографии, снимать видео, записывать звук – создавать конвергентный продукт. Однако, подобный эксперимент не удался ни в зарубежных СМИ, ни в отечественных. Несмотря на идею, практика показала, что такого рода контент не идеален. Пишущий журналист не во всех случаях способен создать качественные фото, а тем более видеоконтент.

На сегодняшний день универсальный журналист видоизменился вместе с системой. Одна из тенденций современных СМИ связана с тем, что универсальный журналист должен понимать техническую сторону создания контента. Чтобы быть конкурентоспособным в меняющихся условиях необходимы базовые знания работы с фото, графическим наполнением, а

главное с технологией создания интернет-текстов.

Современные тенденции журналистики

Важным компонентом современного медиасредства стали социальные сети как носители и распространители информации. Одним из актуальных трендов можно назвать популярность социальных сетей не только в качестве основного канала для получения информации, но и важного инструмента для ее верификации. Многие мессенджеры сегодня распространяют информацию быстрее, чем информационные агентства и СМИ. Новые медиа – социальные сети, мессенджеры, приложения влияют и на аудиторию, в частности, на то, как аудитория потребляет контент. Это связано с изменением доступа к контенту: наблюдается увеличение аудитории, которая получает информацию с мобильных устройств; скорость мобильного интернета увеличивается и дает возможность создавать более «тяжелый» контент для мобильных устройств.

Одна из самых явных тенденций современной журналистики – «Journalism as a Service» («Журналистика как услуга») – модель доставки контента, при которой пользователи платят за доступ к информации или за новости по требованию. К примеру, интернет-издания или интернет-версии традиционных СМИ имеют базовый набор контента и предлагают премиальную подписку. В нее, как правило, входят аналитические статьи и лонгриды, а также специальные проекты.

Этот переход от бесплатной журналистики к платной позволяет СМИ и журналистам лучше понимать ценность информации, ее стоимость и влияние на аудиторию. По мнению Джефа Джарвиса (Jeff Jarvis), руководителя Центра предпринимательской журналистики (Center for Entrepreneurial Journalism), интернет и современные технологии позволяют журналистам выйти за рамки традиционных статей и использовать гораздо более широкий спектр возможностей [3]. Некоторые СМИ начинают применять этот подход, исходя из информационных потребностей аудитории и экспериментируя с решениями для их удовлетворения.

К примеру, вечерняя газета Швеции «Aftonbladet» совмещает на своем сайте бесплат-

ную и платную версии. Новости, мнения, обсуждения – это стандартный бесплатный пакет услуг, который соответствует философии издания: доступность новостей для каждого в любое время, на любом устройстве. Но есть платный сервис PLUS, на который подписаны порядка 230 000 человек [10].

Данный сервис предлагает более 500 статей в месяц, которые содержат максимально подробную информацию и факты от ведущих журналистов Швеции, их квалифицированный анализ и обзоры по различным тематикам; потребительские опросы и путеводители, которые дают возможность участвовать в тестах различных товаров и услуг, а также дают советы для путешествий по Швеции и по всему миру; скидки и предложения на спортивные и развлекательные мероприятия (до 50%) [7].

Неотъемлемая часть современной журналистики – распространение платформ и мультиплатформенных медиа: поисковых системах (или, как их принято называть, «агрегаторах») «Яндекс», «Рамблер», «Гугл» (Google) и других. Платформы аккумулируют новости и отбирают их по определенному алгоритму – по новизне, по уровню цитируемости, по количеству сообщений на данную тему и пр. Пользователь получает беглое представление о текущих событиях и выбирает источник, знакомясь с полным текстом выбранной новости.

Поскольку информационный поток в современном мире невероятно обширен, отслеживать интересные и важные новости в разных СМИ очень сложно. Для пользователей агрегаторы удобны тем, что можно быстро узнавать текущую информацию о событиях в стране и в мире. Порталы и сайты получают высокое число уникальных посетителей, которые переходят со страниц агрегаторов. Журналисты могут оперативно узнавать о происшествиях и пополнять новостные ленты собственных изданий.

Анализ отечественного рынка развлечений и СМИ

Понять трансформацию медиасистемы можно только в совокупности данных. Будучи неотъемлемой частью экономики СМИ – это набор показателей: количество рекламы, распределение аудитории, доля средств массовой информации в общем экономическом развитии и прочие. Связывая эти данные воедино, можно

увидеть изменения, которые произошли в медиаиндустрии.

Современное состояние индустрии развлечений и СМИ характеризуется объединением с отраслью высоких технологий и телекоммуникаций. Стираются границы между традиционными и новыми сегментами медиасистемы: печатными и цифровыми изданиями, видеоиграми и спортом, эфирным, кабельным и интернет-телевидением, социальными сетями и СМИ.

Российская индустрия развлечений и СМИ – это полезная база для анализа, в связи с проведением Чемпионата мира по футболу FIFA в 2018 году. В целом можно выделить и общемировые тенденции, присущие российскому рынку: продолжающаяся конвергенция, внедрение новых технологий, как и для создания контента, так и для анализа аудитории, ориентирование на конкретного пользователя.

Во многом, благодаря росту доступности интернета, а также прибыльной интернет-рекламы, российский рынок газет, следуя общемировой тенденции, демонстрирует падение на протяжении минимум последних 15 лет. Уменьшаются объемы рекламы и тиражей [4]. Отметим, что в современном мире только две страны демонстрируют рост рынка газет – Индия и Вьетнам. Это связано с историческими «привычками» населения.

Рынок телевизионной рекламы в России зависит от состояния экономики. Так, в 2015 году во время экономического спада расходы на телевизионную рекламу сократились на 14%. Однако за прошедшие несколько лет, данный сегмент смог восстановиться.

Согласно анализу «PricewaterhouseCoopers Россия» выручка от телевизионной рекламы на российском рынке развлечений и СМИ увеличилась на 11%. Россия является крупнейшим рынком телевизионной рекламы в Центральной и Восточной Европе. Помимо экономических показателей, на рынок также влияют изменения в законодательстве страны. К примеру, в 2014 году в России были внесены изменения в законодательство о СМИ, которые полностью запрещали рекламу на каналах абонентского телевидения. А в 2015 году были внесены поправки, согласно которым, платным каналам разрешается размещать рекламу, если доля предлагаемого ими контента составляет 75% [6]. Из-за неопределенности относительно вероятных

изменений в законодательстве о рекламе потенциальный рост телевизионной рекламы может замедлиться, а одной из тенденций в этом сегменте станет распространение рекламы на базе эфирного телевидения.

Проведение Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 смягчило российское законодательство в области рекламирования пивной продукции до окончания мероприятия. Решение по-зволило рекламировать пиво на ТВ при условии, если ролик демонстрируется в рамках спортивных трансляций [9].

Российский рынок интернет-рекламы (объем в 2017 году – 2,7 млрд долл.) является крупнейшим в Европе и самым быстрорастущим. Самым популярным и действенным видом рекламы считается контекстная реклама – тип интернет-рекламы, при котором рекламное объявление показывается в соответствии с содержанием и контекстом страницы. Затраты на контекстную рекламу в России в 2017 году составили 58% от общего объема рынка, по данным «PricewaterhouseCoopers Россия».

Самой популярной поисковой системой в России является «Яндекс». На долю ресурса приходится 89% пользователей. Сайт предлагает контекстную и баннерную рекламу. Контекстную рекламу можно увидеть и в результатах поиска «Яндекса» и на партнерских сайтах компании.

К развивающимся отраслям отечественного рынка развлечений в СМИ относятся видеоигры и киберспорт. В России рынок традиционных видеоигр тормозили санкции, пиратство и отсутствие разработчиков и игровых компаний. Однако стоит отметить, что аудиторий геймеров в России увеличивается и остается нишей для нового взаимодействия. Успешный пример – «Ростелеком» и Wargaming (разработчик популярной игры World of Tanks) предложили игрокам специальный тарифный план стабильного широкополосного и высокоскоростного доступа в интернет. Количество абонентов тарифа плана «Игровой» за полгода выросло на 22%.

Что касается киберспорта, то совокупная выручка в 2017 году в России составила 10 млн. долларов. Это связано с растущей популярностью киберспорта в России. В 2017 году в России впервые прошли национальные киберспортивные соревнования – кубок России по киберспорту, а также международный спортивный

турнир EPICENTER по Counter-Strike.

Заключение

Медиа-система меняется наравне с характером самой информации. Внимание аудитории все больше направлено на мультимедийные форматы, аудио, видео, игровой контент. Перспективы современной индустрии развлечений и СМИ всё больше связаны с появлением и внедрением в эту систему искусственного интеллекта.

Современные СМИ не могут существовать в отрыве от научно-технического и инновационного развития. В книге «Bold» футуролога и инженера Питера Диамандиса приводится модель «6D»: digitization (оцифровка), deception (обманчивость), disruption (подрыв), demonetization (демонетизация), dematerialization (дематериализация) и democratization (демократизация) [1]. Для современных СМИ важное значение имеют две «D»: дематериализация и демократизация. Дематериализация приводит к тому, что продукт или контент из физического состояния переходит в цифровой – становится интеллектуальным продуктом. Отдельные физические продукты исчезают, объединяясь в один продукт. Например, это произошло с фотоаппаратом, аудиоплеером, радио, видеокамерой, часами, картами и прочими техническими дефинициями, рабочие качества которых были объединены в рамках гаджета (будь то смартфон или планшет, вне зависимости от бренда производителя). Эти предметы в нашем мобильном телефоне, наряду с газетой, радио, телевидением и интернет-изданиями. Демократизация, в свою очередь, приводит к тому, что доступность и распространенность продуктов растет. Это относится и к информации. Все концептуальные изменения в ее характере так или иначе связаны либо с самим контентом, либо с его производством. Именно здесь, как и в сфере инноваций происходят самые значимые прорывы и изменения, влияющие на систему СМИ.

Литература

1. 6 стадий развития любой инновации - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/id/5a1d783bdcaf8e9047f0a32c/6-stadii-razvitiia-liuboi-innovacii-5a1fc7c8c8be316f565cbd4> (Дата обращения: 10.10.2018)

2. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*, NY, 1964. Reissued by Gingko Press, 2003, 464 p.

3. News organizations need to find new ways to provide value By MARIA JOSE LAVANDERA Updated March 15, 2017- [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://projects.nyujournalism.org/newsliteracy2017/topics/journalism-as-a-service/> (Дата обращения: 10.10.2018)

4. Всемирный обзор индустрии развлечений и СМИ: прогноз на 2018-2022 годы - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.pwc.ru/ru/publications/assets/pwc-media-outlook-2018-rus-web.pdf> (Дата обращения: 10.10.2018)

5. Журналистское образование в условиях конвергенции СМИ: монография/ Л.П. Шестеркина и др.; под ред. Л.П. Шестеркиной. – Челябинск: Издательство РЕКПОЛ, 2012. – 114 с.

6. Платное ТВ спасет реклама - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2015/01/27/6389321.shtml> (Дата обращения: 10.10.2018)

7. Сервис PLUS газеты Aftonbladet. - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://kampanjer.aftonbladet.se/plus-sajlsida/> (Дата обращения: 10.10.2018)

8. Универсальная журналистика: Учебник для вузов / Шестеркина Л.П. - М. : Аспект Пресс, 2016. - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785756708417.html> (Дата обращения: 10.10.2018)

9. Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О рекламе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2018) - [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/e4311f6720a4a4457f53bce4382af75b7858054e/ (Дата обращения: 10.10.2018)

10. Якупов С. Шведские медиа / Medium. - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://medium.com/@yakupov/шведские-медиа-c9a1c8b047ae> (Дата обращения: 10.10.2018)

Человеческий капитал нефтяных компаний

Пружинин А.Н.

Рассматриваются сложившиеся практики развития человеческого потенциала в крупных нефтяных компаниях Иркутской области. Анализируются особенности формирования и пути развития социального и человеческого капитала со трудников нефтяных компаний. В работе ставятся вопросы о социальной ответственности крупных компаний в развитии социального капитала своих сотрудников, влияющего как на индивидуальный уровень развития сотрудника, так и на региональное развитие в целом, повышение его качества и значимости на рынке. Предлагаются возможные стратегические варианты развития ресурсов и потенциала крупных нефтяных компаний региона.

Ключевые слова: трудовой ресурс, социальная ответственность, социальный капитал, человеческий потенциал, нефтяные компании

Pruzhinin A.N.

The human capital of oil companies

Considered the developed practices of human development in large oil companies of the Irkutsk region. The features of formation and ways of development of social and human capital of employees of oil companies are analyzed. The paper raises questions about the social responsibility of large companies in the development of the social capital of their employees, which affects both the individual level of development of the employee, and the regional development in general, and the increase in its quality and importance in the market. Possible strategic options for developing the resources and potential of the major oil companies in the region are proposed.

Keywords: labor resource, social responsibility, social capital, human potential, oil companies

Развитие человеческого капитала в постиндустриальную эпоху входит все больше в сторону интеллектуального роста и самораскрытия. Благодаря работам Д. Белла [2] и Э. Тоффлера [17] в научной теории и практике закрепились такие понятия как «социальный капитал», «человеческий потенциал», «социальная ответственность». Это легло в основу инновационной экономики, делающей ставку на интеллект, знания и инновации, а не на само производство и его материальную основу.

Немного позднее, концепция социального капитала Дж. Коулмана [9] раскрыла взаимосвязь человеческих ресурсов и человеческого капитала в организации. В рамках этой концепции, социальное доверие, возникающее в результате социального взаимодействия, через соблюдение норм и правил, обязательств и поступков, формирует социальное поле коммуникаций индивида или группы, которые служат ресурсом для его дальнейшего продвижения. Его идеи продолжил в своих работах Ф. Фукуяма [18], более полно и всесторонне раскрывая такое понятие как доверие, которое служит одновременно основой и условием социального стабильного развития.

Особая специфика развития социального капитала и человеческого потенциала формируется в рамках крупного бизнеса. С одной стороны, крупный бизнес формирует не только экономический потенциал региона своего присутствия, но и создает условия для воспроизводства инфраструктуры, тем самым давая возможности для роста человеческих ресурсов и социального капитала, как отдельных сотрудников компании, так и самой компании как бренда [6,7]. С другой стороны, траты на человеческий ресурс не всегда могут быть оправданы экономически, так как предполагают долгосрочные стратегии (десять, двадцать, пятьдесят, сто лет

развития), а данная стратегия может не всегда входить в ближайшие планы развития компании.

На сегодняшний день, образование, навыки, повышения квалификации являются основными инструментами измерения человеческого потенциала и социального потенциала компании. Более того, усиливается тенденция оценки не когнитивных, а социоэмоциональных форм оценки развития персонала (уровень эмоционального интеллекта) [1, с. 131] и уровень социальной эмпатии [10, 11].

Еще одним трендом современности является рассмотрение социального капитала и человеческих ресурсов крупных компаний в рамках развития их социальной ответственности, как перед сотрудниками, так и перед регионом, благодаря чему создаются условия для социального воспроизводства и повышения конкурентоспособности и привлекательности региона [3, 4, 12]. Противоречия и проблемы, возникающие в крупных компаниях, касающиеся инвестирования в свои человеческие ресурсы находят также отражение в работах разных авторов [5, 13, 14, 15, 16]. Одни объясняют данные явления как воздействие индивидуалистической или эгоистической управленческой логики, нацеленной на получение прибыли, а не на альтернативные социальные выгоды; другие типом развитости сознательности топ-менеджеров (высоко- и низко-развитый). Неоднозначность ситуации в российской действительности, позволила нам сформулировать цель собственного исследования – изучение условий, форм и механизмов развития социального капитала и человеческих ресурсов крупных нефтяных компаний Иркутской области.

Эмпирическую базу исследования, проведенного в 2017 году, составили задокументированные источники, находящиеся в открытом доступе (отчеты, пресс-релизы, брошюры, информация на официальных сайтах), всего было проанализировано 224 источника, к ним применялась процедура контент-анализа. А также проведено 24 экспертных интервью с ведущими специалистами и менеджерами высшего звена шести крупных нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих компаний, представленных в Иркутской области. Также к опросу привлекались представители профсоюза и правозащитных некоммерческих организаций, работающих

с отдельными людьми или группами людей по соблюдению их социальных прав и гарантий, социальным ресурсам и социальному капиталу во время и после завершения их работы на крупных нефтяных компаниях Иркутской области.

Логика нашего исследования строилась по принципу: 1) идентификации проблемы, 2) формирования решений по проблеме, 3) воплощение на практике решений по проблеме. Эта же логика легла в основу интерпретации полученных результатов, представленных в данной статье.

Основным проблемным полем развития социального капитала сотрудников нефтяных компаний является отсутствие понимания со стороны высшего руководства необходимости данного процесса, непонимания – зачем она нужна и как будет полезна в будущем.

«Руководство просто не задумывается о социальном капитале своих сотрудников, зачем он нужен и тем более – зачем его развивать. Как увеличить экономический капитал – этот вопрос им понятен и они всячески пытаются его решить» (Респондент 4).

«Собственно пониманием социального капитала служащих занимаются руководители среднего звена, начальники отдела кадров, регулирующие повышение квалификации, ротацию и прочие кадровые вопросы. Но это лишь часть социального капитала, часть развития человеческого потенциала сотрудников. Остальные сферы либо не входят в компетенции данных сотрудников, либо не находят понимания и поддержки у более высокого руководства...» (Респондент, 14).

Таким образом, понимание социального капитала компании в лице сотрудников и ресурсов человеческого капитала сотрудников нефтяных компаний лежит в формализованных документах (должностных инструкциях по каждой должности), но нет целенаправленной комплексной политики, направленной на развитие социального капитала сотрудников, закрепленной в специализированных документах.

«У нас в компании есть программа социальной ответственности, в которой имеются пункты по социальной защите сотрудников и благотворительной помощи отдельным организациям в регионе присутствия. Но если формальная защита сотрудников происходит относительно стабильно, то помощь и тем более регулярное

поддержание инфраструктуры в отдельном населенном пункте – не ведется. Эта помощь носит разовый характер и приурочена к праздникам, Новому году, Дню нефтяника и так далее» (Респондент, 9).

Из шести анализируемых нами крупных нефтяных компаний, только у двух были приняты программы социальной ответственности и находились в открытом доступе на сайтах компаний. Другие же имели только внутренние акты и распоряжения о единовременной помощи отдельной организации, которая трактовалась как благотворительная или меценатская деятельность и широко освещалась в СМИ и на сайте компании. Но данные мероприятия не могут быть восприняты как целенаправленная работа по формированию социального капитала компании в регионе.

Причинами пассивного развития социальных ресурсов и социального капитала сотрудников нефтяных компаний является ограниченность образования топ-менеджеров и нежелание вкладывать деньги в долгосрочные проекты.

«Они не знают, что такое социальный капитал человека, как его развивать и главное – зачем это самой компании. Их этому не учили» (Респондент, 17).

«Они применяют психологию временщиков: после меня – хоть потоп, поэтому развивать своих сотрудников, помогать им само развиваться – не в интересах нынешнего руководства, ведь результат этого роста персонала будет уже не при их правлении филиалом компании» (Респондент, 22).

Низкая восприимчивость к проблемам повышения социального капитала сотрудников вызвана сбоем в образовательных профилях руководства. Во многом это провоцирует оппозицию руководителей к членам профсоюза или руководителям среднего звена, указывающим их на необходимость и возможные механизмы решения возникающих проблем развития человеческого ресурса и социального капитала.

«Ну как решить эту проблему можно? Только заменой кадров. Или их качественному переобучению. Надо чтобы они стали мыслить иначе. Чтобы думали как улучшить не только свою зарплату и прибыль компании, а как сделать так, чтобы сотрудникам лучше жилось, как сде-

лать так, чтобы регион развивался...» (Респондент, 10).

«Надо ставить управленцев нового поколения, которые видят свою задачу в корпоративном управлении на благо развития территории. Чтобы они свою жизнь и судьбу связывали с компанией, а не воспринимали это место как промежуточный этап» (Респондент, 18).

«Помимо изменения получаемого образования топ-менеджерами, необходимо процедурную базу урегулировать, принять не формальные, а реальные, работающие, продуманные стратегии развития социальной ответственности, где социальному капиталу рядовых сотрудников отводится ключевая роль. Так как только в этом – залог успеха будущего. Несмотря на то, что нефтяной бизнес – это бизнес, работающий с ресурсами, не важно, добычей или переработкой. Но важно кто, как и зачем это делает. Человеческое лицо нефтяной компании определяет наше будущее» (Респондент, 2).

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет говорить о смещении акцентов в изучении социальной ответственности компаний. А также в анализе проблемных зон формирования социального капитала, развития человеческих ресурсов крупных нефтяных компаний Иркутской области.

Данные проблемы, прежде всего, строятся на психологии временщиков и общем уровне невежества топ-менеджеров, занимающихся управлением компанией в регионе. Также это подчеркивает контекстный феномен проблем социальной ответственности крупных компаний перед своими сотрудниками и регионом в целом. Для практиков данная работа будет интересна выявлением причин невосприимчивости крупного бизнеса к повышению социального капитала своих сотрудников и развития их человеческих ресурсов. А также может способствовать расширению образовательных программ для руководителей крупного бизнеса (от магистерских программ до курсов повышения квалификации), нацеленных на повышение их образования в сфере социальной ответственности.

Литература

1. Аникин В.А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. Т. 18. №4. С. 120-157.

2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с английского. Изд. 2-ое, испр. и доп. М.: Academia, 2004. 788 с
3. Борисова Ю.В., Попова М.В. Введение в маркетинг территории. Учебное пособие. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2017. 146 с.
4. Борисова Ю.В. Социально-ресурсное управление конкурентоспособностью территории (на материалах Иркутской области): монография. Иркутск, Изд-во ИГУ. 2018. 163 с.
5. Вилло С.В. Институционализированное невежество: невосприимчивость российской нефтяной компании к экологической безопасности // Экономическая социология. 2018. Т. 19. №1. С. 92-116.
6. Дружинин Г.В. Сравнительно-правовые аспекты концептуальных моделей коммерческих корпораций // Сибирский юридический вестник. 2018. № 2. С. 116-122.
7. Дружинин Г.В. Правовое регулирование деятельности корпораций как средство воздействия на процесс консолидации общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2018. С. 106-111.
8. Завьялов А.В. Воспроизводство коммуникации: от конструирования образов до их потребления // Проблемы социального воспроизводства современного российского общества: политические, экономические, культурные и демографические аспекты сборник научных трудов. Иркутск, 2014. С. 49-55.
9. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121-139.
10. Полюшкевич О.А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. №6. С. 3-18.
11. Полюшкевич О.А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. Серия: Философия. Культурология. 2017. Т.12. № 1. С. 67-75.
12. Попова М.В. Конструирование бренда территории: социологический анализ // Вестник ТОГУ. 2017. №4 (47). С. 335-344.
13. Попова М.В. Влияние крупных компаний на брендинг территории // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе Материалы VIII Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск, Изд-во ИГУ. 2016. С. 78-81.
14. Пружинин А.Н. Инструменты нефтяных компаний в развитии своего человеческого капитала // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность Материалы всероссийской конференции. Иркутск, Изд-во ИГУ. 2018. С. 433-436.
15. Пружинин А.Н. Ресурсы человеческого капитала крупных нефтяных компаний в социокультурном воспроизводстве Иркутской области // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, Изд-во ИГУ. 2017. С. 216-223.
16. Скуденков В.А. Изменение представлений об успехе и благосостоянии в сознании россиян (с 2014 по 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 118-122.
17. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. 261 с.
18. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.

Имидж России в современном китайском медиадискурсе и его языковая репрезентация (на основе заголовков «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» за 2000–2017 гг.)

Сунь Миньцин

Настоящая статья посвящена проблеме имиджа России в современном китайском медиадискурсе. Для проведения исследования мы выбрали наиболее влиятельные официальные ежедневные газеты «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао». В качестве текстов для анализа отобраны около четырёх тысяч новостных текстов из указанных двух газет за 2000–2017 гг. На основе этих текстов о России создан специальный корпус текстов. Основными методами проведения исследования являются количественный анализ, качественный анализ и дискурс-анализ. В данной статье рассматриваются тематики новостей, тональность сообщений и их статистические распределения за рассматриваемый период, в то время особое внимание обращается на особенности языковой репрезентации эмоций в новостных текстах. На основе анализа выявлен имидж России в современном китайском медиадискурсе.

Ключевые слова: Имидж России, заголовок, китайские СМИ, дискурс-анализ, количественный анализ, Жэньминь жибао, Гуанмин жибао

Sun Mingqing

The image of Russia in the modern Chinese media discourse and its linguistic representation (based on the news headlines People's Daily and Guangming Daily for the study).

This paper discusses the image of Russia in modern Chinese media discourse. We selected two influential official newspapers People's Daily and Guangming Daily for the study. The headlines of the two newspapers from 2000 to 2017 containing Russian or Russian news discourse were selected as the analysis corpus. A corpus was established based on these Russian-related articles. The main research method are quantitative analysis, qualitative analysis and discourse analysis. In this paper, theme of news, reporting preference and the quantitative analysis within this period are analyzed. At the same time, the ways of emotional expressions in news reports are emphatically discussed, thus revealing the Russian image in modern Chinese media discourse

Keywords: Image of Russia, news headlines, Chinese media, discourse analysis, quantitative analysis, People's Daily, Guangming Daily

Настоящее исследование выполнено при поддержке Китайского Стипендиального Совета, в рамках проекта социально-гуманитарных наук Китая (№16СYY065) и проекта социально-гуманитарных наук провинции Хэйлунцзяна (№HNDJ0Y201603)

Имидж государства—мягкая сила государства¹. Положительный имидж государством за рубежом обеспечивает международную репутацию, таким образом, создаёт благоприятные условия для развития самой страны и дипломатических отношений. Ещё в 50-х годах XX века один из основоположников имиджологии К. Боулдинг опубликовал статью «National Images and International Systems» [1], это одна из самых ранних работ, которые обсуждают о ролях имиджа в международных отношениях. А затем тема формирования имиджа (образа) государства (страны) вызывает большой интерес у учёных как в областях политологии и журналистики, так и медиалингвистики. Например, В.М. Шепель (2002), Э.А. Галумов (2003), Т.П. Лебедева, Т.А. Михайлко (2011), К.И. Телегина (2014), Н.А. Самойлов (2014), Т. Г. Попова, Р. И. Зарипов (2017), М.Е. Панина (2017).

Китай и Россия, как самые большие соседи, высоко ценят имидж самого государства в соседней стране, который формируется в результате не только объективной ситуации двух стран, но и их субъективной ориентации. В процессе формирования имиджа государства СМИ играют важную роль, тем более главные ведущие официальные СМИ, с одной стороны передают голос правительства, с другой стороны в значительной степени влияют на общественное мнение. С начала нынешнего века, особенно после взаимного проведения национального годов и ряда тематических годов государственного значения между Россией и Китаем, образ России в Китае освещён в ряде монографий. Их авторы, например, А.В. Лукин (2007), С.Л. Тихвинский

(2008), Ю.М. Галенович (2010), Ли Суй-ань(2012), Л.Н. Смирнова (2014).

И в то время об образе России в Китайском СМИ привлекает внимание многих исследователей. Количество публикаций увеличилось. Образ России в Китайском СМИ освещён в ряде статей. Например, А.Ю. Ветлугина(2016) в своей диссертации изучила особенности формирования имиджа России в интернет-СМИ Китая (новостные комиксы) на материалах «China Daily» с 2010 по 2015 гг., М.В. Горбачёв(2015) проанализировал политический имидж России в Китае в контексте реализации совместных региональных проектов на материалах общенациональной китайской газеты «Жэньминь жибао» в 2014–2015 гг., Н.В. Тен(2012, 2014) в своей диссертации кандидата рассмотрел образ России в современной Китае (1991-2010), и в статье рассмотрел образ России на страницах газеты «Жэньминь жибао» в 1991–2012 гг., И.В. Ставров(2017) изучал образ России на страницах газеты «Хэйлунцзян жибао» за декабрь 2016 г., О.И. Калинин(2015, 2016) обсудил политический имидж России в СМИ КНР на основе анализа тональности текста в связи с событиями на Украине. А.В. Кислов(2016) проанализировал образ России начала второго десятилетия XXI века. Н.И. Шишкина(2016) обсудила проблему о России в заголовках китайских СМИ на материалах текстов китайских СМИ и интернет-ресурсов в 2015 году.

Ещё важный аналитический двуязычный доклад «Образ России в китайских СМИ (2014-2016)» был подготовлен и опубликован Российско-китайским Комитетом дружбы, мира и развития. В данном докладе всесторонне и глубоко рассмотрен образ России в китайских СМИ в период 2014-2016 г.г. на основе анализа типичных новостных сообщений[5].

Кроме вышеуказанной литературы, в Китае были проведены исследования, посвященные изучению образа России в китайском СМИ. Например, Кэ Хуйсинь, Чжэн Чуньли и У Янь(2007) в совместной статье «Образ России в китайских средствах массовой информации: на материалах Чжунго цинняньбао» представляют результаты сравнительного анализа публикаций в данной газете в 2005 году и во время проведения «Года России в Китае» в 2006 году. А Чжуан Янь(2016) выбрал «Жэньминь жибао» как источник материалов изучения, проанализировал

образ России в данной газете за 2010-2015 гг..

Надо отметить, что эти работы исследователей полезны для нашего дальнейшего изучения. Хотя большинство учёных считают, что, в общем имидж России в Китае является позитивным в настоящее время, но они сделали свои конкретные выводы об имидже(образе) России в СМИ Китая на основе разных материалах за разные периоды.

Как Э. Галумов отметил, что имидж государства—это национальная ценность международного значения, существует в определённом пространстве и времени[3, с. 45]. В отличии от многих из вышеупомянутых исследователей, в качестве материала для нашего исследования, мы одновременно выбрали две наиболее влиятельные официальные ежедневные газеты «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао», и ограничились временем с 2000 по 2017 гг. Используя функцию поиска базы данных Китайской национальной инфраструктуры знаний (CNKI)², мы отобрали новостные тексты, включающих в заголовки слово «[НВЮЛН]» или «[Н]» (Россия или российский) из вышеуказанных двух газет. Таким образом получено 3862 новостного текста. В целях осуществления быстрого поиска и статистического анализа, в нашем корпусе была проведена разметка каждого заголовка новостных текстов по двум параметрам(один параметр—упомянутые страны в заголовках, а другой—топик новостей). На основе заголовков данных текстов о России создан специальный корпус.

С точки зрения метода изучения, мы заметили, что кроме некоторых исследователей, как О.И. Калинин, И.В. Ставров, Чжуан Янь, Кэ Хуйсинь, Чжэн Чуньли и У Янь, большинство исследователей использовали метод качественного анализа, уделяя большее внимание рассмотрению отдельным типичным сообщениям. Мы считаем, что лучше сочетать качественный анализ с количественным анализом, для того, чтобы глубже, подробнее и конкретнее узнать об имидже России в СМИ Китая, нагляднее узнать тенденцию его формирования, и всесторонне выявить особенности имиджа России как на синхронном уровне, так и на диахронном уровне.

В связи с этим, в данной статье мы пытаемся использовать метод количественного анализа в сочетании с методом качественного анализа типичных новостных сообщений. Мы считаем, что статистические данные позволяют выя-

Рис. 1

Таблица 1

Распределение по годам новостных текстов трёх групп с упоминаниями о России в «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» за 2000-2017 гг.

Годы	Число заголовков новостных текстов			Всего
	Обо внутренней ситуации в России	Об отношениях Китая с Россией	Об отношениях России с другими странами	
2017	25	88	30	143
2016	42	82	70	194
2015	51	112	56	219
2014	63	98	78	239
2013	69	71	86	226
2012	60	100	54	214
2011	70	61	81	212
2010	72	86	81	239
2009	53	66	112	231
2008	72	81	126	279
2007	83	192	144	419
2006	88	143	133	364
2005	50	80	56	186
2004	40	36	30	106
2003	75	52	66	193
2002	53	68	66	187
2001	30	19	55	104
2000	42	30	35	107
Всего	1038	1465	1359	3862
%	27%	38%	35%	100%

вить количественные характеристики упоминаний о России, топики новостей, тональность сообщений и их регулярность в газетах, выявить некоторые особенности, которые трудно заметить только с помощью метода качественного анализа. В данной статье мы использовали программу Excel для фильтрации и сортировки данных, и программу Python для извлечения высокочастотных (ключевых) слов в корпусе. Кроме того, мы ещё использовали метод дискурсивного анализа. Метод дискурсивного анализа, основанный на концепции дискурса, и позволяющий проследить взаимосвязь между языковой и экстралингвистической стороной текста. [4, с.40] Используя метод дискурсивно-

го анализа можно выявить особенности формирования имиджа России в современном китайском медиадискурсе и проанализировать влияющие на них факторы.

Наш предмет исследования—это заголовки новостных текстов, а не все тексты. Как В.В. Богуславская отметила, что«заголовок отражает не только основное содержание текста, но и прагматическое отношение автора к этому содержанию. Прагматическая цель автора(или коммуникативная целеустановка)—это желание добиться результата в виде деятельности(заставить что-то совершить), или разделить эмоции, или заставить мыслить в русле идей автора, то есть желание активно воздействовать

Рис. 2 Общая тенденция новостных текстов трёх групп с упоминаниями о России в «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» за 2000-2017гг.

посредством заголовка на читателя. Побуждение может быть рассчитано как на собственно поведенческую реакцию (ответное действие), так и на опосредованную поведенческую реакцию – изменение социальных, общественно-политических установок.» [2, с. 40]

Наша цель исследования – всесторонне показать данные сообщений упоминания России в «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао», и более объективно рассмотреть имидж России в китайском медиадискурсе сквозь призму языка.

1. Общие характеристики распределения новостных текстов упоминания России в газетах «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» за 2000–2017 гг

Как представлен имидж России в газетах «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао»? Мы считаем, что для ответа на этот вопрос, нужно сначала ответить на следующие три вопроса: Как сообщается ситуация отношений между Китаем и Россией в двух газетах? Какой внутренней ситуации в России две газеты уделяют наибольшее внимание? Какие отношения России с другими странами две газеты демонстрируют?

В связи с этим, по упомянутым странам в заголовках новостей мы разделили новостные

тексты на три группы: 1) об отношениях Китая с Россией (в заголовках включено название двух стран «Россия» и «Китай»); 2) о внутренней ситуации в России (в заголовках включено только одно название страны «Россия»); 3) об отношениях России с другими странами (в заголовках включены и названия других стран, кроме «Россия»). Имидж России формируется в китайском СМИ именно в этих трёх новостных текстах. Их связь можно показать в следующей схеме:

По статистике, мы получили 3862 заголовков новостных текстов упоминания Россия. Конкретные данные показаны в табл. 1, а тенденция показана в рис. 1.

Из табл. 1 и рис. 2 видно, что в «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» новости об отношениях Китая с Россией больше новостей об отношениях России с другими странами (1465 единиц, составляет 38%), а новости о внутренней ситуации в России меньше всего (1038 единиц, составляет 27%). Число новостей является важным фактором формирования имиджа России, поэтому можно сказать, формирование имиджа России в Китайских СМИ больше зависит от новостей об отношениях Китая с Россией.

Из рис. 1 видно и то, что в 2006 г. и в 2007 г. наблюдается резкий скачок частотности публикаций. Надо сказать, это тесно связано с тем, что в это время Китай и Россия взаимно прове-

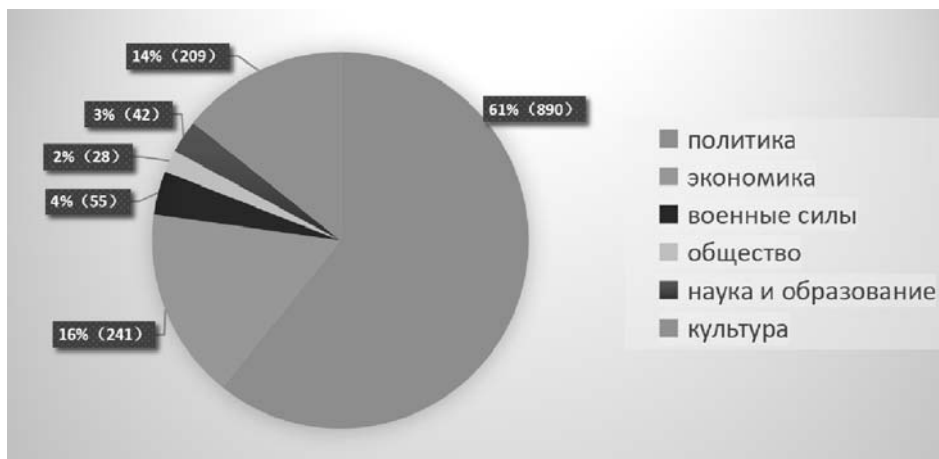

Рис.3 Распределение по топикам новостных текстов об отношениях Китая с Россией

ли национальные годы. Проведение национальных годов показало, что китайско-российские отношения находились на наилучшей стадии с нового века. СМИ уделяли больше внимания этим мероприятиям в рамках национальных годов. Дружественные отношения между Россией и Китаем сильно повлияли на количество сообщений.

Учитывая различие между тремя группами новостных текстов, для первых двух групп мы разделили их на шесть подгрупп по топикам, как «политика», «экономика», «общество», «военные силы», «культура», «наука и образование», потом подобрали высокочастотные (ключевые) слова в заголовках данного топика с помощью программы Python. От сложности дипломатических отношений России с другими странами, в данной статье мы не будем проводить анализ.

2. Имидж России и его языковая репрезентация на основе заголовков новостных текстов об отношениях Китая с Россией

Как мы указали, что СМИ Китая уделяют существенно большее внимание двусторонним отношениям между Китаем и Россией, поэтому мы сначала будем анализировать заголовки данной группы. У нас получено графически распределение по топикам новостных текстов об отношениях Китая с Россией. Изображено на рис. 3.

Рис.3 показал совсем не уравнильное распределение. На графике рис.2 видно, что существенно большее внимание китайские СМИ уде-

ляют двусторонним политическим отношениям между Китаем и Россией (890 единиц, составляет 61%), а потом экономическим (241 единица, составляет 16%). В данной статье рассмотрены заголовки о политике и экономике.

Чтобы более точно показать значение слова и его функцию в заголовках, мы тоже вели статистику частотности слов, различая части речи китайских слов в конкретном заголовке по критериям определения частей речей китайского языка. В этих заголовках имена существительные обозначают в основном субъект и объект действия, глаголы—действие или состояние, а прилагательные или наречие, как атрибут, выражают характеристику действия или оценку действия. Мы отобрали первые двадцать высокочастотных китайских слов в заголовках новостей. Нужно отметить, что в переводе на русский язык с китайского языка, может быть, возникает переход одной части речи в другую.

В заголовках о китайско-российских политических отношениях многие слова характеризуются заметной повторяемостью. Конкретно как показано в табл.2.

Нам видимо, что в заголовках новостных текстов о китайско-российских политических отношениях относятся к высокочастотным существительным именам прежде всего названия двух стран, как Россия, Китай, китайско-российский, потом названия высшей государственной должности или орган государственной власти, как премьер-министр, председатель, президент, Дума, ещё и имена руководителей государств,

Таблица 2

Высокочастотные(ключевые) слова в заголовках новостных текстов о китайско-российских политических отношениях

	существительные	число	глаголы	число	прилагательные/ наречие	число
1	俄罗斯(俄)(Россия, российский)	634	会见(встретиться)	334	友好 (дружественный, дружба)	43
2	中俄 (Китай и Россия, китайско- российский)	246	举行(провести)	78	新(новый)	38
3	总理(премьер-министр)	147	合作(сотрудничество)	65	定期(регулярный)	41
4	主席(председатель)	122	会晤(провести встречу)	57	全面(всеобъемлющий)	18
5	总统(президент)	111	发展(развивать)	45	高度 (высоко, пристальный)	17
6	普京(Путин)	109	会谈(провести переговоры)	42	安全(безопасный)	15
7	关系(отношение)	100	访问(совершить визит)	39	正式(официально)	14
8	习近平(Си Цзиньпин)	93	出席(присутствовать)	38	好(хороший)	11
9	胡锦涛(Ху Цзиньтао)	82	联合(совместный)	38	重大(главный)	9
10	俄中 (Россия и Китай, российско- китайский)	74	合作(взаимодействие)	28	重要(важный)	9
11	中国(中华人民共和国) (Китай, КНР)	60	是(являться)	27	积极(активный, активно)	6
12	国家(государство)	57	声明(заявление)	20	最好(наилучший)	6
13	会议(собрание)	49	深入(углубить)	17	高(высокий)	6
14	战略(стратегический)	46	传递(вести)	16	成功(успешный)	6
15	社(Дума)	45	开始(начать)	15	广阔(широкий)	5
16	客人(гость)	44	接受(принять)	14	稳定(стабильный)	5
17	梅葆华(Медведев)	44	评价(оценить)	13	最高(высочайший)	5
18	温家宝(Вэнь Цзябао)	40	签署(подписать)	13	美好(хороший)	4
19	李克强(Ли Кэцян)	38	抵达(прибыть)	12	务实(прагматичский)	4
20	吴邦国(У Банго)	35	推动(способствовать)	11	不断(постоянно)	4

как Путин, Си Цзиньпин, Ху Цзиньтао, Медведев, Вэнь Цзябао, Ли Кэцян, У Банго. Из этих существительных видимо, что субъекты действия в политической области в основном высшее руководство государства. Например: Си Цзиньпин прибыл в Москву с официальным визитом, начав государственный визит в Российскую Федерацию (Жэньминь жибао 04-07-2017); Ли Кэцян и Д. Медведев совместно председательствовали на 21-й регулярной встрече глав правительств Китая и России (Жэньминь жибао 08-11-2016).

Кроме того, что слово отношение чаще всего упомянуто, его частота достигла 100. Из данного слова с другими словами образуются такие словосочетания, как китайско-российские отношения, отношения нового типа между великими державами, отношения всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнёрства. Эти словосочетания сами по себе, как устойчивые выражения, даже термины, имеют высокочастотность. Это показывает, что проблема о отношениях между двумя странами находится в фокусе внимания СМИ.

Такие заголовки, например: Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнёрства (Жэньминь жибао 05-07-2017); Отношения России и Китая – образец отношений нового типа между великими державами (Жэньминь жибао 10-06-2016); Путин: российско-китайские отношения находятся на подъёме и переживают лучший период за свою многовековую историю (Гуанмин жибао 23-03-2013).

В заголовках новостных текстов о китайско-российских политических отношениях относятся к высокочастотным глаголам такие слова, как встретиться, провести встречу, провести переговоры, вести визит, которые выражают частый контакт между руководителями на высшей уровне. Ещё существуют такие высокочастотные слова, как развивать, совместные, сотрудничество, взаимодействие, означающие активное взаимодействие.

Такие заголовки, например: 19-й съезд КПК указал направление для углубления российско-китай-

ских отношений (Гуанмин жибао 2017-10-29); Российско-китайское сотрудничество является активным и продуктивным (Жэньминь жибао 06-07-2017); Взаимное проведение «Национального года» способствует дружбе и сотрудничеству между Россией и Китаем (Жэньминь жибао 19-02-2007).

Ещё существуют такие слова, как оценить и заявление, хотя они сами собой не имеют эмоциональную оценку, но с ними сочетаются слова со стилистической окраской. Среди 13 словосочетаний со словом оценить, 10 словосочетаний высоко оценить, 3 словосочетания дать положительную оценку. Например: Председатель Совета Федерации РФ С. Миронов высоко оценил российско-китайские отношения (Жэньминь жибао 26-09-2007); Данные опроса показывают, что россияне позитивно оценивают перспективы китайско-российских отношений (Жэньминь жибао 17-04-2007).

Среди 20 словосочетаний со словом заявление, 19 словосочетаний совместное заявление. И субъекты совместного заявления—это Китай и Россия. Из этого можно видеть, что во многих областях, как Китай и Россия имеют одинаковую позицию. Например: Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о текущей ситуации в мире и важных международных проблемах. (Жэньминь жибао 05-07-2017)

В заголовках новостных текстов о китайско-российских политических отношениях относятся к высокочастотным прилагательным такие слова, как дружественный, новый, регулярный, хороший, главный, важный, активный, успешный, широкий, стабильный и пр. Это типичные эмоционально-оценочные слова с положительной характеристикой. А слов с отрицательной (негативной) характеристикой в заголовках новостных текстов о китайско-российских политических отношениях почти нет.

Слово дружественный (дружба), как самое высокочастотное слово, выражает черты отношений между Россией и Китаем. Например: Дружественные отношения между Россией и Китаем вступают в новую эпоху (Гуанмин жибао 22-11-2017); Исследование Фонда «Общественное мнение» показало, что россияне считают Китай «самым дружественным» России государством (Гуанмин жибао 29-07-2017); Дружба между Россией и Китаем—общие желания народов двух стран (Жэньминь жибао 19-10-2005).

Слово новый тоже типичное высокочастотное слово, из которого образуются словосочетания новая эра, новый этап, новая высота, новый мост, новый тип, новые страницы, новая энергия, новая ступень, новая сфера, новые достижения, новое развитие. Употребление этих слов выражают то, что отношения между Россией и Китаем постоянно идут вперёд и достигают нового уровня. Например: Китайско-российские отношения вышли на новый этап (Жэньминь жибао 01-11-2017); «Год России в Китае»—новая страница в российско-китайском сотрудничестве (Гуанмин жибао 11-11-2006).

Слово регулярный часто сочетается со словом встреча. В заголовках о политических отношениях между Россией и Китаем, словосочетание регулярная встреча всего 41. «Механизм регулярных встреч глав правительств России и Китая создан в 1996 году по взаимной договорённости руководителей двух стран с целью координации сотрудничества двух государств в торговой, экономической, военной, научно-технической, энергетической, транспортной, в сфере ядерной энергетики и других областях, в том числе по крупным проектам и долгосрочным программам сотрудничества, имеющим стратегическое значение.» [7] До 2018 г. прошла 22-я регулярная встреча глав правительств России и КНР. Надо сказать, что регулярная встреча придаёт дружественные отношения между Россией и Китаем стабильность и долговременность.

По тональности заголовков новостных текстов о политических отношениях между Китаем и Россией за 2000-2017 гг., можно сказать, сообщения почти являются позитивными и нейтральными. Среди них, сообщения с нейтральной тональностью, скорее всего, очень короткая информация, их жанр журналистики—это заметка. Но по их содержанию—это встреча глав государства или глав регионов. А то, что обе страны поддерживают тесные контакты на высоком уровне, это именно проявление дружественных отношений между ними.

Говоря обобщенно, что имидж России в заголовках новостных текстов о китайско-российских политических отношениях в «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» является позитивным. В эти сообщения, Китай и Россия высоко оценивают друг друга, очень ценят двусторонние отношения. Такие отношения именно «отношений всеобъемлющего стратегического вза-

Таблица 3

Высокочастотные(ключевые) слова в заголовках новостных текстов о китайско-российских экономических отношениях

	существительные	число	глаголы	прилагательные/наречие	число
1	中俄 (Китай и Россия, китайско-российский)	141	合作(сотрудничество)	新(новый)	11
2	俄罗斯(Россия)	54	举办(провести)	广阔(широкий)	6
3	中国(Китай)	52	贸易(торговать)	大(большой)	4
4	经济(экономика)	23	投资(инвестировать)	友好(дружественный, дружба)	4
5	能源(энергия)	21	发展(развивать)	巨大(огромный)	2
6	会议(собрание)	19	出席(присутствовать)	努力(старательно)	2
7	张高丽(Чжан Гаоли)	16	推动(способствовать)		
8	天然气(газ)	12	签署(подписать)		
9	俄中 (Россия и Китай, российско-китайский)	11	旅游(туризм)		
10	委员会(комитет)	11	会见(встретиться)		
11	会见(встреча)	10	增长(увеличить)		
12	远东(Дальний восток)	10	加速(ускорить)		
13	高峰论坛(саммит)	17	打造(создать)		
14	总理(премьер-министр)	9	开工(начать)		
15	工商界(торгово-промышленные круги)	9	拓展(расширить)		
16	市场(рынок)	8	促进(способствовать)		
17	公司总裁(Президент компании)	7	建设(построить)		
18	前景(перспектива)	7	前进(идти вперед)		
19	经济(торгово-экономический)	6	活跃(деятельность)		
20	石油(нефть)	6	有望(надежда)		

имодействия и партнёрства». Россия и Китай – надёжные партнёры. Частые визиты глав государства и частые освещения в СМИ, а так же высокая оценка дружественных отношений, создают положительный имидж России.

Политические отношения между Китаем и Россией влияют на экономические отношения между двумя странами. В «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» уделяется внимание о китайско-российских экономических отношениях. Но судя по количеству заголовкам, сообщения о китайско-российских экономических отношениях гораздо меньше сообщений о политических отношениях между двумя странами.

Мы тоже сделали статистику по части речи и заметили, что сфера сотрудничества между Россией и Китаем проявляется в таких областях, как энергетическая область, электронно-торговая область. На фоне хорошей политической атмосферы две страны добились больших успехов в экономическом сотрудничестве. В СМИ много сообщаются об этих достижениях сотрудничества в разных областях между двумя странами.

Такие заголовки, например: Сотрудничество России и Китая в энергетической сфере уже вышло на «скоростную магистраль» (Жэньминь жибао 04-08-2017); Китайско-российское финансовое сотрудничество вышло на новый уровень (Жэньминь жибао 30-03-2017); Китай является крупнейшим стран-поставщиков туристов в Россию (Жэньминь жибао 13-11-2015); Президент

России Владимир Путин высоко оценил саммит «АТР» и китайско-российские отношения (Жэньминь жибао 19-05-2014).

Надо сказать, что в отличии от новостных текстов о политике, новостные тексты об экономике можно разделить на две части, одна из них выражает достижений в сотрудничестве, а другая из них упоминает проблемы, существовавшие в сотрудничестве. Но надо сказать, сообщения о достижений заметно больше сообщений о проблемах. И в то время, к решению этих проблем Китай выразил активное отношение и принял ряд мер для способствования развитию сотрудничества в экономической области между двумя странами.

Такие заголовки, например: Посол Китая в России призвал китайских предпринимателей сотрудничать с российскими органами в целях исправлении ситуации на рынке (Жэньминь жибао 19-05-2014); Содействие стандартизации китайско-российской народной торговли (Жэньминь жибао 19-05-2014); Китайская и российская таможи совместными силами борются с «серой растаможкой» (Гуанмин жибао 15-10-2009).

В общем, тональность сообщения об экономическом сотрудничестве двух стран является положительной. «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао», как ведущие китайские СМИ создают хорошую атмосферу экономического сотрудничества. С одной стороны, эти сообщения демонстрируют достижения и широкие перспек-

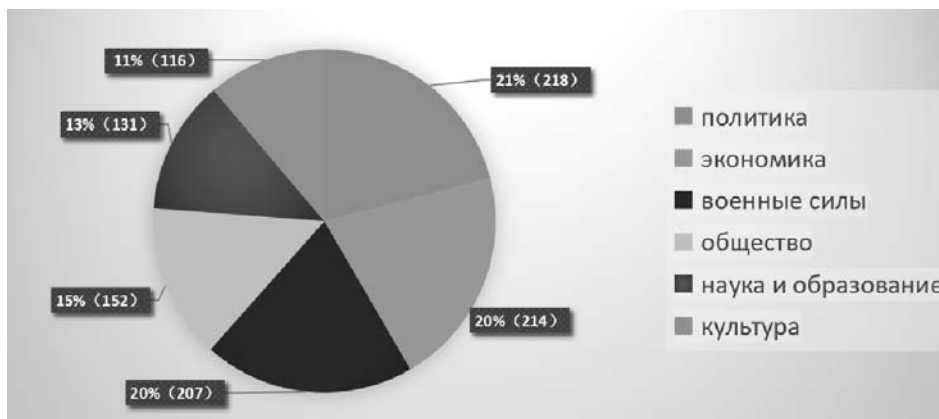

Рис.3 Распределение по топикам новостных текстов о внутренней ситуации в России

Таблица 4

Высокочастотные(ключевые) слова в заголовках новостных текстов о политике России

	существительные	число	глаголы	число	прилагательные/наречие	число
1	俄罗斯(Россия, российский)	221	入世(вступить во ВТО)	15	新(новый)	22
2	普京(Путин)	24	选举(выбрать)	12	正式(официально)	3
3	总统(президент)	34	批准(утвердить)	8	平静(спокойно)	2
4	政府(правительство)	15	加入(присоединить)	6	轻松(легко)	2
5	外交(дипломатия)	15	给予(провести)	6		
6	国家杜马(Государственная Дума)	10	谈判(вести переговоры)	6		
7	总理(премьер-министр)	7	胜利(победить)	5		
8	战略(стратегия)	7	庆祝(праздновать)	5		
9	大国(дежурная страна)	5	改革(провести реформу)	4		
10	候选人(кандидат)	4	聘任(вступить в должность)	4		
11	政治(политика)	4	角逐(участвовать в выборах)	3		
12	卫国战争(Великая отечественная война)	4	决定(решить)	3		
13	大选(президентские выборы)	6	组织(организовать)	3		
14	集会(сборка)	4	展示(показать)	3		
15	国情咨文(послание президента)	3	加强(усилить)	3		
16	结果(результат)	3	希望(надеяться)	3		
17	影响(влияние)	3	宣布(объявить)	3		
18	非政府组织(неправительственная организация)	3	期待(ожидать)	3		
19	执政党(партия «Единая Россия»)	2	连任(вновь избрать)	2		
20	宪章(устав)	2	扩大(расширить)	2		

тивы сотрудничества, с другой стороны, показывают активное и дружественное отношение двух сторон, поощряя китайских предпринимателей к сотрудничеству с Россией. И для возникающих проблем в сотрудничестве СМИ также поддерживают объективное, спокойное и оптимистичное отношение к освещению этих событий. С диахронной точки зрения, в начале нового века было больше проблем, а позже было таких проблем всё меньше и меньше. Как в заголовках новостных текстов о политических отношениях, в заголовках новостных текстов о

экономических отношениях глаголы и прилагательные, в основном, относятся к оценочной лексике положительной направленности.

3. Имидж России и его языковая репрезентация на основе заголовков новостных текстов о внутренней ситуации в России

СМИ Китая уделяют внимание внутренней ситуации в России. Их графически распределение по топикам новостных текстов можно изображено на рис. 3. Если говорим, что рис.2 пока-

Таблица 5
Высокочастотные(ключевые) слова в заголовках новостных текстов об экономике России

	существительные	число	глаголы	число	прилагательные/наречие	число
1	俄(Россия, российский)	214	发展(развить)	12	新(новый)	19
2	经济(экономика)	68	增长(вырасти)	14	好(хороший)	7
3	石油(нефть)	31	出口(экспортировать)	8	高(высокий)	5
4	天然气(газ)	12	应对(противостоять)	7	大(большой)	3
5	管道(трубопровод)	12	开发(освоить)	6	困难(трудный)	2
6	危机(кризис)	12	开始(начать)	5	努力(старательно)	2
7	远东(Дальний Восток)	11	走出(выйти)	5	严寒(мороз)	2
8	普京(Путин)	9	加快(ускорить)	4	积极(активно)	2
9	能源(энергия)	8	推进(способствовать)	4	乏力(бессильный)	2
10	国家(государство)	7	增加(увеличить)	4	耀眼(блестящий)	2
11	企业(предприятие)	7	预测(предполагать)	3		
12	金融(финансы)	7	推出(выдвинуть)	3		
13	市场(рынок)	6	投资(инвестировать)	3		
14	卢布(рубль)	6	确定(определить)	3		
15	粮食(продовольствие)	6	提供(предоставить)	3		
16	俄罗斯政府(правительство России)	5	呼吁(призвать)	3		
17	公司(компания)	4	加大(укрепить)	3		
18	私有化(приватизация)	4	回升(вновь подняться)	3		
19	现代化(модернизация)	4	打造(создать)	3		
20	措施(меры)	3	提高(позннить)	2		

зал совсем не уравнильное распределение по топикам, то рис.3 показал относительно уравнильное распределение.

Статистические данные показали, что в общем «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» уделяют почти одинаковую долю внимания разным топикам, просто чуть больше внимания политике, экономике и военных силах.

Как показано на табл. 2. Мы отобрали первые двадцать высокочастотных китайских слов в заголовках новостей и частотность больше 1, как показано на табл. 2.

Из табл. 4 видно, что в заголовках о политике, такие существительные слова, как Россия, Путин, новое правительство, дипломатия, Дума, премьер-министр, держава, президентские выборы, Великая Отечественная война, сборка, Партия «Единая Россия» часто упоминаются. А глаголы вступить во Всемирную торговую организацию, выбрать, утвердить, присоединить, провести, вести переговоры, победить, праздновать, провести реформу, вступать в должность, решить и др., имеет нейтральную окраску. А прилагательных в таких заголовках очень мало, в то время почти без заметной эмоциональной оценки. Можно сказать, языковые средства выражения в заголовках в основном имеют нейтральную окраску.

А по анализу содержания заголовков, можно узнать, что это новости о больших изменениях в системе органов государственной власти и управления России, о задаче нового правительства и президента, о харизме президента Путина, о присоединении России к ВТО, о внешней поли-

тике России, о восстановлении своего статуса великой державы России и т.д. Среди них, такие заголовки, как Россия демонстрирует великие стратегические устремления(Жэньминь жибао 26-05-2014); Парад Победы на Красной площади демонстрирует усиление военной мощи России(Жэньминь жибао 10-05-2012); Россия старается восстановить свой статус великой державы(-Жэньминь жибао 24-12-2001). Если мы проведем диахронный анализ заголовки, можно заметить динамические изменения какого-либо события. Например, о внешней политике России такие заголовки, как Россия: и на Восток, и на Запад(Жэньминь жибао 06-09-2002); Россия: на Восток или на Запад(Жэньминь жибао 22-12-2004); Россия ожидает поворот на восток(Гуанмин жибао 11-12-2016). Ещё типичный пример— это ряд заголовки о присоединении России к ВТО. «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао», как две самые влиятельные газеты в Китае, дали постоянную слежку за процессом события. А такие заголовки выражают харизм Путина, как Путин и Россия: «Сначала попытайся, кто такой Путин, потом поймешь, кто такая Россия»(Гуанмин жибао 20-10-2015); Путин заявил, что запугать, сдерживать и изолировать Россию никогда ни у кого не получалось и не получится(Гуанмин жибао 22-12-2014); Русским нужен Путин(Гуанмин жибао 08-10-2011). Кроме того, существуют сообщения, которые могут по содержанию вызвать негативные ассоциации, например, Бывший премьер-министр России экс-премьер подает в суд(Жэньминь жибао 14-07-2005). Но таких сооб-

щений очень мало, и в то время сообщается объективно и нейтрально.

Короче говоря, политический имидж России, который формируется в заголовках о России «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао», таковой: Россия политически в целом стабильна, Россия активно участвует в своих внутривнутриполитических и дипломатических делах, стремится восстановить статус большой страны, Путин обладает абсолютным влиянием и лидерством.

По сравнению с языковыми средствами выражения в заголовках о политике России, языковые средства выражения в заголовках об экономике России проявляют более заметную регулярность.

По статистике частотности слова, существительные имена, экономика, нефть, газ, трубопровод, кризис, Дальний Восток, энергия, финансы, рынок, рубль, продовольствие и др. относятся к самым высокочастотным словам. Среди них, кроме кризис, почти все другие слова являются нейтральные слова. Эти слова с одной стороны выражает объективную ситуацию экономики России, с другой стороны отражают фокус внимания Китайских СМИ. А высокочастотные глаголы выражают динамичность развития экономики. Например: развить, вырасти, экспортировать, противостоять, освоить, начать, выйти, ускорить, способствовать, увеличить, выдвинуть, укрепить, вновь подняться.

Прилагательные в заголовках новостных текстов об экономике России можно разделить на два типа: слова с позитивным значением и с негативным значением. А интересно, что в таких заголовках нельзя определять тональность сообщения только по значению этих слов.

Для первого типа, это слова с позитивным значением, например новый, хороший, высокий, большой, старательно, активно, блестящий. Такие заголовки отражают достижения в экономике, например: Экспорт угля из России достиг рекордного уровня(Жэньминь жибао 21-09-2017); Рынок электронных книг в России устойчиво растет(Гуанмин жибао 13-08-2017); Россия приняла новые меры для развития экономики(Жэньминь жибао 04-03-2016); Россия укрепляет российский оборонно-промышленный комплекс(Жэньминь жибао 27-01-2015); Рынок трансграничной электронной коммерции в России становится все более оживлённой(Гуанмин жибао 14-01-2015); Россия вложила значитель-

ные средства в реализацию Программы развития Дальнего Востока(Жэньминь жибао 04-04-2013); Объём урожая зерна в текущем году в России значительно увеличился (Жэньминь жибао 14-12-2011).

Для второго типа, это слова с негативным значением, например, трудный, мороз, бессильный. Но здесь прилагательные с негативным значением не означают негативную тональность сообщения, а наоборот, отражают активную ситуацию в российской экономике.

Такие заголовки о экономическом кризисом, например, Россия активно реагирует на финансовый кризис(Жэньминь жибао 22-10-2008); Россия выписала «новые рецепты» от кризиса(-Жэньминь жибао 22-03-2009); Россия уже преодолела самую тяжелую стадию кризиса(Гуанмин жибао 04-12-2009); Российская экономика показывает положительные тенденции развития (Жэньминь жибао 31-07-2015); Стабилизация и рост: российская экономика простилась с морозом(Гуанмин жибао 01-10-2016).

Из вышеуказанных примеров можно узнать, что экономический имидж России в «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» заключается в том, что, Россия достиг достижения в некоторых областях, хотя она сталкивается со многими проблемами и трудности в развитии экономики. Россия активно реагирует на эти проблемы и постепенно выходит из затруднительного положения. Китайские СМИ дают объективную и позитивную оценку.

4. Заключение

В данной статье мы проанализировали имидж России в «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» за 2000-2017 гг. на основе заголовков новостных текстов о внутренней ситуации в России и новостных текстов об отношениях Китая с Россией.

На основе статистического анализа мы заметили, что две газеты уделяют больше внимания двусторонним отношениям между Китаем и Россией, по сравнению с внутренней ситуацией России. В СМИ Китая положительный имидж России формируется преимущественно через новостные сообщения о дружественных взаимоотношениях между Китаем и Россией. Это не только зависит от большого количества сообщения, но и от массового употребления оценочной лексики положительной направленности.

Политический имидж России в китайском медиадискурсе: Россия, как влиятельная мировая держава, политически в целом стабильна, активно участвует в своих внутривнутриполитических и дипломатических делах, стремится восстановить статус большой страны и играть большую роль на мировой арене. Президент Путин обладает абсолютным влиянием и лидерством. В современном китайском медиадискурсе Россия и Китай—надёжные партнёры. У России и Китая позиции по многим международным проблемам совпадают. СМИ высоко ценят всеобъемлющее партнёрство, стратегическое взаимодействие и полученные результаты сотрудничества двух стран.

Экономический имидж России заключается в том, что, Россия имеет большой потенциал для развития экономики. На проблемы и трудности в экономическом развитии Россия активно реагирует, принимает ряд мер и постепенно выходит из затруднительного положения. Китай и Россия добились больших успехов в двустороннем сотрудничестве, и имеют широкое пространство для дальнейшего сотрудничества. Китайские СМИ дают объективную и позитивную оценку.

Наши результаты исследования показали, что имидж России в целом в современных ведущих китайских СМИ в 2000-2017 гг. является положительным. Для этого вывода мы можем предоставить языковые данные как аргументы с помощью метода статистическому анализу. Надо сказать, этот вывод соответствует точке зрения большинства исследователей, которые выбрали разные публикации в разные периоды. В связи с этим, на точку зрения Н.И. Шишкиной, которая в статье «Россия в заголовках китайских СМИ» отметила, что «в целом, если судить по заголовкам, китайцы видят Россию как страну слабую, зависимую от Китая и не способную без него выйти из кризиса, что делает российско-китайское сотрудничество выгодным Китаю» [6] мы не совсем согласны. Из заголовков сообщений упоминания России в «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» можно узнать, что как о внутренней ситуации России, так и об отношениях России с Китаем китайские ведущие СМИ дали нейтральную и позитивную оценку, чтобы формировать положительный имидж России в Китае. Это тесно связано с действительностью. Китай и Россия хорошо знают, что свой хороший имидж в соседней

стране и дружественные двусторонние отношения очень важны для развития двух стран. Российско-китайское сотрудничество выгодно не только для Китая, но и для России, поэтому правительство Китая старается создать положительный имидж России в современном китайском медиадискурсе.

Литература

1. Boulding K.E. National images and international systems. *Journal of Conflict Resolution*, 1959, 3(2):— С. 120-131
2. Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М., Издательство ЛКИ.2008, — 175 с.
3. Галумов Э.А. Международный имидж России: стратегия формирования. М., Известия, 2003, — 450 с.
4. Добросклонская Т.Г. Язык средств массовой информации. М., КДУ, 2015, — 116 с.
5. Образ России в китайских СМИ (2014-2016). *Россия Сегодня*, —98 с.
6. Шишкина Н.И. Россия в заголовках китайских СМИ. 13.01.2016. <http://rusrand.ru/analytics/rossija-v-zagolovkah-kitajskih-smi>
7. <http://russian.china.org.cn/russian/85692.htm>

Ссылки:

1 Понятия «имидж государства», «имидж страны», «образ государства», «образ страны», одни исследователи в своей работе не различают, а другие исследователи (например, Э.А. Галумов, О.А. Семченко, Т.Э. Гринберг, А.А. Козлова, И.В. Сидорская) подробно различают их и дали определения. Мы согласны с И.В. Сидорской, склонны различать понятия «образ» и «имидж» прежде всего по такому критерию, как «стихийность/сознательность формирования» (И.В. Сидорская 2015). А «государство» и «страны» используются как синонимы в нашей статье.

2 CNKI является наиболее полной базой данных знаний в Китае, объединяет 90% китайских информационных ресурсов знаний. В базе данных CNKI имеются журналы, диссертации, газеты, труды, ежегодники, справочники, энциклопедии, патенты, стандарты научно-технических достижений.

Зарубежный опыт социальной политики в области долголетия населения

Тихонова Т.Е.

Рассмотрен опыт осуществления социальной политики в зарубежных странах в области долголетия населения. Политику повышения долголетия рассматривают в развитых странах мира как необходимость реагирования на факторы демографического старения, нехватку числа трудовых ресурсов, нарастающий кризис национальных пенсионных систем. Взаимосвязь социальной политики в отношении категорий населения старших возрастов и экономических возможностей государства при ее осуществлении прослеживается во многих странах мира. В экономически развитых странах мира социальная политика по отношению к пожилым людям проводится на основе принятой концепции успешного (или активного) старения. В частности, фокус многих социологических исследований, а также внимание правительств Франции, Англии и ряда других стран, сосредоточены на положении пожилых людей на рынке труда, дискриминациями их по возрасту, повышении привлекательности работников пожилого возраста, адаптации пенсионных систем и т.п. Особое внимание уделяется переподготовке и повышению квалификации, так как рынок труда претерпел серьезные изменения, произошедшие в последние десятилетия. Предложена модель концепции активного долголетия, выдвинута и доказана гипотеза о наличии связи между уровнем жизни и средней продолжительности жизни населения страны. Проведенный анализ показал, что социальная политика разных стран в области долголетия населения, несмотря на различия, имеет ряд общих положений.

Ключевые слова: социальная политика, долголетие населения, уровень жизни, государственная поддержка, показатели.

Thonova T.E.

Foreign experience of social policy in the field of longevity of the population. The experience of implementation of social policy in foreign countries in the field of population longevity is considered. The policy of increasing longevity is considered in the developed countries of the world as the need to respond to the factors of demographic aging, the lack of labor resources, the growing crisis of national pension systems. The interrelation of social policy concerning categories of the population of the senior age and economic opportunities of the state at its implementation is traced in many countries of the world. In the economically developed countries of the world, social policy towards older persons is based on the accepted concept of successful (or active) ageing. In particular, the focus of many sociological studies, as well as the attention of the governments of France, England and other countries, are focused on the situation of older people in the labor market, their age discrimination, increasing the attractiveness of older workers, the adaptation of pension systems, etc. Particular attention is paid to retraining and advanced training, as the labor market has undergone major changes in recent decades. The model of the concept of active longevity is offered, the hypothesis of existence of connection between a standard of living and average life expectancy of the population of the country is put forward and proved. The analysis showed that the social policy of different countries in the field of population longevity, despite the differences, has a number of common provisions.

Keywords: social policy, longevity of the population, standard of living, state support, indicators.

Взаимосвязь социальной политики в отношении категорий населения старших возрастов и экономических возможностей государства при ее осуществлении прослеживается во многих странах мира [1].

Постарение рабочей силы вызывает озабоченность национальных правительств по поводу увеличения расходов на пенсию и на здравоохранения, что приводит к поиску ими путей продления соответственно трудовой жизни и стимулированию физической активности и, следовательно, обеспечению качества здоровья людей более старших возрастов, что отмечено многими исследователями [2].

В экономически развитых странах мира социальная политика по отношению к пожилым людям проводится на основе принятой концепции успешного (или активного) старения. В частности, фокус многих социологических исследований, а также внимание правительств Франции, Англии и ряда других стран, сосредоточены на положении пожилых людей на рынке труда, дискриминациями их по возрасту, повышении привлекательности работников пожилого возраста, адаптации пенсионных систем и т.п. [3] Особое внимание уделяется переподготовке и повышению квалификации, так как рынок труда претерпел серьезные изменения, произошедшие в последние десятилетия.

В целом политику повышения долголетия рассматривают в развитых странах мира как необходимость реагирования на факторы демографического старения, нехватку числа трудовых ресурсов, нарастающий кризис национальных пенсионных систем. Предполагается, что к 2050 г. почти 27% населения Европы будет приходиться на людей в возрасте старше 65 лет (рост в 2 раза).

Разные страны используют свои системы социальной помощи и поддержки «слабым» категориям населения, включая пожилых людей и пенсионеров. В США, Англии, Японии они осу-

ществляются, в основном, частным сектором, большим числом благотворительных и общественных организаций. В Германии, Дании и большинстве других стран Европы главная функция в решении таких проблем выполняется государственными структурами [4]. Считается, что отдаление государства от процессов регулирования национального богатства стало причиной снижения денежных доходов у значительной части населения и их существенной концентрации у богатых слоев общества. При этом большинство стран Евросоюза поддерживали стабильность роста уровня жизни всех своих граждан.

Во многих странах (Австрия, Германия, Франция, страны Бенилюкса и др.) используется схема трех направлений социального страхования своих граждан: страхование по старости и инвалидности (для людей старших возрастов), по болезни (в случае серьезных заболеваний) и при несчастных случаях на производстве. Подобная схема означает наличие социального государства, функции которого направлены на поддержку каждого гражданина, вне зависимости от причины возникновения его бедственного положения.

Социальная политика в северных странах Европы (Дания, Швеция и Финляндия) направлена на соблюдение гражданских прав, фиксирующих в законах, что все граждане должны иметь равное социальное обеспечение, финансируемое за счет отчислений от налогов. Подобная социальная политика означает, что социальная защита населения является обязанностью государства и законным правом гражданина и, как правило, не обусловлена занятостью и уплатами страховых взносов. В социальной политике учитываются различные риски, а также жизненные обстоятельства, требующие поддержки общества и государства. Подобная социальная политика основана на высокой распределительной роли государства, способствующей выравниванию доходов разных слоев населения.

Уровень социального обеспечения пожилых людей в ряде стран Европы (Испания, Греция, Португалия, Болгария и др.) относительно низкий, а государственная помощь весьма ограничена. Поэтому социальная защита пожилой части населения в этих странах относится в большей степени к области заботы семьи и институтом гражданского общества.

Социальная политика в США проявляется в форме социального обеспечения, которая осуществляется государством и частными компаниями. Государство поддерживает нуждающихся граждан, определяя и предоставляя минимальные размеры социальной помощи. Бизнес поддерживает своих работников, предоставляя им пособия, доплаты, пенсии более высокого уровня. В Америке государственное социальное обеспечение состоит из двух сфер – социального страхования и социального вспомоществования. Статьи социального страхования включают выплату пенсий по старости, затраты на медицинскую помощь престарелым, выплату пособий по безработице и т.д. На социальное страхование приходится основная доля всех социальных расходов со стороны государства, и они охватывают большую часть населения.

Социальное вспомоществование связано с материальной помощью тем слоям населения, которые в связи с бедностью освобождены от налогов, а также предусматривают медицинскую помощь, предоставление продовольственных талонов, бесплатное питание школьникам и т.п.

Меры государственной поддержки пожилой части населения в области активного долголетия многих зарубежных стран направлены на поддержание их физической, трудовой и социальной активности (рисунок 1).

Физическая активность людей пожилого возраста является основой их участия в жизни, готовности к действиям, способствует сохранению здоровья, снижает вероятность заболеваний, обеспечивает возможность проявления других видов активности: трудовой и социальной.

Трудовая активность позволяет поддерживать профессиональный уровень, определенную финансовую независимость и возможность осуществлять необходимые затраты, связанные с жизнедеятельностью (приобретение питания и лекарств, оплата услуг ЖКХ и т.п.).

Социальная активность позволяет сохранить социальные межличностные отношения и связи пожилых людей, обмен информацией, содействует их социальной интеграции в общество, способствует вовлечению в общественную деятельность, поддерживает ощущение востребованности со стороны других людей.

Каждое рассмотренное направление государственной поддержки пожилых людей важно

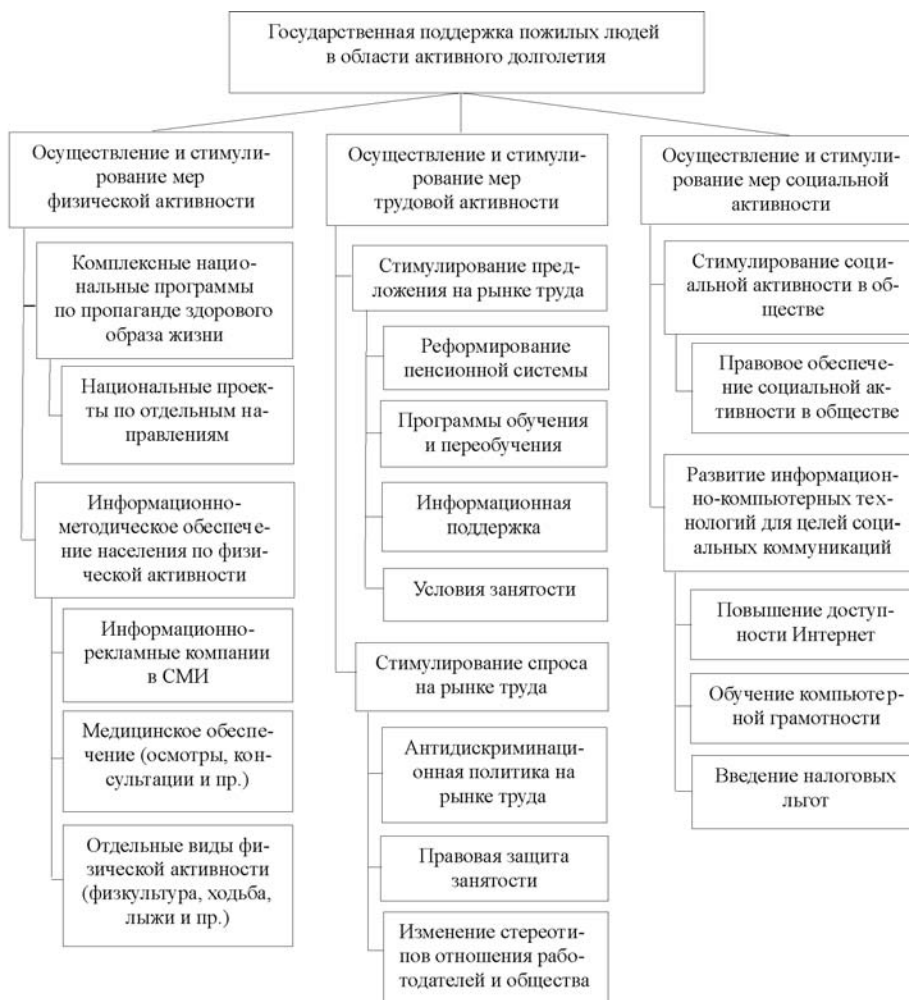

Рисунок 1 - Основные направления государственной поддержки пожилых людей в зарубежных странах в области активного долголетия

само по себе и вносит соответствующий вклад в развитие активного долголетия [5]. Однако, лишь сочетание все трех направлений в рамках единого государственного регулирования и мотивации самих людей создает синергический эффект успешности реализации концепции активного долголетия. Подобную реализуемую модель концепции активного долголетия можно условно представить, как:

$$CP=f(Фa, Ta, Ca, Уж, Gr, Уоб, M, BO),$$

где P – результат реализации концепции активного долголетия; f-функция; Фа - физическая активность; Та - трудовая активность; Са - социальная активность; Уж – уровень жизни в

стране, Gr – государственное регулирование; Уоб - участие общества и бизнеса, M – мотивация (потребности, интересы) пожилых людей; BO – восприимчивость концепции активного долголетия со стороны общества.

За последние годы в зарубежных странах социальная политика в отношении пожилых людей все в большей мере увязывается с политикой успешного старения, внесения изменений в ее правовое обеспечение, пенсионными реформами, регулированием занятости, осуществлением программ профессионального обучения и переобучения, созданием условий для трудовой деятельности и отдыха пожилых людей [6].

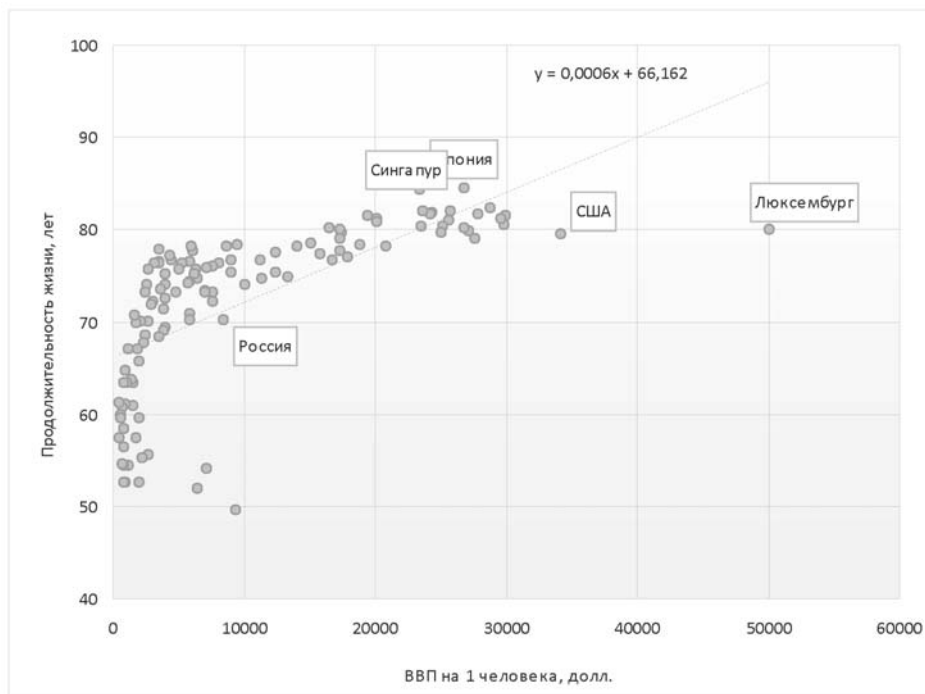

Рисунок 2 - Связь между ВВП на 1 человека и средней продолжительностью жизни населения 122 стран мира

Необходимо отметить, что для категорий старших возрастов населения изменения в пенсионных системах и особенностях социальной поддержки тесно обусловлены, а общий мировой мейнстрим их трансформации в разных странах, базируется на повышении пенсионного возраста, причинами которого являются:

- общая тенденция роста средней продолжительности жизни населения;
- старение населения в большинстве стран мира;
- финансовые проблемы с пенсионным обеспечением граждан;
- наличие особенностей (положительных и негативных) в каждой стране для поддержания социальных условий жизни пожилых людей.

Уровень жизни (уровень благосостояния) является важным показателем, характеризующим экономические и социальные условия жизни населения, влияя, в том числе, на социальную активность и продолжительность жизни пожилых категорий населения. Результаты исследования стран мира по уровню жизни отражаются в соответствующем рейтинге [7].

В 2017-2018 гг. ведущие места в рейтинге заняли Норвегия, Швейцария и Канада. Россия расположилась на 61 месте из 142.

Уровень жизни населения определяется соответствующими 12 индикаторами, отражающими состояние рождаемости, смертности и продолжительности жизни; санитарно-гигиенической обстановки; потребляемого продовольствия; жилищных условий; образования и культуры; занятости и условий труда; баланс доходов и расходов; потребительских цен; транспортная инфраструктура; рекреационной системы; социальное обеспечение; прав и свободы людей.

В ходе авторского исследования была выдвинута гипотеза о наличии связи между уровнем жизни и средней продолжительности жизни населения страны. Для подтверждения или опровержения гипотезы был проведен расчет коэффициента корреляции между величиной валового внутреннего продукта (ВВП), приходящегося на 1 человека и показателем средней продолжительности жизни населения наиболее крупных 122 стран мира.

Величина коэффициента корреляции (0,67) подтверждает наличие весьма заметной (согласно шкале Чеддока [8]) силы связи между ВВП на 1 человека и средней продолжительностью жизни населения, доказывая, тем самым, количественно выдвинутую гипотезу. Графически данная зависимость отражена на рисунке 2.

Как видно, показатели, характеризующие страны по ВВП и средней продолжительности жизни, существенно различаются. При этом страны, обладающие наибольшей величиной ВВП на 1-го человека (Люксембург и США) не доминируют в области продолжительности жизни, где наибольшие значения имеют Япония -84,5 лет и Сингапур – 84,4 года. Россия занимает среднюю позицию среди исследуемых стран. При этом, в группе стран, имеющих близкие величины ВВП на душу населения (8-10 тыс. долл.), Россия имеет весьма низкий показатель средней продолжительности жизни – 70,2 года.

Корреляционная зависимость между ВВП на 1 человека и средней продолжительностью жизни населения 122 стран мира имеет вид:

$$y = 0,0006x + 66,162.$$

Восходящий характер тренда свидетельствует о том, что большее значение ВВП на душу населения обеспечивает большее значение средней продолжительности жизни населения.

Анализ показывает, что социальная политика разных стран в области долголетия населения, несмотря на различия, имеет общие черты, заключающиеся в следующих элементах:

- социальная политика осуществляется на основе законодательства и нормативно-правовых актов;

- в социальной политике в отношении пожилых людей используются соответствующие критерии (например, нуждаемость, уровень бедности и др.) для целей предоставления социальной помощи и оказания поддержки;

- в большинстве стран социальная политика в отношении пожилых людей осуществляется с использованием бюджета государства и средств частного бизнеса.

- для социального обеспечения и поддержки пожилых людей широко используются специальные программы;

- взаимодействие с общественными объединениями (организациями) в сфере социальной защиты.

- социальные фонды формируются за счет целевых взносов как работодателей, так и работников.

Представляет также интерес опыт других стран в проведении социальной политики в отношении пенсионных изменений и форм социальной поддержки, увязывающих между собой возраст, пол, размер пенсий и другие аспекты, что весьма актуально для России.

Литература

1. Айзинова И.М. Социальная политика стран Евросоюза: идеальные устремления и реальные вызовы // Проблемы прогнозирования, 2013. №6. С.49-66.

2. Boudiny K. «Active ageing»: from empty rhetoric to effective policy tool. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/ageing-and-society/article/active-ageing-from-empty-rhetoric-to-effective-policy-tool/AE973B91D5F93069AA650C31D215614F/core-reader>.

3. Guillemard A.-M. and Argoud D. France: a country with a deep early exit culture. In Maltby, T., de Vroom, B., Mirabile, M. L. and verbye, E. (eds), *Ageing and the Transition to Retirement: A Comparative Analysis of European Welfare States*. Ashgate, Aldershot, UK. 2004. P.165–85. Google Scholar.

4. Сизова И.Л. Современная политика и практика поддержки занятости пожилых (опыт Германии и возможности его применения в России) // Власть, 2015. №9. С.162-166.

5. Холостова Е.И., Мкртумова И.В., Кононова Л.И. и др. Коллективная монография: Пожилые в современном мире: институты и дискурсы. М., Изд-во ИПК, 2015. 272 с.

6. Мкртумова И.В. Режимы социального благосостояния регионов в контексте социальной защиты // Социальная работа в XXI веке: образ будущего. Коллективная монография. - М., ИДПО – 2018, стр. 130-162, ISBN 978-5-4213-0117-2

7. Лоренц О. Институциональный кризис политики занятости в Германии // Проблемы теории и практики управления, 2016. №10. С.18-22.

8. Уровень жизни в России и странах мира в 2017-2018 году. URL: <http://finansiko.ru>.

9. Шкала Чеддока. URL: <http://math.semestr.ru/corel/cheddok.php>.

Управленческие технологии формирования доверия населения к органам исполнительной власти: социологический анализ

Ширяева В.А.

В статье обосновываются возможности применения органами исполнительной власти управленческих технологий формирования доверия населения. Рассматриваются основные требования к применению управленческих технологий и условия их эффективности, а также выделяются виды управленческих технологий формирования доверия по критерию сферы реализации: информационные, организационные и правовые. На основе проведенного социологического исследования представлены выводы о возможностях повышения эффективности их применения.

Ключевые слова: технологический подход, управленческие технологии органов власти, доверие населения органам власти, процесс формирования доверия, информационные, организационные и правовые технологии формирования доверия населения.

Shiryayeva V.A.

Management technologies of trust creation to the executive power: sociological analysis

The article substantiates the possibility of executive bodies to use management technologies of public trust creation. The author analyzes main stages of management technologies, the conditions of their effectiveness, and the types of management technologies for trust building by the criteria of the implementation sphere are highlighted: information, organization and legal technologies of public trust creation. Based on the sociological research, conclusions are presented on the possibilities of increasing the effectiveness of their use.

Keywords: technological approach, management technologies of the authorities, public trust to the authorities, the process of trust building, information, organization and legal technologies of public trust creation.

В рамках социологического дискурса современная социальная реальность может рассматриваться как общественная система нового порядка, представляющая собой не только структуру и отношения, но и конструкты функционального значения, определяющие основы взаимодействия и воспроизводства этой системы. Такой подход обуславливает необходимость изучения основ действия системы, а не ее статичного состояния, с целью определения тенденций и закономерностей развития, повышения эффективности и результативности управленческих воздействий.

Одной из ключевых категорий данного порядка выступает категория доверия, содержание которой предполагает интеграцию социальных связей, регуляцию общественных отношений за счет «возникающего у членов общества ожидания того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [8]. В связи с этим необходимость формирования доверия населения выступает ключевым направлением работы органов власти с целью обеспечения дополнительного нематериального ресурса управления, способного обеспечить, с одной стороны, её легитимность, а с другой, снизить неопределенность и риски среды. Доверие к органам исполнительной власти является одним из ключевых показателей ее эффективности, означающим, что управленческие решения согласованы с широкой общественностью, находят поддержку среди населения, соответствуют его запросам. Именно поэтому процесс формирования доверия населения к органам исполнительной власти содержательно должен определяться не только использованием методик формирования общественного мнения и имиджа власти, но и применением широкого спектра управленческих технологий, имеющих иную логику, алгоритм действий.

Определение содержания управленческих технологий власти по формированию доверия населения необходимо начать с рассмотрения сущности понятий «технология» и «технология управления». В своем общем смысле технология представляет собой «совокупность знаний о способах и средствах проведения производственных процессов, а также сами процессы, при которых происходит качественное изменение обрабатываемого объекта» [7, с. 16]. «Технологии воплощают в себе социальную форму практики, способы регулирования, контроля и управления взаимодействием между предметом труда и орудием труда, его технологическим содержанием» [Там же. С. 16]. Однако, стоит отметить, что объектом технологизации могут выступать не только объекты материального производства, но и сам индивид, осуществляющий деятельность, общественные процессы и явления. Разработка и применение технологий в различных сферах социальной жизни является показателем культуры, уровня развития социума. Тенденция возникновения различного вида технологий как способа регулирования различных отношений между людьми в любых сферах их деятельности приобретает характер глобальной тенденции технологизации, аналогичной механизации, электрификации и информатизации [3].

Управленческие технологии выступают способом упорядочивания управленческих процессов с целью достижения поставленных целей. Их суть состоит в «системном соединении научного знания, управленческих потребностей и интересов общества, целей и функций государственного управления, возможностей и элементов управленческой деятельности» [2, с. 19]. Содержательно они представляют собой последовательность взаимосвязанных действий и требований, реализуемых посредством использования специальных инструментов, средств технологического воздействия. Каждое действие, требование является логической частью процесса управления, влияющим на достижение поставленной цели в наиболее успешном, эффективном варианте.

Объективное усложнение общественных процессов вызывает необходимость трансформации системы государственного управления, повышения значения и расширения практики использования технологического подхода, вы-

ступающего своего рода способом упорядочивания управленческой деятельности по всем направлениям организации и функционирования государственного аппарата. Суть технологизации управления состоит не в придании новых форм устоявшимся бюрократическим операциям и процедурам за счет применения, например, автоматизированной системы документооборота, применения электронных средств коммуникации и т.д., а качественной перестройки управленческой системы, трансформации процесса государственного управления, формирования иного понимания его осуществления.

Технологический подход является альтернативой применения административного подхода, не учитывающего сложность управляемого объекта, многовариантность развития, а также способность объекта управления к участию в процессе совместной деятельности. Эффективность государственного управления достигается за счет перехода от жесткого, директивного воздействия к более мягкому - мотивационному, основанному на взаимодействии и диалоге. Так, применение управленческих технологий органами исполнительной власти в вопросе формирования доверия населения является оправданным, поскольку, с одной стороны, это эффективный способ достижения цели на основе использования научных подходов к данному процессу, а с другой, это очень действенный подход, наиболее точно соответствующий специфике доверия как социального феномена.

Анализу использования управленческих технологий формирования доверия в сфере государственного управления посвящено не так много научных работ в связи с отсутствием широкой практики применения технологического подхода в процессе управления. Например, Смирнова М.А. рассматривает этапы социально-управленческой технологии формирования доверия населения государственным учреждениям здравоохранения, обосновывая необходимость реализации следующей последовательности действий: формулировка цели; определение системы критериев качества предоставления услуги; оценка потребителями качества услуги; определение приоритетных направлений совершенствования качества предоставления услуг; реализация корректирующих мероприятий [6].

Данная технология формирования доверия основана на понимании необходимости учета

мнения населения (потребителей) с целью повышения качества предоставления государственных услуг и, как следствия, уровня доверия, коррелирующего со степенью удовлетворенности. Таким образом, исследователем обосновывается главный фактор, позволяющий достичь эффективности управления, - это взаимодействие субъекта и объекта. В данной модели оно носит условный характер в форме «оценок» в силу специфики осуществляемой деятельности. В сфере деятельности органов исполнительной власти складываются иные условия, при которых решение по вопросам управления может вырабатываться на основе совместной с гражданами системы его разработки, принятия и реализации.

Необходимость создания механизмов взаимодействия как основы применения управленческих технологий формирования доверия населения к органам государственной власти отмечает Радченко Д.Б., акцентируя на следующих условиях организации управленческого процесса:

1. установление, поддержание и расширение контактов с гражданами и организациями;
2. информирование общественности о принимаемых решениях;
3. изучение общественного мнения;
4. анализ общественной реакции на действия должностных лиц и органа власти в целом [4].

Стоит отметить, что расширение социальных связей, контактов в результате осуществления совместной деятельности с целью достижения результатов, служит основанием социального партнерства власти и общества [5], являющегося той самой качественной трансформацией отношений субъекта и объекта в результате применения управленческих технологий. Успех в данном направлении может быть достигнут посредством реализации двух основных этапов реализации этих технологий: согласование решения и получение обратной связи от населения. Именно они расширяют понимание деятельностного аспекта управленческих технологий, имеющего в основании не только субъектно-объектные отношения, но и диалоговые. Таким образом, власть способна проявить свое коммуникативное основание, а технологичная модель формирования доверия в своем общем представлении предполагает реализацию ряда

требований: наличие системы двустороннего информирования, согласования целей, создание механизмов взаимодействия, совместной разработки и реализации управленческих решений, соблюдение которых позволяет сформировать определенное восприятие гражданами деятельности органов исполнительной власти, соответствующего следующим характеристикам: 1. Органы власти воспринимаются населением как «надежные» за счет реализации этапов согласования позиций и организации обратной связи как способа внешнего контроля; 2. За счет исчерпывающего информирования на «входе» и «выходе» реализации технологии население осознает значимость функций властных структур; 3. На основе согласования позиций формируется общность целей, ценностей и взаимных, сопоставимых интересов власти и населения; 4. В результате системного информирования действия и решения органов власти воспринимаются как открытые и прозрачные. В совокупности, отмеченные характеристики образуют конструктивные ожидания населения в отношении будущих намерений власти, а также положительный опыт взаимодействия в прошлом, выступающих необходимыми условиями формирования доверия населения к органам управления.

Понимание сущности реализации управленческих технологий формирования доверия, позволяет конкретизировать области их применения, рассматривая специфику их реализации в информационной среде (пространство коммуникации), организационном поле (организация совместных действий, принятие решений), правовой области (самостоятельная инициатива и совместное нормотворчество в различных сферах), образуя единство трех основных видов управленческих технологий: информационных, организационных и правовых.

С целью выявления уровня доверия населения органам исполнительной власти, а также оценки эффективности применения управленческих технологий его формирования в ноябре 2018 года в Волгоградской области было проведено авторское социологическое исследование методом анкетирования (n=800, выборка репрезентативная, многоступенчатая, с квотированием по полу и возрасту на последнем этапе), а также экспертный опрос (n=50). Распределение респондентов по полу и возрасту в рам-

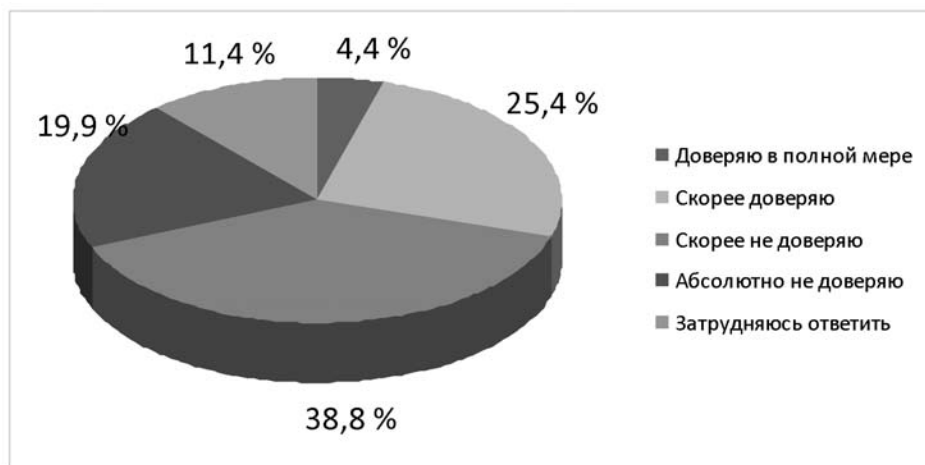

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы можете оценить свой уровень доверия региональным органам исполнительной власти?», %

как анкетного опроса выглядит следующим образом: 45,6% мужчин и 54,4% женщин; 12,5% опрошенных находятся в возрасте от 18 до 24 лет, 20,1% – в возрасте от 25 до 34 лет, 16,4% респондентов относятся к возрастной группе от 35 до 44 лет, 15,9% населения в возрасте от 45 до 54 лет, 16,4% участвовавших в анкетировании от 55 до 64 лет и 18,7% старше 65 лет. В качестве независимых экспертов выступили теоретики – представители научного сообщества, область исследования которых касается вопросов организации государственного управления, практики – государственные гражданские служащие органов исполнительной власти региона, а также представители общественных организаций и средств массовой информации, позволяющие дать разностороннюю оценку эффективности использования управленческих технологий формирования доверия с позиции как субъекта, осуществляющего управленческую деятельность, так и участников взаимодействия со стороны населения.

Так, согласно оценкам населения лишь 29,8% из них доверяю региональным органам исполнительной власти в той или иной мере (рисунок 1). При этом только 12,4% респондентов осознают возможность влиять на решения и действия властей. Сложившееся представление, низкий уровень доверия к региональной власти в совокупности создают у населения общее мнение о том, что власти мало заботятся

о простых гражданах. Так считает порядка двух третей респондентов.

Экспертами и населением в равной мере отмечается необходимость активизации работы органов власти по формированию доверия населения. Абсолютное большинство экспертов считает, что такая необходимость существует в определенной мере. При этом около 50% опрошенных респондентов среди населения выразили уверенность в настоятельной необходимости принятия мер в этом направлении.

Оценивая в целом политику органов исполнительной власти по формированию доверия населения на основе применения различного вида управленческих технологий, эксперты отмечают преимущественно эпизодический характер их применения, реализацию такой политики отчасти (данную позицию разделяют 33 из 50 экспертов). Особую роль в этом направлении опрошенные респонденты отводят информационным технологиям, работе со СМИ. По мнению экспертов, современные управленческие информационные технологии применяются с целью формального формирования, зачастую создания иллюзорного результата работы, что в корне не соответствует истинным целям и функциям государственной власти. Наиболее типичным комментарием в рамках открытого вопроса по данной проблеме, является мнение эксперта о том, что: «Власть все отдает на откуп политтехно-

логам. Фактически, власть для населения сегодня – это PR-технологии».

В целом, информация о большинстве событий региона транслируется с помощью использования широкого спектра инструментов информационных управленческих технологий, среди которых как наиболее популярными среди органов власти являются телевидение и Интернет. Стоит отметить, что данное мнение соотносится с распределением ответов респондентов среди населения относительно источников получения информации о решениях и действиях областных властей. Так, наибольшей популярностью среди жителей региона пользуются телевидение, ему отдает предпочтения 67,4% опрошенных, и Интернет, которым предпочитает пользоваться в качестве источника 58,9%. При этом молодежь в возрасте 18-24 и 25-34 года в своем большинстве использует Интернет, а респонденты предпенсионного возраста и старше 65 лет выбирают телевидение как основной канал получения информации, что объясняется современными тенденциями развития средств коммуникации, функциональностью электронных средств, а также доступностью для разных возрастных категорий.

Однако, согласно мнению экспертов, эффективность применения органами власти этих инструментов находится на недостаточном высоком уровне, лишь 10 из 50 экспертов оценили их как эффективные. Основными барьерами на пути эффективного применения органами исполнительной власти инструментов информационных технологий большинство экспертов считают отсутствие обратной связи, неполноту предоставляемой информации, разрозненность и непоследовательность информационных сообщений, а также отсутствие разработанной стратегии действий.

Не менее важным видом управленческих технологий формирования доверия населения являются организационные технологии. Оценивая практику применения органами исполнительной власти организационных технологий формирования доверия, эксперты отмечают несколько наиболее часто используемых инструментов: организация деятельности общественной палаты, публичных встреч с гражданами, работы экспертных советов. Реже, по мнению экспертов, используются такие инструменты, как конференции, круглые столы по актуаль-

ным социально-экономическим проблемам, а также опросы общественного мнения и онлайн-приемные. Хотя, на наш взгляд, данные инструменты можно рассматривать как более функциональные в силу доступности для населения и относительной дешевизны применения. Кроме того, возможности использования Интернет-пространства позволяют повысить эффективность взаимодействия за счет снижения временных издержек (организации возможного оперативного реагирования), отсутствия пространственной дистанционности субъектов, широкой доступности для большинства граждан.

Правовые технологии формирования доверия населения органами исполнительной власти оказались, по мнению экспертов, самыми неэффективно используемыми региональной властью. Их крайнюю неэффективность отметили 14 из 50 опрошенных. Кроме того, экспертами отмечен довольно узкий круг инструментов, применяемых органами исполнительной власти региона в рамках реализации правовых технологий: в своем большинстве эксперты отмечают публичные слушания и общественные советы. При этом набирающие популярность в современных условиях, имеющие успешный опыт применения в ряде других субъектов РФ, краудсорсинговые площадки остаются вне поля внимания региональной власти Волгоградской области. Главной причиной данной ситуации 28 из 50 экспертов указали нежелание власти учитывать правовые инициативы населения.

Завершая анализ, отметим, что достижение успеха в направлении формирования доверия населения возможно за счет применения комплексного подхода в реализации государственного управления, предусматривающего эффективное использование информационных, организационных и правовых технологий в совокупности. Применение управленческих технологий органами исполнительной власти в целях формирования доверия является основой их общей управленческой эффективности, достигаемой за счет использования системных требований к их реализации, имеющих научно-теоретическое и практическое обоснование. Результатом применения управленческих технологий формирования доверия является качественная трансформация системы отношений власти и общества на основе проявления субъектности власти как управленческого начала и ее коммуникативных

основ: реализации диалога, обсуждения принимаемых решений, совместного определения целевых ориентиров. Эффективность управленческих технологий во много определяется инструментами их осуществления. Так, применение современных инструментов (краудсорсинговых площадок, он-лайн-приемных, социальных сетей) позволяет повысить результативность работы управленческих технологий за счет расширения возможностей взаимодействия, повышения прозрачности, открытости деятельности властей.

Литература

1. Мандрыка Е.В., Мандрыка Н.Н. Внедрение новых технологий государственного управления в России // Управленческое консультирование. – 2014. - № 11. – С. 17-26.
2. Пудич В.С. Основы системологии управления. – М.: ГУУ, 2004. – 291 с.
3. Радченко Д.Б. Роль социально-коммуникативной технологии в формировании доверия к органам государственной власти // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2017. – Том 2, № 3. – С. 6-23.
4. Скрипникова Н.С. Прикладные инструменты в реализации информационно-коммуникативных технологий обратной связи власти и населения // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Том 10, № 4. – С. 91-101.
5. Смирнова М.А. Технология формирования доверия населения государственным медицинским учреждениям: диссертация кандидата социологических наук : 22.00.08 / Смирнова Марина Адилевна; [Место защиты: Рос. гос. социал. ун-т]. – Москва, 2012. – 176 с.: ил. РГБ ОД, 61 12-22/202.
6. Социальные технологии управления обществом: региональный уровень / под ред. Я. А. Маргуляна. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2010. – С. 16.
7. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. - 730 с.

Пути преодоления бедности в России

Юртикова Н.В.

Бедность затрагивает самые разные общественные сферы, отрицательно влияя как на развитие отдельного индивида, так и общества в целом. Она ведет к обострению социально-экономического неравенства, препятствует общественному развитию. Актуальность данной темы обусловлена и новым указом Президента РФ о целях и задачах развития России, который определил экономическую и социальную стратегию государства на годы вперед. Согласно документу, одним из приоритетов социально-экономической политики страны является снижение в два раза уровня бедности в стране¹. В связи с этим Правительству РФ поручено разработать национальный проект. Стоит отметить, что современная официальная российская статистика базируется на определении бедности через исчисление среднедушевого дохода населения. В силу различных ограничений данного подхода существует необходимость решения ряда методологических проблем идентификации бедности в условиях ухудшения показателей уровня жизни населения.

В рамках статьи рассмотрены ряд показателей, применяемых официальной статистикой: уровень прожиточного минимума, региональные показатели, состав бедного населения в зависимости от образования, места проживания. Учитывая, что разные подходы к определению и измерению бедности приводят к разным результатам, были сформулированы на основе их ряд оценочных индикаторов измерения бедности, благосостояния населения.

Ключевые слова: бедность, национальная программа, индикаторы показатели, уровень жизни, социальное неравенство, прожиточный минимум.

Yurtikova N.V.

Ways to overcome poverty in Russia

Poverty affects the most diverse social spheres, adversely affecting both the development of the individual and society as a whole. It leads to aggravation of social and economic inequality, hampers public development. The relevance of this topic is conditioned by the new decree of the President of the Russian Federation on the goals and tasks of Russia's development, which determined the economic and social strategy of the state for years to come. According to the document, one of the priorities of the socio-economic policy of the country is to reduce the level of poverty in the country by half. In this connection, the Government of the Russian Federation is charged with developing a national project. It is worth noting that the current official Russian statistics is based on the definition of poverty through calculating the per capita income of the population. Due to various limitations of this approach, there is a need to address a number of methodological problems of identifying poverty in conditions of deteriorating living standards of the population.

Within the framework of the article, a number of indicators used by official statistics are considered: the subsistence level, regional indicators, the composition of the poor population, depending on education, place of residence. Taking into account that different approaches to the definition and measurement of poverty lead to different results, a number of evaluation indicators for measuring poverty, welfare of the population were formulated on the basis of them.

Keywords: poverty, national program, indicators, indicators, living standards, social inequality, cost of living.

В современном обществе проблема бедности выступает предметом многочисленных дискуссий. Она является центральным вопросом в социологии, политологии, экономике, психологии, обусловленная влиянием множества факторов, среди которых пол, возраст, профессия, географические условия и т.д. Многомерность и многоаспектность бедности как социального явления обуславливает существование многообразия ее трактовок. В целом же под бедностью понимается сложное социально-экономическое и культурно-нравственное явление, характеризующееся неспособностью индивидов или социальных групп самим оплачивать стоимость необходимых благ².

Несмотря на вечность этой темы, она продолжает оставаться неотъемлемой чертой любого общества. Так, по данным Росстата, увеличилось число граждан, живущих за чертой бедности. Доля населения, имеющая доходы ниже прожиточного минимума, составила в 2017 году 19,3 млн. человек, а в первом квартале 2018 г. этот показатель стремительно возрос и составил по предварительным данным 20,8 млн. чел.³

В. Путин, обращая внимание на сложившуюся критическую ситуацию, когда более 20 000 000 человек имеют доходы ниже уровня прожиточного минимума, обозначил в качестве одного из приоритетов политики РФ - борьба с бедностью. Данная мера отражена в его указе «О национальных целях и стратегических задачах Российской Федерации на период до 2024 года»⁴. Согласно документу, ключевыми задачами на ближайшие годы являются снижение уровня бедности в два раза, обеспечение роста благосостояния граждан. Эти направления должны быть подкреплены конкретными действиями и отражены в национальном проекте. Перед Правительством РФ стоит важная и трудная задача. Это усложняется, прежде всего тем, что сегодня отсутствует единая система идентифи-

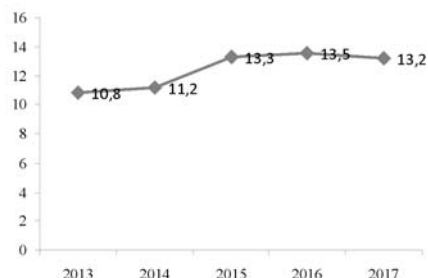

Рис. 1. Численность населения России с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в % от общей численности населения)

Рис. 2. Объем и структура денежных доходов населения по источникам поступлений в %

кации бедности, на законодательном уровне отсутствует определение бедности, а взамен применяется категория «малоимущие».

Преодоление бедности предполагает воздействие на множество факторов, предполагающее формирование комплекса экономических, социальных, политических мер. Безусловно, стабилизация уровня жизни и борьба с бедностью составляют необходимые условия успеха проводимых экономических, социальных и политических преобразований в любом обществе. Ограничение распространения бедности, прежде всего в наиболее крайних ее формах, важно с точки зрения сохранения и улучшения физического, трудового и интеллектуального потенциала будущих поколений.

В связи с этим представляется важным научный анализ бедности, выработка эффективных методов и способов ее преодоления с учетом конкретных особенностей современного развития России, в частности, является необходимым разработку объективных индикаторов оценки уровня бедности, благосостояния населения.

В российской государственной статистике ведется наблюдение по параметрам бедности, позволяющим оценить ее уровень, профиль и структуру⁵. Росстатом учитываются величина прожиточного минимума, численность и доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, состав и материальное положение малоимущего населения и домашних хозяйств⁶.

Так, согласно официальным данным, с 2013 года по 2017 год доля населения с доходами ниже прожиточного минимума увеличилась на 2,4 % (рис. 1). При этом величина прожиточно-

го минимума была установлена для трудоспособного населения в размере – 10 842 руб., а для пенсионеров – 8 269 руб., детей – 9 959 рубля⁷.

Денежные доходы традиционно являются основными показателями благосостояния человека. Данные Росстата отражают падение реальных доходов населения по итогам 2017 года: они сократились на 1,7% по отношению к прошлому году. Основной отличительной чертой структуры денежных доходов населения на протяжении 2016-2017 гг. является высокая доля поступлений от социальных выплат. Своего максимума она достигла в первом квартале 2017 года – благодаря единовременной доплате к пенсиям в размере 5 000 рублей доля поступлений от социальных выплат поднялась до 21,7% (рис. 2). Низкими остаются доли доходов от предпринимательской деятельности (7,1-8,4% в течение года и 7,6% за год в среднем) и доходов от собственности (5,4-5,6% в течение года и 5,5% в среднем за год)⁸.

Наряду с определением доли населения, имеющей доходы ниже прожиточного минимума, Росстатом рассматривается и структура малоимущего населения по месту проживания. Статистические данные отражают, что доля городского населения сравнительно выше, чем удельный вес сельского населения. Так, в период с 2013 года по 2016 год доля малоимущего городского населения возросла на 3,5 %, а доля крайне бедного населения - на 18,5 %⁹. Стоит отметить, что бедность на селе имеет широкомасштабный и застойный характер, связана с нарастанием не только относительных, но и абсолютных, самых крайних форм (табл. 1).

Таблица 1
Состав бедного населения по месту проживания (%)

Место проживания	Малоимущее население			
	2013	2014	2015	2016
Город	60,5	62,9	63,9	64,0
Село	39,5	37,1	36,1	36,0
	Крайне бедное население			
	2013	2014	2015	2016
Город	32,9	54,6	54,3	51,4
Село	47,1	45,4	45,7	48,6

Таблица 2
Состав бедного населения по отношению к экономической активности (для лиц в возрасте старше 15 лет и более, в %)

	Малоимущее население			
	2013	2014	2015	2016
Экономически активное население, в том числе:	64,9	64,4	66,6	64,2
Занятые в экономике, из них	62,7	62,8	63,8	61,2
Работающие пенсионеры	4,5	4,7	4,6	4,3
Безработные	2,3	1,6	2,8	3,0
Экономически неактивное население, из него	35,1	35,6	33,4	35,8
Неработающие пенсионеры	11,5	12,0	15,2	17,2
	Крайне бедное население			
	2013	2014	2015	2016
Экономически активное население, в том числе:	62,8	62,4	65,0	62,9
Занятые в экономике, из них	59,5	59,6	60,4	57,8
Работающие пенсионеры	3,6	3,8	3,3	3,1
Безработные	3,3	2,8	4,6	5,1
Экономически неактивное население, из него	37,2	37,6	35,0	37,1
Неработающие пенсионеры	8,2	8,3	12,5	13,2

Динамика малоимущего населения по отношению к экономической активности отражает рост доли бедных среди экономически неактивного населения на 2,4 % в 2016 году в сравнении с предыдущим годом и рост доли неработающих пенсионеров на 2 %¹⁰. Аналогична тенденция и в отношении крайне бедного населения (табл. 2).

Также Росстат анализирует состав бедного населения по уровню образования. Согласно официальным данным на 2016 год структуру бедных составляла доля населения, имеющая среднее профессиональное образование. Так, среди занятых в экономике, имеющих среднее профессиональное образование оказалось 48,8 %, а с высшим образованием – 29,3% (рис. 3)¹¹.

В состав бедного населения входят и безработные. Численность зарегистрированных в го-

сударственных службах занятости безработных достигла к концу 2017 года 776 тыс. человек, в январе 2018 г. – 778 тыс. человек¹².

Показатели региональной социально-экономической дифференциации по уровню бедности относятся к важнейшим индикаторам формирования социальной политики. Специфика заключается в том, что ряд субъектов обладают богатыми запасами природных ресурсов, территориально выгодным местоположением, а другие, напротив, территориально удалены, не имеют природных богатств, характеризуются неблагоприятной институциональной средой. Анализ уровня бедности в регионах демонстрирует, что наибольшее количество населения, имеющее доходы ниже прожиточного минимума, проживает в Южном (20,0% на 2017 г.), Центральном (18,2% в 2017 г.) и Приволжском

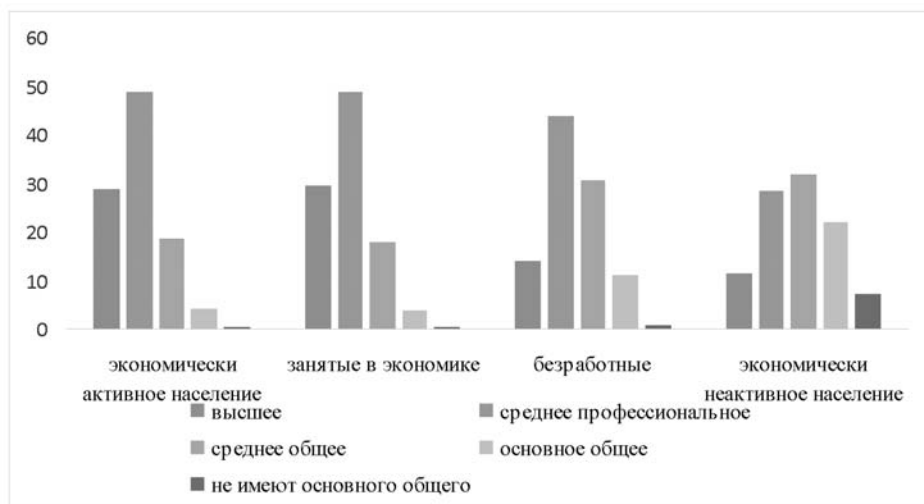

Рис. 3. Состав бедного населения по отношению к экономической активности и по уровню образования в 2016 г. (для лиц в возрасте 15 лет и более, по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, в %)

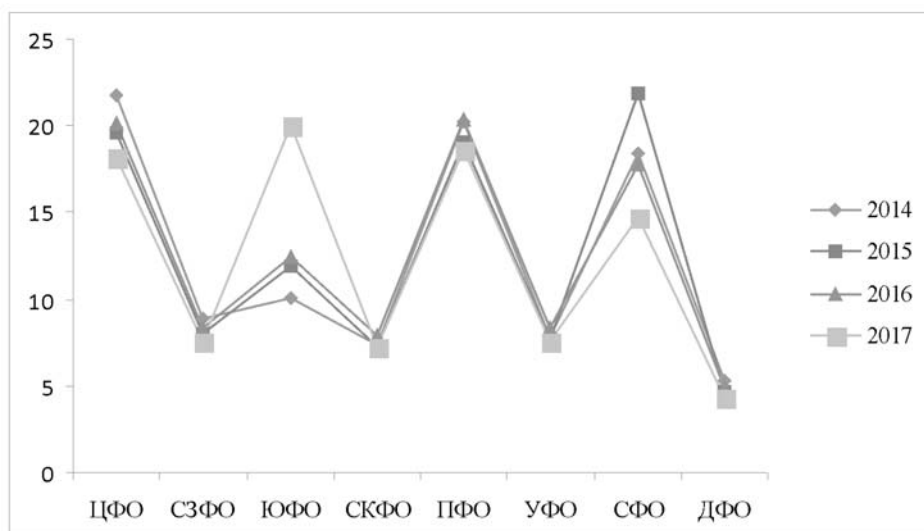

Рис. 4. Соотношение численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума к общей численности населения по федеральным округам РФ (%)

(18,6%) федеральных округах. Так, в ЮФО значительно возрос данный показатель с 10,1% в 2014 году до 20,0% в 2017 году. Наиболее низкий уровень данного показателя зафиксирован в Дальневосточном федеральном округе, начиная с 2014 года, он снижался и в 2017 году составил 4,3% к общей численности населения (рис. 4). Согласно Росстату, среди субъектов Российской Федерации низкие доходы имеет

население, проживающее в Краснодарском (3,0% к общей численности населения) и Красноярском краях (2,5%), Ростовской (11,8%), Челябинской (2,3%), Иркутской (2,2%) областях¹³. вполне правомерно отметить сложность равномерного экономического развития всех субъектов страны, поэтому представляется важным учет региональных факторов в планировании социальной политики.

Таким образом, проведенный анализ позволяет выделить следующие ключевые социально-экономические процессы, отражающие уровень бедности в России: рост численности незанятого населения в трудоспособном возрасте; сложившаяся система оплаты труда, которая ведет к росту числа людей с официальной заработной платой ниже прожиточного минимума; несовершенство трудового и социального законодательства, которое ограничивает доступ бедных к ресурсам; высокий уровень регионального социально-экономического неравенства, способствующий формированию очаговой бедности. Денежный подход при оценке бедности, применяемый в современной российской практике, является самым распространенным, но в то же время не позволяет однозначно определить различие между бедными и небедными людьми. В связи с этим необходима разработка национальной программы по преодолению бедности на основе усовершенствованной методологии измерения бедности, сочетающей в себе сложившиеся в мировой научной практике методологические подходы, которые позволят сформировать оптимальный набор социальных показателей определения бедности.

Стоит отметить, что бедность является многомерным явлением и включает в себя множество и неэкономических измерений. В связи с этим важным аспектом теоретико-методологического характера для формирования эффективной программы, является понимание множественности причин бедности, состояний и проявлений, а, следовательно, неодинаковости и многовекторности подходов, решений и интерпретаций. Наличие такой политики, эффективное ее функционирование способно воздействовать на причины, вызывающие социальную напряженность в обществе.

Разработка национальной программы по сокращению бедности, ориентированной на повышение уровня и качества жизни населения, и развитие человеческого потенциала, должна решать следующие задачи:

- Анализ и объективная оценка уровня социально-экономического благосостояния населения.
- Выявление зон бедности.
- Создание условий для роста доходов населения.
- Повышение эффективности и уровня занятости населения, роста конкурентоспособнос-

ти рабочей силы, формирование и рациональное использование кадрового потенциала¹⁴.

- Повышение доступности и качества образования.

- Обеспечение качественного и доступного медицинского обслуживания.

- Развитие доступного жилищного строительства.

- Создание единого информационного пространства, представляющего собой систему адресного взаимодействия органов исполнительной власти и населения в социальной сфере.

- Оценка масштабов и характера возможных отрицательных социальных, экономических и политических последствий несвоевременного решения данной социальной проблемы¹⁵.

При формировании программы по преодолению бедности целесообразно использовать в комплексе сложившиеся в мировой практике абсолютный, относительный, субъективный подходы.

Абсолютная концепция была разработана англичанами С. Буш и В. Раунтри, М. Оршански. М.А. Можиной она была применена к условиям российской действительности.

Основу общероссийского мониторинга бедности, согласно абсолютному подходу, составляет индекс численности бедного населения, определяемый как доля населения с доходами ниже прожиточного минимума. Кроме того, Росстатом предоставляются данные по численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума по регионам. В России данный подход является официально установленным методом для расчета числа бедных, которая определяется путем прожиточного минимума, вычисляющийся с расчетом на месяц.

Таким образом, абсолютная концепция отражает уровень бедности и численность бедных в зависимости от границы, устанавливаемой государством. На 1 квартал 2018 г. величина прожиточного минимума составляла 10038 руб. – это и есть черта бедности¹⁶. Главным достоинством данного подхода эксперты считают, что он наименее всего зависит от ценностных суждений

Относительная концепция получила широкое распространение в послевоенный период. Ее сторонниками являются П. Таунсенд, А. Сен, Л. Рейнвотер. В России относительной концепции бедности посвящены работы Т.И. Заслав-

кой, Л. Гордона, Л. Овчаровой. В ней бедность рассматривается как относительная категория, которая определяется в соотношении между наиболее низкими доходами и размером среднего (медианного) дохода.

В концепции относительной бедности за границу бедности принимается определенное соотношение между наиболее низкими доходами и размером среднего (медианного) дохода. Медианным значением дохода является доход, меньше и больше которого получают равные численности населения. В мировой практике относительная бедность характеризуется доходом, не превышающим 40–60 % дохода, сложившегося по стране. Следовательно, черту бедности определяют, выделив семьи, эквивалентный душевой доход которых не превышает 40 % (экстремальная бедность) или 60 % от среднего дохода, рассчитанного для всех семей¹⁷. Так, согласно оценкам Росстата, в 2017 году доля населения, имеющая среднедушевые денежные доходы ниже прожиточного минимума, составляла 13,2% от общей численности населения, а доля населения, имеющая доходы ниже модального среднедушевого денежного дохода по России - 22,4%¹⁸.

В современной практике все чаще применяют метод измерения бедности на основе самооценки респондентов, это субъективный подход.

Социологи Л. А. Беляева и Л. А. Гордон определяют субъективную бедность как состояние, в котором находятся группы населения, субъективно считающие себя бедными, независимо от абсолютной величины их доходов и потребления. Согласно этой методике, к бедным относят тех граждан, которые по личным социально-психологическим ощущениям, считают себя бедными. Как правило, субъективный уровень бедности превышает официальный. Эксперты считают, что данный подход не отражает реальный уровень бедности, но позволяет понять степень социальной напряженности в обществе.

Опрос, проведенный ВЦИОМ, показал, что «более 80% россиян считают бедными тех, кому едва хватает средств на еду или одежду. Эта группа бедных в мае 2017 года составила 39% (среди людей пенсионного возраста – 54%, среди жителей сельской местности – 46%). 10% респондентов отметили, что для них затруднительна даже покупка продуктов»¹⁹.

Таким образом, сложившиеся методики, показатели, критерии отнесения человека к категории бедных многообразны и противоречивы и их границы не совпадают, поэтому является важным разработку единых комплексных оценочных показателей, мониторинговых подходов как для оценки бедности, так и для многих других вопросов социально-экономического развития.

При определении уровня бедности необходимо выбрать соответствующие единицы измерения, индикаторы благосостояния. Учитывая, что на бедность влияют экономические, политические, социальные, культурные факторы, что в конечном счете, это ведет к комплексу лишений в образовании, в проведении досуга, в профессиональных возможностях, доступе к медицинскому обслуживанию и т.д., поэтому важно принимать во внимание следующие показатели:

- Уровень прожиточного минимума.
- Уровень доходов работающего населения.
- Качество питания.
- Жилищные условия.
- Образовательные возможности.
- Система социального обеспечения социально уязвимых слоев населения с учетом возрастающей доли платности за услуги, оказываемые организациями здравоохранения, образования, культуры, социального обслуживания. Таким образом, преодоление бедности сегодня должно стать одной из стратегических задач социально-экономической политики страны. Важным аспектом в преодолении бедности в сложившихся условиях является учет экономической ситуации, финансового, нравственно-психологического состояния общества, реальных ресурсов государства. Рассмотренная комплексная оценка бедности позволит в наиболее полной мере рассмотреть бедность во всех формах ее проявления, а также измерить как материально-вещественные, так и социокультурные аспекты бедности.

Литература

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»
2. Батракова Л.Г. Основные концепции оценки бедности населения / Л.Г. Батракова // Ярославль

лавский педагогический вестник. – 2011. - №3. – С. 117-121.

3. Пасовец Ю.М. Риски бедности населения в современных российских условиях / Ю.М. Пасовец // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. - №2 (38). – С. 143-160.

4. Циденков Г.Г. Преодоление бедности как приоритет региональной социальной политики в современном российском обществе: дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04 – Самара, 2006. – 149 с.

5. Цимбалов И.П. Бедность как проблема социально-экономического развития современного российского общества: социологический анализ: дис. ... доктора социологических наук: 22.00.03. – Саратов, 2007. – 349 с.

6. Величина прожиточного минимума за I квартал 2018г. в целом по Российской Федерации, в расчете на душу населения [Электронный ресурс]. - Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/lssWWW.exe/Stg/d03/149.htm

7. Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения 2015 г. – январь 2018 г. Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС [Электронный ресурс] // - Режим доступа: http://www.ranepa.ru/images/docs/monitoring/ek-monitoring/monitoring_26.02.2018.pdf

8. Население России: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ 2016-2017 годов [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://isp.hse.ru/data/2018/03/07/1165665342/%>

9. О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации в I квартале 2018 года [Электронный ресурс]. - Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/lssWWW.exe/Stg/d03/149.htm

10. Социальное положение и уровень жизни населения России [Электронный ресурс]. - Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138698314188

11. «Социально-экономические индикаторы бедности в 2013-2017 годах» [Электронный ресурс]. - Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/lssWWW.exe/Stg/d03/149.htm

12. Социально-экономическая ситуация в России весной 2017 года. Доклад ИГСО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://igso.ru>

13. Численность населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, и дефицит денежного дохода [Электронный ресурс]. - Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

Ссылки:

1 Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»

2 Цимбалов И.П. Бедность как проблема социально-экономического развития современного российского общества: социологический анализ: дис. ... доктора социологических наук: 22.00.03. – Саратов, 2007. – 349 с. Цимбалов, Иван Петрович

3 О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации в I квартале 2018 года [Электронный ресурс]. - Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/lssWWW.exe/Stg/d03/149.htm

4 Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»

5 Пасовец Ю.М. Риски бедности населения в современных российских условиях / Ю.М. Пасовец //

Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. - №2 (38). – С. 143-160.

6 «Социально-экономические индикаторы бедности в 2013-2017 годах» [Электронный ресурс]. - Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим дос-

тура: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/lssWWW.exe/Stg/d03/149.htm

7 Численность населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, и дефицит денежного дохода [Электронный ресурс]. - Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. - Режим доступа:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

8 Население России: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ 2016-2017 годов [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://isp.hse.ru/data/2018/03/07/1165665342/>

9 Социальное положение и уровень жизни населения России [Электронный ресурс]. - Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. - Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138698314188

10 Там же.

11 Там же.

12 Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения 2015 г. - январь 2018 г. Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС [Электронный ресурс] // - Режим доступа: http://www.ranepa.ru/images/docs/monitoring/ek-monitoring/monitoring_26.02.2018.pdf

13 Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода [Электронный ресурс]. - Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. - Режим доступа:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#

14 Циденков Г.Г. Преодоление бедности как приоритет региональной социальной политики в современном российском обществе: дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04 - Самара, 2006. - 149 с.

15 Там же.

16 Величина прожиточного минимума за I квартал 2018г. в целом по Российской Федерации, в расчете на душу населения [Электронный ресурс]. - Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. - Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/lssWWW.exe/Stg/d03/149.htm

17 Батракова Л.Г. Основные концепции оценки бедности населения / Л.Г. Батракова // Ярославский педагогический вестник. - 2011. - №3. - С. 117-121.

18 Там же.

19 Социально-экономическая ситуация в России весной 2017 года. Доклад ИГСО [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://igso.ru>

Неврологический пациент в социальных сетях

Юцкова Е.В., Кравченко А.И.

В статье анализируется состояние пациента с неврологическим заболеванием в зависимости от его пребывания в социальной изоляции или нахождения в социальных сетях. Обосновывается утверждение, что лечение больного происходит гораздо успешнее при социальной поддержке «значимых других», и, наоборот, их отсутствие либо потеря ведут к осложнениям, которые часто невозможно исправить медикаментозным путем.

Ключевые слова: неврология, социальная сеть, пациент, инсульт, социальная изоляция, выздоровление.

Yutskova E.V.

Neurological patient in social networks

The article analyzes the condition of a patient with a neurological disease, depending on his being in social isolation or in social networks. The author substantiates the statement that the treatment of a patient occurs much more successfully with the social support of «significant others», and vice versa, their absence or loss leads to complications that can often not be corrected by medication.

Key words: neurology, social network, patient, stroke, social isolation, recovery.

Между социологией и неврологией, которые на первый взгляд кажутся очень разными науками, много общего в методах, целях, ориентации, гуманистическом пафосе и объекте исследования. Неврология использует аппаратно-процедурные способы изучения и медикаментозно-терапевтические средства лечения основного субъекта общества – человека. Но и в нем она сосредотачивает свое внимание на самом главном, от чего зависят все болезни и всякое здоровье человека – его мозг. Чем исправнее работает мозг, тем меньше болезней в теле, и чем исправнее человек, тем меньше болезней в обществе. А пока что их хватает: количество инсультов, стрессов... превышает все желаемые и допустимые нормы. За последние 10 лет смертность, связанная с инсультом, снизилась в основном за счет улучшения медицинской помощи и лечения острого инсульта, но это не сопровождалось снижением частоты инсульта. Данные вызывают тревогу, поскольку инсульт является основной причиной хронической инвалидности у взрослых, и увеличение числа лиц, перенесших инсульт, приведет к дальнейшему росту расходов на здравоохранение в течение следующих нескольких десятилетий по мере старения нашего населения.

Мы говорим уже не только массовых заболеваний людей, но о массовых расстройствах самого общества. Некоторые социальные процессы, поначалу принимающие безобидную и совершенно правильную форму, со временем превращаются чуть ли не в психические расстройства. К примеру, политкорректность или мультикультурализм, появившиеся не так давно в западных странах в качестве самого гуманного намерения, при всеобщем и практически принудительном распространении становятся чуть ли не шизофреническим бредом. Интернет-зависимость, ожирение, наркомания и т.п.

заболевания – это примеры негативного влияния общества на человеческую психику. Ученым необходимо знать, где пролегают границы возможностей человеческой психики, через что нельзя переступить, а если переступили, то, как быстро и эффективно исправить нарушение.

Жить в обществе и быть свободным от него, как известно, нельзя. Неврология имеет дело не просто с отдельным пациентом, находящимся в социальной изоляции. Если врач таким образом будет смотреть на своего ведомого, то он никогда не обнаружит ни истинных причин заболевания, ни механизмов, порой непредсказуемых, его протекания. Социальное окружение для невролога – первоисточник, причина и, как теперь выясняется, главный помощник в деле лечения любых нервных заболеваний. Каждый пациент встроен в социальную сеть межличностных связей, которые влияют на протекание болезни и успешность восстановления здоровья. Неврологи должны взаимодействовать с семьей и друзьями пациента, выясняя характер болезни и ее социальные последствия. Социальная изоляция является мощным фактором, определяющим плохое состояние здоровья и нейробиологические изменения, последствия нервных заболеваний могут быть сопоставимы с последствиями традиционных факторов риска.

Термины «социальная изоляция» и «одиночество» часто используются как взаимозаменяемые, хотя принадлежат разным концептуальным полям¹, демонстрируя умеренный уровень корреляции². Объективная социальная изоляция и воспринимаемая социальная изоляция (одиночество) являются различными биологическими стрессорами, связанными с уникальными последствиями и восприимчивостью к болезням, хотя они могут иметь механистическое перекрытие. Одиночество было определено как «оценка людьми своего уровня и качества социальных контактов и вовлеченности в них»³. В этом определении отсутствует количественные показатели социальных связей. Социальная изоляция, напротив, это объективный термин, который обозначает отсутствие социальных контактов (с супругом, родственниками, друзьями, коллегами и т. д.). Это связанное, но разное понятие. Действительно, можно чувствовать себя одиноким среди толпы и успешно самореализоваться в изоляции. Некото-

рые исследования показывают, что слабая социальная поддержка связана с более высокими показателями смертности, что изоляция увеличивает смертность только у пожилых мужчин, предполагая, что связь между изоляцией и смертностью зависит от пола, и может быть упущена врачом, если не проведен анализ по признаку пола⁴. Как показывают исследования, выжившие после инсульта часто испытывают социальную изоляцию. Социальное взаимодействие повышает качество жизни и снижает смертность после инсульта⁵.

Изоляция является основным источником психосоциального стресса и связана с увеличением распространенности сосудистых и неврологических заболеваний. Кроме того, изоляция усугубляет заболеваемость и смертность после острых травм, таких как инсульт или инфаркт миокарда. Напротив, аффилиативные социальные взаимодействия могут улучшить организационную функцию и здоровье. Молекулярные механизмы, лежащие в основе этих эффектов неизвестны. Все шире признается, что социальные взаимодействия имеют решающее значение для поддержания физического, психического и социального благополучия. Социальная изоляция связана с повышением артериального давления, повышенным уровнем кортизола, расширением воспалительных и метаболических реакций на стресс. В последнее время результаты крупных эпидемиологических исследований и доклинических исследований выявили несколько потенциальных посредников пагубных последствий изоляции⁶. Причинно-следственная связь между социальными отношениями и здоровьем была установлена более двух десятилетий назад после того, как обзор пяти крупных перспективных исследований привел к выводу, что социальная изоляция предсказывает смертность⁷. Накопление данных многочисленных эпидемиологических, клинических и экспериментальных исследований показало, что социальные факторы могут оказывать глубокое влияние на физическое и психическое здоровье. Например, люди с высоким уровнем социальной поддержки или крупными социальными сетями демонстрируют более низкую смертность от всех причин и более быстрое и обширное функциональное и когнитивное восстановление после самых разнообразных патологических нарушений, включая ин-

сульт⁸. Социальная изоляция связана с ростом заболеваемости и смертности у пациентов с установленным заболеванием сосудов⁹. Недавний Мета-анализ 148 исследований, который включал более 300 000 участников, показал, что люди с сильными социальными отношениями имели на 50% большую вероятность выживания по сравнению с изолированными людьми¹⁰. Разработка эффективных социальных мер зависит от нашего понимания механизма, с помощью которого изоляция влияет на результат лечения.

Выявлять социально-психологическое окружение неврологических пациентов помогает, в частности, метод социальных сетей и социометрия. Опрос «значимых других», прежде всего родственников, соседей и друзей, частоты и глубины их контактов, причин недоразумений и конфликтов, враждебности и сочувствия играет немалую роль в картировании социальных сетей пострадавшего и ориентирует врача при выборе средств лечения. Именно социальное окружение, забота или отчуждение близких составляют качество жизни пациента. Так, исследование дифференциальных и интегральных показателей качества жизни (КЖ) больных эпилепсией позволяет определить влияние заболевания на физическое, психологическое и социальное функционирование больного и, наряду с общепринятыми неврологическими шкалами, позволяет дать всестороннюю оценку эффективности лечения, что особенно актуально при хронических заболеваниях и при применении дорогостоящих препаратов длительного назначения¹¹. Личная сетевая информация может быть особенно ценной для улучшения управления факторами риска, соблюдения лекарств и функционального восстановления¹². Исследование установило, что ранние постинсультные взаимодействия могут уменьшить гистологическое повреждение после ишемического заболевания, а прединсультная социальная изоляция вообще губительна¹³. Поскольку инсульт является непредсказуемым событием, манипулирование социальной средой перед событием у пациентов из группы риска, вероятно, будет неэффективным с терапевтической точки зрения.

Оценивая архитектуру и состав отношений между членами сети, неврологи в состоянии идентифицировать пациентов, которые подвер-

гаются риску плохого исхода¹⁴. Сети влияют на поведение, по крайней мере, пятью способами; контакт человек-человек, социальное взаимодействие, социальное влияние, доступ к ресурсам и материальным благам, социальная поддержка¹⁵. Социальная поддержка осуществляется в четырех формах: инструментальная и финансовая, информационная, оценочная и эмоциональная. Оценочная поддержка относится к тому, как «значимый другой» обеспечивает пациента обратной связью или помогает в принятии решений. В соответствии с принципами теории графов все индивиды в сети являются узлами, а их отношения, которые могут быть определены эмоциональной близостью, контактной частотой или физическим расстоянием, являются связями, связывающими узлы. Личные сети отличаются от целых (whole) сетей, также известных как социоцентрические сети, которые фокусируются на структурах отношений в ограниченной группе без предварительно заданного центрального узла. Эго (т.е. пациент) связано с членами своей личной сети, известными как другие (alters), либо сильной, либо слабой связью. Влияние формы сетевой связи на отношения Эго-Альтер может меняться с течением времени. Некоторые связи функционируют по нескольким маршрутам, а другие являются более специализированными. Эго - это пациент в центре сети, Альтер - человек в сети, а связь - отношение между точками в сети. Структура сети - это организация связей и их закономерностей в количественном выражении. Пациенты, которые подвергаются риску негативного исхода, как правило, окружены небольшим количеством тесно связанных изменений. Персональная сеть пациента включает подгруппы членов семьи, друзей и коллег. Оценивая архитектуру и состав отношений между членами сети, неврологи могут идентифицировать пациентов, которые подвержены риску плохого исхода.

Клиническая практика показывает, что это неточно построенная модель приводит к негативным исходам почти так же часто, как неверно назначенное лекарство. Взаимодействие врача с окружающей социальной сетью является рутинным, подразумеваемым и необходимым этапом работы. В неврологии особенно важна оценка социальных сетей пациента, поскольку характер травмы или болезни требует взаимо-

действия с семьями и друзьями, иногда помимо самого пациента. Эпидемиологические исследования, проведенные в течение последних трех десятилетий, показывают, что социальные структуры значимо влияют на здоровье¹⁶. Социальная изоляция и ее субъективное восприятие, известные как одиночество, столь же сильны в качестве детерминант плохого здоровья, как курение, повышение артериального давления, высокий уровень холестерина и физическая неактивность¹⁷. При цереброваскулярном заболевании социальная изоляция связана с повышенным риском инсульта¹⁸ и более слабыми результатами после инсульта¹⁹. И, наоборот, обширная социальная сеть защищает от деменции²⁰, возможно, путем смягчения влияния патологии на когнитивную функцию²¹. В современной практике, однако, социальная жизнь пациента еще недостаточно идентифицируется и редко комментируется в окончательных рекомендациях невролога пациенту²². Многочисленные эпидемиологические исследования показали, что депрессия является фактором риска инсульта и связана с более плохим восстановлением после него.

Личные сети воплощают социальный контекст в количественных переменных, тем самым позволяя оценивать социальный капитал, доступный для индивида в виде социальных ресурсов, сплоченности и рекреационных возможностей²³. Они включают и тех людей, кто дает советы больному и консультирует его, кто доставляет и выписывает лекарства, кто находится в сетевом контакте с ним и оказывает эмоциональную поддержку. Неврологов интересует, остаются ли типы социальных сетей стабильными после инсульта, и если нет, то почему некоторые люди меняют тип социальной сети. Триангуляторные данные, полученные с помощью кластерного анализа k-средних, который дал кластерное решение (для N = 71) с сопоставимыми характеристиками с сетевыми типами, полученными из качественного анализа, показал, что после инсульта социальная сеть человека подвержена изменениям²⁴. Причинными факторами служили физическое и психологическое воздействие инсульта, а также тенденция терять контакт с друзьями, но не семьей.

Возможно, вопреки интуиции, Эго с более слабыми связями с «значимыми другими», которые незнакомы друг другу, с большей вероят-

ностью устроится в хорошую клинику потому, что дают новую информацию и полезные контакты с нужными людьми вне привычного социального круга²⁵. С точки зрения здоровья, связанные социальной сетью люди часто проявляют взаимозависимое благополучие, которое можно приписать действию множества механизмов²⁶. К примеру, при длительном браке болезнь и смерть супруга могут сократить продолжительность жизни партнера по уходу - так называемый эффект утраты²⁷. Болезнь и, в конечном счете, смерть супруга, как полагают, вызывает сильнейший стресс и лишают опекуна поддерживающих связей²⁸. Эффект утраты особенно ярко выражен в тех случаях, когда у супруга инсульт, деменция или критическое заболевание, которое может скомпрометировать его физические или умственные способности. Партнеры по уходу в таком сценарии относятся к категории с самыми высокими показателями риска депрессии и смертности²⁹. Для пациента наличие большего количества друзей вне круга своего опекуна позитивно коррелирует с улучшением его здоровья. И, кроме того, его здоровье позитивно коррелирует с более тесными отношениями между всеми людьми в социальной сети³⁰. Напротив, дефицитная персональная сеть пациента указывает на более низкие шансы успешного восстановления после инсульта, на худшие реабилитационные траектории после деменции, более высокий риск смертности и заболеваемости вообще³¹. Поэтому персональное сетевое картографирование может идентифицировать пациентов и лиц, осуществляющих уход, и оказывать средства для потенциального вмешательства.

Постановка открытых вопросов пациенту о его или ее отношениях и их эволюции во время болезни часто дает богатую информацию о социальных сетях. Эти типы вопросов могут информировать о социальном влиянии, доступе к ресурсам социальной поддержке. Допустим, дружеские связи у молодых людей могут служить источником многомерной поддержки либо вообще никакой поддержки. Чтобы полностью выяснить смысл и характер персональных связей и понять последствия их изменений на Эго, необходимы качественные данные³². Структурные оценки со временем дают важную информацию о динамике социальной сети и адаптации пациента к болезненным состояниям³³. На-

пример, исследования, проведенные у пожилых людей, показывают, что люди, имеющие доверительные отношения, с течением времени сообщают об улучшении функционального и психологического здоровья, тогда как потеря сетевых связей связана с функциональным снижением и психологическим ухудшением³⁴. В контексте неврологического заболевания, оценка развития персональной сети пациента через известность промежутков времени может дать представление о том, какие пациенты подвержены риску неблагоприятных результатов в отношении здоровья.

Ссылки:

- 1 Henderson A.S., Scott R., Kay D.W.. The elderly who live alone: their mental health and social relationships // *Aust N Z J Psychiatry*. 1986; 20:202–209; de Jong-Gierveld J., Kamphuis .F, Dykstra P. Old and lonely? // *Compr Gerontol B*. 1987; 1:13–17.
- 2 Cole S.W. Social regulation of leukocyte homeostasis: the role of glucocorticoid sensitivity / *Brain Behav Immun*. 2008; 22:1049–1055. 10.1016/j.bbi.2008.02.006; Cacioppo J.T., Hawkley L.C. Social isolation and health, with an emphasis on underlying mechanisms // *Perspect Biol Med*. 2003; 46:S39–52.
- 3 Victor C.R., Bowling A., Bond J., Scambler S. Loneliness, social isolation and living alone in later life // *ESRC Growing Older Programme*. Sheffield, 2003.
- 4 Yang Y.C., McClintock M.K., Kozloski M., Li T. Social isolation and adult mortality: the role of chronic inflammation and sex differences // *J Health Soc Behav*. 2013; 54:183–203. 10.1177/0022146513485244
- 5 Venna V.R., Xu Y., Doran S.J., Patrizz A., McCullough L.D. Social interaction plays a critical role in neurogenesis and recovery after stroke // *Transl Psychiatry* (2014) 4, e351.
- 6 Friedler B., Crapser J., McCullough L. One is the Deadliest Number: The Detrimental Effects of Social Isolation on Cerebrovascular Diseases and Cognition // *Acta Neuropathol*. 2015 April ; 129(4): 493–509.
- 7 House J.S., Landis K.R., Umberson D. Social relationships and health // *Science*. 1988; 241:540–545.
- 8 Stuller K.A., Jarrett B., DeVries A.C. Stress and social isolation increase vulnerability to stroke / *Exp Neurol*. 2012; 233:33–39.
- 9 Venna V.R., Xu Y., Doran S.J., Patrizz A., McCullough L.D. Social interaction plays a critical role in neurogenesis and recovery after stroke // *Transl Psychiatry*. 2014; 4:e351. 10.1038/tp.2013.128
- 10 Holt-Lunstad J., Smith T.B., Layton J.B. Social relationships and mortality risk: a meta-analytic review // *PLoS Med*. 2010; 7:e1000316. 10.1371/journal.pmed.1000316
- 11 Юцкова Е.В. Исследование качества жизни и фармакоэкономические особенности лечения эпилепсии у женщин [Текст] : научное издание / Е. В. Юцкова. - М. : Рос. гос. мед. ун-т, 2006.
- 12 Dhand A., Luke Douglas A., Lang Catherine E., Lee J.-M. Social networks and neurological illness // *Nature Reviews Neurology*, 2016. Vol. 12, p. 605–612.
- 13 Venna V.R., Xu Y., Doran S.J., Patrizz A., McCullough L.D. Social interaction plays a critical role in neurogenesis and recovery after stroke // *Transl Psychiatry* (2014) 4, e351.
- 14 Анализ личных сетей облегчается компьютерным программным обеспечением в статистических пакетах, таких как R, UCINET, Pajek и E-Net; дополнительное исследование включает качественный и продольный анализ, который позволяет исследовать механизмы и объяснения наблюдаемых закономерностей.
- 15 Berkman, L. F., Glass, T. A., Brissette, I. & Seeman, T. E. From social integration to health: Durkheim in the new millennium // *Soc. Sci. Med*. 51, 843–857 (2000).
- 16 Berkman L.F., Syme S.L. Social networks, host resistance, and mortality: a nine-year follow-up study of Alameda County residents // *Am J Epidemiol*. 1979;109:186–204; Seeman T.E., Kaplan G.A., Knudsen L., Cohen R., Guralnik J. Social network ties and mortality among the elderly in the Alameda County Study // *Am J Epidemiol*. 1987;126:714–723; House J.S., Landis K.R., Umberson D. Social relationships and health / *Science*. 1988;241:540–545.
- 17 Holt-Lunstad J., Smith T.B., Layton J.B. Social relationships and mortality risk: a meta-analytic review // *PLoS Med*. 2010;7:e1000316; Steptoe A., Shankar A., Demakakos P., Wardle J. Social isolation, loneliness, and all-cause mortality in older men and women // *Proc Natl Acad Sci USA*. 2013;110:5797–5801; Pantell M., et al. Social isolation: a predictor

- of mortality comparable to traditional clinical risk factors // *Am J Public Health*. 2013;103:2056–2062; Rico-Urbe L.A., et al. Loneliness, social networks, and health: a cross-sectional study in three countries // *PLoS ONE*. 2016;11:e0145264.
- 18 Nagayoshi M., et al. Social network, social support, and risk of incident stroke: atherosclerosis risk in communities study // *Stroke*. 2014;45:2868–2873; Rutledge T., et al. Social networks and incident stroke among women with suspected myocardial ischemia // *Psychosom Med*. 2008;70:282–287.
- 19 Boden-Albala B., Litwak E., Elkind M.S., Rundek T., Sacco R.L. Social isolation and outcomes post stroke // *Neurology*. 2005;64:1888–1892; Kotila M., Waltimo O., Niemi M.L., Laaksonen R., Lempinen M. The profile of recovery from stroke and factors influencing outcome // *Stroke*. 1984;15:1039–1044; Glymour MM, Weuve J, Fay ME, Glass T.A., Berkman L.F. Social ties and cognitive recovery after stroke: does social integration promote cognitive resilience? // *Neuroepidemiology*. 2008;31:10–20.
- 20 Fratiglioni L., Wang H.X., Ericsson K., Maytan M., Winblad B. Influence of social network on occurrence of dementia: a community-based longitudinal study // *Lancet*. 2000;355:1315–1319; Fratiglioni L., Paillard-Borg S., Winblad B. An active and socially integrated lifestyle in late life might protect against dementia // *Lancet Neurol*. 2004;3:343–353.
- 21 Bennett D.A., Schneider J.A., Tang Y., Arnold S.E., Wilson R.S. The effect of social networks on the relation between Alzheimer's disease pathology and level of cognitive function in old people: a longitudinal cohort study // *Lancet Neurol*. 2006;5:406–412.
- 22 Dhand A., Luke Douglas A., Lang Catherine E., Lee J.-M. Social networks and neurological illness // *Nature Reviews Neurology*, 2016. Vol. 12, p. 605–612.
- 23 Crossley N., et al. *Social Network Analysis for Ego-Nets*. SAGE, 2015; Nin N. *Social capital A Theory Of Social Structure And Actions*. Cambridge Univ. Press, 2001.
- 24 Northcott S., Hirani S., Hilari K. A Typology to Explain Changing Social Networks Post Stroke // *The Gerontologist* 58(3) · March 2017.
- 25 Granovetter M.S. The strength of weak ties // *AJS*. 1973;78:1360–1380.
- 26 Berkman L.F., Glass T.A., Brissette I., Seeman T.E. From social integration to health: Durkheim in the new millennium // *Soc Sci Med*. 2000;51:843–857.
- 27 Christakis N.A., Allison P.D. Mortality after the hospitalization of a spouse // *N Engl J Med*. 2006;354:719–730.
- 28 Martikainen P., Valkonen T. Mortality after the death of a spouse: rates and causes of death in a large Finnish cohort // *Am J Public Health*. 1996;86:1087–1093.
- 29 Cameron J.I., et al. One-year outcomes in caregivers of critically ill patients // *N Engl J Med*. 2016;374:1831–1841.
- 30 O'Malley A.J., Arbesman S., Steiger D.M., Fowler J.H., Christakis N.A. Egocentric social network structure, health, and pro-social behaviors in a national panel study of Americans // *PLoS ONE*. 2012;7:e36250.
- 31 Bennett D.A., Schneider J.A., Tang Y., Arnold S.E., Wilson R.S. The effect of social networks on the relation between Alzheimer's disease pathology and level of cognitive function in old people: a longitudinal cohort study // *Lancet Neurol*. 2006;5:406–412; Nagayoshi M., et al. Social network, social support, and risk of incident stroke: atherosclerosis risk in communities study // *Stroke*. 2014;45:2868–2873.
- 32 Bellotti E. What are friends for? Elective communities of single people // *Soc Networks*. 2008;30:318–329.
- 33 Barabási A.L. The architecture of complexity // *IEEE Control Syst Mag N Y*. 2007;27:33–42.
- 34 Cornwell B., Laumann E.O. The health benefits of network growth: new evidence from a national survey of older adults // *Soc Sci Med*. 2015;125:94–106.

Анализ социальной мобильности и эффекта синергии ИТ-специалистов как феномен социологии мечты (на примере феномена Посёлка программистов в Кировской области)

Борисов В. В.

Статья посвящена изучению социальной мобильности в ИТ профессии, на примере феномена посёлка программистов в Кировской области, РФ. Приведен пример карьеры его создателя Алексея Конышева. Посёлок программистов – активно развивающийся проект является социальным институтом равным образовательному учреждению. Показан анализ мотивации по данным пилотного опроса курсантов, представителей различных социальных страт. Ключевые слова: мобильность в ИТ-сфере, профессиональный рост, человеческий потенциал, самореализация, эффект социального проекта, социальная динамика в условиях неолиберализма.

Borisov V.V.

Analysis of social mobility and the synergy effect of IT professionals as a phenomenon of the sociology of dreams (for example, the village of programmers in the Kirov region)

The article is devoted to the study of social mobility in the IT profession, on the example of the phenomenon of the village of programmers in the Kirov region, the Russian Federation. An example of the career of its creator Alexei Konyshev is given. A programmer community is an actively developing project that is a social institution equal to an educational institution. The analysis of motivation according to a pilot survey of students, representatives of various social strata is shown.

Key words: IT mobility, professional growth, human potential, self-realization, the effect of a social project, social dynamics in the context of neoliberalism.

Эта работа представляет собой анализ материалов экспедиции в посёлок программистов близ г. Слободского на реке Вятке, в Кировской области. Маклюэн утверждал, что под влиянием электронных СМИ мир превращается в «глобальную деревню». Однако особую составляющую в нашем исследовании несёт *genius loci* гений места и даже генетика места.

Прекрасно сохранившиеся архитектурные памятники и возродившие свою жизнь сегодня многочисленные величественные храмы Слободского, и региона в целом, свидетельствуют об эпохе экономического процветания. Непосредственно феномен проекта укладывается в стандарты целого спектра терминов социальной динамики: современного *downshifting*, строительство и развитие подобия «родового поселения» основанием принадлежности к которому является профессия, и суть социальный лифт – школа программистов, сейчас сезонный, в перспективе круглогодичный образовательный курс, в том числе дистанционное образование через мировую сеть и обеспечение выпускников работой. Таким образом, всё гармонично, но не одномерно, – Алексей Конышев – автор идеи, основатель, пропагандист и руководитель сложного проекта, методист и разработчик образовательной технологии, и не просто ментор, но играющий тренер, а именно практикующий программист.

Как отмечено выше, кроме посёлка собственно, Алексеем Конышевым вынашивалась идея образовательного проекта. Одним из первых этапов его стала работа со старшими школьниками. Выпускники самого первого курса сейчас помогают Алексею и, да, получают образование в классическом вузе, но при этом совмещают с работой, где создают востребованного интеллектуального продукта на сум-

му от 100 000 рублей в месяц. Это хороший уровень оплаты. Представители Кировского управления народного образования активно сотрудничают с Конышевым по увеличению эффективности образовательных программ ИКТ для школьников, характерной стратегией становится акцент на прикладной характер знаний, при этом учитель берёт на себя роль ментора.

О социологическом портрете учащихся. Группа курсантов состояла из мужчин и женщин до 45 лет, была вполне разнородная: статусу курсанта, уровню подготовки, ожиданий и мотивации. Всего в группе 11 человек. Половина из них, начинающие из Кирова, не программисты, эта же половина группы отселялась на середине недели по собственному желанию.

Помимо навыка научиться и заработать выделены другие мотивы присутствия в летней школе:

- потусоваться (10 человек);
- понять, почему эти «чёртовы программисты» просят так много денег и можно ли делать всё за них (4);
- профориентация (4);
- дополнение к учебе (4);
- прочее (3)». [6]

Таким образом, статистика с небольшой погрешностью повторяет данные Холоповой (2004)[12] наиболее эффективные выпускники вузов 10% (совмещающие учёбу и работу по специальности). В исследовании профессиональной мобильности дипломированных специалистов Ковалёва (2012)[4] называет 16%.

Высокая планка требовательности не позволяет Алексею Конышеву успокоиться на факте просто работающей школы. На фоне других онлайн-школ рапортующих о статистике близкой к 100% эффективности. Конышев же говорит о 66% фейлов. А из 24 наиболее мотивированных студентов он уверен в успехе восьми из них. Среди причин, на взгляд Алексея, повлиявших на статистику конверсии названы три методические:

Причина первая – резкие перепады сложности.

Другая причина недостаточной статистики – это уровень предварительной подготовки внимание к языку – наибольшего успеха достигли студенты, вооружившиеся рекомендацией Конышева, посвятившие время освоению язы-

ка до приезда на курс. Понятно, не все этому уделили должное внимание.

Третья базовая причина – алгоритмизация, связанная с конституцией языка. Язык меняется и развивается в направлении «декларативности», роль алгоритмизации постоянно снижается и сильно отвлекать на неё внимание студента не хочется. В общем, у нас пока нет готового решения на эту тему, и эта задача пока в статусе Research and Development.»[6].

Наше исследование касается мобильности в ИТ-профессии в современных условиях России. Такие люди как Алексей Конышев являются и центром притяжения, и организаторами, создателями возможностей, мотивом профессиональной мобильности. Говоря современным языком, создатель курса Хуториум и посёлка программистов является лидером России. Но каким должен быть Лидер современной России? Каковы человеческие качества, помимо образования и связей, наличия финансовых ресурсов могут сыграть в современных условиях России?

Эти возможности вызывают интерес, как широкой общественности, так и специалистов – кроме интересующихся россиян, на первом сезоне побывали совершенно конкретные мобильные спортивные программисты бельгийцы. О своем проекте А.Конышев рассказывает в Instagram, на Habr, собственном сайте poselok-programmistov.ru и блоге этого сайта.

Формат исследования не использует критериев оценки процессов глобальной десоциализации, не делается акцент на экономическом или политической оценке [1,8-10] Взгляд на феномен нового проекта через призму социологии мечты. Согласно программе теории ритуала интеракции, мы должны использовать те интеллектуальные инструменты, которые у нас есть, применяя их к анализу всех ситуаций, всех эмоций, всех символов, всей субъективности и интресубъективности.... Теория РИ как интеллектуальное предприятие представляет собой набор символических представлений, несущихся по волнам эмоциональной энергии. Это интеллектуальный всплеск, прорыв, подобный тому, который заставил с удвоенной энергией работать Дюркгейма и его последователей и, наконец, современных социологов, занятых изучением эмоций и процессов, наполняющих повседневную жизнь. [5, с.38]

Литература

1. Барсукова Т. И., Максимов В. Ю. К вопросу о социально-экономическом и идеологополитическом позиционировании современной России. Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2015. – № 2 (47). С. 254-260
2. Гончаров Г.А. Влияние Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на демографические процессы (на материалах Кировской области). Вестник РГУ, 2017 №1(54) С. 44-54.
3. Город Киров в годы войны Электронный ресурс: http://to43.minjust.ru/sites/default/files/kirov_v_gody_voyny.pdf дата обращения 19.11.18
4. Ковалева А. И., Профессиональная мобильность (Московский гуманитарный университет) Знание. Понимание. Умение 2012 - №1 Энциклопедия гуманитарных наук Электронный ресурс КиберЛенинка : <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-mobilnost> дата обращения 30.11.18.
5. Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции // Журнал социология и социальная антропология. 2004. Том VII. № 1 (25).
6. Кобышев А. Итоги летнего сезона 2018 года в школе «Хуториум» <https://vc.ru/poselok/49893-itogi-letnego-sezona-2018-goda-v-shkole-hutorium> дата обращения 19.11.18
7. Кобышев А. Мотивация в обучении программированию Электронный ресурс: <https://vc.ru/poselok/50988-motivaciya-v-obuchenii-programirovaniyu> дата обращения 19.11.18
8. Лушников Д.А. Деконструктивизм как дезорганизационная стратегия социокультурных изменений // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2012. – № 3 (32). – С. 149-151.
9. Лушников Д.А., Волчинский А.В. Проблема критериев и показателей выделения среднего класса в современном российском обществе (в период до социально-экономического кризиса 2014 года) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2016. – № 4 (26). – С. 192-201.
10. Лушников Д.А., Гапич А.Э. Технологии цветных революций / Technology of color revolutions. – М.: ИЦ РИОР: НИЦ ИНФРА-М, 2017. – 126 с
11. Растительность Европейской части СССР. – Л., 1980.
12. Хлопова Т.В. Проблема трудоустройства и самооценка выпускников вузов / БГУЭиП, г. Ангарск [Электронный ресурс] // сайт Находкинского филиала Дальне-Восточного Федерального университета URL: <http://nakhodka.wl.dvgu.ru/forum/section1/l-14.htm>. (дата обращения: 07.02.2018).

Образ жизни коренных этносов арктической зоны Якутии: социально-экономический аспект

Писарева Л.Ю.

В статье представлены результаты научного исследования, проведенного по гранту РФФИ 2018 года в рамках проекта «Трансформации социокультурного облика коренных жителей арктического побережья Якутии в условиях модернизации: опыт междисциплинарного исследования». Исследование проводилось на основе социально-экономического анализа, включающего такие инструменты как социологический опрос, анализ статистических данных, анализ показателей социально-экономического развития территорий.

Жизнедеятельность коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Арктической зоне Якутии, пройдя стадию глубокой ассимиляции с якутским народом, оказалась в центре противостояния Арктической и Западной цивилизаций, выход из которого видится в сохранении Арктического пространства как основы этнической самоидентификации коренных этносов Арктики.

Ключевые слова: Арктическая зона Республики Саха (Якутия), коренные малочисленные народы Севера, традиционный образ жизни, модернизация, промышленное освоение, адаптация, этническая самоидентификация, Арктическое пространство, Арктические социальные индикаторы.

Pisareva L.Yu.

The way of life of the indigenous ethnic groups of the Arctic zone of Yakutia: socio-economic aspect

The article presents the results of a scientific research conducted with the support of the Russian Foundation for Basic Research grant of 2018 within the framework of the project "Transformations of the sociocultural image of the indigenous peoples of the Arctic coast of Yakutia in the context of modernization: the experience of interdisciplinary research". The study was conducted on the basis of a socio-economic analysis, including such tools as a sociological survey, analysis of statistical data, analysis of indicators of the socio-economic development of the territories. The vital activity of the indigenous peoples of the North living in the Arctic zone of Yakutia after the stage of deep assimilation with the Yakut people found itself in the centre of opposition between the Arctic and Western civilizations, the way out of which is seen in preserving the Arctic space as the basis of the ethnic identity of the Arctic indigenous peoples.

Key words: Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia), indigenous peoples of the North, traditional way of life, modernization, industrial development, adaptation, ethnic identity, Arctic space, Arctic social indicators.

Введение

Для коренных малочисленных народов Севера вопрос сохранения традиционного образа жизни остается самым существенным для жизнедеятельности на протяжении достаточно большого отрезка времени. Однако этот временной интервал не сопоставим по продолжительности с историей формирования так называемой Арктической цивилизации, осколки которой хранят и таят в себе потомки людей, населявших северные широты разных континентов Земли. Малочисленные этносы Севера несут в себе уникальный код, связывающий данные народы с историей формирования и существования Арктической цивилизации. Впервые термин «Арктическая цивилизация» был введен в оборот Ю.В. Яковцом, У.А. Винокуровой, толчком для которого послужили идеи М.Е. Николаева об арктической философии народа саха. В его многочисленных трудах обсуждались животрепещущие проблемы жизни народов в экстремально холодных природно-климатических условиях, сформировавших особую циркумполярную цивилизацию. По его мнению, Арктическая цивилизация – это цивилизация выживания, в основе которой лежит народная мудрость [1, С.58-66]. Конец XX века, таким образом, ознаменовал поворот к новому взгляду на Арктику. Произошла смена восприятия данной территории. Арктика утратила контекст места, связанного с пустотой, необъятностью и белизной, разрабатываемая система представлений, игнорирующих человеческий опыт на этой территории [2, С. 17]. Появилось Арктическое цивилизационное пространство, где произошло столкновение Западной и Арктической цивилизаций. Запад со своими технологиями и индустриальной экономикой, потребительским образом жизни, массовой культурой и другой верой устремился в Ар-

ктику, вытесняя и меняя образ жизни коренных народов, лишая их традиционного жизненного уклада, меняя мировоззрение молодого поколения, распространяя алкоголизм, болезни, новые нравственные ценности.

Экономическое и социокультурное столкновение цивилизаций поставило сегодня вопрос о его последствиях. Острота влияния вмешательства Запада и его индустриальной культуры в Арктический социум проявилась в конце XX века, когда Декларация по окружающей среде и развитию, подписанная на Саммите Земли в Рио-де-Жанейро в 1992 году навсегда изменила отношение человечества к окружающему пространству. В докладе «Наше общее будущее», подготовленном под руководством Г.Х.Брунтланн была представлена картина обрыва, на краю которого оказалось человечество в его эгоистическом стремлении забрать из окружающей среды максимум возможного, преобразовать эти ресурсы для повышения собственного комфорта и оставить места, где находились нужные ресурсы, безжизненными, загрязненными пустошами, утратившими первоначальную природную основу [3, С. 10-15].

Экологический аспект человеческой жизнедеятельности приобрел весомый характер в разработке и принятии любого управленческого решения.

В данном контексте Арктическая тематика заняла лидирующие позиции по количеству появившихся структур и инициатив, направленных на обеспечение ее устойчивого развития. За рубежом – это, прежде всего, Арктический Совет, Университет Арктики. В России - Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, Северный (Арктический) федеральный университет, Межрегиональная общественная организация «Ассоциация полярников» и много других. Подготовлен ряд докладов о Развитии человеческого потенциала в Арктике, разработана и применяется методология Арктических социальных индикаторов. Ежегодно в разных точках планеты проводится серия конференций, форумов, симпозиумов по проблемам Арктики. При этом параллельно развиваются широкомасштабные проекты нового вторжения в Арктику. В Итоговой общественной резолюции VII Международного форума «Арктика: настоящее и будущее», прошедшего в декабре 2017 года, четко про-

слеживается активная заинтересованность России в постоянном расширенном присутствии в Арктической зоне. Остановить дальнейшее сужение Арктического пространства индустриальным освоением не представляется на сегодня возможным.

Сделать этот натиск более взвешенным и сбалансированным у различных структур, вовлеченных в модернизацию Арктического пространства, желание имеется, но практическая реализация этих намерений выходит за рамки декларируемых обязательств. По словам заместителя председателя правительства РФ, председателя Государственной комиссии по вопросам развития Арктики Д.О.Рогозина «цель этих перемен не освоение природных ресурсов, не милитаризация Арктики. Наша цель – сохранить присутствие человека в Арктике, выстроить для него видимые долгосрочные жизненные перспективы. Исключительное отношение человека людей к региону, их желание ехать в Арктику и навсегда связать с ней свою судьбу должно стать главным показателем нашей эффективности» [4, С.3].

Таким образом, была сформулирована кадровая стратегия по заполнению Арктического пространства новыми человеческими ресурсами. Любая кадровая стратегия является ответом на решение основной задачи. В данном случае речь идет, несомненно, о новом витке промышленного освоения ресурсов Арктики.

В обозначенной перспективе участие и помощь научного сообщества в обеспечении экспертного мнения по вопросам устойчивого развития имеет ключевое значение. В рамках данного исследования решалась задача по анализу социально-экономических и поведенческих трансформаций, происходящих в сельских населенных пунктах прибрежных районов Арктической зоны РС(Я) в контексте модернизации и последствий их влияния на полноценное сохранение языка и культуры жизнедеятельности коренных арктических сообществ как основы современной концепции устойчивого развития и культурного разнообразия мировой этнической палитры.

Методология исследования

В основу решения поставленных в исследовании задач был заложен сравнительный подход, базирующийся на методах статистическо-

го и социологического анализа. Использовались данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия), осуществляющего мониторинг социально-экономического развития Арктической зоны РС(Я). В качестве объекта социально-экономического анализа были выбраны прибрежные районы республики, чье геокультурное пространство попадает в недавно сконструированный комплекс территорий, названный Арктической зоной Российской Федерации [5, С. 1-2]. Территориальный или, согласно концепции И.Валлерстайна, геокультурный подход к оценкам уровня социально-экономического развития является на сегодня доминирующим в междисциплинарных исследованиях. Вслед за И.Валлерстайном геокультуру развития, основанную на концепции догоняющего приближения удаленного, периферийного социума к центру, считаем базовой для понимания «тупикового» состояния современной социокультурной ситуации Арктического сообщества. Культура социума неотрывна от территории. Закрепив пространство, определив соседей и границы, социум создает свое культурное пространство. Геокультура стремится сделать границы этого пространства неподвижными и священными [6, С.42]. Социум, конструируемый через призму геокультуры развития как формы культурного давления с целью обеспечения программ модернизации, неизбежно попадает в тупик, а его пространство тогда становится предметом споров и разногласий.

В данном исследовании представлена попытка фиксации уровня социально-экономического развития коренных этносов для определения точки развития, в которую попал Арктический социум в процессе формирования системы устойчивых культурных реалий и представлений в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия и столкновения различных культурных традиций и норм, ценностных установок, произошедших на этапе модернизации: от советской индустриализации до приватизации и привнесения западной либеральной модели в советскую систему хозяйствования. В статье приведены лишь отдельные результаты комплексного исследования.

Для анализа образа жизни коренных этносов Арктики в условиях дальнейшей модернизации территории было выбрано сельское поселе-

ние Кюсюр Булунского национального (эвенкийского) наслега. Проведено анкетирование 97 человек (14,5% трудоспособного населения), по случайной выборке, подворовым обходом.

Параметры качества жизнедеятельности изучались с применением методологии Арктических социальных индикаторов, включающей такие показатели как уровень материального благосостояния коренного населения, уровень здравоохранения, уровень образования, уровень присутствия родного языка в повседневном общении, уровень взаимодействия с природой, уровень контроля за земельными ресурсами.

Арктическое пространство как способ сохранения этнической самоидентификации

Исторический путь, пройденный коренными народами, несравнимо более продолжителен, чем путь других этнических групп. Именно этот несопоставимо разный по продолжительности опыт жизнедеятельности представляет собой уникальный феномен, требующий все более глубокого изучения и осмысления. Коренные народы Севера еще 100-150 лет назад оставались свободными кочевниками, использовавшими ресурсный потенциал северных ландшафтов средствами традиционного природопользования, сохраняя высокую зависимость от природных условий бытия и соответственно от географической среды, которой располагал их уникальный социум. Для поддержания традиционности требовалось сохранение пространства. XX век стал переломным в судьбах северных этносов, когда Западная цивилизация вторглась в жизнь народов, знания о которых до этого были очень поверхностными и носили описательно-этнографический характер. Из героев этнографических статей и публикаций, коренные народы Севера превратились на рубеже веков в соседей по территории проживания. Натиска, подобного периоду начала промышленного освоения Арктических территорий, коренные народы Севера никогда ранее не испытывали.

Что произошло в результате смешения разных по типу цивилизаций? Арктическая цивилизация не устояла под натиском или она приняла гибридные формы, вобрав в себя компоненты Западной цивилизации и приняв формы геокультуры развития?

В одной из последних работ Н.А.Смирнова представлена своеобразная композиционная

структура геокультур Арктики. Понимая геокультуру как пространственную форму колонизации [7, С.47-49] и образования новых общественных форм в пространстве, он выделяет три типа геокультур, присутствующих сегодня одновременно в актуальном состоянии в Арктическом социуме. Это, во-первых, геокультура коренных народов Арктики, во-вторых, геокультура поселений советской колонизации и, в-третьих, постсоветская неолиберальная геокультура с риторикой традиций. Такое сочетание геокультур автор представляет как своеобразную решетку наслоений, возникавшую с каждой очередной волной колонизации. Арктика, таким образом, являет собой пространство, вобравшее в себя уникальную многослойную композицию геокультур постепенного наслоения, смешения, подселения различных этнических групп на сложившуюся за многотысячелетнюю историю коренную геокультуру. При этом, по мнению Н.А.Смирнова, вопросы национальной идентичности не были свойственны [7, С.47-49] этим группам людей. Самоназвания коренных народов Севера определяли их статус как «настоящие люди». Лишь на рубеже XIX-XX веков началась каталогизация племен, населяющих северные территории, с выделением этнических особенностей и присвоением этнической идентификации.

Все предшествующие индустриализации этапы так называемой «колонизации» проходили без ущерба традиционной модели жизнедеятельности, принципиальными особенностями которой можно считать: во-первых, использование природных ресурсов животного и растительного мира в качестве основы хозяйственной деятельности и продовольственной безопасности, Во-вторых, потребность в сохранении биологического разнообразия ресурсов животного и растительного мира для поддержания хозяйственной деятельности и продовольственной безопасности.

Основные параметрам традиционной модели жизнедеятельности, как правило, включают:

- способ обеспечения домохозяйства жильем;
- способ обеспечения домохозяйства продуктами питания;
- способ обеспечения домохозяйства одеждой, предметами обихода, орудиями труда;
- способ воспитания и образования молодого поколения;

- способ управления, организации и взаимодействия внутри сообщества.

Модель, обеспечивавшая сохранение этнического генофонда коренных малочисленных народов Севера на протяжении необычайно длительного периода в истории человечества, не устояла перед индустриальным вмешательством. Постепенно заполняя когда-то безграничные пространства Арктики, новое население теснило и сужало привычные ареалы-локусы размеренного существования. На первом этапе произошла языковая ассимиляция. Коренные народы стали использовать возможности якутского и русского языков для более полного самовыражения и более полного взаимодействия и обеспечения необходимых контактов. Резкое столкновение с иной цивилизацией в советский период не оставило коренным малочисленным народам Севера выбора вариантов пути для самосохранения. Единственным стало принятие новой модели. Существенную роль в данном процессе сыграла, на наш взгляд, коллективизация и дальнейшая работа по созданию совхозов. Образ жизни коренных малочисленных народов Севера претерпел исторически скачкообразный переход от традиционной к советской сельскохозяйственной модели жизнедеятельности. Под влиянием принудительной коллективизации и совхозного строительства произошла ломка ценностных устоев коренных малочисленных этносов Севера. Природа и Арктическое пространство как основа благополучия семьи были заменены на совхозные трудодни и получение зарплаты. Ценности размеренного, рационального взаимодействия с окружающей средой были заменены советской партийной идеологией по формированию нового человека, отдающего свой труд на благо общего советского строительства. Подчинение требованиям партийного руководства республики, увеличение количества межнациональных браков, выбор якутской идентификации, стремление к получению профессионального среднего и высшего образования, отказ от традиционных обычаев и традиционных методов лечения, воспитание детей в интернатах, увеличение заболеваемости, алкоголизация являлись следствием произошедших изменений.

Одним из основных механизмов самосохранения в данных условиях стал принцип обеспечения связи с Арктическим пространством и

удержания места проживания как источника, придающего силу для сохранения базовых компонентов структуры ценностей своей ускользающей культуры.

Сохраняя приверженность исконной территории проживания, коренные этносы Арктики обеспечили включение геокультуры своих народов в их композиционное смешение, переживаемое в настоящее время. В рамках постсоветской неолиберальной геокультуры происходит сегодня формирование основы для возврата к традиционным составляющим культуры северных этносов, к возрождению языков, обрядов, церемоний, полноценной этнической самоидентификации и, в целом, традиционного образа жизни.

Высокий уровень образования среди представителей коренных малочисленных народов Арктики, накопленный как результат влияния советской партийной идеологии, сформировал элиту, способную сегодня адекватно отвечать на вызовы любой новой волны так называемой «колонизации».

Увеличение социальных гарантий представителям коренных малочисленных этносов Севера способствовало росту этнической самоидентификации, что было зафиксировано в итогах переписи 2010 года.

Используя последствия советской сельскохозяйственной модели жизнедеятельности, коренные малочисленные народы Севера сформировали смешанный тип жизнеобеспечения, основанный на сочетании двух источников доходов:

- денежный источник в форме заработной платы и занятости на предприятиях бюджетной сферы;
- не денежный источник в форме активного природопользования (охота, рыбалка, дикоросы).

В современных условиях жизнедеятельности Арктическая семья стремится использовать все преимущества модернизации, сочетая их с возможностями свободного природопользования, которые обеспечивает Арктическое пространство.

Однако одновременно модернизация сужает пространство Арктики.

Именно Арктическое пространство позволяет социуму сохранять память предшествующих поколений и поддерживать основные тра-

диции. Арктическое пространство дает возможность заниматься традиционными видами деятельности, которые для большинства коренных жителей является неотъемлемой составляющей их образа жизни.

Социальные и экономические показатели уровня жизни населения прибрежных Арктических районов Республики Саха (Якутия)

В период между 2006-2009 гг. зарубежными исследователями под руководством Арктического института имени В. Стефансона (Исландия) был разработан инструментарий для обеспечения мониторинга уровня социально-экономического развития Арктических территорий. В фокус исследователей попали регионы, расположенные в прибрежных районах к Северному ледовитому океану. Соответственно, территория и население Республики Саха (Якутия) вошло в проект мониторинга показателей, которые получили название Арктические социальные индикаторы (Arctic social indicators – ASI). В подготовленном по итогам апробации методики мониторинга докладе «Arctic social indicators. ASI-II: Implementation» [8, С.57-88] данные по Республике Саха (Якутия) характеризуют все население региона, не учитывая и не распределяя его по этнической принадлежности, что является одним из ключевых недостатков проведенной оценки.

Для более объективной оценки текущего уровня социально-экономического развития коренного населения Арктической зоны, в интересах которых и разрабатывались Арктические социальные индикаторы, необходимо использовать более детальную статистику, которая, к сожалению, отсутствует в формах статистической отчетности. На решение этой проблемы обращено внимание участников VII международного форума «Арктика: настоящее и будущее». В итоговую резолюцию включен пункт о необходимости возобновления статистического выпуска «Экономические и социальные показатели районов проживания коренных малочисленных народов Севера», с выделением АЗРФ.

Характеризуя макроэкономическую ситуацию, сложившуюся в период с 2010 года в прибрежных улусах Арктической зоны Республики Саха (Яку-

Таблица 1

Численность населения прибрежных районов Арктической зоны РС(Я) (человек)

Источник: Статданные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) [10]

Название района	Городское население				Сельское население			
	2011	2015	2016	2017	2011	2015	2016	2017
Аллаиховский	2344	2118	2068	2095	678	615	614	623
Анабарский	-	-	-	-	3501	3387	3431	3500
Булунский	5178	4557	4556	4604	3961	9847	3810	3800
Нижнеколымский	2841	2639	2605	2600	1805	1787	1781	1766
Усть-Янский	4370	3878	3926	3920	3681	3366	3316	3282

Таблица 2.

Поголовье оленей на душу населения прибрежных районов Арктической зоны РС(Я) (ед)

Источник: Статданные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) [10, gks.ru].

Название района	Численность населения (чел)	Поголовье оленей (голов)		
		2010	2016	На душу населения 2016
Аллаиховский	2718	1766	-	
Анабарский	3500	17333	15407	4,4
Булунский	8404	17095	12337	1,4
Нижнеколымский	4306	18425	19920	4,6
Усть-Янский	7202	16832	22774	3,2

тия) следует отметить, что процессы модернизации и промышленного освоения, затронувшие в этот период преимущественно Анабарский район, где ведется добыча россыпных алмазов (компания «Алмазы Анабара»), оказывают значительное влияние на рост и динамику социально-экономических показателей региона. Работники вахтовых поселков компании – специалисты, привлеченные из разных уголков Якутии.

Только в Анабарском районе за период работы компании удалось стабилизировать показатели по численности проживающего населения. В остальных районах наблюдается сокращение численности. За период с 2011 по 2017 гг. снижение численности составило в среднем: среди городского населения – 10,5%, среди сельского – 6,5% (таб. 1).

В Анабарском районе наблюдаются высокие показатели естественного (12.7 на 1000 человек) и миграционного прироста (72.1 на 1000 человек). На втором месте Аллаиховский район (10.7 и 25.9 соответственно). В остальных районах естественный прирост не превышает 10.0 на 1000 человек (Булунский-6, Нижнеколымский - 4.5, Усть-Янский - 5.4) и имеется миграционная убыль.

В структуре занятости экономически активного населения самый высокий показатель в Анабарском районе – 85,6% (2010), 80,6% (2016). При этом наблюдается общая тенденция на сокращение среднесписочной численности работников организаций во всех прибрежных Арктических районах.

Объем подушевых денежных доходов населения в среднем по прибрежным районам Арктической зоны Якутии составляет 40 001 руб., при этом наибольший показатель в Анабарском районе - 58 141 руб.

Однако объем внутреннего потребления в Анабарском районе не превышает показатели других прибрежных Арктических районов. Более высокие доходы населения не оказывают существенного влияния на активизацию торгового оборота и стимулирование малой экономики региона. Причиной может служить отсутствие инфраструктуры досуга и разнообразия предоставляемых услуг. Средства либо накапливаются, либо тратятся за пределами Арктической зоны.

По традиционным видам сельскохозяйственной деятельности Анабарский район наряду с Нижнеколымским лидируют в сфере оленеводства. Поголовье оленей на душу населения со-

Таблица 3

Уровень материального благосостояния населения, занятого традиционным природопользованием в прибрежных районах Арктической зоны РС(Я) (рублей)

Источник: Статданные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) [10, gks.ru]

Название района	Охота и разведение диких животных			Разведение оленей			Рыболовство		
	2010 г	2016 г	Темп роста	2010 г	2016 г	Темп роста	2010 г	2016 г	Темп роста
Аллаиховский	-	-	-	-	-	-	12098	21767	179%
Анабарский	5217	21000	402%	10614	21815	205%	-	-	-
Булунский	2902	-	-	8753	19085	218%	8133	13601	167%
Нижнеколымский	7846	-	-	10805	22378	207%	31746	23056	- 137%
Усть-Янский	4243	-	-	8074	19785	245%	6251	28972	463%

ставляет в Анабарском районе – 4,4, в Нижнеколымском – 4,6 (таб.2)

Однако, как отмечалось выше, при использовании методологии Арктических социальных индикаторов, ситуация может предстать под иным углом зрения, через призму уровня жизни коренных малочисленных народов Севера.

Отсутствие статистического наблюдения по данной категории населения республики делает анализ показателей АСИ крайне затруднительным. В качестве альтернативы, были использованы некоторые косвенные данные статистической отчетности.

Для оценки уровня материального благосостояния коренного населения использовались данные по среднемесячной заработной плате по некоторым видам деятельности, в разрезе охоты, рыболовства, разведение оленей (таб.3). Отмечается рост заработной платы этой категории работников, но количественные параметры остаются невысокими, с трудом обеспечивая минимальный размер оплаты труда (МРОТ), который в 2016 году составлял по Якутии 16824 рубля. Сравнение с уровнем средней заработной платы по районам показывает, что труд населения, занятого в сфере традиционного природопользования оплачивается в 3 раза меньше. Средняя зарплата по прибрежным районам Арктической зоны составляла в 2016 году – 63165 рублей в месяц, в сфере традиционного природопользования – 21204 рубля.

По данным паспорта Булунского национального (эвенкийского) наслега (с.Кюсюр) [9, С.1-30], где проживает 1418 человек, преимущественно коренные малочисленные этносы, общее число трудоспособного населения состав-

ляет 668 человек, включая лиц пенсионного возраста, из них занятых в экономике – 436 человек (65,2%). Занятость в традиционных промыслах составляет - 40,3%. Занятость в госсекторе – 54,6%. Число индивидуальных предпринимателей – 19 (строительство, торговля, добыча). Из 280 семей 242 считаются малоимущими, т.е. имеющими доход семьи ниже прожиточного минимума. Общее число малоимущих – 811 человек, что составляет 57,1% от численности населения (1418 человек – 2016 г). Средний состав семьи – 5 человек. В селе проживает 66 неработающих инвалидов. Средний уровень пенсии составляет 7014 рублей в месяц. Таким образом, можно считать, что для половины количества домохозяйств в селе Кюсюр доходы семьи находятся в пределах 20 000-25000 рублей в месяц. Следует предположить, что к этой категории относятся лица старшего возраста, получающие низкую пенсию и незначительную зарплату от занятости в традиционных промыслах.

При оценке уровня здравоохранения Арктические социальные индикаторы предлагают использовать показатель младенческой смертности. К сожалению, в этом разрезе данные по коренным этносам отсутствуют. Оценка по состоянию здоровья населения в данном исследовании была сделана с помощью методов социологического анализа. На вопрос анкеты «Как бы вы оценили состояние своего здоровья?» 44,7% опрошенных жителей села Кюсюр ответили «удовлетворительно (болею не очень часто, самочувствие нормальное)». По данным опроса эти люди обращаются за медицинской помощью не чаще, чем 1-2 раза в год. Часто

болеют и чувствуют себя уставшими около 15% участников опроса. 20,8% постоянно принимают лекарства. Давая оценку качеству медицинского обслуживания, 39,5% опрошенного населения считают его «удовлетворительным» и 26% «плохим». 36,4% считают, что в продаже не бывает необходимых лекарств. 25% не могут себе позволить купить необходимые лекарства. При этом, корреляция данных опроса показывает, что население не испытывает значительных проблем со здоровьем в интервале от 16 до 45 лет, после 45 лет самооценка здоровья ухудшается, также ухудшается оценка качества системы здравоохранения на селе. К числу косвенных показателей можно также отнести уровень рождаемости и естественного прироста коренного малочисленного населения. По данным паспорта села Кюсюр 2016 года, естественный прирост составил 11.2 на 1000 человек (31 родившийся к 15 умершим), что практически в два раза превышает показатели по Булунскому району в целом (6.0 на 1000). Высокий естественный прирост показывает позитивную тенденцию устойчивого развития социума.

Арктические социальные индикаторы в качестве основного показателя уровня образованности населения рассматривают число лиц, обучающихся на программах среднего, высшего и дополнительного профессионального образования. В качестве замещающего показателя в данном исследовании проанализированы данные опроса населения с. Кюсюр, показавшие доминирование в образовательной структуре коренного населения количества лиц с высшим, неполным высшим и средним специальным образованием – 67,5%.

Анализ уровня присутствия родного языка в повседневном общении также проведен по данным социологического опроса населения села Кюсюр. Большинство участников опроса этнически идентифицировали себя как эвенки (55,2%). Ответы на вопрос о родном языке распределились преимущественно в пользу якутского языка (81,2%). Русский назвали родным языком – 18,3%. В качестве родного эвенкийский язык указало только 0,5% опрошенных жителей села. На вопрос: «На каком языке Вы преимущественно общаетесь дома?» - 95% ответили, что общаются на якутском языке. 46,4% в дополнение используют русский язык.

Показатель уровня взаимодействия с природой характеризуют данные о роли традиционных промыслов в жизнеобеспечении семьи коренных этносов Арктической зоны (уровень добычи и потребления продуктов природной среды).

По данным проведенного анкетирования большинство жителей вовлечено и предпочитают заниматься собирательством дикоросов – 89,6% (таб.8). Охота и рыбалка играют значимую роль только для половины опрошенного населения. 52,4% занимаются охотой, 62,8% - рыбалкой. Большинство жителей не занимаются разведением оленей в личном домохозяйстве (73,4%). Для тех, кто содержит оленей, поголовье, в основном, незначительное от 1 до 6 голов (26%). Большие стада от 100 до 213 голов имеют лишь немногие семьи. При этом рацион питания у 31,9% опрошенных с. Кюсюр полностью состоит из этнической пищи. Для 30,9% участников опроса - половину, а для 23,7% - больше половины рациона представляет продукция традиционных промыслов. 12,3% - четверть рациона. В целом, население в большой степени предпочитает и зависит от продуктов традиционного промысла. Ежедневно потребляет оленину - 86,5%, рыбу - 59,7%, дикоросы – 24,7%, дичь - 8,24%. 32,9% не занимаются изготовлением национальной одежды. 41,2% изготавливают только некоторые элементы. Из традиционной одежды в обиходе активно используются только меховая шапка (72,1%) и унты (92,7%). Княнчи (26,8%), торбоза (14,4%), меховая куртка (23,7%) имеют сегодня меньшее значение для коренного населения. Только 32,3% опрошенных предпочитают носить украшения с национальным орнаментом.

По показателю контроля за земельными ресурсами, данные опроса населения показывают, что большинство не имеют в собственности пастбищ (80,4%), участков для охоты (77,3%) и рыбалки (70,1%). Только 1% - владеет пастбищными угодьями (4 га), 16,4% опрошенных имеют определенный участок для охоты, 25,7% - имеют участок для рыбной ловли. Тем не менее, население очень обеспокоено возможностями дальнейшей модернизации и сокращения доступа к Арктическому пространству. 50,5% опрошенных считают, что состояние традиционных угодий за последние 10 лет уже ухудшилось. 62,8% относится отрицательно к

промышленному освоению территории района. 53,7% считают, что освоение нарушит экологию района. 36% уверены, что ввод в строй промышленных объектов ухудшит показатели здоровья населения и снизит качество жизни. 23,7% опрошенных готовы выступить и поддерживать акцию движения против строительства крупных промышленных объектов.

По данным паспорта наслега основная роль в селе отведена государственным сельскохозяйственным предприятиям, где содержится основное стадо оленей – 2905 голов. В селе 2 родовые общины, 1 крестьянское хозяйство, 5 сельхозкооперативов и 7 собственников пастбищных угодий. Количество оленей, находящихся в личной собственности населения – 893. Таким образом, очевидно, что в среднем семья содержит только 3 оленей (893 головы /280 семей), не имеет собственных пастбищ и крайне обеспокоена перспективами дальнейшего промышленного освоения Арктического пространства.

Основные результаты исследования

Проведенный анализ количественных и качественных параметров образа жизни коренного малочисленного населения прибрежных районов Арктической зоны Якутии показывает, что в прибрежных районах Арктической зоны Республики Саха (Якутия) формируется геокультура развития. Ее начало было положено этапом советизации культурной жизни населения, в данное время реализуется постсоветская модель. Отмечается, что темпы внедрения советской системы хозяйствования были значительно более высокими по сравнению с нынешним периодом. Частные предприятия и предпринимательская инициатива не получили за более чем четверть века существенного развития среди представителей коренного малочисленного населения Севера. Большинство пастбищных угодий находятся в муниципальной собственности. Ключевым драйвером изменений советского периода можно считать роль идеологии и командной системы управления.

Современный образ жизни коренных малочисленных народов Севера, проживающих в прибрежных Арктических районах Республики Саха (Якутия), включает значительный компонент культуры других этнических групп. В частности, на 100% произошло замещение языка,

от 25 до 50% - замещение культуры потребления продуктов питания, практически на 50% - замещение культуры использования одежды. Экономическая жизнедеятельность семьи основана на советской сельскохозяйственной модели, где основную часть дохода семьи составляет работа на государственных предприятиях и организациях бюджетной сферы.

Взаимодействие коренного населения с природой и владение землей имеют высокие темпы сокращения возможностей, гораздо более интенсивные, чем в советское время. При этом геокультура развития постсоветской модели формируется в условиях более высокого уровня самосознания и этнического самоопределения. Несмотря на утрату языка и глубокую ассимиляцию с якутским этносом коренные малочисленные народы Севера имеют четко выраженное понимание своей роли и места в истории и намерены защищать свои интересы для восстановления баланса утраченного равновесия. Геокультура развития привела этнические меньшинства Арктики в тупиковое положение, выход из которого видится только в способности местной элиты установить правильный диалог с государством и компаниями-недропользователями.

Литература

1. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Арктическая философия саха (якутов) в интерпретации М.Е. Николаева// Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». - №4, 2015, С. 58–66.
2. Даниэль Шартье. Что такое воображение Севера?// Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования. АГИКИ. – Москва. 2018. С.17
3. Наше общее будущее//Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития. Генеральная Ассамблея ООН.- 42 сессия, 4 августа 1987 – Электронный ресурс. Режим доступа - <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> - дата обращения 12.12.2018
4. Итоговая общественная резолюция по вопросам социально-экономического развития Арктической зоны РФ//VII Международный форум «Арктика: настоящее и будущее». МСО «Ассоциация полярников». - Санкт-Петербург. 2017
5. Указ Президента РФ «О сухопутных территориях Арктической зоны РФ» от 2 мая 2014

г. № 296. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-02052014-n-296> - Дата обращения: 10.12.2018

6. Н.Смирнов. Метагеография. Ориентирование в пространствах// Метагеография: пространство-образ-действие. Каталог выставки.- М., 2016, С.42

7. Н.А.Смирнов. Композиция геокультур Арктики: новые основания геокультурного анализа// Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования. АГИКИ. – Москва. 2018. С.47-49

8. Gail Fondahl, Susan Crate, Victoria Filippova. Case: Sakha Republic (Yakutia), Russian Federation/ / Arctic social indicators. ASI-II. Implementation. Nordic Council of Ministers. Denmark. - 2014

9. Паспорт Булунского национального (эвенкийского) наслега 2016// Электронный ресурс.- Режим доступа: <http://old.sakha.gov.ru/node/10360>. - Дата обращения: 10.12.2018

10. Данные СахаЯкутиястат. - Режим доступа http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst98

Семья и замещающая семья как категории социологического знания

Смак Т.С.

В статье представлен сравнительный анализ понятий семья и замещающая семья. Автор рассматривает существующие подходы к определению термина «замещающая семья» в контексте социологии, приводит существующие критерии для анализа понятий и дополняет их. Приводится и обосновывается авторское определение понятия «замещающая семья».

Ключевые слова: семья, замещающая семья, социология, социальная группа, социология семьи.

Smak T.S.

Family and the replacing family as categories of sociological knowledge. The article presents a comparative analysis of the concepts of family and substitute family. The author examines the existing approaches to the definition of the term «substitute family» in the context of sociology, gives the existing criteria for the analysis of concepts and complements them. The author's definition of the concept "substitute family" is given and justified.

Key words: family, substitute family, sociology, social group, family sociology.

Замещающая семья является предметом изучения разных наук и практических дисциплин. Прежде всего, это правовые дисциплины, педагогика, психология, социальная работа. Несмотря на то, что замещающая семья представляет интерес для многих наук, можно утверждать, что каждая из представленных дисциплин сосредоточена на одном из аспектов замещающей семьи. Психология изучает мотивационную сферу кандидатов в замещающие родители, сопровождение семьи, занимается диагностикой состояния детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, их реабилитацией. Юриспруденция делает акцент на правовых основах функционирования замещающей семьи, правах и обязанностях сторон. Социология же рассматривает замещающую семью не только комплексно как институт общества, охватывая его функции, элементы, субъекты, историю становления, но и как малую социальную группу, а также как ценность. Исследование замещающей семьи в социологии с точки зрения методологии основано, прежде всего, на такой категории как «семья». Семья – сложное, разностороннее явление, имеющее историю, практически равную истории человечества. Это обусловило многообразие существующих подходов к изучению семьи.

Само понятие «семья» до сих пор вызывает разногласия у авторов. Одни делают акцент на функциях семьи, другие на первичности брачной пары, третьи склоняются к тому, что в основе определения семьи лежит совместное ведение хозяйства. Демографический энциклопедический словарь 1985 г. предлагает следующее определение: «Семья – это основанное на браке или кровном родстве объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью» [3].

Энциклопедия «Народы и религии мира» описывает семью более детально, но достаточ-

но спорно такое определение на сегодняшний взгляд: «Семья – это минимальное социальное объединение, основывающееся на связях по браку, кровному родству или каких-то иных отношениях (например, неформализованных половых) и существующее во всех человеческих обществах. Семья характеризуется обязательной взаимопомощью, по существу обеспечивающей социальное существование людей (единственная универсальная характеристика и функция семьи). В рамках семьи обычно, но не обязательно, осуществляются воспроизводство, воспитание и, частично, социализация новых поколений. Совместное проживание и наличие общего имущества – типичные, но не универсальные признаки семьи. Как правило, семья формирует эмоциональную близость между входящими в неё людьми и взаимное чувство защищённости» [4].

Отечественные социологи делают важное дополнение относительно изменчивости форм семьи в зависимости от времени и культуры. А.Г. Харчев пишет, что семья – это «обладающая исторически определенной организацией малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, и социальной необходимостью, которая обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [7].

Сложность и универсальность понятия «семья» обуславливает многообразие подходов, как к определению понятия, так и к методам ее исследования. Однако необходимость выработки единого универсального для социологии понятия семьи стоит под вопросом. Целесообразным кажется применение определения семьи в зависимости от теоретико-методологического подхода к ее изучению: семья как ценность, как группа, как культурно-историческая форма передачи знаний и пр.

Несмотря на то, что замещающая семья в социологии рассматривается через концепт семьи, существуют различия между этими близкими понятиями. Д. Уайт выделяет четыре критерия семьи: продолжительность существования группы, поколенность, построение отношений на биологической и юридической основе, связь с расширенной системой родственников [9]. Автор считает необходимым добавить

еще несколько критериев, показывающих различия сравниваемых категорий.

1. Продолжительность существования группы (по Д. Уайту). Данный критерий обуславливает прямое различие между семьей и замещающей семьей. Принадлежность к биологической семье определяется с момента рождения. Продолжительность существования семьи – в течение всей жизни (родители, дети всегда состоят в отношениях, даже в ситуации лишения родительских прав биологически мать и ребенок остаются таковыми). Замещающая семья в зависимости от формы устройства детей, может быть сформирована как на длительный (усыновление), так и на короткий промежуток времени, например, до наступления совершеннолетия ребенка.

2. Поколенность (по Д. Уайту). В типичной семье представлено несколько поколений, что обуславливает ее разновозрастной состав, способствует сохранению и передаче культурного и социального опыта. В замещающей семье принимаемый ребенок лишен связи с семьей, не имеет бабушек, дедушек, замещающая семья является для него точкой отсчета семейных поколений. Даже если в замещающей семье присутствуют представители старшего поколения, они не были с ребенком на протяжении его развития (если речь не идет о новорожденном ребенке).

3. Основание для построения отношений (по Д. Уайту). Семья существует за счет института брака и рождения детей, даже если брак не зарегистрирован, фактически является сожительством, он подразумевает реализацию тех же функций, что и брак и основан на отношениях пары. В основании замещающей семьи лежат юридические, правовые основы.

4. Связь с расширенной системой родственников (по Д. Уайту). Семья, как правило, образует расширенные связи с родственниками на основе родства или брака. В случае замещающей семьи ребенок становится элементом системы родственных отношений на определенный период (за исключением усыновления).

5. Открытость (авторский критерий). Автор считает необходимым выделение данного критерия для сравнения изучаемых категорий. Семья в норме является закрытой социальной группой; необходимость участия специалистов или их привлечение происходит по необходимости

в критические моменты — насилие над детьми, социально опасное положение, то есть ситуации отклонения от нормы. Замещающая семья (кроме усыновления) является открытой системой, где участие специалистов, сопровождение является обязательной частью функционирования замещающей семьи.

6. Наличие несовершеннолетних детей (авторский критерий). Не обязательно наличие несовершеннолетних детей и детей в принципе; семьей является бездетная пара; пара, проживающая с родителями одного из супругов и пр. Замещающая семья предполагает наличие как минимум одного несовершеннолетнего ребенка. Несовершеннолетний ребенок, оставшийся без попечения родителей, является источником появления замещающей семьи.

7. Добровольность отношений (авторский критерий). Принадлежность к семье с позиции детско-родительских и иных кроме брачных отношений не является добровольной, это значит, что выбрать отца или мать, дочь или сына невозможно. Семья биологическая — это всегда данность. Отношения в замещающей семье в определенной степени добровольны; замещающие родители выбирают ребенка; если ребенок достаточно взрослый, он также может выразить свою волю по поводу предполагаемой замещающей семьи.

8. Обязательная подготовка (авторский критерий). В биологической семье отсутствует обязательная подготовка к родительству. Необходимый и обязательный элемент создания замещающей семьи на сегодняшний день — это обучение в «Школе приемных родителей», прохождение подготовительных курсов.

Таким образом, замещающая семья как социальный институт и как группа обладает своими отличительными особенностями, обуславливающими ее место в системе социологического знания. Мы видим, что сравниваемые понятия близки по своим функциям, но имеют значимые различия.

Само понятие «замещающая семья» сформировалось относительно недавно. Исторически форма заботы о детях-сиротах и детях, лишенных родительской заботы, существовала со времен появления цивилизованного общества в разных вариантах — опека, сиротские дома, усыновление, приемная семья и пр. Однако лишь в последние годы эти формы были объединены

термином «замещающая семья». Данный термин не является юридическим или официально закрепленным, но он получил широкое распространение в профессиональном и научном сообществе. В 2006 году вышла книга В.Н. Ослон «Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья» [5], в которой автор подробно рассматривает преимущества профессиональной замещающей семьи, обозначая ее как семью, где один или оба родителя получают зарплату за воспитание детей. Стоит так же отметить особенности замещающей семьи, которые выделил автор: субъектность, предметно-практический характер деятельности и институциональный характер: «...специфический институт воспитания ребенка, оставшегося без попечения родителей, образованный сложным взаимопроникновением антропологических и профессиональных элементов в воспитательную деятельность приемных родителей. Замещающая семья, как субъект воспитания приемного ребенка, выступает носителем предметно-практической деятельности, направленной на самоизменение себя как целостного сообщества, каждого своего члена, включая ребенка, лишенного родительского попечения» [5]. В 2009 году В.Н. Ослон выводит понятие замещающей семьи на уровень системности: «Замещающую семью мы рассматриваем как особый тип семейной системы, результат объединения базисной семьи и приемного ребенка в новое системное целое, обладающее собственными закономерностями становления и развития».

Е.К. Базарова под замещающей семьей подразумевает «любую семью, в которой ребенка воспитывают не кровные родители» [1]. При этом она разделяет замещающие семьи на основе их правового статуса на две группы: профессиональные и непрофессиональные. В первую группу входят усыновление и опека; во вторую — детский дом семейного типа, приемная семья, патронат, семейный центр, семейная группа воспитательного типа. Такой же позиции придерживаются и ряд других авторов, например, В.В. Скатова [6].

Г. И. Гайсина трактует понятие замещающей семьи как «любой тип семьи, принимающей на воспитание ребенка... форму жизнеустройства ребенка, утратившего связи с биологической семьей, которая наиболее приближена к

естественным условиям жизнедеятельности и воспитания, в результате чего она обеспечивает достаточно благоприятные условия для его индивидуального развития и социализации» [2]. Как следует из определения, замещающая семья формируется с целью оптимальной социализации ребенка, лишившегося попечения родителей. Стоит отметить, что автор определения делает акцент на потерю связи с кровной семьей.

Принципиальное дополнение к определению термина добавляет Н.А. Хрусталькова, подчеркивая такую особенность замещающей семьи, как прохождение специального обучения и открытости для специалистов [8].

Разделение замещающих семей основано на критерии возмездности услуг, продолжительности принятия ребенка и правового статуса формы принятия ребенка. Традиционно выделяют два типа замещающих семей: профессиональные и непрофессиональные. К непрофессиональным замещающим семьям относят усыновление и опеку; к профессиональным замещающим семьям принадлежат такие формы, как приемная семья, патронат, семейный центр, семейная воспитательная группа, детский дом семейного типа.

Таким образом, в современном научном сообществе существует несколько подходов к определению термина «замещающая семья»: как социальный институт; как обобщение форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; как группа лиц (включая и принятого на воспитание ребенка) со своими особенностями развития и функционирования – семейная система; как субъекта процесса воспитания. Исходя из этого, автор предлагает следующее определение термина: замещающая семья – это альтернативная государственному попечению система жизнеустройства детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, основанная на обязательной подготовке замещающих родителей и их взаимодействии со специалистами в интересах ребенка. Замещающую семью характеризуют ряд особенностей: продолжительность существования, отсутствие поколенности для принятого ребенка, отсутствие связи с расширенной системой биологических родственников ребенка, юриди-

ческие основания построения отношений между замещающими родителями и принятым ребенком, открытость для специалистов, наличие несовершеннолетних детей, добровольность отношений.

Таким образом, понимание различий в категориях семья и замещающая семья является необходимым элементом успешного и эффективного исследования замещающей семьи в контексте социологического знания.

Литература

1. Базарова Е. Б. Замещающая семья как институт социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей/// Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2011. №5.
2. Гайсина Г.И. Семейное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: российский и зарубежный опыт. /Г.И. Гайсина – Уфа: Издательская кампания «АСТАРТА», 2013. – 149 с.
3. Демографический энциклопедический словарь/ Гл. ред. Д. И. Валентей. – М.: Сов. энцикл., 1985. – 608 с.
4. Народы и религии мира / Гл. ред. В. А. Тишков. Редкол.: О. Ю. Артемова, С. А. Арутюнов, А. Н. Кожановский, В. М. Макаревич (зам. гл. ред.), В. А. Попов, П. И. Пучков (зам. гл. ред.), Г. Ю. Ситнянский. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 928 с.
5. Ослон В. Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006. 368 с.
6. Скатова В.В. Проблема функционирования института профессиональной замещающей заботы о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей//Вестник Томского государственного университета. 2008. №316. С.36
7. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1964. С. 57.
8. Хрусталькова Н.А. Современные подходы к организации педагогической работы с профессионально- замещающей семьей / Н.А. Хрусталькова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально- экономические и правовые исследования. – 2006. – №3. – С. 223
9. White, J.M., Klein, D.M., 2008, Ibid, p. 17-19.

Авторы

Барков Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. barkserg@live.ru

Борисов Владимир Викторович – аспирант, кафедра социологии, Северо-Кавказский федеральный университет, Институт образования и социальных наук, borisov.v@list.ru

Гаврилюк Артём Владимирович – аспирант, социологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, a.gavriljuk@mail.ru

Гомця Овсеп Арамаисович - кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования ФГБОУ ВО КубГУ, ovser86@mail.ru

Дзущев Хасан Владимирович – доктор социологических наук, профессор, руководитель Северо-Осетинским отделом социальных исследований Института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой социологии Северо-Осетинского госуниверситета им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ. khasan_dzutsev@mail.ru

Дибирова Аминат Паруковна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра исследований приграничных регионов Института социально-политических исследований РАН. dibirova59@mail.ru

Зубец Алексей Николаевич – доктор экономических наук, доцент, проректор по стратегическому развитию и практико-ориентированному образованию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Зубков Владимир Иванович - доктор социологических наук, профессор кафедры государственного управления и социальных технологий Института инженерной экономики и гуманитарных наук Московского авиационного института (национального исследовательского университета). v.zubkov@bk.ru

Иванов Роман Викторович – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: donwardrw@list.ru

Калачева Ирина Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций, Белорусский государственный университет, Факультет философии и социальных наук, irakalachova@mail.ru

Кравченко Альберт Иванович – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. kravchenkoai@mail.ru

Ли Жуньнань – аспирант, кафедра социологии организаций и менеджмента, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, freedomtxg@126.com

Малых Светлана Владимировна – доцент, кандидат исторических наук, Доцент кафедры русского языка и общего языкознания, Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутского государственного университета, Иркутск. lana.malyx@bk.ru

Мартыненко Евгений Владимирович - к.ю.н. доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, emartyненко@mail.ru

Мартыненко Станислав Евгеньевич - к.и.н., ст. преп. кафедры теории и истории международных отношений, Российского университета дружбы народов, badjo22@mail.ru

Миринова Юлия Германовна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии, Астраханского государственного университета, lysjakova@mail.ru

Мозолевский Владислав Бронюсович – аспирант, кафедра управления персоналом, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, VMozolevsky@yandex.ru

Мухаметзянова Лилия Касымовна – кандидат биологических наук, главный специалист научно-организационного отдела Академии наук Республики Татарстан, anrit@antat.ru

Новиков Алексей Викторович – доктор социологических наук, профессор, профессор Департамента социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Панова Александра Викторовна – переводчик 1 категории кафедры иностранных языков, Тюменский индустриальный университет, Тюмень. rapovaav@tyuiu.ru

Пархитко Николай Петрович - кандидат исторических наук, доцент Кафедра теории и истории журналистики Филологического факультета Российского университета дружбы народов, scharnchorst@mail.ru

Пензина Анастасия Игоревна - магистрант второго года обучения, кафедра теории и истории журналистики, Российского Университета Дружбы Народов, Ул. Миклухо-Маклая, anastasiyapenzina1703@gmail.com

Писарева Лариса Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики и управления развитием территорий Финансово-экономического института, Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Республика Саха (Якутия), pisareva@inbox.ru

Полюшкевич Оксана Александровна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск. okwook@mail.ru

Поплёвкин Николай Петрович – адъюнкт кафедры социологии, Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Obssss@mail.ru

Пружинин Александр Николаевич – магистр 1 курса направления государственное и муниципальное управление, Иркутский государственный университет, г. Иркутск; e-mail: alex.pruzhin@gmail.com

Решетникова Екатерина Владимировна – заведующая кафедрой социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, доцент, кандидат философских наук, Иркутск. reshetnikova_ekaterina80@mail.ru

Смак Татьяна Сергеевна – старший преподаватель, кафедра философии и социологии, Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, САФУ им. М.В. Ломоносова, smaktanya@gmail.com

Снежкова Ирина Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, snezhkova@mail.ru

Сунь Миньцин – канд. филол. наук, младший научный сотрудник центра изучения русской филологии и культуры Хэйлунцзянского университета, 2015002@hlju.edu.cn

Тихонова Татьяна Евгеньевна – аспирант РГГУ, tihonova@uszn-cao.ru

Тырнова Наталья Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Астраханского государственного университета

Фарахутдинов Шамиль Фаритович – доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень. fshamil@mail.ru

Хизбуллина Радмила Радиковна – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социологии, политологии и права» Казанского государственного энергетического университета, mine_post@inbox.ru

Храмова Надежда Андреевна – соискатель, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, факультет среднего профессионального образования, nadi3110@mail.ru

Шалыгина Наталья Валентиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Федеральное государственное бюджетное учреждение науки, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, etgender@mail.ru

Ширяева Валерия Александровна – старший преподаватель кафедры корпоративного управления Волгоградского института управления - филиала РАНХиГС, shirjaeva_v@mail.ru

Юртикова Надежда Владимировна - аспирантка кафедры истории и теории социологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. iurtikova@bk.ru

Юцкова Екатерина Валерьевна – кандидат медицинских наук, врач-невролог высшей категории, заведующая 12-м неврологическим отделением, Городская клиническая больница №1 им. Н. И. Пирогова. kate1970@mail.ru

